Петровский А.В., Ярошевский М.Г.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

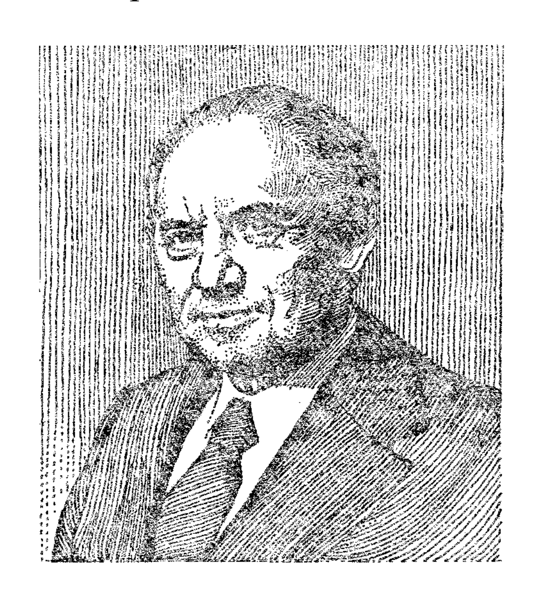
Том 1

Издательство «Феникс»
Ростов-на-Дону
1996

ПЕТРОВСКИЙ Артур Владимирович (1924 г. рождения), доктор психологических наук, профессор, академик Российской Академии образования. Заслуженный деятель науки РФ, с 1992 г. президент Российской Академии образования.

Автор книг по истории психологии, социальной психологии, психологии личности. Редактор и автор многократно переиздававшихся учебников по психологии для вузов. Его книги переведены на многие иностранные языки.

ЯРОШЕВСКИЙ Михаил Григорьевич (1915 г. рождения), доктор психологических наук, профессор, действительный член Нью-йоркской академии наук, почетный член РАО. Главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники Российской Академии Наук.

Автор свыше 20 монографий по проблемам теории и истории психологии, научного твор чества, развития личности человека науки. Соавтор (совместно с А.В. Петровским) учебников и словарей по психологии.

ББК 65.5
И 84

Художник О. Бабкин

Петровский А. В., Ярошевский М. Г.

История и теория психологии — Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс», 1996. - 416 с.

В работе представлен нетрадиционный подход к историческому развитию психологического познания, позволивший под новым углом зрения проследить эволюцию понятийных структур психологической науки, ее объясняющих принципов и проблем.

Этот подход реализуется благодаря ориентации на метод категориального анализа, цель которого выявить закономерный и системный характер преобразований научных знаний о психике.

И 4704010000 – без объявления ББК 65.5
4МО (03)-96

ISBN 5-85880-158-7

ОТ АВТОРОВ

Издавна известно, что без ретроспективного анализа научного знания необъяснимо его современное состояние. Любая из разрабатываемых ныне проблем имеет исторические корни. Обращение к ним необходимо, чтобы объяснить зарождение проблемы, выявить испытанные в практике ее исследования продуктивные решения, с одной стороны, тупиковые ходы — с другой. Поэтому исторический взгляд справедливо называют самосознанием науки, подобно тому, как самосознание личности формируется благодаря осмыслению ею своего прошлого.

Как известно, исторический подход требует такой реконструкции событий, которая была бы адекватна их смене в исторически необратимом времени. Без хронологии нет истории. Соответственно, любой способ изучения динамики научных представлений имеет своей предпо сылкой четкое очерчивание процесса перехода от одной эпохи в эволюции знаний о психике к другой. Узловые пункты этой эволюции освещены в первой части книги.

Процесс «перехода» детально рассматривался в предшествующих работах авторов. При характеристике же одного из периодов, а именно истории русской психологии в советскую эпоху, авторы, учитывая допущенную ими прежде односторонность, сочли необходимым уделить специальное внимание оценке тех деформаций, которые претерпела наука под давлением идеологических установок и запретов.

Без истории нет теории науки. Но, чтобы история науки служила теоретическому развитию и эффективной разработке актуальных проблем, саму историю следует подвергнуть особому теоретическому рассмотрению. Его предметом становится не само по себе содержание мысли (применительно к психологии в качестве такого содержания выступают различные психические процессы, функции, проявления активности личности, ее свойства и т.д.), а *сама эта научная мысль* в ее динамике, в переходе от одних способов исследования предметного содержания к другим.

Трансформация научной мысли происходит закономерно. При всем многообразии отдельных гипотез, моделей, фактов, обобщений, которые запечатлеваются различными психологическими направлениями и школами, в этой полифонии и многокрасочности представлена постоянно звучащая «мелодия». Она проходит через всю историю науки. Это есть логика ее развития. Она охватывает устойчивые структуры этого развития, служит его осью.

В работе представлен нетрадиционный подход к историческому развитию психологического познания, позволяющий под новым углом зрения проследить эволюцию понятийных структур психологической науки, ее объяснительных

принципов и проблем. Этот подход реализуется благодаря ориентации на метод категориального анализа, цель которого — выявить закономерный и системный характер преобразований научных знаний о психике. Тем самым история психологической науки смыкается с ее методологией.

Первое издание нашей книги подготовлено в рамках программы «Обновление гуманитарного образования в России» и вышло в свет в 1994 году под названием «История психологии».

«История и теория психологии» представляет собой существенно переработанную и дополненную новую книгу. Авторы благодарят Отделение психологии и возрастной психологии Российской академии образования и Московское отделение Психологического общества за ценные предложения, высказанные во время обсуждения книги на совместном заседании Отделения и Общества.

Профессор А.В. Петровский
Профессор М.Г. Ярошевский

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ВВЕДЕНИЕ

Глава 1

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Наука – особая форма знания

Одним из главных направлений работы человеческого духа является производство знания, обладающего особой ценностью и силой, а именно – научного. К его объектам относятся также и психические формы жизни. Представления о них стали складываться с тех пор, как человек, чтобы выжить, ориентировался в поведении на других людей, сообразуя с ними свое собственное.

С развитием культуры житейский психологический опыт своеобычно преломлялся в творениях мифологии (религии) и искусства. На очень высоком уровне организации общества, наряду с этими творениями, возникает отличный от них способ мыслительной реконструкции зримой действительности. Им и явилась наука. Ее преимущества, изменившие облик планеты, заданы ее интеллектуальным аппаратом, сложнейшая «оптика» которого, определяющая особое видение мира, в том числе психического, веками создавалась и шлифовалась многими поколениями искателей истины о природе вещей.

Теория и эмпирия

Научное знание принято делить на теоретическое и эмпирическое. Слово «теория» греческого происхождения. Оно означает систематически изложенное обобщение, позволяющее объяснять и предсказывать явления. Обобщение соотносится с данными опыта, или (опять же по-гречески) эмпирии, т.е. наблюдений и экспериментов, требующих прямого контакта с изучаемыми объектами.

Зримое, благодаря теории, «умственными очами» способно дать верную картину действительности, тогда как эмпирические свидетельства органов чувств – иллюзорную.

Об этом говорит вечно поучительный пример вращения Земли вокруг Солнца. В известных своих стихах «Движение», описывая спор отрицавшего движение софиста Зенона с киником Диогеном, великий Пушкин занял сторону первого.

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.

Зенон в своей известной апории «стадия» поставил проблему о противоречиях между данными наблюдения (самоочевидным фактом движения) и возникающей тео ретической трудностью (прежде чем пройти стадию – мера длины, – требуется пройти ее половину, но прежде этого – половину половины и т.д.), т.е. невозможно коснуться бесконечного количества точек пространства в конечное время.

Опровергая эту апорию молча (не желая даже рассуждать) простым движением, Диоген игнорировал Зенонов парадокс при его логическом решении. Пушкин же, вы ступив на стороне Зенона, подчеркнул великое преимущество теории напоминанием об «упрямом Галилее», благодаря которому за видимой, обманчивой картиной мира открылась реальная, истинная.

В то же время эта истинная картина, противоречащая тому, что говорит чувственный опыт, была создана, исходя из его показаний, поскольку использовались наблюдения перемещений Солнца по небосводу.

Здесь выступает еще один решающий признак научного знания – его опосредованность. Оно строится посредством присущих науке интеллектуальных операций, структур и методов. Это целиком относится и к научным представлениям о психике. На первый взгляд, ни о чем субъект не имеет столь достоверных сведений, как о фактах своей душевной жизни. (Ведь «чужая душа – потемки».) Причем такого мнения придерживались и некоторые ученые, согласно которым, психологию отличает от других дисциплин субъективный метод, или интроспекция («смотрение внутрь»), особое «внутреннее зрение», позволяющее человеку выделить элементы, из которых образуется структура сознания. Однако прогресс психологии показал, что, когда эта наука имеет дело с явлениями сознания, достоверное знание о них достигается благодаря объективному методу.

Именно он дает возможность косвенным, опосредованным путем преобразовать испытываемые индивидом со стояния из субъективных феноменов

в факты науки.

Сами по себе свидетельства самонаблюдения, или, иначе говоря, самоотчеты личности о своих ощущениях, пе реживаниях и т.п., — это «сырой» материал, который только благодаря его обработке аппаратом науки становится ее эмпирией. Этим научный факт отличается от житейского.

Сила теоретической абстракции и обобщений рационально осмысленной эмпирии открывает закономерную причинную связь явлений.

Для наук о физическом мире это всем очевидно. Опора на изученные ими законы этого мира позволяет предвосхищать грядущие явления, например, нерукотворные солнечные затмения и эффекты контролируемых людьми ядерных взрывов.

Конечно, психологии по своим теоретическим достижениям и практике изменения жизни далеко до физики. Ее явления неизмеримо превосходят физические по сложности и трудности познания. Великий физик Эйнштейн, знакомясь с опытами великого психолога Пиаже, заметил, что изучение физических проблем – это детская игра сравнительно с загадками детской игры.

Тем не менее и по поводу детской игры, как особой формы человеческого поведения, отличной от игр животных (в свою очередь, любопытного феномена), психология знает отныне немало. Изучая ее, она открыла ряд факторов и механизмов, касающихся закономерностей интеллектуального и нравственного развития личности, мотивов ее ролевых реакций, динамики социального восприятия и др.

Простое, всем понятное слово «игра» – это крошечная вершина гигантского айсберга душевной жизни, сопряженной с глубинными социальными процессами, исто рией культуры, «излучениями» таинственной человеческой природы.

Сложились различные теории игры, объясняющие посредством методов научного наблюдения и эксперимента ее многообразные проявления. От теории и эмпирии протянулись нити к практике, прежде всего педагогической (но не только к ней).

От предметного к деятельности

Наука – это и знание, и деятельность по его производству. Знание оценивается в его отношении к объекту. Деятельность — по вкладу в запас знаний.

Здесь перед нами три переменные: реальность, ее образ и механизм его порождения. Реальность – это объект, который посредством деятельности (по исследовательской программе) превращается в предмет знания. Предмет запечатлевается в научных текстах. Соответственно и язык этих текстов предметный.

В психологии он передает доступными ему средствами (используя свой

исторически сложившийся «словарь») информацию о психической реальности. Она существует сама по себе независимо от степени и характера ее реконструкции в научных теориях и фактах. Однако только благодаря этим теориям и фактам, изреченным на предметном языке, она выдает свои тайны. Человеческий ум разгадывает их не только в силу присущей ему исследовательской мотивации (любознательности), но и исходя из прямых запросов со стороны социальной практики. Эта практика в ее различных формах (будь то обучение, воспитание, лечение, организация труда и др.) проявляет интерес к науке лишь постольку, поскольку она способна сообщить отличные от житейского опыта сведения о психической организации человека, законах ее развития и изменения, методах диагностики индивидуальных различий и т.д.

Такие сведения могут быть восприняты практиками от ученых лишь в том случае, если переданы на предметном языке. Ведь именно его термины указывают на реалии психической жизни, с которыми имеет дело практика.

Но устремленная к этим реалиям наука передает, как мы уже отмечали, накапливаемое знание о них в своих особых теоретико-экспериментальных формах. Дистанция от них до жаждущей их использовать практики может быть очень велика.

Так, в прошлом веке пионеры экспериментального анализа психических явлений Э. Вебер и Г. Фехнер, изучая безотносительно к каким бы то ни было вопросам практики отношения между фактами сознания (ощущениями) и внешними стимулами, ввели в научную психологию формулу, согласно которой интенсивность ощущения прямо пропорциональна логарифму силы раздражителя.

Формула была выведена в лабораторных опытах, запечатлев общую закономерность. Конечно, никто в те времена не мог предвидеть значимость этих выводов для практики.

Прошло несколько десятилетий. Закон Вебера-Фехнера излагался во всех учебниках. Его воспринимали как некую чисто теоретическую константу, доказавшую, что таблица логарифмов приложима к деятельности человеческой. души.

В современной же ситуации зафиксированное этим законом отношение между психическим и физическим стало понятием широко используемым там, где нужно точно определить, какова чувствительность сенсорной системы (органа чувств), ее способность различать сигналы. Ведь от этого может зависеть не только эффективность действий организма, но само его существование.

Другой создатель современной психологии Г. Гельмгольц своими открытиями механизма построения зрительного образа создал теоретико-экспериментальный ствол многих ответвлений практической работы, в частности, в области медицины. Ко многим сферам практики (прежде всего, связанной с развитием детского мышления) проторялись пути от концепций Выготского, Пиаже и других исследователей интеллектуальных структур.

Авторы этих концепций экстрагировали предметное содержание

психологических знаний в общении с таким объектом, как человек, его поведение и сознание. Но и в тех случаях, когда объектом служила психика иных живых существ (в работах Э. Торндайка, И.П. Павлова, В. Келера и других), знанию, добытому в опытах над ними, предшествовали теоретические схемы, испытание которых на верность психической реальности имело своим результатом обогащение предмета психологической науки. Оно касалось факторов модификации поведения, приобретения организмом новых форм активности.

Обогащенное предметное поле науки стало почвой, быстро давшей ростки для практики выработки навыков, конструирования программ обучения и др.

Во всех этих случаях, идет ли речь о теории, эксперименте или практике, наука выступает в ее предметном измерении, проекцией которого служит предметный язык. Именно его терминами описываются расхождения между исследователями, ценность их вклада и т.п. И это естественно, поскольку, соотносясь с реальностью, они обсуждают вопросы о том, обоснована ли теория, точна ли формула, достоверен ли факт.

Между ними могут быть существенные расхождения. Например, между Сеченовым и Вундтом, Торндайком и Келером, Выготским и Пиаже. Но во всех ситуациях их мысль была направлена на определенное предметное содержание.

Нельзя объяснить, почему они расходились, не зная предварительно, по поводу чего они расходились (хотя, как мы увидим, этого недостаточно, чтобы объяснить смысл противостояний между лидерами различных школ и направлений). Иначе говоря, какой фрагмент психической реальности они из объекта изучения превратили в предмет психологии.

Вундт, например, направил экспериментальную работу на вычленение исходных «элементов сознания», понимаемых им как нечто непосредственно испытываемое. Сеченов же относил к предметному содержанию психологии не «элементы сознания», а «элементы мысли», под которыми понимались сочетания сенсомоторных актов, т.е. форма двигательной активности организма.

Торндайк описывал поведение как слепой отбор реакций, случайно оказавшихся удачными, тогда как Келер демонстрировал зависимость адаптивного поведения от понимания организмом смысловой структуры ситуации, Пиаже изучал эгоцентрическую (не адресованную другим людям) речь ребенка, видя в ней отражение «мечты и логики сновидения», а Выготский экспериментально доказал, что эта речь способна выполнять функцию организации действий ребенка соответственно «логике действительности».

Каждый из исследователей превращал определенный пласт явлений в предмет научного знания, включающего как описание фактов, так и их объяснение. И одно, и другое (и эмпирическое описание, и его теоретическое объяснение) представляют предметное «поле». Именно к нему относятся такие, например, явления, как двигательная активность глаза, обегающего контуры предметов, сопоставляющего их между собой и тем самым производящего операцию сравнения (Сеченов), беспорядочные движения кошек и низших

обезьян в экспериментальном (проблемном) ящике, из которого животным удается выбраться только после множества неудачных попыток (Торндайк), осмысленные, целенаправленные реакции высших обезьян, способных выполнять сложные экспериментальные задания, например, построить пирамиду, чтобы достать высоко висящую приманку (Келер), устные рассуждения детей наедине с собой (Пиаже), увеличение у ребенка количества таких рассуждений, когда он испытывает трудности в своей деятельности (Выготский). Эти феномены нельзя рассматривать как «фотографирование» посредством аппарата науки отдельных эпизодов неисчерпаемого многообразия психической реальности. Они явились своего рода моделями, на которых объяснялись механизмы человеческого сознания и поведения – его регуляции, мотивации, научения и др.

Предметный характер носят также (и, стало быть, выражаются в терминах предметного языка) теории, интерпретирующие указанные феномены (сеченовская рефлекторная теория психического, торндайковская теория «проб, ошибок и случайного успеха», келеровская теория «инсайта», пиажевская теория детского эгоцентризма, преодолеваемого в процессе социализации сознания, теория мышления и речи Выготского). Эти теории выступают как отчужденные от деятельности, приведшей к их построению, поскольку они призваны объяснять не эту деятельность, а независимую от нее связь явлений, реальное, фактическое положение вещей.

Научный вывод, факт, гипотеза соотносятся с объективными ситуациями, существующими на собственных основаниях, независимо от познавательных усилий чело века, его интеллектуальной экипировки, способов его деятельности – теоретической и экспериментальной. Между тем объективные и достоверные результаты достигаются субъектами, деятельность которых полна пристрастий и субъективных предпочтений. Так, эксперимент, в котором справедливо видят могучее орудие постижения природы вещей, может строиться исходя из гипотез, имеющих преходящую ценность. Известно, например, что внедрение эксперимента в психологию сыграло решающую роль в ее преобразовании по образу точных наук. Между тем ни одна из гипотез, вдохновлявших создателей экспериментальной психологии – Вебера, Фехнера, Вундта, – не выдержала испытания временем. Из взаимодействия ненадежных компонентов рождаются надежные результаты типа закона Вебера-Фехнера – первого настоящего психологического закона, который получил математическое выражение.

Фехнер исходил из того, что материальное и духовное представляют «темную» и «светлую» стороны мироздания (включая космос), между которыми должно быть строгое математическое соотношение.

Вебер считал,что различная чувствительность различных участков кожной поверхности объясняется ее разделенностью на «круги», каждый из которых снабжен одним нервным окончанием. Вундт выдвигал целую вереницу оказавшихся ложными гипотез – начиная от предположения о «первичных

элементах» сознания и кончая учением об апперцепции как локализованной в лобных долях особой психической силе, изнутри управляющей как внутренним, так и внешним поведением.

За знанием, которое воссоздает объект адекватно критериям научности, скрыта особая форма деятельности субъекта (индивидуального и коллективного).

Обращаясь к ней, мы оказываемся лицом к лицу с другой реальностью. Не с психической жизнью, постигаемой средствами науки, а с жизнью самой науки, имеющей свои собственные особые «измерения» и законы, для понимания и объяснения которых следует перейти с предметного языка (в указанном смысле) на другой язык.

Поскольку теперь перед нами наука выступает не как особая форма знания, но как особая система деятельности, назовем этот язык (в отличие от предметного) деятельностным.

Прежде чем перейти к рассмотрению этой системы, отметим, что термин «деятельность» употребляется в различных идейно-философских контекстах. Поэтому с ним могут соединяться самые различные воззрения — от феноменологических и экзистенциалистских до бихевиористских и информационных «моделей человека». Особую осторожность следует проявлять в отношении термина «деятельность», вступая в область психологии. Здесь принято говорить и о деятельности как орудийном взаимодействии организма со средой, и об аналитико-синтетической деятельности мысли, и о деятельности памяти, и о деятельности «малой группы» (коллектива) и т.д.

В научной деятельности, поскольку она реализуется конкретными индивидами, различающимися по мотивации, когнитивному стилю, особенностям характера и т.д., конечно, имеется психический компонент. Но глубоким заблуждением было бы редуцировать ее к этому компоненту, объяснять ее в терминах, которыми оперирует, говоря о деятельности, психология.

Она рассуждает о ней, как явствует из сказанного, на предметном языке. Здесь же необходим поворот в другое измерение.

Поясним простой аналогией с процессом восприятия. Благодаря действиям глаза и руки конструируется образ внешнего предмета. Он описывается в адекватных ему понятиях о форме, величине, цвете, положении в пространстве и т.п. Но из этих данных, касающихся внешнего предмета, невозможно извлечь сведений об устрой стве и работе органов чувств, снявших информацию о нем. Хотя, конечно, без соотнесенности с этой информацией невозможно объяснить анатомию и физиологию этих органов.

К «анатомии» и «физиологии» аппарата, конструирующего знание о предметном мире (включая такой предмет, как психика) и следует обратиться, переходя от науки как предметного знания к науке как деятельности.

Научная деятельность в системе трех координат

Всякая деятельность субъективна. Вместе с тем она всегда социальна, ибо ее субъект действует под жестким диктатом социальных норм. Одна из них требует производить такое знание, которое бы непременно получило признание в качестве отличного от известного запаса представлений об объекте, то есть было мечено знаком новизны. Над ученым неизбывно тяготеет «запрет на повтор».

Таково социальное предназначение его дела. Общественный интерес сосредоточен на результате, в котором «погашено» все, что его породило. Однако при высокой новизне этого результата интерес способна вызвать личность творца и многое с ней сопряженное, хотя бы оно и не имело прямого отношения к его вкладу в фонд знаний.

Об этом свидетельствует популярность биографических портретов людей науки и даже их автобиографических записок, куда занесены многие сведения об условиях и своеобразии научной деятельности и ее психологических «отсветов».

Среди них выделяются мотивы, придающие исследовательскому поиску особую энергию и сосредоточенность на решаемой задаче, во имя которой «забываешь весь мир», а также такие психические состояния, как вдохновение, озарение, «вспышка гения».

Открытие нового в природе вещей переживается личностью как ценность, превосходящая любые другие. От сюда и притязание на авторство.

Быть может, первый уникальный прецедент связан с научным открытием, которое легенда приписывает одному из древнегреческих мудрецов Фалесу (VII век до н.э.), предсказавшему солнечное затмение. Тирану, пожелавшему вознаградить его за открытие, Фалес ответил: *«Для меня было бы достаточной наградой, если бы ты не стал приписывать себе, когда станешь передавать другим то, чему от меня научился, а сказал бы, что автором этого открытия являюсь скорее я, чем кто-либо другой»*. В этой реакции сказалась превосходящая любые другие ценности и притязания социальная потребность в признании персонального авторства. Психологический смысл открытия (значимость для личности) оборачивался социальным (значимость для других, непременно сопряженная с оценкой обществом заслуг личности в отношении безличностного научного знания). Свой результат, достигнутый благодаря внутренней мотивации, а не «изготовленный» по заказу других, адресован этим другим, признание которыми успехов индивидуального ума переживается как награда, превосходящая любые другие.

Этот древний эпизод иллюстрирует изначальную социальность личностного «параметра» науки как системы деятельности. Он затрагивает вопрос о восприятии научного открытия в плане отношения к ему общественной среды – макросоциума.

Но исторический опыт свидетельствует, что социальность науки как

деятельности выступает не только при обращении к вопросу о восприятии знания, но и к вопросу о его производстве. Если вновь обратиться к древним временам, то фактор коллективности производства знаний уже тогда получил концентрированное выражение в деятельности исследовательских групп, которые принято называть школами.

Многие психологические проблемы, как мы увидим, открывались и разрабатывались именно в этих школах, ставших центрами не только обучения, но и творчества. Научное творчество и общение нераздельны. Менялся от одной эпохи к другой тип их интеграции. Однако во всех случаях общение выступало неотъемлемой координатой науки как формы деятельности.

Ни одной строчки не оставил Сократ, но он создал «мыслильню» – школу совместного думания, культивируя искусство майевтики («повивального искусства») как процесс рождения в диалоге отчетливого и ясного знания.

Мы не устаем удивляться богатству идей Аристотеля, забывая, что им собрано и обобщено созданное многими исследователями, работавшими по его программам. Иные формы связи познания и общения утвердились в средневековье, когда доминировали публичные диспуты, шедшие по жесткому ритуалу (его отголоски звучат в проце дурах защиты диссертаций). Им на смену пришел непринужденный дружеский диалог между людьми науки в эпоху Возрождения.

В новое время с революцией в естествознании возникают и первые неформальные объединения ученых, созданные в противовес официальной университетской науке. Наконец, в XIX веке возникает лаборатория как центр исследований и очаг научной школы.

«Сейсмографы» истории науки новейшего времени фиксируют «взрывы» научного творчества в небольших, крепко спаянных группах ученых. Энергией этих групп были рождены такие радикально изменившие общий строй научного мышления направления, как квантовая механика, молекулярная биология, кибернетика.

Ряд поворотных пунктов в прогрессе психологии определила деятельность научных школ, лидерами которых являлись В.Вундт, И.П.Павлов, З.Фрейд, К.Левин, Ж. Пиаже, Л.С. Выготский и другие. Между самими лидерами и их последователями шли дискуссии, служившие катализаторами научного творчества, изменявшими облик психологической науки. Они исполняли особую функцию в судьбах науки как формы деятельности, представляя ее коммуникативное «измерение».

Оно, как и личностное «измерение», неотчленимо от предмета общения — тех проблем, гипотез, теоретических схем и открытий, по поводу которых оно возникает и разгорается.

Предмет науки, как уже отмечалось, строится посредством специальных интеллектуальных действий и операций. Они, как и нормы общения, формируются исторически в тигле исследовательской практики. Подобно всем

другим социальным нормам, они заданы объективно, и индивидуальный субъект «присваивает» их, погружаясь в эту практику. Все многообразие предметного содержания науки в процессе деятельности определенным образом структурируется соответственно правилам, которые являются инвариантными, общезначимыми по отношению к этому содержанию.

Эти правила принято считать обязательными для образования понятий, перехода от одно мысли к другой, извлечения обобщающего вывода.

Наука, изучающая эти правила, формы и средства мысли, необходимые для ее эффективной работы, получила имя логики. Соответственно и тот параметр исследовательского труда, в котором представлено рациональное знание, следовало бы назвать логическим (в отличие от личностно-психологического и социального).

Однако логика обнимает любые способы формализации порождений умственной активности, на какие бы объекты она ни была направлена и какими бы способами их ни конструировала. Применительно же к науке как деятельности ее логико-познавательный аспект имеет свои особые характеристики. Они обусловлены природой ее предмета, для построения которого необходимы свои категории и объяснительные принципы.

Учитывая их исторический характер, обращаясь к науке с целью ее анализа в качестве системы деятельности, назовем третью координату этой системы – наряду с социальной и личностной – предметно-логической.

Логика развития науки

Термин «логика», как известно, многозначен. Но как бы ни расходились воззрения на логические основания познания, под ними неизменно имеются в виду всеобщие формы мышления в отличие от его содержательных характеристик.

Предметно-исторический подход к интеллектуальным структурам представляет особое направление логического анализа, которое должно быть отграничено от других направлений также и терминологически. Условимся называть его логикой развития науки, понимая под ней (как и в других логиках) и свойства познания сами по себе, и их теоретическую реконструкцию, подобно тому, как под термином «грамматика» подразумевается и строй языка, и учение о нем.

Основные блоки исследовательского аппарата психологии меняли свой состав и строй с каждым переходом научной мысли на новую ступень. В этих переходах и выступает логика развития познания как закономерная смена его фаз. Оказавшись в русле одной из них, исследовательский ум движется по присущему ей категориальному контуру с неотвратимостью, подобной выполнению предписаний грамматики или логики. Это можно оценить как еще один голос в

пользу присвоения рассматриваемым здесь особенностям научного поиска имени логики. На каждой стадии единственно рациональными (логичными) признаются выводы, соответствующие принятой детерминационной схеме. Для многих поколений до Декарта рациональными считались только те рассуждения о живом теле, в которых полагалось, что оно является одушевленным, а для многих поколений после Декарта – лишь те рассуждения об умственных операциях, в которых они выводились из свойств сознания как незримого внутреннего агента (хотя бы и локализованного в мозге).

Для тех, кто понимает под «логикой» только всеобщие характеристики мышления, имеющие силу для любых времен и предметов, сказанное даст повод предположить, что здесь к компетенции логики опрометчиво отнесено содержание мышления, которое, в отличие от его форм, действительно меняется, притом не только в масштабах эпох, но и на наших глазах. Это вынуждает напомнить, что речь идет об особой логике, именно о логике развития науки, которая не может быть иной, как предметно-исторической, а стало быть, во-первых, содержательной, во-вторых, имеющей дело со сменяющими друг друга интеллектуальными «формациями». Такой подход не означает смешения формальных аспектов с содержательными, но вынуждает с новых позиций трактовать проблему форм и структур научного мышления. Они должны быть извлечены из содержания в качестве его инвариантов.

Ни одно из частных (содержательных) положений Декарта, касающихся деятельности мозга, не только не выдержало испытания временем, но даже не было принято натуралистами его эпохи (ни представление о «животных духах» как частицах огнеподобного вещества, носящегося по «нервным трубкам» и раздувающего мышцы, ни представление о шишковидной железе как пункте, где «контачат» телесная и бестелесная субстанции, ни другие соображения). Но основная детерминистская идея о машинообразности работы мозга стала на столетия компасом для исследователей нервной системы. Считать ли эту идею формой или содержанием научного мышления? Она формальна в смысле инварианта, в смысле «ядерного» компонента множества исследовательских программ, наполнявших ее разнообразным содержанием от Декарта до Павлова. Она содержательна, поскольку относится к конкретному фрагменту действительности, который для формально-логического изучения мышления никакого интереса не представляет. Эта идея есть содержательная форма.

Логика развития науки имеет внутренние формы, т.е. динамические структуры, инвариантные по отношению к непрерывно меняющемуся содержанию знания. Эти формы являются организаторами и регуляторами работы мысли. Они определяют зону и направление исследовательского поиска в неисчерпаемой для познания действительности, в том числе и в безбрежном море психических явлений. Они концентрируют поиск на определенных фрагментах этого мира, позволяя их осмыслить посредством инструмента, созданного многовековьпй опытом общения с реальностью, вычерпывания из нее наиболее

значимого и устойчивого.

В смене этих форм, в их закономерном преобразовании и выражена логика научного познания – изначально историческая по своей природе. При изучении этой логики, как и при любом ином исследовании реальных процессов, мы должны иметь дело с фактами. Но очевидно, что здесь перед нами факты совершенно иного порядка, чем открываемые наблюдением за предметно-осмысленной реальностью, в частности психической. Это реальность обнажаемая, когда исследование объектов само становится объектом исследования. Это «мышление о мышлении», рефлексия о процессах, посредством которых только и становится возможным знание о процессах как данности, не зависимой ни от какой рефлексии.

Знание о способах построения знания, его источниках и границах издревле занимало философский ум, выработавший систему представлений о теоретическом и эмпирическом уровнях постижения действительности, о логике и интуиции, гипотезе и приемах ее проверки (верификация, фальсификация), особом языке (словарь и синтаксис) науки и т.д.

Конечно, этот изучаемый философией уровень организации мыслительной активности, кажущийся сравнительно с физическими, биологическими и тому подобными реалиями менее «осязаемым», ничуть не уступает им по степени реальности. Стало быть, и в отношении его столь же правомерен вопрос о фактах (в данном случае фактами являются теория, гипотеза, метод, термин научного языка и пр.), как и в отношении фактов так называемых позитивных областей знания. Однако, не оказываемся ли мы тогда перед опасностью удалиться в «дурную бесконечность», и после построения теоретических представлений по поводу природы научного познания мы должны заняться теорией, касающейся самих этих представлений, а эту новую «сверхтеорию», в свою очередь, превратить в предмет рефлексивного анализа еще более высокого уровня и т.д. Чтобы избежать этого, мы не видим иной возможности, как погрузиться в глубины исследовательской практики, в процессы, совершающиеся в мире истории, где и происходит зарождение и преобразование фактов и теорий, гипотез и открытий.

«Состоявшиеся» исторические реалии (в виде сменявших друг друга научных событий) являются той фактурой, которая, будучи независимой от конструктивных способностей ума, одна только может служить проверочным средством этих способностей, эффективности и надежности выстроенных благодаря им теоретических конструктов. Наивно было бы полагать, что само по себе обращение к историческому процессу может быть беспредпосылочным, что существуют факты истории, которые говорят «сами за себя», безотносительно к теоретическои ориентации субъекта познания. Любой конкретный факт возводится в степень научного факта в строгом смысле слова (а не только остается на уровне исходного материала для него) лишь после того, как становится ответом на предварительно заданный (теоретически) вопрос. Любые «наблюдения» за

историческим процессом (стало быть, и за эволюцией научной мысли), подобно наблюдениям за процессами и феноменами остальной действительности, непременно регулируются в различной степени осознаваемой концептуальной схемой. От нее зависят уровень и объемность отображения исторической реальности, возможность ее различных интерпретаций.

Имеется ли в таком случае опорный пункт, отправляясь от которого, интерпретации, о которых идет речь, приобрели бы высокую степень достоверности? Этот пункт следует искать не вне исторического процесса, а в нем самом.

Прежде чем к нему обратиться, следует выявить вопросы, которые в действительности регулировали исследовательский труд.

Применительно к психологическому познанию мы прежде всего сталкиваемся с усилиями объяснить, каково место психических (душевных) явлений в материальном мире, как они соотносятся с процессами в организме, каким образом посредством них приобретается знание об окружающих вещах, от чего зависит позиция человека среди других людей и т.д. Эти вопросы постоянно задавались не только из одной общечеловеческой любознательности, но под повседневным диктатом практики – социальной, медицинской, педагогической. Прослеживая историю этих вопросов и бесчисленные попытки ответов на них, мы можем извлечь из всего многообразия вариантов нечто стабильно инвариантное. Это и дает основание «типологизировать» вопросы, свести их к нескольким вечным, таким, например, как психофизическая проблема (каково место психического в материальном мире), психофизиологическая проблема (как соотносятся между собой соматические – нервные, гуморальные – процессы и процессы на уровне бессознательной и сознательной психики), психогностическая (от греческого «гнозис» – познание), требующая объяснить характер и механизм зависимостей восприятий, представлений, интеллектуальных образов от воспроизводимых в этих психических продуктах реальных свойств и отношений вещей.

Чтобы рационально интерпретировать указанные соотношения и зависимости, необходимо использовать определенные объяснительные принципы. Среди них выделяется стержень научного мышления – принцип детерминизма, т.е. зависимости любого явления от производящих его фактов. Детерминизм не идентичен причинности, но включает ее в качестве основной идеи. Он приобретал различные формы, проходил, подобно другим принципам, ряд стадий в своем развитии, однако неизменно сохранял приоритетную позицию среди всех регулятивов научного познания.

К другим регуляторам относятся принципы системности и развития. Объяснение явления, исходя из свойств целостной, органичной системы, одним из компонентов которой оно служат, характеризует подход, обозначаемый как системный. При объяснении явления исходя из закономерно претерпеваемых им

трансформаций опорой служит принцип развития. Применение названных принципов к проблемам позволяет накапливать их содержательные решения под заданными этими принципами углами зрения. Так, если остановиться на психофизиологической проблеме, то ее решения зависели от того, как понимался характер причинных отношений между душой и телом, организмом и сознанием. Менялся взгляд на организм как систему – претерпевали преобразования и представления и психических функциях этой системы. Внедрялась идея развития, и вывод о психике как продукте эволюции животного мира становился общепринятым.

Такая ж картина наблюдается и в изменениях, которые испытала разработка психогностической проблемы. Представление о детерминационной зависимости воздействий внешних импульсов на воспринимающие их устройства определяло трактовку механизма порождения психических продуктов и их познавательной ценности. Взгляд на эти продукты как элементы или целостности был обусловлен тем, мыслились ли они системно. Поскольку среди этих продуктов имелись феномены различной степени сложности (например, ощущения или интеллектуальные конструкты), внедрение принципа развития направляло на объяснение генезиса одних из других.

Аналогичная роль объяснительных принципов и в других проблемных ситуациях, например, когда исследуется, каким образом психические процессы (ощущения, мысли, эмоции, влечения) регулируют поведение индивида во внешнем мире и какое влияние, в свою очередь, оказывает само это поведение на их динамику. Зависимость психики от социальных закономерностей создает еще одну проблему – психосоциальную (в свою очередь распадающуюся на вопросы, связанные с поведением индивида в малых группах и по отношению к ближайшей социальной среде и на вопросы, касающиеся взаимодействия личности с исторически развивающимся миром культуры).

Конечно, и применительно к этим вопросам успешность их разработки зависит от состава тех объяснительных принципов, которыми оперирует исследователь – детерминизма, системности, развития. В плане построения реального действия существенно разнятся, например, подходы, представляющие это действие по типу механической детерминации (по типу рефлекса как автоматического сцепления центростремительной и центробежной полудуг), считающие его изолированной единицей, игнорирующей уровни его построения, и подходы, согласно которым психическая регуляция действия строится на обратных связях, предполагает рассмотрение его в качестве компонента целостной структуры и считает его перестраивающимся от одной стадии к другой.

Естественно, что не менее важно и то, каких объяснительных принципов мы придерживаемся и в психосоциальной проблеме: считаем ли детерминацию психосоциальных отношений человека качественно отличной от социального поведения животных, рассматриваем ли индивида в целостной социальной

общности или считаем эту общность производной от интересов и мотиваций индивида, учитываем ли динамику и системную организацию этих мотиваций в плане их поуровнего развития, а не только системного взаимодействия.

В процессе продвижения в проблемах на основе объяснительных принципов добывается знание о психической реальности, соответствующее критериям научности. Оно приобретает различные формы: фактов, гипотез, теорий, эмпирических обобщений, моделей и др. Этот уровень знания обозначим как теоретико-эмпирический. Рефлексия относительно этого уровня является постоянным занятием исследователя, проверяющего гипотезы и факты путем варьирования экспериментов, сопоставления одних данных с другими, построения теоретических и математических моделей, дискуссий и других форм коммуникаций.

Изучая, например, процессы памяти (условия успешного запоминания), механизмы выработки навыка, поведение оператора в стрессовых ситуациях, ребенка – в игровых и тому подобных, психолог не задумывается о схемах логики развития науки, хотя в действительности они незримо правят его мыслью. Да и странно, если бы было иначе, если бы он взамен того, чтобы задавать конкретные вопросы, касающиеся наблюдаемых явлений, стал размышлять о том, что происходит с его интеллектуальным аппаратом при восприятии и анализе этих явлений. В этом случае, конечно, их исследование немедленно бы расстроилось из-за переключения внимания на совершенно иной предмет, чем тот, с которым сопряжены его профессиональные интересы и задачи.

Тем не менее за движением его мысли, поглощенной конкретной, специальной задачей, стоит работа особого интеллектуального аппарата, в преобразованиях структур[1] которого представлена логика развития психологии.

Логика и психология научного творчества

Научное знание, как и любое иное, добывается посредством работы мысли. Но и сама эта работа благодаря усилиям древних философов стала предметом знания.

Тогда-то и были открыты и изучены всеобщие логические формы мышления как не зависимые от содержания сущности. Аристотель создал силлогистику — теорию, выясняющую условия, при которых из ряда высказываний с необходимостью следует новое.

Поскольку производство нового рационального знания является главной целью науки, то издавна возникла надежда на создание логики, способной

---

[1] *Эти структуры призвано выявить в потоке исторических событий особое направление исследований, ставящее своей целью категориальный анализ развития психологического познания (см. ниже).*

снабдить любого здравомыслящего человека интеллектуальной «машиной», облегчающей труд по добыванию новых результатов. Эта надежда воодушевляла великих философов эпохи научной революции XVII столетия Ф. Бэкона, Р. Декарта, Г. Лейбница. Их роднило стремление трактовать логику как компас, выводящий на путь открытий и изобретений. Для Бэкона таковой являлась индукция. Ее апологетом в XIX столетии стал Дж. Милль, книга которого «Логика» пользовалась в ту пору большой популярностью среди натуралистов. Ценность схем индуктивной логики видели в их способности предсказывать результат новых опытов на основе обобщения прежних. Индукция (индукция значит наведение) считалась мощным инструментом победно шествовавших естественных наук, получивших именно по этой причине название индуктивных. Вскоре, однако, вера в индукцию стала гаснуть. Те, кто произвел революционные сдвиги в естествознании, работали не по наставлениям Бэкона и Милля, рекомендовавшим собирать частные данные опыта с тем, чтобы они навели на обобщающую закономерность.

После теории относительности и квантовой механики мнение, будто индукция служит орудием открытий, окончательно отвергается. Решающую роль теперь отводят гипотетико-дедуктивному методу, согласно которому ученый выдвигает гипотезу (неважно, откуда она черпается) и выводит из нее положения, доступные контролю в эксперименте. Из этого было сделано заключение в отношении задач логики: она должна заниматься проверкой теорий с точки зрения их непротиворечивости, а также того, подтверждает ли опыт их предсказания.

Некогда философы работали над тем, чтобы в противовес средневековой схоластике, применявшей аппарат логики для обоснования религиозных догматов, превратить этот аппарат в систему предписаний, как открывать законы природы. Когда стало очевидно, что подобный план невыполним, что возникновение новаторских идей и, стало быть, прогресс науки обеспечивают какие-то другие способности мышления, укрепилась версия, согласно которой эти способности не имеют отношения к логике. Задачу последней стали усматривать не в том, чтобы обеспечить производство нового знания, но чтобы определить критерии научности для уже приобретенного. Логика открытия была отвергнута. На смену ей пришла логика обоснования, занятия которой стали главными для направления, известного как «логический позитивизм». Линию этого направления продолжил видный современный философ К. Поппер.

Одна из его глазных книг называется «Логика научного открытия». Название может ввести в заблуждение, если читатель ожидает увидеть в этой книге правила для ума, ищущего новое знание. Сам автор указывает, что не существует такой вещи, как логический метод получения новых идей или как логическая реконструкция этого процесса, что каждое открытие содержит «иррациональный элемент» или «творческую интуицию». Изобретение теории подобно рождению музыкальной темы. В обоих случаях логический анализ ничего объяснить не может. Применительно к теории его можно использовать

лишь с целью ее проверки – подтверждения или опровержения. Но диагноз ставится в отношении готовой, уже выстроенной теоретической конструкции, о происхождении которой логика судить не берется. Это дело другой дисциплины – эмпирической психологии.

Исследовательский поиск относится к разряду явлений, обозначаемых в психологии как «поведение, направленное на решение проблемы» (problem solving). Одни психологи полагали, что решение достигается путем «проб, ошибок и случайного успеха», другие – мгновенной перестройкой «поля восприятия» (так называемый инсайт), третьи – неожиданной догадкой в виде «ага-переживания» (нашедший решение восклицает: «Ага!»), четвертые – скрытой работой подсознания (особенно во сне), пятые – «боковым зрением» (способностью заметить важную реалию, ускользающую от тех, кто сосредоточен на предмете, обычно находящемся в центре всеобщего внимания) и т.д.[2]

Большую популярность приобретало представление об интуиции как особом акте, излучаемом из недр психики субъекта. В пользу этого воззрения говорили самоотчеты ученых, содержащие свидетельства о неожиданных разрывах в рутинной связи идей, об озарениях, дарящих новое видение предмета (начиная от знаменитой «Эврика!» Архимеда). Указывают ли, однако, подобные психологические данные на генезис и организацию процесса открытия?

Логический подход обладает важными преимуществами, коренящимися во всеобщности его постулатов и выводов, в их открытости для рационального изучения и проверки. Психология же, не имея по поводу протекания умственного процесса, ведущего к открытию, надежных опорных пунктов, застряла на представлениях об интуиции, или «озарении». Объяснительная сила этих представлений ничтожна, поскольку никакой перспективы для причинного объяснения открытия, а тем самым к фактов возникновения нового знания, они не намечают.

Если принять рисуемую психологией картину событий, которые происходят в «поле» сознания или «тайниках» подсознания перед тем, как ученый оповестит мир о своей гипотезе или концепции, то возникает парадокс. Эта гипотеза или концепция может быть принята только при ее соответствии канонам логики, т.е. лишь в том случае, если она выдержит испытание перед лицом строгих рациональных аргументов. Но «изготовленной» она оказывается средствами, не имеющими отношения к логике: интуитивными «прозрениями», «инсайтами», «ага-переживанием» и т.п. Иначе говоря, рациональное возникает как результат

---

[2] *В популярной литературе описываются различные эпизоды, с которыми предание связывает открытия. Эти эпизоды один американский автор объединил под формулой «три «B»». Имеются в виду начальные буквы английских слов: «Bath» (ванна, из которой выскочил Архимед) «Bus» (омнибус, на ступеньке которого Пуанкаре неожиданно пришло в голову решение трудной математической задачи) и «Bed» (постель, где физиологу Леви приснился опыт, доказывающий химическую передачу нервного импульса).*

действия внерациональных сил.

Главное дело науки – открытие законов. Но выходит, что ее люди вершат свое дело, не подчиняясь доступным рациональному постижению законам. Такой вывод следует из анализа рассмотренной нами ситуации, касающейся соотношения логики и психологии, неудовлетворенность которой нарастает в силу не только общих философских соображений, но и острой потребности в том, чтобы сделать более эффективным научный труд, ставший массовой профессией.

Необходимо вскрыть глубинные предметно-логические структуры научного мышления и способы их преобразования, ускользающие от формальной логики, которая не является ни предметной, ни исторической. Вместе с тем природа научного открытия не обнажит своих тайн, если ограничиться его содержательным логическим аспектом, оставляя без внимания два других – социальный и психологический, которые, в свою очередь, должны быть переосмыслены в качестве интегральных компонентов целостной системы.

Историк М. Грмек выступил со «Словом в защиту освобождения истории научных открытий от мифов». Среди этих мифов он выделил три:

1. Миф о строго логической природе научного рассуждения. Этот миф воплощен в представлении, сводящем научное исследование к практическому приложению правил и категорий классической логики, тогда как в действительности оно невозможно без творческого элемента, неуловимого этими правилами.

2. Миф о чисто иррациональном происхождении открытия. Он утвердился в психологии в различных «объяснениях» открытия интуицией или гением исследователя.

3. Миф о социологических факторах открытия. В данном случае имеется в виду так называемый экстернализм – концепция, которая игнорирует собственные за кономерности развития науки и пытается установить прямую связь между общественной ситуацией творчества ученого и результатами его исследований.

Эти мифы имеют общий источник: диссоциацию единой триады, образуемой тремя координатами приобретения знаний, о которых уже было сказано выше.

Чтобы преодолеть диссоциацию, необходимо воссоздать адекватную реальности целостную и объемную картину науки как деятельности. Это, в свою очередь, требует такого преобразования традиционных представлений о различных аспектах научного творчества, которое позволит продвинуться в направлении искомого синтеза. Центром преобразовательной работы должно стать изучение под новым углом зрения интеллектуальной структуры науки. Речь идет именно о ее структуре, а не о содержании, поскольку только на уровне форм мыслительной активности, ее схем могут быть прослежены устойчивые, инвариантные организаторы этой активности. Важнейшими среди этих инвариантов являются, во-первых, глобальные объяснительные принципы науки

(детерминизм, системность, развитие), во-вторых, проблемы, представляющие всю область психологии (психофизическая, психофизиологическая, психосоциальная и др.), и, в-третьих, категории как основные и наиболее устойчивые формы и регуляторы освоения неисчерпаемой психической реальности.

Принципы, проблемы и категории взаимосвязаны и разделяются только с целью разграничить в психологическом познании его различные составляющие.

Общение – координата науки как деятельности

Переход к объяснению науки как деятельности требует взглянуть на нее не только с точки зрения предметно-логического характера ее когнитивных структур. Дело в том, что они действуют в мышлении лишь тогда, когда «обслуживают» проблемные ситуации, возникающие в научном сообществе.

Говоря о социальной обусловленности жизни науки, следует различать несколько аспектов. Особенности общественного развития в конкретную эпоху преломляются сквозь призму деятельности научного сообщества (особого социума), имеющего свои нормы и эталоны. В нем когнитивное неотделимо от коммуникативного, познание – от общения. Когда речь идет не только о сходном осмыслении терминов (без чего обмен идей невозможен), но об их преобразовании (ибо именно оно совершается в научном исследовании как форме творчества), общение выполняет особую функцию. Оно становится креативным.

Общение ученых не исчерпывается простым обменом информацией. Иллюстрируя важные преимущества обмена идеями по сравнению с обменом товарами, Бернард Шоу писал: *«Если у вас яблоко и у меня яблоко, и мы обмениваемся ими, то остаемся при своих – у каждого по яблоку. Но если у каждого из нас по одной идее и мы передаем их друг другу, то ситуация меняется. Каждый сразу же становится богаче, а именно – обладателем двух идей».*

Эта наглядная картина преимуществ интеллектуального общения не учитывает главной ценности общения в науке как творческом процессе, в котором возникает «третье яблоко», когда при столкновении идей происходит «вспышка гения». Процесс познания предполагает трансформацию значений.

Если общение выступает в качестве непременного фактора познания, то информация, возникшая в научном общении, не может интерпретироваться только как продукт усилий индивидуального ума. Она порождается пересечением линий мысли, идущих из многих источников.

Говоря о производстве знания, мы до сих пор основной акцент делали на его категориальных регуляторах. Такая абстракция позволила выделить его предметно-логический (в отличие от формально-логического) аспект. Мы вели изложение безотносительно к взаимодействию, пересечению, дивергенции и

синтезу категориальных ориентаций различных исследователей.

Реальное же движение научного познания выступает в форме диалогов, порой весьма напряженных, простирающихся во времени и пространстве. Ведь исследователь задает вопросы не только природе, но также другим ее испытателям, ища в их ответах[3] информацию (приемлемую или неприемлемую), без которой не может возникнуть его собственное решение. Это побуждает подчеркнуть важный момент. Не следует, как это обычно делается, ограничиваться указанием на то, что значение термина (или высказывания) само по себе «немо» и сообщает нечто существенное только в целостном контексте всей теории. Такой вывод лишь частично верен, ибо неявно предполагает, что теория представляет собой нечто относительно замкнутое. Конечно, термин «ощущение», к примеру, лишен исторической достоверности, вне контекста конкретной теории, смена постулатов которой меняет и его значение.

В теории Вундта, скажем, ощущение означало элемент сознания, в теории Сеченова оно понималось как чувствование – сигнал, в функциональной школе как сенсорная функция, в современной когнитивной психологии как момент перцептивного цикла и т.д., и т.п.

Различное видение и объяснение одного и того же психического феномена определялось «сеткой» тех понятий, из которых «сплетались» различные теории. Можно ли, однако, ограничиться внутритеоретическими связями понятия, чтобы раскрыть его содержание? Дело в том, что теория работает не иначе, как сталкиваясь с другими, «выясняя отношения с ними». (Так, функциональная психология опровергала установки вундтовской школы, Сеченов дискутировал с интроспекционизмом и т.п.) Поэтому ее значимые компоненты неотвратимо несут печать этих взаимодействий.

Язык, имея собственную структуру, живет, пока он применяется, пока он вовлечен в конкретные речевые ситуации, в круговорот высказываний, природа которых диалогична.

Динамика и смысл высказываний не могут быть «опознаны» по структуре языка, его синтаксису и словарю. Нечто подобное мы наблюдаем и в отношении языка науки. Недостаточно воссоздать его предметно-логический словарь и синтаксис (укорененные в категориях), чтобы рассмотреть науку как деятельность. Следует соотнести эти структуры с «коммуникативными сетями», актами общения как стимуляторами преобразования знания, рождения новых проблем и идей.

Если И.П. Павлов отказался от субъективно-психологического объяснения реакций животного, перейдя к объективно-психологическому (о чем он оповестил

---

[3] *Конечно, эти ответы, формулируются не для него, но, вслушиваясь в них, он оказывается участником диалога, когда, опираясь на извлеченный из текстов ответ (который он не мог бы получить, если бы не обращался к этим текстам с собственным вопросом), не удовлетворяется им, а вступает в спор, приводит конраргументацию, продвигаясь тем самым в познании обсуждаемого предмета.*

в 1903 году Международный конгресс в Мадриде), то произош ло это в ответ на запросы логики развития науки, где эта тенденция наметилась по всему исследовательскому фронту. Но совершился такой поворот, как свидетельствовал сам ученый, после «нелегкой умственной борьбы». И была эта борьба, как достоверно известно, не только с самим собой, но и в ожесточенных спорах с ближайшими со трудниками.

Если В. Джеймс, патриарх американской психологии, прославившийся книгой, где излагалось учение о сознании, выступил в 1905 году на Международном психоло гическом конгрессе в Риме с докладом «Существует ли сознание?», то сомнения, которые он тогда выразил, были плодом дискуссий – предвестников появления бихевиоризма, объявившего сознание своего рода пережитком времен алхимии и схоластики.

Свой классический труд «Мышление и речь» Л.С. Выготский предваряет указанием, что книга представляет собой результат почти десятилетней работы автора и его сотрудников, что многое, считавшееся вначале правильным, оказалось прямым заблуждением.

Выготский подчеркивает, что он подверг критике Ж. Пиаже и В. Штерна. Но он критиковал и самого себя, замыслы своей группы (в которой выделялся покончивший с собой в возрасте около 20 лет Л.С. Сахаров, имя которого сохранилось в модифицированной им методике Аха). Впоследствии Выготский признал, в чем заключался просчет: *«...в старых работах мы игнорировали то, что знаку присуще значение»*[4].

Переход от знака к значению совершился в диалогах, изменивших исследовательскую программу Выготского, а тем самым и облик его школы.

Личность ученого, его программа и школа

Нами были рассмотрены две координаты науки как системы деятельности – когнитивная (воплощенная в логике ее развития) и коммуникативная (воплощенная в динамике общения). Они неотделимы от третьей координаты – личностной. Творческая мысль ученого движется в пределах «познавательных сетей» и «сетей общения».

Но она является самостоятельной величиной, без активности которой развитие психологии было бы чудом, а общение невозможно.

Коллективность исследовательского труда приобретает различные формы. Одной из них является научная школа. Понятие о ней неоднозначно, и под ее именем фигурируют различные типологические формы. Среди них выделяются: а) научно-образовательная школа; б) школа – исследовательский коллектив; в) школа как направление в определенной области знаний. Наука в качестве

[4] *Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 1, М., 1982, С.158.*

деятельности – это «производство» не только идей, но и людей. Без этого не было бы эстафеты знаний, передачи традиций, а тем самым и новаторства. Ведь каждый новый прорыв в непознанное возможен не иначе, как благодаря предшествующему (даже если последний опровергается).

Наряду с личным вкладом ученого социокультурная значимость его творчества оценивается и по критерию создания им школы. Так, говоря о роли И.М. Сеченова, его ближайший ученик М.Н. Шатерников отмечал в ка честве его главной заслуги то, что он *«с выдающимся успехом сумел привлечь молодежь к самостоятельной разработке научных вопросов и тем положил начало русской физиологической школе»*[5].

Здесь подчеркивается деятельность Сеченова как учителя, сформировавшего у тех, кому посчастливилось пройти его школу (на лекциях и в лаборатории), способность самостоятельно разрабатывать свои проекты, отличные от сеченовских. Но отец русской физиологии и объективной психологии создал не только научно-образовательную школу. В один из периодов своей работы – и можно точно указать те несколько лет, когда это происходило, – он руководил группой учеников, образовавших школу как исследовательский коллектив.

Такого типа школа представляет особый интерес в плане анализа процесса научного творчества. Ибо именно в этих обстоятельствах обнажается решающее значение исследовательской программы в управлении этим процессом. Программа является величайшим творением личности ученого, ибо в ней прозревается результат, который в случае ее успешного исполнения явится миру в образе открытия, дающего повод вписать имя автора в летопись научных достижений.

Разработка программы предполагает осознание ее творцом проблемной ситуации, созданной (не только для него, но для всего научного сообщества) логикой развития науки и наличием орудий, оперируя которыми, можно было бы найти решение.

Программа, относящаяся к нейрофизиологии, зародилась у Сеченова в связи с психологической задачей, касающейся механизма волевого акта. Открытие им в головном мозгу «центров, задерживающих рефлексы», принесло ему всеевропейскую славу. Открытие являлось его личным достижением (совершено оно в Париже, в лаборатории Клода Бернара, который не придал сеченовскому результату серьезного значения).

Но, вернувшись в Петербург, Сеченов стал трактовать свое открытие как компонент более общей программы по исследованию отношений между нервными центрами. Соответственно он мог теперь раздать своим ученикам различные фрагменты этой программы. Она стала объединяющим началом работы собравшейся вокруг него группы молодых исследователей. Через несколько лет,

---

[5] *См.: Шатерников М.Н. Биографический очерк И.М. Сеченова // Сеченов И.М. Избр. труды. М., 1935, С. 15.*

опираясь на эту программу, произвести новое знание более не удавалось, и школа как исследовательский коллектив распалась. Вчерашние ученики пошли каждый своим путем.

Вместе, с тем Сеченов стал учителем для следующих поколений исследователей нейрорегуляции поведения и в этом смысле лидером школы как направления в науке.

За появлением и исчезновением научных школ как исследовательских коллективов скрыта судьба их программ. Каждый из этих коллективов – это малая социальная общность, отличающаяся «лица необщим выражением». Различия между ними определяются программами. В каждой преломляются запросы предметной логики в той форме, в какой они «запеленгованы» интеллектуальной чувствительностью ее творца. Эти запросы, как отмечалось, динамичны, историчны.

Так, в годы становления психологии в качестве самостоятельной науки велик был авторитет школы Вундта. Ее программа получила имя структуралистской (главная проблема виделась в выявлении путем эксперимента элементов, из которых строится сознание). Но вскоре из школы вышли молодые психологи, предложившие новые исследовательские программы. Они стали лидерами школ, в деятельности которых наметился сдвиг к новой интерпретации предметной области психологии. (Таковой, например, выступила так называемая вюрцбургская школа с ее лидером – учеником Вундта – О. Кюльпе.)

Параллельно на смену структурализму пришел функционализм. Но его ждала сходная участь. Европейские ученики функционалиста Штумпфа разработали качественно новую программу. Она приобрела имя гештальт-теории. В США в кругу приверженцев функциональной школы родился «манифест» бихевиоризма.

И вюрцбургская школа, и берлинская школа гештальтистов были малыми научными группами. Каждая со стояла из нескольких человек. Между тем их последующее влияние на прогресс науки оказалось несравненно более значимым, чем вклад сотен других психологов, работавших в те же годы. Это было обусловлено эвристической силой их новаторских исследовательских программ.

Программы исполнялись коллективно, в чем проявлялась коммуникативная составляющая науки как деятельности. Но в них проявлялись и две другие составляющие этой системы: когнитивная и личностная. Смена программ отражала объективный рост знания.

Структурная школа сошла со сцены не из-за случайных обстоятельств, а закономерно, уступив место функциональной. Последняя, в свою очередь, утратив влияние, сменилась гештальтистской (а в США – бихевиористской). В смене программ, изменявших характер понимания, объяснения, анализа психических феноменов, действовал фактор, названный логикой развития науки. Но постичь вектор действия этой логики с тем, чтобы перевести «зов будущего» на язык

программы, способной работать, может только человек науки, подготовленный к этому своей жизнью, наделенный великим творческим потенциалом.

Исследовательская программа как организатор деятельности фокусирует в себе все три переменные: когнитивную, коммуникативную и личностную.

* * *

Трактовка трехаспектности науки как деятельности, исследовательской программы как структурной единицы этой деятельности и принципа категориального анализа, призванного реконструировать логику развития науки, впервые представлена и реализована в работах М.Г. Ярошевского, образующих методологическую канву этой книги.

Глава 2

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИЯ – ОСОБАЯ ОТРАСЛЬ ЗНАНИЯ

Термин «психология» древнегреческого происхождения. Он составлен из двух слов: «псюхе» — душа и «логос» — знание или изучение. Предложен же был Этот термин не в Древней Греции, внесшей бесценный вклад в наше понимание психической жизни, а в Европе в XVI веке. Мнения историков о том, кто изобрел слово «психология», расходятся. Одни считают его автором соратника Лютера Филиппа Меланхтона, другие – философа Гоклениуса, который применил слово «психология» в 1590 году для того, чтобы можно быть обозначить им книги ряда авторов. Это слово получило всеобщее признание после работ немецкого философа Христиана Вольфа, книги которого назывались «Рациональная психология» (1732) и «Эмпирическая психология» (1734). Учитель же Вольфа – Лейбниц пользовался еще термином «пневматология». До XIX века это слово не употреблялось ни в английской, ни во французской литературе.

Об использовании слова «психолог» (с ударением на последнем слоге) в русском языке говорит реплика Мефистофеля в пушкинской «Сцене из Фауста»: «Я психолог... о вот наука!..» Но в те времена психологии как отдельной науки не было. Психолог означал знатока человеческих страстей и характеров.

В XVI веке под «душой» и «логосом» понималось нечто иное, чем в период античности. Если бы, например, спросили у Аристотеля (у которого мы впервые находим не только разработанную систему психологических понятий, но и первый очерк истории психологии), к чему относится знание о душе, то его ответ существенно отличался бы от позднейших, ибо такое знание, с его точки зрения, имеет объектом любые биологические явления, включая жизнь растений, а также те процессы в челове ческом теле, которые мы сейчас считаем сугубо соматическими (вегетативными, «растительными»).

Еще удивительнее был бы ответ предшественников Аристотеля. Они понимали под душой движущее начало всех вещей, а не только организмов. Так, например, по мнению древнегреческого мудреца Фалеса, магнит притягивает другие тела потому, что обладает душой. Это учение о всеобщей одушевленности материи — гилозоизм — может показаться примитивным с точки зрения последующих успехов в познании природы, однако оно было крупным шагом вперед на пути от анимистического (мифологического) мышления к научному.

Гилозоизм видел в природе единое материальное целое, наделенное жизнью, понятой как способность ощущать, запоминать и действовать. Принцип монизма, выраженный в этом воззрении, делал его привлекательным для передовых мыслителей значительно более поздних эпох (Телезио, Дидро, Геккеля и других).

Анимизм же (от лат. «анима» – душа) каждую конкретную вещь наделял сверхъестественным двойником – душой. Перед взором анимистически мыслившего чело века мир выступал как скопление произвольно действующих душ. Элементы анимизма представлены, как отмечал Г.В. Плеханов, в любой религии. Анимистические донаучные взгляды на душу веками влияли на понимание человеческих мыслей, чувств, поступков. Эти рудименты дают о себе знать и в значительно более поздние времена в представлениях об обитающем в мозгу «внутреннем человеке» (скрывающемся под термином «душа», «сознание», «Я»), который воспринимает впечатления, размышляет, принимает решения и приводит в действие мышцы.

Господствовавшая в средние века религиозная идеология придала понятию о душе определенное мировоззренческое содержание (душа рассматривалась как бесплотная, нетленная сущность, переживающая бренное тело, служащая средством общения со сверхъестественными силами, испытывающая воздаяние за земные поступки и т.д.).

Именно это отнюдь не «языческое» содержание имплицитно было заложено в древнегреческом по своей этимологии слове «психология», когда оно впервые стало прилагаться к совокупности сведений о душевных явлениях. Нет ничего более ошибочного, как делать на этом основании вывод, будто человечество не знало тогда иных взглядов на психику и сознание, кроме религиозно-идеалистических. Царившая в университетах схоластическая философия (ее и представляли те, кто создал термин «психология») действительно подчинялась диктату церкви. Однако даже в пределах этой философии возникали, отражая запросы новой социальной практики, передовые идеи.

В борьбе с церковно-богословской концепцией души утверждалось самосознание рвавшейся из феодальных пут личности. Отношением к этой концепции определялся общий характер любого учения.

В эпоху Возрождения, когда студенты какого-нибудь университета хотели с первой лекции оценить профессора, они кричали ему: «Говорите нам о душе!» Наиболее важное в те времена могли рассказать о душе не профессора, кругозор которых был ограничен сочинениями античных авторов и комментариями к ним, а люди, представления которых не излагались ни в лекциях, ни в книгах, объединенных Гоклениусом под общим названием «Психология». Это были врачи типа Вивеса или Фракасторо, художники и инженеры типа Леонардо да Винчи, а позднее – Декарт, Спиноза, Гоббс и многие другие мыслители и натуралисты, не преподававшие в университетах и не претендовавшие на то, чтобы разрабатывать психологию. Длительное время по своему официальному статусу психология считалась философской (и богословской) дисциплиной. Иногда она фигурировала под другими именами. Ее называли ментальной философией (от лат. mental — психический), душесловием, пневматологией. Но было бы ошибочно представлять ее прошлое по книгам с этими заглавиями и искать ее корни в одной только

философии. Концентрация психологических знаний происходила на многих участках интеллектуальной работы человечества. Поэтому история психологии (до момента, когда она около ста лет назад начала вести свою историческую летопись в качестве самостоятельной экспериментальной науки) не совпадает с эволюцией философских учений о душе (так называемая метафизическая психология) или о душевных явлениях (так называемая эмпирическая психология).

Означает ли это, что в интересах научного прогресса, радикально изменившего объяснение явлений, некогда названных словом «душа», следует отказаться от терми на «психология», хранящего память об этом древнем слове-понятии?

Ответ на данный вопрос дал Л.С. Выготский: *«Мы понимаем исторически,* – писал он, – *что психология как наука должна была начаться с идеи души. Мы также мало видим в этом просто невежество и ошибку, как не считаем рабство результатом плохого характера. Мы, знаем, что наука как путь к истине непременно включает в себя в качестве необходимых моментов заблуждения, ошибки, предрассудки. Существенно для науки не то, что они есть, а то, что, будучи ошибками, они все же ведут к правде, что они преодолеваются. Поэтому мы принимаем имя нашей науки со всеми отложившимися в нем следами вековых заблуждений как живое указание на их преодоление, как боевые рубцы от ран, как живое свидетельство истины, возникающей в невероятно сложной борьбе с ложью»*[6].

Психологию на ее многовековом историческом пути считали наукой о душе, сознании, психике, поведении.

С каждым из этих глобальных терминов сочеталось различное предметное содержание, не говоря уже о конфронтации противоположных взглядов на него. Однако при всех расхождениях, сколь острыми бы они ни были, сохранялись общие точки, где пересекались различные линии мысли. Именно в этих точках «вспыхивали» искры знания как сигналы для следующего шага в поисках истины. Не будь этих общих точек, люди науки говори ли бы каждый на своем языке, непонятном для других исследователей этого предметного поля, будь то их современники, либо те, кто пришел после них.

Эти точки, ориентируясь на которые мы способны вернуть к жизни мысль былых искателей истины, назовем категориями и принципами психологического познания (см. ниже).

Информацию о прошлом психологии хранят не только сменявшие друг друга философские системы, но и история естественных наук (в особенности биологии), медицины, педагогики, социологии.

Объективная природа психики такова, что, находясь в извечной зависимости

---

[6] *Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 1, С. 429.*

от своих биологических оснований, она приобретает на уровне человека социальную сущность.

Поэтому ее причинное объяснение необходимо предполагает выявление ее обусловленности природными и общественно-историческими факторами. Исследуются же зти факторы не самой психологией, а соответствующими «сестринскими» науками, от успехов которых она неизменно зависит. Но и они, в свою очередь, зависят от нее, поскольку изучаемые ею явления и закономерности вопреки эпифеноменализму[7] играют важную роль в биологической и социальной жизни. Невозможно адекватно отобразить становление психологических проблем, гипотез, концепций, абстрагируясь от развития знаний о природе и обществе, а также игнорируя обширные области практики, связанные с воздействием на человека.

История науки – это особая область знания. Ее предмет существенно иной, чем предмет той науки, развитие которой она изучает. Следует иметь в виду, что об истории науки можно говорить в двух смыслах. История – это реально совершающийся во времени и пространстве процесс. Он идет своим чередом независимо от того, каких взглядов придерживаются на него те или иные индивиды.

Это же относится и к развитию науки. Как непременный компонент культуры она возникает и изменяется безотносительно к тому, какие мнения по поводу этого развития высказывают различные исследователи в различные эпохи и в различных, странах.

Применительно к психологии веками рождались и сменяли друг друга представления о душе, сознании, поведении. Воссоздать правдивую картину этой смены, выявить, от чего она зависела, и призвана история психологии.

Психология как наука изучает факты, механизмы и закономерности психической жизни. История же психологии описывает и объясняет, как эти факты и законы открывались (порой в мучительных поисках истины) человеческому уму. Итак, если предметом психологии является одна реальность, а именно реальность ощущений и восприятии, памяти и воли, эмоций и характера, то предметом истории психологии служит другая реальность, а именно – деятельность людей, занятых познанием психического мира.

Поскольку же знание является продуктом умственной работы, то обычно история психологии выступает как история научно-психологической мысли. Работа мысли в науке отличается от других способов осознания психической жизни (в религии, в искусстве, в сфере житейской мудрости и др.)

Наука имеет свои внутренние ресурсы, свой запас средств для проникновения в тайники психического. Из века в век они изменялись,

---

[7] *Эпифеноменализм – учение о том, что психические акты не имеют самостоятельной ценности и не являются причинными факторами поведения.*

совершенствовались. Эти средства образуют интеллектуальные структуры, которые можно назвать строем мышления. Смена одного строя другим происходит закономерно. Поэтому говорят об органическом росте знания, о том, что его история подвластна определенной логике. Никакая другая дисциплина, кроме истории психологии, эту логику, эту закономерность не изучает.

Так, в XVII веке сложилось представление об организме как своего рода машине, которая работает подобно помпе, перекачивающей жидкость. Прежде считалось, что действиями организма управляет душа – незримая бестелесная сила. Апелляция к бестелесным силам, правящим телами, была в научном смысле бесперспективной.

Это можно пояснить следующим сравнением. Когда в прошлом веке был изобретен локомотив, группе немецких крестьян, как вспоминает один философ, объяснили его механизм, сущность работы. Выслушав его внимательно, они заявили: «И все же в нем сидит лошадь». Раз в нем сидит лошадь, значит – все ясно. Сама лошадь в объяснении не нуждается. Точно так же обстояло дело и с теми учениями, которые относили действия человека за счет души. Если душа управляет мыслями и поступками — то все ясно. Сама душа в объяснении не нуждается. Прогресс же научного знания заключался в поиске и открытии реальных причин, доступных проверке опытом и логическим анализом. Научное знание – это знание причин явлений, фактов (детерминант), которые их порождают, что относится ко всем наукам, в том числе и психологии. Если вернуться к упомянутой научной революции, когда тело было освобождено от влияния души и стало объясняться по образу и подобию работающей машины, то это произвело переворот в мышлении. Результатом же явились открытия, на которых базируется современная наука. Так, французский мыслитель Декарт открыл механизм рефлекса. Не случайно наш великий соотечественник И.П. Павлов поставил около своей лаборатории бюст Декарта.

Причинный анализ явлений принято называть детерминистским (от лат. «детермино» — определяю). Детерминизм Декарта и его последователей был механистическим. Реакция зрачка на свет, отдергивание руки от горячего предмета и другие реакции организма, которые прежде ставились в зависимость от души, отныне объяснялись воздействием внешнего импульса на устройство нервной системы и ее ответным действием. Данной же схемой объяснялись простейшие чувства (зависящие от состояния организма), простейшие ассоциации (связи между различными впечатлениями) и другие функции организма, относимые к разряду психических.

Такой строй (стиль) мышления царил до середины XIX века. В этот период в развитии научной мысли произошли новые революционные сдвиги. Учение Дарвина коренным образом изменило объяснение жизни организма. Оно доказало зависимость всех его функций (в том числе психических) от наследственности, изменчивости и приспособления (адаптации) к внешней среде. Это был

биологический детерминизм, который пришел на смену механистическому.

Согласно Дарвину, естественный отбор безжалостно истребляет все, что не способствует выживанию организма. Из этого следовало, что и психика не могла бы возникнуть и развиться, если бы не имела реальной ценности в борьбе за существование. Но ее реальность можно было понимать по-разному. Можно было трактовать ее как исчерпывающе объяснимую теми же причинами (детерминантами), которые правят всеми другими биологическими процессами. Но можно было предположить, что она этими детерминантами не исчерпывается. Прогресс науки привел ко второму выводу.

Изучение деятельности органов чувств, скорости нервно-психических процессов, ассоциаций, чувствований и мышечных реакций, основанное на эксперименте и количественном измерении, позволило открыть особую психическую причинность. Тогда и возникла психология как самостоятельная наука.

Крупные изменения в строе мышления о психических явлениях произошли под влиянием социологии (Маркс, Дюркгейм). Изучение зависимости этих явлений от общественного бытия и общественного сознания существенно обогатило психологию. В середине XX века к новым идеям и открытиям привел стиль мышления, который можно условно назвать информационно-кибернетическим (поскольку он отразил влияние нового научного направления – кибернетики, с ее понятиями об информации, саморегуляции поведения системы, обратной связи, программирования и др.).

Стало быть, имеется определенная последовательность в смене «формаций» научного мышления. Каждая «формация» определяет типичную для данной эпохи картину психической жизни. Закономерности этой смены (преобразования одних понятий, категорий, интеллектуальных структур в другие) изучаются историей науки, и только ею одной. Такова ее первая уникальная задача.

Вторая задача, которую она призвана решать, заключается в том, чтобы раскрыть взаимосвязь психологии с другими науками. Подчеркивая единство науки, великий физик Макс Планк писал, что наука представляет собой внутренне единое целое. Ее разделение на отдельные отрасли обусловлено не столько природой вещей, сколько ограниченностью способности человеческого познания. В действительности существует непрерывная цепь от физики и химии через биологию и антропологию к социальным наукам, цепь, которая ни в одном месте не может быть разорвана, разве лишь по произволу.

Уже была отмечена зависимость успехов психологии от успешного развития механики, биологии, социологии, кибернетики. В свою очередь, ее достижения восприняли многие отрасли знания.

Еще одной проблемой, никем, кроме истории науки, не разрабатываемой, является выяснение зависимости процессов порождения и восприятия знаний (в нашем случае – знаний о психике) от социокультурного контекста, от идеологических влияний. Не выяснены, например, причины, по которым от

учения Демокрита сохранились лишь фрагменты (да и то известные из вторых рук), тогда как от Платона дошло чуть ли не полное собрание сочинений. Но не исключается, что в самом этом факте отразилось своеобразие борьбы различных людей вокруг вопросов, хотя и теоретических, но захватывающих их коренные земные интересы.

Существует легенда, будто Платон пытался уничтожить сочинения Демокрита[8], скупая их с этой целью. (А в те времена уничтожить произведения какого-нибудь автора было нетрудно).

Во всяком случае, Платон, заимствуя у Демокрита сведения, касающиеся природы, ни в одной из своих работ его, как указывает А.Ф. Лосев, не упоминает.

Если от прославленных авторов одной и той же эпохи в одном случае доходят, по существу, все труды, в другом, по существу, ничего не остается, то есть основания объяснять это не случайностью, а умышленными акциями против одного из них. Столкновение умов может превратиться в установку на истребление сочинений какого-либо автора или даже его самого. Вненаучные средства, как известно, пускались в ход не только в древние времена. Свободную мысль, естественно-научное исследование природы человека пытались приостановить кострами инквизиции, застенками, полицейскими мерами.

Разве не свидетельствует, например, об этом предписание Главного комитета по делам печати царской России «арестовать и подвергнуть судебному преследованию» книгу И.М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» как ведущую к «развращению нравов»?[9]

Борьбу непримиримых воззрений отражают и многие современные дискуссии.

Научные проблемы, идеи, теории зарождаются и трансформируются под влиянием потребностей общества, социальной практики. Так, новая наука, которая строилась на опыте, эксперименте, математике и объясняла мир из его собственных законов, а не исходя из божьей воли, возникла, когда рушились феодальные порядки, ставшие препятствием для развития производительных сил общества.

В наши дни научно-технический прогресс, сопряженный с революционными изменениями, которые произвели компьютеризация в материальном и духовном производстве, изменил, как было сказано, и стиль психологического мышления.

Из этого явствует и третья, решаемая только историей психологии, задача: изучить взаимоотношения между общественными запросами и научным творчеством как процессом, имеющим свою специфику.

Исторический анализ этой специфики позволяет проникнуть в лабораторию

---

[8] *Демокрит являлся автором множества работ, охватывающих различные области знания.*

[9] *Научное наследство. М., 1956. Т.3, С.64.*

исследовательского труда отдельной личности.

Здесь перед нами четвертая задача истории науки. За творческой личностью стоит целый мир мыслей, неповторимых переживаний, нескончаемых споров ученого с другими людьми и с самим собой, интеллектуальных радостей и поражений, незавершенных исканий и сбывшихся надежд. Приобщиться к этому миру – значит осознать гуманистическое, личностное начало науки.

Решая эти четыре задачи, история науки и определяет свой собственный предмет. Грубо говоря, этот предмет дан в системе трех координат: историологической (развитие знаний о психическом, опосредованное сменой стилей мышления), социальной (прежде всего отношения между наукой и обществом, а также между самими «обитателями» мира науки) и личностной (неповторимость творческих исканий отдельного ученого).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Глава 3

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ ПСИХОЛОГИИ

§ 1. Античная психология

Некогда студенты шутили, советуя на экзамене по любому предмету на вопрос о том, кто его впервые изучал, смело отвечать: «Аристотель». Этот древнегреческий философ и естествоиспытатель, живший в IV веке до н.э., заложил первые камни в основание многих дисциплин. Его по праву следует считать также отцом психологии как науки. Им был написан первый курс общей психологии «О душе». Кстати, касаясь предмета психологии, мы следуем в своем подходе к нему за Аристотелем. Сперва он изложил историю вопроса, мнения своих предшественников, объяснил отношение к ним, а затем, используя их достижения и просчеты, предложил свои решения.

Как бы высоко ни поднялась мысль Аристотеля, обессмертив его имя, за ним стояли поколения древнегреческих мудрецов. Притом не только философов-теоретиков, но и испытателей природы, натуралистов, медиков. Их труды – это предгорья возвышающейся в веках верши ны: учения Аристотеля о душе. Этому учению предшествовали революционные события в истории представлений об окружающем мире.

Анимизм

Переворот заключался в преодолении древнего анимизма (от лат. «анима» – душа, дух) — веры в скрытый за видимыми вещами сонм духов (душ) как особых «агентов» или «призраков», которые покидают человеческое тело с последним дыханием, а по некоторым учениям (например, знаменитого философа и математика Пифагора), являясь бессмертными, вечно странствуют по телам животных и растений. Древние греки называли душу словом «псюхе». Оно и дало позднее имя нашей науке.

В имени сохранились следы изначального понимания связи жизни с ее физической и органической основой (сравни русские слова: «душа, дух», и «дышать», «воздух»). Интересно, что уже в ту древнейшую эпоху, говоря о душе («псюхе»), люди как бы соединяли в единый комплекс присущее внешней природе (воздух), организму (дыхание) и психике (в ее последующем понимании). Конечно, в своей житейской практике они все это прекрасно различали. Когда знакомишься со знанием человеческой психологии по их мифам, не можешь не восхищаться тонкостью понимания ими стиля поведения своих богов, наделенных коварством, мудростью, мстительностью, завистью и иными качествами, которые придавал небожителям творец мифов – народ, познавший эту психологию в земной практике своего общения с ближними.

Мифологическая картина мира, где тела заселяются душами (их «двойниками» или призраками), а жизнь зависит от произвола богов, веками царила в общественном сознании.

Гилозоизм

Революцией в умах стал переход от анимизма к гилозоизму (от греч. слов, означающих: «материя» и «жизнь»). Весь мир – универсум, космос – мыслился отныне изначально живым. Границы между живым, неживым и психическим не проводилось. Все они рассматривались как порождение единой первичной материи (праматерии), и тем не менее это философское учение стало великим шагом на пути познания природы психического. Оно покончило с анимизмом (хотя он и после этого на протяжении столетий, вплоть до наших дней, находил множество приверженцев, считающих душу внешней для тела сущностью). Гилозоизм впервые поставил душу (психику) под общие законы естества.

Утверждался непреложный и для современной науки постулат об изначальной вовлеченности психических явлений в круговорот природы.

Гераклит и идея развития как закон (Логос)

Гилозоисту Гераклиту космос явился в образе «вечно живого огня», а душа («психея») — в образе его искорки. Все сущее подвержено вечному изменению: *«Наши тела и души текут, как ручьи»*. Другой афоризм Гераклита гласил: *«Познай самого себя»*. Но в устах философа это вовсе не означало, что познать себя – значит уйти в глубь собственных мыслей и переживаний, отвлекшись от всего внешнего. *«По каким бы дорогам ни шел, не найдешь границ души, так глубок ее Логос»*, — учил Гераклит.

Этот термин «логос», введенный Гераклитом, но применяемый поныне, приобрел великое множество смыслов. Но для него самого он означал закон, по которому «все течет», и явления переходят друг в друга. Малый мир (микрокосм)

отдельной души идентичен макрокосму всего миропорядка. Поэтому постигать себя (свою психею) – значит углубляться в закон (Логос), который придает вселенскому ходу вещей сотканную из противоречий и катаклизмов динамическую гармонию.

После Гераклита (его называли «темным» из-за трудности понимания и «плачущим», так как будущее чело вечества он считал еще страшнее настоящего) в запас средств, позволяющих читать «книгу природы» со смыслом, вошла идея закономерного развития всего сущего, в том числе «текущих, как ручьи» тел и душ.

Демокрит и идея причинности

Учение Гераклита о том, что от Закона (а не от произвола богов — властителей неба и земли) зависит ход вещей, перешло к Демокриту. Сами боги – в его изображении – не что иное, как сферические скопления огненных атомов. Человек также создан из различного сорта атомов, самые подвижные из них — атомы огня. Они образуют душу.

Единым и для души, и для космоса он признал не сам по себе закон, а закон, согласно которому нет беспричинных явлений, но все они – неотвратимый результат соударения атомов. Случайными кажутся события, причину которых мы не знаем.

Демокрит говорил, что хотя бы одно причинное объяснение готов был бы предпочесть царской власти над персами. (Персия была тогда сказочно богатой страной.) Впоследствии принцип причинности назвали детерминизмом. И мы увидим, как именно благодаря ему добывалось по крупице научное знание о психике.

Гиппократ и учение о темпераментах

Демокрит дружил со знаменитым медиком Гиппократом. Для медика важно было знать устройство живого организма, причины, от которых зависят здоровье и болезнь. Определяющей причиной Гиппократ считал пропорцию, в которой смешаны в организме различные «соки» (кровь, желчь, слизь). Пропорция в смеси была названа темпераментом. И с именем Гиппократа связывают дошедшие до наших дней названия четырех темпераментов: сангвинический (преобладает кровь), холерический (желтая желчь), меланхолический (черная желчь), флегматический (слизь). Для будущей психологии этот объяснительный принцип при всей его наивности имел очень важное значение. Недаром названия темпераментов сохранились поныне. Во-первых, на передний план ставилась гипотеза, согласно которой бесчисленные различия между людьми умещались в несколько общих картин поведения. Тем самым Гиппократ положил начало

научной типологии, без которой не возникли бы современные учения об индивидуальных различиях между людьми. Во-вторых, источник и причину различий Гиппократ искал внутри организма. Душевные качества ставились в зависимость от телесных.

О роли нервной системы в ту эпоху еще не знали. Поэтому типология являлась, говоря нынешним языком, гуморальной (от лат. «гумор» – жидкость). Следует, впрочем, заметить, что в новейших теориях признается теснейшая связь между нервными процессами и жидкими средами организма, его гормонами (греческое слово, означающее то, что возбуждает). Отныне и медики, и психологи говорят о единой нейрогуморальной регуляции поведения.

Анаксагор и идея организации

Афинский философ Анаксагор не принял ни гераклитово воззрение на мир как огненный поток, ни демокритову картину атомных вихрей. Считая природу состоящей из множества мельчайших частиц, он искал в ней начало, благодаря которому из беспорядочного скопления и движения этих частиц возникают целостные вещи. Из хаоса – организованный космос. Он признал таким началом «тончайшую вещь», которой дал имя «нус» (разум). От того, какова степень его представленности в различных телах, зависит их совершенство. *«Человек,* — говорил Анаксагор, – *является самым разумным из животных вследствие того, что имеет руки»*. Выходило, что не разум определяет преимущества человека, но его телесная организация определяет высшее психическое качество — разумность.

Все три принципа, утвержденные философами, о которых шла речь (Гераклитом, Демокритом, Анаксагором), создавали главный жизненный нерв будущего научного способа осмысления мира, в том числе и научного познания психических явлений. Какими бы извилистыми путями ни шло это познание в последующие века, оно имело своими регуляторами три идеи: закономерного развития, причинности и организации (системности). Открытые две с половиной тысячи лет назад объяснительные принципы стали на все времена основой объяснения душевных явлений.

“Софисты”: поворот от природы к человеку

Новую особенность этих явлений открыла деятельность философов, названных софистами — «учителями мудрости». Их интересовала не природа с ее не зависящими от человека законами, но сам человек, которого первый софист Протагор назвал «мерой всех вещей». Впоследствии кличка «софист» стала применяться к лжемудрецам, которые с помощью различных уловок выдают мнимые доказательства за истинные. Но в истории психологического познания деятельность софистов открыла новый объект: отношения между людьми с

использованием средств, призванных доказать и внушить любое положение, независимо от его достоверности.

В связи с этим детальному обсуждению были подвергнуты приемы логических рассуждении, строение речи, характер отношений между словом, мыслью и воспринимаемыми предметами. Как можно что-либо передать посредством языка, спрашивал софист Горгий, если его звуки ничего общего не имеют с обозначаемыми ими вещами? И это не софизм в смысле логического ухищрения, а реальная проблема. Она, как и другие вопросы, обсуждавшиеся софистами, подготавливала развитие нового направления в понимании души. Были оставлены поиски ее природной «материи» (огненной, атомной и др.). На передний план выступили речь и мышление как средства манипулирования людьми. Их поведение ставилось в зависимость не от материальных причин, как представлялось прежним философам, вовлекшим душу в космический круговорот. Теперь она попадала в сеть произвольно творимых логико-лингвистических хитросплетений.

Из представлений о душе исчезали признаки ее подчиненности строгим законам и неотвратимым причинам, действующим в физической природе. Язык и мысль лишены подобной неотвратимости. Они полны условностей в зависимости от человеческих интересов и пристрастий. Тем самым действия души приобретали зыбкость и неопределенность. Возвратить им прочность и надежность, но коренящиеся не в вечных законах мироздания, а в самом мышлении человека, стремился Сократ.

Сократ и новое понятие о душе

Об этом философе, ставшем на все века идеалом бескорыстия, честности и независимости мысли, мы знаем со слов его учеников. Сам же он никогда ничего не писал и считал себя не учителем мудрости, а человеком, пробуждающим у других стремление к истине путем особой техники диалога, своеобразие которого стали впоследствии называть сократическим методом. Подбирая определенные вопросы, Сократ помогал собеседнику «родить» ясное и отчетливое знание. Он любил говорить, что продолжает в области логики и нравственности дело своей матери – повивальной бабки.

Уже знакомая нам формула Гераклита «познай самого себя» означала у Сократа обращенность не к вселенскому закону (Логосу), но к внутреннему миру субъекта, его убеждениям и ценностям, его умению действовать как разумное существо согласно пониманию лучшего.

Сократ был мастером устного общения. С каждым встречным человеком он затевал беседу с целью заставить его задуматься о своих беспечно применяемых понятиях. Впоследствии его стали называть пионером психотерапии, цель которой – с помощью слова обнажить то, что скрыто за покровом сознания. В его методике

таились идеи, сыгравшие через много столетий ключевую роль в психологических исследованиях мышления.

Во-первых, работа мысли ставилась в зависимость от задачи, создающей препятствие в ее привычном течении. Именно с такими задачами сталкивали вопросы, которые Сократ обрушивал на своего собеседника, вынуждая его тем самым обратиться к работе собственного ума. Во-вторых, эта работа изначально носила характер диалога. Оба признака – детерминирующая тенденция, создаваемая задачей, и диалогизм, предполагающий, что познание изначально социально, поскольку коренится в общении субъектов, – стали в XX веке главными ориентирами экспериментальной психологии мышления.

После Сократа, в центре интересов которого выступила умственная деятельность индивидуального субъекта (ее продукты и ценности), понятие о душе наполнилось новым предметным содержанием. Его составляли совершенно особые реалии, которых физическая природа не знает. Мир этих реалий стал сердцевиной философии гениального ученика Сократа Платона.

Платон: душа как созерцательница идей

Платон создал в Афинах свой научно-учебный центр, названный Академией, у входа в которую было написано: *«Не знающий геометрии да не войдет сюда»*.

Геометрические фигуры, общие понятия, математические формулы, логические конструкции являли собой умопостигаемые объекты, наделенные в отличие от калейдоскопа чувственных впечатлений незыблемостью и обязательностью для любого индивидуального ума. Возведя эти объекты в особую действительность, Платон увидел в них сферу вечных идеальных форм, скрытых за небосводом в образе царства идей.

Все чувственно-воспринимаемое, начиная от непосредственно ощущаемых близких предметов до воспринимаемых далеких звезд – это лишь затемненные идеи, их несовершенные слабые копии. Утверждая принцип первичности сверхпрочных, вечных общих идей по отношению ко всему преходящему в тленном телесном мире, Платон стал родоначальником философии идеализма.

Каким же образом осевшая в бренной плоти душа приобщается к вечным идеям? Всякое знание, согласно Платону, есть воспоминание. Душа вспоминает (для этого требуются специальные усилия) то, что ей довелось созерцать до своего земного рождения.

Открытие внутренней речи как диалога

Опираясь на опыт Сократа, доказавшего нераздельность мышления и общения (диалога), Платон сделал следующий шаг. Он под новым углом зрения

оценил процесс мышления, не получивший выражения в сократовом внешнем диалоге. В этом случае, по мнению Платона, его сменяет диалог внутренний. *«Душа, размышлял, ничего иного не делает, как разговаривает, спрашивая сама себя, отвечая, утверждая и отрицая»*.

Феномен, описанный Платоном, известен современной психологии как внутренняя речь, а процесс ее порождения из речи внешней (социальной) получил имя «интериоризации» (от лат. «интериор» – внутренний).

У самого Платона нет этих терминов. Тем не менее перед нами феномен, прочно вошедший в состав нынешнего научного знания об умственной деятельности человека.

Личность как конфликтующая структура

Дальнейшее развитие понятия о душе шло в направлении его дифференциации путем выделения в ней различных «частей» и функций. У Платона их разграничение приняло этический смысл. Это пояснял платоновский миф о вознице, правящем колесницей, в которую впряжены два коня: дикий, рвущийся идти собственным путем любой ценой, и породистый, благородный, поддающийся управлению. Возница символизировал разумную часть души, кони — два типа мотивов: низшие и высшие побуждения. Разум, призванный согласовать эти два мотива, испытывает, согласно Платону, большие трудности из-за несовместимости низменных и благородных влечений.

В сферу изучения души вводились такие важнейшие аспекты, как конфликт мотивов, имеющих нравственную ценность, и роль разума в его преодолении и интеграции поведения. Через много столетий версия о взаимодействии трех компонентов, образующих личность как динамическую, раздираемую конфликтами и полную противоречий организацию, оживет в психоанализе Фрейда.

Природа, культура и организм

Знание о душе – от его первых зачатков на античной почве до современных систем – росло в зависимости от уровня знаний о внешней природе, с одной стороны, и от общения с ценностями культуры — с другой. Ни природа, ни культура сами по себе не образуют область психического. Однако ее нет без взаимодействия с ними.

Коренной поворот в познании этой области и работе по построению предмета психологии принадлежал Аристотелю. Философы до Сократа, размышляя о психических явлениях, ориентировались на природу. Они искали в качестве эквивалента этих явлений одну из ее стихий, образующих единый мир, которым правят естественные законы. Лишь сопоставив эти воззрения с древней

верой в души как особые двойники тела, можно ощутить их взрывную силу.

Грянула великая интеллектуальная революция, от которой следует вести счет новому воззрению на психику. После софистов и Сократа в объяснениях души наметился поворот к пониманию ее деятельности как феномена культуры. Ибо входящие в состав души абстрактные понятия и нравственные идеалы невыводимы из вещества природы. Они — порождения духовной культуры.

Для обеих ориентации — и на природу, и на культуру – душа выступала как внешняя по отношению к организму реалия, либо вещественная (огонь, воздух и др.), либо бесплотная (средоточие понятий, общезначимых норм и др.). Шла ли речь об атомах (Демокрит) или об идеальных формах (Платон) — предполагалось, что и одно, и другое заносится в организм извне.

Аристотель: душа как форма тела

Аристотель преодолел этот способ мышления, открыв новую эпоху в понимании души как предмета психологического знания. Не физические тела и не бестелесные идеи стали для него источником этого знания, но организм, где телесное и духовное образуют нераздельную целостность. Тем самым было покончено и с наивным анимистическим дуализмом, и с изощренным дуализмом Платона. Душа, по Аристотелю, это не самостоятельная сущность, а форма, способ организации живого тела.

Аристотель был сыном медика при македонском царе и сам готовился к медицинский профессии. Семнадцатилетним юношей он появился в Афинах у шестидесятилетнего Платона и ряд лет занимался в его Академии, с которой в дальнейшем порвал. Известная картина Рафаэля «Афинская школа» изображает Платона указывающим рукой на небо, Аристотеля — на землю. В этих образах запечатлено различие в ориентациях двух великих мыслителей. По Аристотелю, идейное богатство мира скрыто в чувственно-воспринимаемых земных вещах и раскрывается в их опирающемся на опыт исследовании.

Аристотель создал свою школу на окраине Афин, названную Ликеем (по этому названию в дальнейшем словом «лицей» стали называть привилегированные учебные заведения). Это была крытая галерея, где Аристотель, обычно прогуливаясь, вел занятия. *«Правильно думают те,* – говорил Аристотель своим ученикам, – *кому представляется, что душа не может существовать без тела и не является телом»*.

Кто же имелся в виду под теми, кто «правильно думает»?

Очевидно, что не натурфилософы, для которых душа — это тончайшее тело. Но и не Платон, считавший душу паломницей, странствующей по телам и другим мирам. Решительный итог размышлений Аристотеля: *«Душу от тела отделить нельзя»*, — делал бессмысленными все вопросы, стоявшие в центре учения Платона о прошлом и будущем души.

Выходит, что, упоминая тех, кто «правильно думает», Аристотель имел в виду собственное понимание, согласно которому переживает, мыслит, учится не душа, а целостный организм. *«Сказать, что душа гневается,* – писал он, – *равносильно тому, как если бы кто сказал, что душа занимается тканьем или постройкой дома»*.

Биологический опыт и изменение объяснительных принципов психологии

Аристотель был и философ, и исследователь природы. Одно время он обучал наукам юного Александра Македонского, который впоследствии приказал отправлять своему старому учителю образцы растений и животных из завоеванных им стран. Накапливалось огромное количество фактов — сравнительно-анатомических, зоологических, эмбриологических и других, богатство которых стало опытной основой наблюдений и анализа поведения живых существ.

Психологическое учение Аристотеля строилось на обобщении биологических фактов. Вместе с тем это обобщение привело к преобразованию главных объяснительных принципов психологии: организации (системности), развития и причинности.

Организация живого (системно-функциональный подход)

Уже сам термин «организм» требует рассматривать его под углом зрения организации, то есть упорядоченности целого, которое подчиняет себе свои части для решения какой-либо задачи. Устройство этого целого и его работа (функция) нераздельны. *«Если бы глаз был живым существом, его душой было бы зрение»*, – говорил Аристотель.

Душа организма – это его функция, деятельность. Трактуя организм как систему, Аристотель выделял в ней различные уровни способностей к деятельности.

Понятие о способности, введенное Аристотелем, было важным новшеством, навсегда вошедшим в основной фонд психологических знаний. Оно разделяло возможности организма (заложенные в нем психологические ресурсы) и их реализацию на деле. При этом намечалась схема иерархии способностей как функций души: а) вегетативная (имеется и у растений); б) чувственно-двигательная (у животных и человека); в) разумная (присущая только человеку). Функции души становились уровнями ее развития.

Закономерность развития

Тем самым в психологию вводилась в качестве важнейшего объяснительного принципа идея развития. Функции души располагались в виде «лестницы форм», где из низшей и на ее основе возникает функция более высокого уровня. (Вслед за вегетативной – растительной – формируется способность ощущать, из которой развивается способность мыслить.)

При этом в отдельном человеке повторяются при его превращении из младенца в зрелое существо те ступени, которые прошел за свою историю весь органический мир. (Впоследствии это было названо биогенетическим законом.)

Различие между чувственным восприятием и мышлением было одной из первых психологических истин, открытых древними. Аристотель, следуя принципу развития, стремился найти звенья, ведущие от одной ступени к другой. В этих поисках он открыл особую область психических образов, которые возникают без прямого воздействия вещей на органы чувств. Сейчас их принято называть представлениями памяти и воображения. (Аристотель говорил о фантазии). Эти образы подчинены открытому опять таки Аристотелем механизму ассоциации – связи представлений.

Объясняя развитие характера, он утверждал, что человек становится тем, что он есть, совершая те или иные поступки.

Учение о формировании характера в реальных поступках, которые у людей как существ «политических» всегда предполагают нравственное отношение к другим, ставило психическое развитие человека в причинную, закономерную зависимость от его деятельности.

Понятие о причине

Изучение органического мира побудило Аристотеля придать новый импульс главному нерву аппарата научного объяснения – принципу причинности (детерминизма). Вспомним, что Демокрит хотя бы одно причинное объяснение считал стоящим всего персидского царства. Но для него образцом служило столкновение, соударение материальных частиц – атомов. Аристотель же, наряду с этим типом причинности, выделяет другие. Среди них – целевую причину или «то, ради чего совершается действие», ибо «природа ничего не делает напрасно».

Конечный результат процесса (цель) заранее воздействует на его ход. Психическая жизнь в данный момент зависит не только от прошлого, но и потребного будущего. Это было новым словом в понимании ее причин (детерминации). Итак, Аристотель преобразовал ключевые объяснительные принципы психологии: системности, развития, детерминизма.

Аристотелем было открыто и изучено множество конкретных психических явлений. Но так называемых «чистых фактов» в науке нет. Любой ее факт

по-разному видится в зависимости от теоретического угла зрения, от тех категорий и объяснительных схем, которыми вооружен исследовательский ум. Обогатив эти принципы, Аристотель представил совершенно иную сравнительно с его предшественниками (подготовившими его синтез) картину устройства, функций и развития души.

Психологическая мысль эпохи эллинизма

После походов македонского царя Александра (IV век до н.э.) возникает крупнейшая мировая монархия древности. Вскоре она распалась, и ее распад открыл новый период в истории древнего мира – эллинистический. Его отличал синтез элементов культур Греции и стран Востока.

Положение личности в обществе коренным образом изменилось. Свободный грек утрачивал связь со своим родным городом, его стабильной социальной средой и оказывался перед лицом непредсказуемых перемен. Со все большей остротой он ощущал зыбкость своего существования в изменившемся, ставшим чужим мире. Эти сдвиги в реальном положении и в самовосприятии личности наложили отпечаток на представления о ее душевной жизни. В них она осмысливалась под новым углом зрения.

Вера в могущество разума, в великие интеллектуальные достижения прежней эпохи ставится под сомнение. Возникает философия скептицизма, рекомендующая вообще воздерживаться от суждений, касающихся окружающего мира, по причине их недоказуемости, относительности, зависимости от обычаев и т.п. (Пиррон, конец IV века до н.э.). Такая интеллектуальная установка исповедовалась исходя из этической мотивации. Полагалось, что отказ от поисков истины позволит обрести душевный покой, достичь состояния атараксии (от греческого слова, означавшего отсутствие волнений).

В других концепциях этого периода также идеализировался образ жизни мудреца, отрешенного от игры внешних стихий и благодаря этому способного сохранить свою индивидуальность в непрочном мире, противостоять потрясениям, постоянно угрожающим существованию. Этот мотив направлял интеллектуальные поиски двух других доминировавших в эллинистический период философских школ – стоиков и эпикурейцев. Связанные корнями со школами классической Греции, они переосмыслили ее идейное наследство соответственно духу новой эпохи.

Стоики: пневма и избавление от страстей

Эта школа возникла в IV веке до н.э. и получила свое название по имени того места в Афинах («стоя» — портик храма), где ее основатель Зенон (не смешивать с софистом Зеноном) проповедовал свое учение. Представляя космос

как единое целое, состоящее из бесконечных модификаций огненного воздуха — пневмы, стоики рассматривали человеческую душу как одну из таких модификаций.

Понятие о пневме (в исходном значении – вдыхаемый воздух) у первых натурфилософов мыслилось как единое природное, материальное начало, которое пронизывает как внешний физический космос, так и живой организм (служа носителем жизни) и пребывающую там псюхе (т.е. область ощущений, чувств, мыслей).

У Анаксимена, как у Гераклита и других натурфилософов, воззрение на психею как частицу воздуха или огня означало ее порождаемость внешним, материальным космосом. У стоиков же слияние псюхе и природы приобрело иной смысл. Сама природа спиритуализировалась, наделялась признаками, свойственными разуму: но не индивидуальному, а сверхиндивидуальному.

Согласно этому учению, мировая пневма идентична мировой душе, «божественному огню», который является Логосом или, как считали позднейшие стоики, – судьбой. Счастье человека усматривалось в том, чтобы жить согласно Логосу.

Как и их предшественники в классической Греции, стоики верили в примат разума, в то, что человек не достигает счастья из-за незнания, в чем оно состоит. Но если прежде рисовался образ гармоничной личности, в полноценной жизни которой сливаются разумное и чувственное (эмоциональное), то у мыслителей эллинистической эпохи, когда на людей обрушивались невзгоды, порождавшие страх, неудовлетворенность, тревогу, отношение к аффектам изменяется.

Стоики объявили вредными любые аффекты. В них усматривалась «порча разума», поскольку они возникают при неправильной деятельности ума. Удовольствие и страдание — это ложные суждения о настоящем. Желание и страх – столь же ложные суждения о будущем.

От аффектов следует лечить как от болезней. Их нужно «с корнем вырывать из души». Только разум, свободный от любых эмоциональных потрясений (положительных или отрицательных), способен правильно руководить поведением. Именно это позволяет человеку выполнять свое предназначение, свой долг.

Эта этико-психологическая доктрина обычно сопрягалась с установкой, которую, говоря современным языком, можно было бы назвать психотерапевтической. Люди испытывали потребность в том, чтобы устоять перед превратностями жизни с ее драматическими поворотами, лишающими душевного равновесия. Изучение мышления и его отношения к эмоциям носило не абстрактно-теоретический характер. Оно соотносилось с тем, чем люди живы, с обучением искусству жить. Все чаще к философам обращались для обсуждения и решения личных, нравственных проблем. Из искателей истин они становились целителями душ, прообразом будущих священников, духовников.

Эпикурейцы: атомизм и безмятежность духа

На других космологических началах, но с той же этической ориентацией на поиски счастья и искусства жить сложилась школа Эпикура (конец IV века до н.э.). В своих представлениях о природе она опиралась на атомизм Демокрита, внося в него, однако, важную коррективу. (За диссертацию о различии между натурфилософией Демокрита и Эпикура Карл Маркс получил диплом доктора философии.) Отойдя от демокритова учения о неотвратимости движения атомов по законам, исключающим случайность, Эпикур предполагал, что эти частицы могут отклоняться от своих закономерных траекторий. Этот вывод имел этико-психологическую подоплеку.

В отличие от версии о «жесткой» причинности, царящей во всем, что совершается в мире (и, стало быть, в душе как разновидности атомов), допускались самопроизвольность, спонтанность изменений, их случайный характер. С одной стороны, этот взгляд запечатлел ощущение непредсказуемости того, что может произойти с человеком в потоке событий, делающих существование непрочным. С другой стороны, вытекало, что в самой природе вещей заложена возможность самопроизвольных отклонений и тем самым непредопределенности поступков (стало быть, и свободы выбора).

Это отражало отмеченную выше индивидуализацию личности как величины, способной действовать на свой страх и риск. Впрочем, слово «страх» здесь можно употребить только метафорически.

Весь смысл эпикурейского учения заключался в том, чтобы, проникнувшись им, люди спаслись от страха.

Учение об атомах служило именно этой цели. Живое тело, как и душа, состоит из движущихся в пустоте атомов. Со смертью они рассеиваются по общим законам все того же вечного космоса. *«Смерть не имеет к нам никакого отношения; когда мы есть, то смерти еще нет, когда же смерть наступает, то нас уже нет»*.

Представленная в учении Эпикура картина природы и места человека в ней служила тому, чтобы достичь без мятежности духа, свободы от страхов и, прежде всего, перед смертью и богами (которые, обитая между мирами, не вмешиваются в дела людей, ибо это нарушило бы их безмятежное существование).

Как и многие стоики, эпикурейцы (соответственно изменению реалий жизни отдельной личности в эллинистическую эпоху) размышляли о путях ее независимости от всего внешнего. Лучший путь они усматривали в самоустранении от всех общественных дел. Именно такое поведение позволит избегнуть огорчений, тревог, отрицательных эмоций и тем самым испытать наслаждение, ибо оно не что иное, как отсутствие страдания.

Последователем Эпикура в древнем Риме был Лукреций (I век до н.э.). Он критиковал стоиков за учение о разлитом в природе в форме пневмы разуме. В действительности, согласно Лукрецию, существуют только атомы, проносящиеся

по механическим законам, под действием которых возникает и сам разум.

Первичным в познании являются ощущения, преобразуемые (наподобие того «как паук ткет паутину») в другие образы, ведущие к разуму.

Как и мыслители предшествующего эллинистического периода, Лукреций свое учение (изложенное в поэтической форме) считал наставлением по искусству жить в водовороте бедствий, с тем, чтобы люди навсегда избавились от страхов перед загробным наказанием и потусторонними силами, ибо в мире нет ничего, кроме атомов и пустоты.

Александрийская наука

В эллинистический период возникли новые центры культуры, где различные течения восточной мысли взаимодействовали с западной. Среди этих центров выделялись созданные в Египте (в III веке до н.э.) при царской династии Птолемеев (основанной одним из полководцев Александра Македонского) библиотека и музей в Александрии. Музей представлял собой, по существу, исследовательский институт с лабораториями, комнатами для занятий со студентами. В нем был проведен ряд важных исследований в различных областях знания, в том числе в анатомии и физиологии (например, врачами Герофилом и Эразистратом, труды которых не сохранились).

К важнейшим открытиям этих врачей, усовершенствовавших технику изучения организма, в том числе головного мозга, относится установление различий между чувствительными и двигательными нервами.

Открытие было забыто, но через две с лишним тысячи лет вновь установлено и легло в основу важнейшего для физиологии и психологии учения о рефлексе.

* * *

Среди других великих исследователей душевной жизни в ее связях с телесной выступил древнеримский врач Гален (II век н.э.). В труде «О частях человеческого тела» он, опираясь на множество наблюдений и экспериментов и обобщив познания медиков Востока и Запада (в том числе александрийских), описал зависимость жизнедеятельности целостного организма от нервной системы.

В те времена запрещалось анатомирование человеческих тел. Опыты ставились на животных. Но Гален, работая хирургом у гладиаторов (которых, как известно, заставляли сражаться в цирке с дикими зверями), смог расширить представления и о человеке, в том числе о его головном мозге, где, как он полагал, производится и хранится высший сорт пневмы как носительницы разума.

Широкой известностью в течение многих столетий пользовалось развитое Галеном (вслед за Гиппократом) учение о темпераментах как пропорции в смеси

нескольких основных «соков». Темперамент с преобладанием «теплого» он описывает как мужественный и энергичный, с преобладанием «холодного» — как медлительный и т.д. Большое внимание он уделял аффектам. Еще Аристотель писал, что возможно объяснять гнев либо межличностными отношениями (например, как стремление отомстить за обиду), либо «кипением крови» в организме.

Гален утверждал, что первичным при аффектах являются изменения в организме («повышение сердечной теплоты»). Стремление же отомстить – вторично. Через много веков между психологами вновь возникнут дискуссии вокруг вопроса о том, что первично: субъективное переживание либо телесное потрясение.

Бедствия, которые переживали в жестоких войнах с Римом и под его владычеством народы Востока, способствовали развитию идеалистических учений о душе. Именно они подготовили воззрения, которые ассимилировала христианская религия.

Филон: пневма как дыхание

Огромную популярность приобрело учение философа-мистика из Александрии Филона (I век н.э.), учившего, что тело это прах, который получает жизнь от дыхания божества. Это дыхание и есть пневма. Представление о пневме, которое занимало важное место в античных учениях о душе, носило, как отмечалось, сугубо гипотетический характер, что создавало почву для иррациональных, недоступных эмпирическому контролю картин зависимости происходящего с человеком от сверхчувственных, небесных сил – посредников между земным миром и Богом.

После Филона пневме приписывают функцию общения бренной части души с бестелесными сущностями, связующими ее со Всевышним. Возникает особый раздел религиозной догматики, описывающей эти «пневматические» сущности. Он был назван пневматологией.

Плотин: понятие о рефлексии

Принцип абсолютной нематериальности души утвердил Плотин (III век н.э.) – древнегреческий философ, основатель в Риме школы неоплатонизма. Во всем телесном усматривалась эманация (истечение) божественного, духовного первоначала.

Если отвлечься от религиозной метафизики, проникнутой мистикой, то применительно к прогрессу психологической мысли в представлениях Плотина о душе содержался новый важный момент.

У Плотина психология впервые в ее истории становится наукой о сознании,

понятом как «самосознание». Поворот интересов к внутренней психической жизни человека сложился в античной культуре задолго до Плотина. Однако лишь кризис рабовладельческого общества придал этому повороту смысл отрешенности от реального мира и замкнул сознание на его собственных феноменах.

Еще не было предпосылок (при всей тенденции к индивидуализации, которая, как отмечалось, нарастала в эллинистический период) для осознания субъектом самого себя в качестве конечного самостоятельного центра психических актов. Эти акты считались производными от пневмы (как тончайшего огнеподобного воздуха) у стоиков, атомных потоков — у эпикурейцев.

Плотин, вслед за Платоном, учил, что индивидуальная душа происходит от мировой души, к которой она и устремлена. Другой вектор активности индивидуальной души направлен к чувственному миру. (Здесь Плотин также следовал за Платоном.) Но у нее Плотин выделил еще одно направление, а именно – обращенность на себя, на собственные, незримые действия и содержания. Она как бы следит за своей работой, является ее «зеркалом».

Через много столетий эта способность субъекта не только ощущать, чувствовать, помнить или мыслить, но обладать также внутренним представлением об этих функциях, получила название рефлексии. Эта способность не является фикцией. Она служит неотъемлемым «механизмом» деятельности сознания человека, соединяющим его ориентацию во внешнем мире с ориентацией в мире внутреннем, в «самом себе».

Плотин отграничил этот «механизм» от других психических процессов, на объяснении которых в течение веков была сосредоточена мысль многих поколений исследователей психики. Сколь широк бы ни был спектр этих объяснений, он, в конечном счете, сводился к поискам зависимости душевных явлений от физических причин, процессов в организме, общения с другими людьми.

Рефлексия, открытая Плотином, не могла быть объяснена ни одним из этих факторов. Она выглядела самодостаточной, невыводимой сущностью. Таковой она и оставалась на протяжении веков, став исходным понятием интроспективной психологии сознания.

В новое время, когда сложились реальные социальные основы для самоутверждения субъекта в качестве независимой свободной личности, претендующей на уникальность своего психического бытия, рефлексия выступила в теоретических представлениях о ней как основание и главный источник знаний об этом бытии.

Таковой она трактовалась и в первых программах создания психологии в качестве науки, имеющей свой собственный предмет, отличающий ее от других наук. Действительно, ни одна наука не занята изучением способности к рефлексии. Однако, выделяя рефлексию как одно из направлений деятельности души, Плотин в ту отдаленную эпоху не мог, конечно, и помыслить

индивидуальную душу самодостаточным источником своих внутренних образов и действий. Она для него — эманация сверхпрекрасной сферы высшего первоначала всего сущего.

Августин: понятие о внутреннем опыте

Учение Плотина оказало влияние на Августина (IV –V века н.э.), творчество которого ознаменовало переход от античной традиции к средневековому христианскому мировоззрению.

Августин придал трактовке души (считая ее орудием, которое правит телом) особый характер, утверждая, что ее основу образует воля (а не разум). Тем самым он стал инициатором учения, названного волюнтаризмом (от лат. «волюнтас» — воля).

Воля индивида, завися от божественной, действует в двух направлениях: управляет действиями души и поворачивает ее к себе самой. Все изменения, происходящие с телом, становятся психическими благодаря волевой активности субъекта. Так, из отпечатков, которые сохраняют органы чувств, воля творит воспоминания.

Все знание заложено в душе, которая живет и движется в Боге. Оно не приобретается, а извлекается из души опять таки благодаря направленности воли.

Основанием истинности этого знания служит внутренний опыт: душа поворачивается к себе, чтобы постичь с предельной достоверностью собственную деятельность и ее незримые продукты.

Идея о внутреннем опыте, отличном от внешнего, но обладающем высшей истинностью, имела у Августина теологический смысл, поскольку проповедовалось, что эта истинность даруется Богом.

В дальнейшем трактовка внутреннего опыта, будучи освобождена от религиозной окраски, слилась с представлением об интроспекции как особом методе исследования сознания, которым владеет психология в отличие от других наук.

* * *

Мы находим у древних греков многие из проблем, которые и сегодня направляют развитие психологических идей.

Древнегреческие мыслители предполагали, что душа не может быть понята из нее самой. В их объяснениях ее генезиса и структуры обнаруживаются три направления поиска тех больших, не зависимых от индивида сфер, по образу и подобию которых трактовался микрокосм индивидуальной человеческой души.

Первое направление исходило из объяснения психики законами движения и развития материального мира. Здесь в качестве руководящей выступала идея об

определяющей зависимости душевных проявлений от общего строя вещей, их физической природы. (Вопрос о месте психического в материальном мире, осмысленный впервые древними мыслителями, навсегда останется стержневым для психологической теории.)

Только после того, как была понята производность жизни души от физического мира, их внутреннее родство, а тем самым и необходимость изучать психику исходя из того, что говорят опыт и размышление о взаимосвязи материальных явлений, психологическая мысль смогла продвинуться к новым рубежам, где открылось своеобразие ее объектов. Это второе направление античной психологии было создано Аристотелем. Оно ориентировалось не на природу в целом, а только на живую природу. Для него исходными служили свойства органических тел в их отличии от неорганических. Поскольку психика является формой жизни, выдвижение на передний план психобиологической проблемы было крупным шагом вперед. Оно позволило трактовать психическое не как обитающую в теле душу, имеющую пространственные параметры и способную (как у материалистов, так и у идеалистов) покидать организм, с которым она внешне связана, а как способ организации поведения живых систем.

Третье направление ставило душевную деятельность индивида в зависимость от форм, которые создаются не природой, а человеческой культурой, а именно от понятий, идей, этических ценностей. Эти формы, действительно играющие огромную роль в структуре и динамике психических процессов, были, однако, начиная от пифагорейцев и Платона, отчуждены от материального мира, проекцией которого они являются, и представлены в виде особых духовных сущностей, чуждых чувственно-воспринимаемым телам.

Это направление придало особую остроту проблеме, которую следует обозначить как психогностическую (от греч. «гнозис» – знание). Она охватывает широкий круг вопросов, с которыми сталкивается исследование психологических факторов, изначально связывающих субъекта с внешней по отношению к нему реальностью – природной и культурной. Эта реальность преобразуется соответственно устройству психического аппарата субъекта в форму чувственных или умственных образов, будь то образы мира, окружающей среды, поведения в ней личности или ее самой.

Все эти проблемы при всех «разночтениях» были открыты древними греками. И поныне они образуют ядро объяснительных схем, сквозь призму которых исследует психический мир современный ученый (какой бы сверхсложной электроникой он ни был вооружен).

Мир культуры создал три «органа» постижения человека и его души: религию, искусство и науку. Религия строится на мифе, искусство – на художественном образе, наука – на организуемом и контролируемом логической мыслью опыте. Люди античной эпохи, обогащенные многовековым опытом человекопознания, в котором черпались как представления о характере и

поведении богов, так и образы героев их эпоса и трагедий, осваивали этот опыт сквозь «магический кристалл» рационального объяснения природы вещей – земных и небесных. Из этих семян росло разветвленное древо психологии как науки.

О ценности науки судят по ее открытиям. На первый взгляд, летопись открытий, которыми способна гордиться античная психология, немногословна.

Одним из первых стало открытие древнегреческим врачом (VI век до н.э.) Алкмеоном того, что органом души является головной мозг. Если отвлечься от исторического контекста, это выглядит невеликой мудростью. Стоит, однако, напомнить, что через двести лет после этого великий Аристотель считал мозг своего рода «холодильником» для крови, а душу со всеми ее способностями воспринимать мир и мыслить помещал в сердце, чтобы по достоинству оценить нетривиальность Алкмеонова вывода. Тем более, если учесть, что он не был умозрительной догадкой, но вытекал из медицинских наблюдений и экспериментов.

Конечно, в те времена возможности экспериментировать над человеческим организмом в том смысле, какой принят ныне, были ничтожны. Сохранились сведения, что ставились опыты над приговоренными к казни, над гладиаторами и т.п. Нельзя, однако, упускать из виду, что античным медикам приходилось, врачуя людей, из менять их психические состояния, передавать от поколения к поколению сведения об эффектах своих действий, об индивидуальных человеческих различиях. Не случайно учение о темпераментах пришло в научную психологию из медицинских школ Гиппократа и Галена.

Не меньшее значение, чем опыт медицины, имели другие формы практики: политическая, юридическая, педагогическая. Изучение приемов убеждения, внушения, победы в словесном поединке, ставшее главной заботой софистов, превратило в объект экспериментирования логический и грамматический строй речи. В практике общения Сократ открыл (проигнорированный возникшей в XX веке экспериментальной психологией мышления) его изначальный диалогизм, а Сократов ученик Платон – внутреннюю речь как интериоризованный диалог. Ему же принадлежит столь близкая сердцу современного психотерапевта модель личности как динамической системы мотивов, разрывающих ее в неизбывном конфликте.

Открытие множества психологических феноменов связано с именем Аристотеля (механизм ассоциаций по смежности, сходству и контрасту, открытие отличных от ощущений особых образов – образов памяти и воображения, различий между теоретическим и практическим интеллектом и др.).

Стало быть, сколь скудной ни была бы эмпирическая ткань психологической мысли античности, без нее эта мысль не могла «зачать» традицию, приведшую к современной науке. Но никакое богатство реальных фактов не может обрести достоинство научного, безотносительно к

умопостигаемой логике, их анализа и объяснения.

Эта логика, в отличие от ее всеобщих форм, является предметной. Она строится соответственно проблемной ситуации, задаваемой развитием теоретической мысли, овладевающей конкретным предметным содержанием. Применительно к психологии античность прославлена великими теоретическими успехами. К ним относятся не только открытия фактов, построение новаторских моделей и объяснительных схем. Были сформулированы проблемы, веками направлявшие развитие наук о человеке.

Каким образом интегрируются в нем телесное и духовное, мышление и общение, личностное и социокультурное, мотивационное и интеллектуальное, разумное и иррациональное и многое другое, присущее его бытию в мире? Над этими загадками бился ум античных мудрецов и испытателей природы, подняв на невиданную дотоле высоту культуру теоретической мысли, которая, преобразуя данные опыта, срывала покров истины с видимостей здравого смысла и религиозно-мифологических образов.

§ 2. Эпоха феодализма

Крушение античной цивилизации

Древнегреческая цивилизация в силу нараставшей социально-экономической деградации общества, которое ее породило, разрушилась. В тот период была утрачена большая часть достигнутых знаний. Вначале исчезала потребность читать книги. Вскоре никто не мог их уже и понять. Они сжигались для нагревания воды в общественных банях или же исчезали сотнями других неизвестных путей.

Жестокие удары по распадавшейся античной культуре наносила христианская церковь, которая разрушала ее памятники и создавала атмосферу воинственной нетерпимости ко всему «языческому». В IV веке был уничтожен научный центр в Александрии. В начале VI века императором Юстинианом закрывается просуществовавшая около тысячи лет Афинская школа – последний очажок античной философии. Победившее христианство, ставшее в Европе господствующей идеологией феодального общества, культивировало ненависть ко всякому знанию, основанному на опыте и разуме, внушало веру в непогрешимость церковных догматов и греховность самостоятельного, отличного от предписанного священными книгами понимания устройства и предназначения человеческой души.

Естественно-научное исследование природы приостановилось. Его сменили религиозные спекуляции.

Арабоязычная наука

Переориентация философского мышления в направлении сближения с эмпирией, с позитивным знанием о природе совершалась в этот период в недрах другой культуры – арабоязычной, расцветшей на Востоке в VIII— XII вв.

После объединения в VII в. арабских племен возникло государство, имевшее своим идеологическим оплотом новую религию – ислам. Под эгидой этой религии началось завоевательное движение арабов, приведшее к образованию Халифата, на территориях которого жили народы, обладавшие древней культурой.

Государственным языком Халифата стал арабский, но культура, которая сложилась в огромном государстве, включала достижения многих населявших его народов, а также эллинов, народов Индии.

В культурные центры Халифата прибывали караваны верблюдов, навьюченных книгами чуть ли не на всех известных тогда языках.

В то время, когда в Западной Европе, распавшейся на замкнутые феодальные мирки, были начисто забыты достижения европейской и александрийской науки, на арабском Востоке закипела интеллектуальная жизнь. На Западе пропали сочинения Платона и Аристотеля. На Востоке их труды (как и других античных мыслителей) переводятся на арабский язык, переписываются и распространяются по всей огромной арабской державе — от Средней Азии до Пиренейского полуострова и Африки.

Это стимулировало развитие пауки, прежде всего физико-математической и медицинской. Появляется множество астрономов, математиков, химиков, географов, ботаников, врачей. Они создали мощный культурно-научный слой, в котором зародились крупнейшие умы. Они обогатили достижения своих древних предшественников и создали предпосылки для последующего подъема философской и научной мысли на Западе, в том числе и психологической мысли. Среди них следует выделить прежде всего среднеазиатского ученого XI в. Ибн Сину (в латинской транскрипции – Авиценну). Созданный им «Канон медицинской науки» обеспечил ему – по свидетельству историка – «самодержавную власть во всех медицинских школах средних веков».

Медицинская психология

С точки зрения развития естественнонаучных знаний о душе, особый интерес представляет медицинская психология. В ней важное место отводилось учению о роли аффектов в регуляции поведения организма и даже развития этого поведения.

Ибн Сина был также одним из первых исследователей в области возрастной психологии. Он изучал связь между физическим развитием организма и его психологическими особенностями в различные возрастные периоды. Важное

значение придавалось им при этом воспитанию. Именно посредством воспитания осуществляется, считал Ибн Сина, воздействие психического на устойчивую структуру организма. Чувства, изменяющие течение физиологических процессов, возникают у ребенка в результате воздействия на него окружающих людей. Вызывая у ребенка те или другие аффекты, взрослые формируют его натуру.

Физиологическая психология Ибн Сины включала, стало быть, предположения о возможности управлять процессами в организме и даже придавать организму определенный устойчивый склад путем воздействия на его чувственную, аффективную жизнь, зависящую от поведения других людей. Идея взаимосвязи психического и физиологического – не только зависимость психики от телесных состояний, но и ее способность (при аффектах, психических травмах, деятельности воображения) глубоко влиять на них – разрабатывалась Ибн Синой исходя из его обширного медицинского опыта. Имеются сведения о том, что, не ограничиваясь наблюдениями, он предпринял попытку изучить этот вопрос экспериментально. Двум баранам давался одинаковый корм, но если один кормился в обычных условиях, то неподалеку от другого находился на привязи волк. Через некоторое время второй баран стал худеть и погиб. Неизвестно, какое объяснение давалось этому опыту, но его схема говорит об открытии роли «сшибок», противоположных эмоциональных установок в возникновении глубоких соматических сдвигов. Это дает основание видеть в учении Ибн Сины зачатки экспериментальной психофизиологии эмоциональных состояний.

Психофизиология зрения

Ибн Сина и другие арабские натуралисты и математики особый интерес проявляли к органу зрения, существенно продвинув естественнонаучный анализ ощущений и восприятии как источников знания. Среди исследований в этой области в конце X — начале XI вв. выделяются открытия Ибн аль-Хайсама (в латинской транскрипции – Альгазена).

В каждом зрительном акте им различались, с одной стороны, непосредственный эффект запечатления внешнего воздействия, с другой — присоединяющаяся к этому эффекту работа ума, благодаря которой устанавливаются сходство и различие видимых объектов.

Ибн аль-Хайсамом были изучены такие важные феномены, как бинокулярное зрение, смешение цветов, контраст и т.д. Он указывал, что для полного восприятия объектов необходимо движение глаз – перемещение зрительных осей. Ибн аль-Хайсам подверг анализу зависимость зрительного восприятия от его длительности, введя, таким образом, время в качестве существенного фактора. При кратковременном предъявлении могут быть правильно восприняты лишь знакомые объекты. Это он связывал с тем, что условием возникновения зрительного образа служат не только непосредственные

воздействия световых раздражителей, но и сохраняющиеся в нервной системе следы прежних впечатлений.

Схема Ибн аль-Хайсама не только разрушала несовершенные теории зрения, доставшиеся арабам от античных авторов, но и вводила новое объяснительное начало. Исходная сенсорная структура зрительного восприятия рассматривалась как производное от имеющих опытное и математическое основание законов оптики и от свойств нервной системы. Это направление противостояло одному из главных догматов схоластики, как мусульманской, так и христианской, — учению о том, что душа во всех ее проявлениях есть особого рода сущность, причастная к надприродному миру.

Изучением функций глаза занимались и другие ученые той эпохи. К достижениям средневековой психофизиологии относится открытие того, что чувствующей частью органа зрения является не хрусталик, как предполагалось прежде, а сетчатая оболочка.

Ибн Рошд

Это открытие считают принадлежащим философу и врачу XII в. Ибн Рошду (в латинской транскрипции – Аверроэсу), учение которого о человеке и его душе больше, чем какое бы то ни было другое, оказало влияние на западноевропейскую философско-психологическую мысль. Оно жестоко преследовалось как мусульманской (принятой в Халифате в качестве государственной), так и христианской религией. И это не удивительно, поскольку Ибн Рошд отрицал бессмертие индивидуальной души. Он по-своему прокомментировал учение Аристотеля, а именно сделал упор на разделении души и разума. Под душой понимались функции, которые неотделимы от организма (прежде всего – чувственность).

Они необходимы (таково было и мнение Аристотеля) для деятельности разума. Они нераздельно связаны с телом и исчезают вместе с ним. Что же касается самого разума, то он является божественным и входит в индивидуальную душу извне, подобно тому, как Солнце посылает лучи органу зрения. С исчезновением тела и индивидуальной души «следы», оставленные божественным разумом в период воздействия на нее, отделяются от исчезнувшего смертного индивида, продолжают существовать как момент универсального разума, присущего всему человеческому роду.

Утверждение Ибн Рошда о высшем интеллектуальном равенстве людей при всем многообразии их индивидуальных различий и о богоподобии человека было несовместимо с идеологией феодального общества с его «иерархизмом», расположением всех людей на социальной «лестнице», предписывающей, кому где быть.

Апология божественного разума оборачивалась у Ибн Рошда (который получил на Западе почетное по тем временам имя Комментатора) защитой

земного достоинства человека.

Психологические идеи средневековой Европы

В период средневековья в умственной жизни Европы воцарилась схоластика (от греч. «схоластикос» – школьный, ученый). Этот особый тип философствования («школьная философия») с XI до XVI вв. сводился к рациональному (использующему логические приемы) обоснованию христианского вероучения.

Томизм: «Аристотель с тонзурой»

В схоластике имелись различные течения. Но общей для них служила установка на комментирование текстов. Позитивное изучение предмета и обсуждение реальных проблем подменялось вербальными ухищрениями. В страхе перед появившимся на интеллектуальном горизонте Европы Аристотелем католическая церковь вначале его запретила, но затем, изменив тактику, принялась «осваивать», адаптировать соответственно своим нуждам. С этой задачей наиболее тонко справился Фома Аквинский (1225 – 1274), учение которого, согласно папской энциклике 1879 г., канонизировано как истинно католическая философия (и психология), получившая название томизма (несколько модернизированного в наши дни под именем неотомизма).

Томизм складывался в противовес стихийно-материалистическим трактовкам Аристотеля, в недрах которых зарождалась опасная для церкви концепция двойственной истины.

Зерна этой концепции были брошены опиравшимся на Аристотеля Ибн Рошдом, последователи которого в европейских университетах (аверроисты) полагали, что несовместимость с официальной догмой представлений о вечности (а не сотворении) мира, об уничтожаемости (а не бессмертии) индивидуальной души ведет к выводу о том, что каждая из истин имеет свою область. Истинное для одной области может быть ложным для другой и наоборот.

Фома же, отстаивая одну истину – религиозную, «нисходящую свыше», считал, что разум должен служить ей так же истово, как и религиозное чувство. Фоме и его сторонникам удалось расправиться с аверроистами в парижском университете. Но в Англии, в Оксфордском университете, концепция «двойственной истины» в дальнейшем восторжествовала, став идеологической предпосылкой успехов философии и естественных наук.

Иерархический шаблон Фома распространил и на описание душевной жизни, различные формы которой размещались в виде своеобразной лестницы в ступенчатом ряду – от низшего к высшему. Каждое явление имеет свое место. Положены грани между всем существующим и однозначно определено, чему где

быть. В ступенчатом ряду расположены души (растительная, животная, человеческая). Внутри самой души иерархически располагаются способности и их продукты (ощущение, представление, понятие).

Понятие об интроспекции, зародившееся у Плотина, превратилось в важнейший источник религиозного самоуглубления у Августина, вновь выступило как опора модернизированной и теологической психологии у Фомы. Работа души рисуется Фомой в виде следующей схемы: сперва она совершает акт познания – ей является образ объекта (ощущение или понятие), затем она осознает, что ею произведен сам этот акт, и, наконец, проделав обе операции, она «возвращается» к себе, познавая уже не образ и не акт, а самое себя как уникальную сущность.

Перед нами, таким образом, – замкнутое сознание, из которого нет выхода ни к организму, ни к внешнему миру.

Томизм превратил великого древнегреческого философа в столп богословия, в «Аристотеля с тонзурой». (Тонзура – это выбритое место на макушке – знак принадлежности к католическому духовенству.)

Номинализм

В Англии, где социальные устои феодализма подрывались наиболее энергично, против томистской концепции души выступил номинализм (от лат. «номен» – имя). Он возник в связи со спором о природе общих понятий (так называемых универсалий). Спор шел о том, существуют ли эти общие понятия самостоятельно вне нашего мышления (подобно другим вещам) или бестелесны, ибо эти понятия только имена и реально познаются лишь индивидуальные вещи.

Самым энергичным образом проповедовал номинализм профессор Оксфордского университета В. Оккам (XIV век). Отвергая томизм и отстаивая учение о «двойственной истине» (из которого явствовало, что религиозные догматы не могут быть основаны на разуме), он призывал опираться на чувственный опыт, для ориентации в котором существуют только термины, имена, знаки.

Номинализм способствовал развитию естественнонаучных взглядов на познавательные возможности человека. К знакам как главным регуляторам душевной активности неоднократно обращались многие мыслители последующих веков, в том числе в XX веке.

«Бритва Оккама»

Обращались они и к так называемой «бритве Оккама», к его правилу, согласно которому «не следует умножать сущности без надобности», иначе говоря, прибегать к объяснению каких-либо явлений многими силами или

факторами, когда можно обойтись их меньшим числом. *«Бесполезно делать посредством многого то, что можно сделать посредством меньшего»*. К этой «бритве» впоследствии обратились психологи, чтобы утвердить своего рода «закон экономии». (Изучая, например, поведение животных, не наделять их умом человека, если оно может быть объяснено более простым способом.)

Итак, в период феодализма под пластами чисто рассудочных построений, чуждых реальным особенностям психической деятельности, назначение которой теократия учила видеть в том, чтобы готовиться к неземной, истинной жизни, бил ключ новых идей, обращавших мысль к опытному познанию души и ее проявлений.

В противовес принятым схоластикой приемам выведения отдельных психических явлений из сущности души и ее сил, для действия которых нет других оснований, кроме воли божьей, складывалась другая методология, сердцевиной которой являлся опытный и детерминистический подход. Социально-экономический прогресс обусловил укрепление, а затем и окончательное торжество этого подхода в следующий исторический период.

Период Возрождения

Переходный период от феодальной культуры к буржуазной получил имя эпохи Возрождения. Идеологи этого периода считали его главной особенностью возрождение античных ценностей. К античности обращались и люди прежних эпох, решая каждый раз собственные проблемы.

Без античных сокровищ не было бы ни арабоязычной, ни латиноязычной культур. (В Западной Европе, как известно, языком образованных людей была латынь.)

Мыслители Возрождения полагали, что они очищают античную картину мира от «средневековых варваров». Восстановление античных памятников культуры в их подлинном виде действительно стало компонентом нового идейного климата, однако воспринималось в них, прежде всего, созвучное новому образу жизни и обусловленной им интеллектуальной ориентации.

Возникновение мануфактурного производства, усложнение и совершенствование орудий труда, великие географические открытия, возвышение бюргерства, отстаивавшего свои права в ожесточенной политической борьбе, – все эти процессы изменили реальное положение человека и на этой почве его представления о мире и себе самом.

Новые философы вновь обращаются к Аристотелю. Однако теперь он из идола скованной церковными догматами схоластики превратился в символ свободомыслия, спасения от этих догм.

В главном очаге Возрождения – Италии – разгорелись споры между спасшимися там от инквизиции сторонниками Ибн Рошда (аверроистами) и еще

более радикально настроенными александристами.

Последних назвали по имени древнегреческого философа Александра Афродисийского (жившего в Афинах в конце II века н.э.), который прокомментировал трактат Аристотеля «О душе» иначе, чем Ибн Рошд. Коренное различие касалось вопроса о бессмертии души (на котором покоилось церковное вероучение). Ибн Рошд, как отмечалось, разделив разум (ум) и душу, считал его, как высшую часть души, бессмертным. Александр же настаивал на том, что аристотелевское учение является целостным. Поэтому все способности души, согласно этому учению, начисто исчезают вместе с телом.

У александристов антиклерикальные мотивы звучали резче и последовательнее, чем у аверроистов. Оба направления сыграли важную роль в создании новой идейной атмосферы, проложив путь к естественнонаучному изучению организма человека и его психических функций. По этому пути пошли многие философы, натуралисты, врачи, которых отличал интерес к изучению природы, подавляемый теологией. Их творчество пронизывала вера во всемогущество опыта, в преимущество наблюдений, прямых контактов с реальностью, в независимость подлинного знания от схоластической мудрости.

Одним из титанов Возрождения был Леонардо да Винчи (1452 – 1519). Он представлял новую науку, которая существовала не в университетах, где по-прежнему изощрялись в комментариях к текстам древних, а в мастерских художников и строителей, инженеров и изобретателей. Их опыт радикально изменял культуру и строй мышления. В своей производственной практике они были преобразователями мира. Высшая ценность придавалась не божественному разуму, а, говоря языком Леонардо, «божественной науке живописи». При этом под живописью понималось не только искусство изображения мира в художественных образах. «Живопись, – писал Леонардо, – распространяется на философию природы».

Изменения в реальном бытии личности коренным образом изменяли ее самосознание. Субъект осознает себя как центр направленных вовне (в противовес августино-томистской интроспекции) духовных сил, которые воплощаются в реальные, чувственные (в отличие от христианской чистой духовности) ценности. Субъект, подражая природе, преобразует ее своим творчеством, практическими деяниями.

Испанские врачи против схоластики

Наряду с Италией возрождение новых гуманистических взглядов на индивидуальную психическую жизнь достигло высокого уровня в других странах, где подрывались устои прежних социально-экономических отношений. В Испании возникли направленные против схоластики учения, устремленные к поискам реального знания о психике. Так, Х. Вивес (XVI век) в знаменитой в ту эпоху в

Европе книге «О душе и жизни» доказывал, что человеческая природа познается не из книг, а путем наблюдения и опыта, позволяющих правильно воспитывать ребенка. Другой врач, Х.Уарте (XVI век), также отвергая умозрение и схоластику, требовал применять в познании индуктивный метод, изложенный им в своей книге «Исследования способностей к наукам».

Это была первая в истории психологии работа, в которой ставилась задача изучить индивидуальные различия между людьми с целью определения их пригодности к различным профессиям.

Наконец, еще один испанский врач Перейра (XVI век), предвосхитив на целый век Декарта, предложил считать организм животного своего рода машиной, которая не нуждается для своей работы в участии души.

Френсис Бэкон: эксперимент и индукция

Наиболее резко и решительно шли атаки на изжившее себя, хотя и прочно поддерживаемое церковью, негативное отношение к опыту в Англии. Здесь глашатаем эмпиризма выступил Френсис Бэкон (XVI век), сделавший главный упор на создание эффективного метода науки с тем, чтобы она на деле способствовала обретению человеком власти над природой.

В своем труде «Новый Органон» (само название которого означало вызов «царю философов» Аристотелю, чья книга «Органон» содержала канонизированную схоластикой логическую теорию дедуктивного вывода как перехода от общего к частному) Бэкон отдал пальму первенства индукции (от лат. «индукция» – наведение), то есть такому толкованию множества эмпирических данных, которое позволяет их обобщать с тем, чтобы предсказывать грядущие события и тем самым овладевать их ходом.

Идея методологии, исходившей из познания причин вещей с помощью опыта и индукции, воздействовала на создание антисхоластической атмосферы, в которой развивалась новая научная мысль, в том числе психологическая.

§ 3. Психологическая мысль нового времени (XVII век)

Новую эпоху в развитии мировой психологической мысли открыли концепции, вдохновленные великим триумфом механики, ставшей «царицей наук». Ее понятия и объяснительные принципы создали сперва геометро-механическую (Галилей), а затем – динамическую (Ньютон) картину природы. В нее вписывалось и такое физическое тело, как организм с его психическими свойствами.

Первый набросок психологической теории, ориентированной на геометрию и новую механику, принадлежал французскому математику, естествоиспытателю

и философу Рене Декарту (1596-1650). Он избрал теоретическую модель организма как автомата – системы, которая работает механически. Тем самым живое тело, которое во всей прежней истории знаний рассматривалось как одушевленное, т.е. одаренное и управляемое душой, освобождалось от ее влияния и вмешательства.

Отныне различие между неорганическими и органическими телами объяснялось по критерию отнесенности последних к объектам, действующим по типу простых технических устройств.

В век, когда эти устройства со все большей определенностью утверждались в общественном производстве, принцип их действия запечатлевала и далекая от этого производства научная мысль, объясняя по их образу и подобию функции организма.

Первым большим достижением в этом плане стало открытие Гарвеем кровообращения. Сердце представилось как своего рода помпа, перекачивающая жидкость (для чего не требуется участия души).

Открытие рефлекса

Второе достижение принадлежало Декарту. Он ввел понятие о рефлексе, ставшее фундаментальным для физиологии и психологии. Если Гарвей устранил душу из разряда регуляторов внутренних органов, то Декарт отважился покончить с ней на уровне внешней, обращенной к окружающей среде работе целостного организма.

Мы вновь сталкиваемся с принципиальным для понимания прогресса научного знания вопросом о соотношении теории и опыта (эмпирии).

Достоверное знание об устройстве нервной системы и ее отправлениях было в те времена ничтожно. Декарту эта система виделась в форме «трубок», по которым проносятся легкие воздухообразные частицы. (Он называл их «животными духами».)

Декартова схема рефлекса полагала, что внешний импульс приводит эти «духи» в движение, занося их в мозг, откуда они автоматически отражаются к мышцам. Горячий предмет, обжигая руку, вынуждает ее отдернуть. Происходит реакция, подобная отражению светового луча от поверхности. Появившийся после Декарта термин «рефлекс» и означал отражение.

Реакция мышц — неотъемлемый компонент поведения. Поэтому декартова схема, несмотря на ее умозрительный характер, относится к разряду великих открытий. Она открыла рефлекторную природу поведения, объяснив его без обращения к душе как движущей телом силе.

Декарт надеялся, что со временем не только простые движения (такие, как защитная реакция руки на огонь или зрачка на свет), но и самые сложные удастся объяснить открытой им физиологической механикой. Например, поведение собаки

на охоте. *«Когда собака видит куропатку, она, естественно, бросается к ней, а когда слышит ружейный выстрел, звук его, естественно, по буждает ее убегать. Но тем не менее легавых собак обыкновенно приучают к тому, что вид куропатки заставляет их остановиться, а звук выстрела подбегать к куропатке»*. Такую перестройку поведения Декарт предусмотрел в своей схеме устройства телесного механизма, который, в отличие от обычных автоматов, выступил как обучающая система.

Она действует по своим законам и «механическим» причинам, знание которых позволит людям властвовать над собой. *«Так как при некотором старании можно изменить движения мозга у животных, лишенных разума, то очевидно, что это еще лучше можно сделать у людей и что люди, даже со слабой душой, могли приобрести исключительно неограниченную власть над своими страстями»*.

Не усилие духа, а перестройка тела на основе строго причинных законов его механики обеспечит человеку власть над собственной природой, подобно тому, как эти законы могут сделать его властелином внешней природы.

Страсти души

Одно из важных для психологии сочинений Декарта называлось «Страсти души». Этот оборот следует пояснить, так как и слово «страсть», и слово «душа» наделены у Декарта особым смыслом. Под «страстями» подразумевались не сильные и длительные чувства, а «страдательные состояния души», – все, что она испытывает, когда мозг сотрясают «животные духи» (прообраз нервных импульсов), которые приносятся туда по нервным «трубкам».

Иначе говоря, не только такие мышечные реакции, как рефлексы, но и различные психические состояния возникают автоматически, производятся телом, а не душой. Декарт набросал проект «машины тела», к функциям которой относятся: *«восприятие, запечатление идей, удержание идей в памяти, внутренние стремления... Я желаю, чтобы вы рассуждали так, что эти функции происходят в этой машине в силу расположения ее органов: они совершаются не более и не менее как движения часов или другого автомата»*.

От души к сознанию

До Декарта вся деятельность по восприятию и обработке психического «материала» считалась производимой особым агентом, черпающим свою энергию за пределами вещного, земного мира (душой). Теперь же доказывалось, что телесное устройство и без нее способно успешно справляться с этой задачей. Не становилась ли душа в таком случае «безработной»?

Декарт не только не лишает ее прежней царственной роли во Вселенной, но

возводит в степень субстанции (сущности, которая не зависит ни от чего другого), стало быть, равноправной великой субстанции природы.

Душе предназначено иметь самое прямое и достоверное знание, какое только может быть у субъекта о собственных актах и состояниях, незримых ни для кого другого. Душа определялась по единственному признаку — непосредственной осознаваемости своих явлений, которые, в отличие от явлений природы, лишены протяженности.

Тем самым произошел поворот в понятии о «душе», ставший опорным для следующей главы в истории построения предмета психологии. Отныне этим предметом становится сознание.

По Декарту началом всех начал в философии и науке является сомнение. Следует сомневаться во всем — естественном и сверхъестественном. Однако никакой скепсис не устоит перед суждением: «Я мыслю». А из этого неумолимо следует, что существует и носитель этого суждения – мыслящий субъект. Отсюда знаменитый Декартов афоризм «cogito ergo sum» (мыслю, следовательно, существую). Поскольку же мышление — единственный атрибут души, она всегда мыслит, всегда знает о своих психических содержаниях, зримых изнутри. (Бессознательной психики не существует.) В дальнейшем это «внутреннее зрение» стали называть интроспекцией (видением внутрипсихических «объектов» – образов, умственных действий, волевых актов и др.), а концепцию сознания Декарта – интроспективной.

Впрочем, как в случае с душой, понятие о которой претерпело сложнейшую эволюцию, понятие о сознании, как мы увидим, меняло свой облик. Однако прежде чем это произошло, оно должно было быть «изобретено».

Психофизическое взаимодействие

Признав, что машина тела и занятое собственными мыслями (идеями) и хотениями сознание — это две не зависимые друг от друга сущности (субстанции), Декарт столкнулся с необходимостью объяснить, как же они сосуществуют в целостном человеке. Решение, которое он предложил, было названо психофизическим взаимодействием. Тело влияет на душу, пробуждая в ней «страдательные состояния» (страсти) в виде чувственных восприятий, эмоций и т.п. Душа, обладая мышлением и волей, воздействует на тело, понуждая эту «машину» работать и изменять свой ход. Декарт искал в организме орган, где бы эти две несовместимые субстанции все же могли общаться. Он предложил считать таким органом одну из желез внутренней секреции — «шишковидную» (эпифиз). Это эмпирическое «открытие» никто всерьез не принял.

Однако теоретический вопрос о взаимодействии «души и тела» в его декартовой постановке поглотил на столетия интеллектуальную энергию множества умов.

Механодетерминизм

Понимание предмета психологии зависит, как говорилось, от направляющих исследовательский ум объяснительных принципов, таких, как причинность (детерминизм), системность, развитие. Все они в новое время, сравнительно с античностью, претерпели коренные изменения. В этом решающую роль сыграло внедрение в психологическое мышление образа конструкции, созданной руками человека, – машины.

Все прежние попытки освоить эти принципы сложились в наблюдениях и изучении нерукотворной природы, включая жизнедеятельность организма. Отныне посредником между природой и познающим ее субъектом выступила не зависимая от этого субъекта, внешняя по отношению к нему и по отношению к природным телам искусственная конструкция.

Очевидно, что она является, во-первых, системным устройством, во-вторых, работает неотвратимо (закономерно) по заложенной в ней жесткой схеме, в-третьих, эффект ее работы — это конечное звено цепи, компоненты которой сменяют друг друга с железной последовательностью.

Создание искусственных объектов, деятельность которых причинно объяснима из их собственной организации, внедряло в теоретическое мышление особую форму детерминизма – механическую (по типу автомата) схему причинности или механодетерминизм.

Освобождение живого тела от души было поворотным событием в научных поисках реальных причин всего, что совершается в живых системах, в том числе возникающих в них психических эффектов (ощущений, восприятий, эмоций). Но с этим у Декарта был сопряжен другой поворот: не только тело освобождалось от души, но и душа (психика) в ее высших проявлениях освобождалась от тела. Тело может только двигаться, душа — только мыслить.

Принцип работы тела – рефлекс. Принцип работы души — рефлексия (от лат. «Обращение назад »). В первом случае мозг отражает внешние толчки. Во втором – сознание отражает собственные мысли, идеи, ощущения.

Через всю историю психологии проходит контроверза души и тела. Декарт, подобно множеству своих предшественников (от древних анимистов, Пифагора и Платона), их противопоставил. Но им была создана новая форма дуализма. Оба члена отношения – и тело, и душа – приобрели содержание, неведомое прежним эпохам.

Попытки справиться с декартовым дуализмом предприняла когорта великих мыслителей XVII века. Их искания имели один вектор – утвердить единство мироздания, покончив с разрывом телесного и духовного, природы и сознания.

“Этика” Спинозы

Одним из первых оппонентов Декарта выступил голландский философ Барух (Бенедикт) Спиноза (1632 – 1677). Он учил, что имеется единая вечная субстанция – Бог, или Природа – с бесконечным множеством атрибутов (неотъемлемых свойств). Из них нашему ограниченному разумению открыты только два атрибута – протяженность и мышление. Из этого явствовало, что бессмысленно представлять человека по-декартовски как место встречи двух субстанций.

Человек – целостное телесно-духовное существо. Убеждение в том, что тело по мановению души движется или покоится, сложилось из-за незнания того, к чему оно способно как таковое *«в силу одних только законов природы, рассматриваемой исключительно в качестве телесной»*. Никто из мыслителей не осознал с такой остротой, как Спиноза, что декартовский дуализм коренится не столько в сосредоточенности на приоритете чуждой всему материальному души (это веками служило основанием бесчисленных религиозно-философских доктрин), сколько во взгляде на организм как машинообразное устройство. Тем самым механический детерминизм, определивший вскоре крупные успехи психологии, оборачивался принципом, который ограничивает возможности тела в причинном объяснении психических явлений.

Все последующие концепции были поглощены пересмотром декартовой версии о сознании как субстанции, которая является причиной самой себя («кауза суи»), о тождестве психики и сознания и др. Из исканий Спинозы явствовало, что пересматривать следует также и версию о теле (организме) с тем, чтобы придать ему достойную роль в человеческом бытии.

Попытку построить психологическое учение о человеке как целостном существе запечатлел его главный труд – «Этика». В нем он поставил задачу объяснить все многообразие чувств (аффектов) как побудительных сил человеческого поведения с точностью и строгостью геометрических доказательств. Утверждалось, что существуют три побудительные силы: а) влечение, которое, относясь и в душе, и к телу, есть «не что иное, как самая сущность человека», б) радость и в) печаль. Доказывалось, что из этих фундаментальных аффектов выводится все многообразие эмоциональных состояний. При этом радость увеличивает способность тела к действию, тогда как печаль ее уменьшает.

Две психологии

Этот вывод противостоял декартову разделению чувств на две категории: коренящиеся в жизни организма и чисто интеллектуальные.

В качестве примера Декарт в своем последнем сочинении – письме к

шведской королеве Христине – объяснял ей сущность любви как чувства, имеющего две формы: телесную страсть без любви и интеллектуальную любовь без страсти. Причинному объяснению поддается только первая, поскольку она зависит от организма и биологической механики. Вторую можно только понять и описать. Тем самым полагалось, что наука как познание причин явлений бессильна перед высшими и наиболее значимыми проявлениями психической жизни личности.

Эта декартова дихотомия привела в XX веке к концепции «двух психологий» – объяснительной, апеллирующей к причинам, сопряженным с функциями организма, и описательной, считающей, что только тело мы объясняем, тогда как душу — понимаем.

Поэтому в споре Спинозы с Декартом не следует видеть давно утративший актуальность исторический прецедент.

К детальному изучению этого спора в XX веке обратился Л.С. Выготский, доказывая, что будущее за Спинозой. *«В учении Спинозы, – писал Выготский в специальном трактате, – содержится, образуя ее самое глубокое и внутреннее ядро, именно то, чего нет ни в одной из двух частей, на которые распалась современная психология эмоций: единство причинного объяснения и проблема жизненного значения человеческих страстей, единство описательной и объяснительной психологии чувств. Спиноза поэтому связан с самой насущной, самой острой злобой дня современной психологии эмоций... Проблемы Спинозы ждут своего решения, без которого невозможен завтрашний день нашей психологии»*[10].

Лейбниц: открытие бессознательной психики

Спиноза, встречаясь с немецким философом и математиком (открывшим дифференциальное и интегральное исчисление) Лейбницем (1646 – 1716), услышал от него иное мнение о единстве телесного и психического.

Основанием этого единства мыслитель считал духовное начало. Мир состоит из бесчисленного множества духовных сущностей — монад (от греч. «монос» — единое). Каждая из них «психична», т.е. не материальна (как атом), а наделена способностью воспринимать все, что происходит во Вселенной. Было перечеркнуто декартово равенство психики и сознания. Согласно Лейбницу, *«убеждение в том, что в душе имеются лишь такие восприятия, которые она сознает, является источником величайших заблуждений»*.

В душе непрерывно происходит незаметная деятельность «малых перцепций». Этим термином Лейбниц обозначил неосознаваемые восприятия. В тех же случаях, когда они осознаются, это становится возможным благодаря тому,

[10] *Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 6. М., 1984, С. 301.*

что к простой перцепции (восприятию) присоединяется особый психический акт – апперцепция. Она включает внимание и память.

Психофизический параллелизм

На вопрос о том, как соотносятся между собой духовные и телесные явления, Лейбниц ответил формулой, известной как психофизический параллелизм. Они не могут, вопреки Декарту, влиять одно на другое. Зависимость психики от телесных воздействий — это иллюзия. Душа и тело совершают свои операции самостоятельно и автоматически. Однако божественная мудрость сказалась в том, что между ними существует предустановленная гармония. Они подобны паре часов, которые всегда показывают одно и то же время, так как запущены с величайшей точностью.

Доктрина психофизического параллелизма нашла многих сторонников в годы становления психологии как самостоятельной науки. Идеи Лейбница изменили и расширили представление о психическом. Его понятие о бессознательной психике, «малых перцепциях» и апперцепции прочно вошли в научное знание о предмете психологии.

Гоббс: ассоциация как главное понятие

Другое направление в критике дуализма Декарта связано с философией англичанина Томаса Гоббса (1588 – 1679). Он начисто отверг душу как особую сущность.

В мире нет ничего, кроме материальных тел, которые движутся по законам механики, открытым Галилеем. Соответственно и все психические явления подводились под эти глобальные законы. Материальные вещи, воздействуя на организм, вызывают ощущения. По закону инерции из ощущений в виде их ослабленного следа появляются представления. Они образуют цепи мыслей, следующих друг за другом в том же порядке, в каком сменялись ощущения.

Такая связь получила впоследствии (у Локка – см. ниже) имя ассоциации. Об ассоциации как факторе, объясняющем, почему она вызывает у человека именно такой психический образ, а не другой, было известно со времен Платона и Аристотеля. Глядя на лиру, вспоминают игравшего на ней возлюбленного, говорил Платон. Это ассоциация по смежности. Оба объекта воспринимались некогда одновременно, а затем появление одного повлекло за собой образ другого. Аристотель дополнил это описание указанием на два других вида ассоциаций (сходство и контраст). Но для Гоббса, детерминиста галилеевского закала, в устройстве человека действует только один закон — механического сцепления психических элементов по смежности.

Ассоциации принимали за одни из основных психических феноменов

Декарт, Спиноза и Лейбниц. Но все они считали их низшей формой познания и действия по сравнению с высшими, к которым относили мышление и волю. Гоббс первым придал ассоциации силу универсального закона психологии. Ему безостаточно подчинены как абстрактное рациональное познание, так и произвольное действие.

Произвольность – это иллюзия, которая порождена незнанием причин поступка (такого же мнения придерживался Спиноза). Волчок, запущенный в ход ударом, также мог бы считать свои движения самопроизвольными. Во всем царит строжайшая причинность. У Гоббса механодетерминизм получил применительно к объяснению психики предельно завершенное выражение.

Важной для будущей психологии стала беспощадная критика Гоббсом версии Декарта о «врожденных идеях», которыми человеческая душа наделена до всякого опыта и независимо от него.

Рационализм и эмпиризм

До Гоббса в психологических учениях царил рационализм (от лат. «рацио» – разум). Основой познания и присущего людям способа поведения считался разум как высшая форма активности души. Гоббс провозгласил разум продуктом ассоциации, имеющей своим источником прямое чувственное общение организма с материальным миром.

За основу познания был принят опыт. Рационализму противопоставлен эмпиризм (от лат. «эмпирио» — опыт). Под девизом опыта возникла эмпирическая психология.

Локк: два источника опыта

В разработке этого направления видная роль принадлежала соотечественнику Гоббса Локку (1632 – 1704). Как и Гоббс, он исповедовал опытное происхождение всего состава человеческого сознания. В самом же опыте выделил два источника: ощущение и рефлексию. Наряду с идеями, которые доставляют органы чувств, возникают идеи, порождаемые рефлексией как *«внутренним восприятием деятельности нашего ума»*. Развитие психики происходит благодаря тому, что из простых идей создаются сложные. Все идеи предстают перед судом сознания. *«Сознание есть восприятие того, что происходит у человека в его собственном уме»*[11].

Это понятие стало краеугольным камнем психологии, названной интроспективной (от лат. «интроспекто» – смотрю внутрь). Считалось, что объектом сознания являются не внешние объекты, а идеи (образы, представления,

---

[11] *Локк. Д. Избр. филос. произв.: В 2 т. Т. 1. М., 1960, С. 138.*

чувства и т.д.), какими они предстают «внутреннему взору» наблюдающего за ними субъекта.

Из подобного отчетливо и популярно разъясненного Локком постулата возникло в дальнейшем понимание предмета психологии. Отныне на место этого предмета претендовали явления сознания. Их порождают два опыта – внешний, который исходит из органов чувств, и внутренний, накапливаемый работой собственного разума индивида.

Взгляд на психический мир этого индивида отражал успехи новой науки, прежде всего механики Ньютона.

Локковские простые идеи, из которых строится сознание, являлись подобием неделимых частиц материи (атомов, корпускул), образующих физическую природу. Недаром психологию Локка назвали ньютоновским космосом в миниатюре.

Лейбниц как критик Локка

Свое учение Локк изложил в ставшей для многих образованных европейцев своего рода Евангелием книге «Опыт о человеческом разумении» (1690), над которой работал около 20 лет. У этой книги нашелся великий критик – Лейбниц. В год смерти Локка он, разобрав пункт за пунктом аргументы Локка, дал их критический анализ в рукописи «Новые опыты о человеческом разуме».

Рукопись была опубликована в 1765 году, через много лет после смерти ее автора. Позицию Лейбница можно условно обозначить как установку на то, чтобы примирить рационализм с эмпиризмом. Эмпиристы считали (используя оборот Аристотеля), что сознание – это «чистая доска» («табула раса»), на которую органы чувств заносят свои знаки (в виде ощущений и идей). Их главная формула гласила: *«Нет ничего в разуме, чего бы не было в чувствах»*. Лейбниц к этому добавил: *«Кроме самого разума»*.

Способность к восприятию общих понятий и истин – это только «предрасположение». Оно определяет нашу душу, благодаря которой истины могут быть извлечены из нее. Это подобно разнице между фигурами, произвольно высекаемыми из камня или мрамора, и фигурами, которые прожилками мрамора уже обозначены или предрасположены обозначиться, если ваятель воспользуется ими.

Вместе с тем неверно было бы предположить, что теоретическое знание воспринимается непосредственно, не нуждаясь в опоре на частные (эмпирические) истины и активную деятельность разума.

Рукопись Лейбница оказалась в стороне от магистральной линии разработки проблем психологии в западных странах. Ко времени ее появления в середине XVIII века восторжествовала идея всемогущества опыта. Элементами этого опыта («нитями»), из которых соткано сознание, считались образы (сперва чувственные,

а затем возникающие из них умственные), которыми правят законы ассоциаций (см. ниже).

Механизм и индивидуализм как принципы психологической мысли XVII века

Под знаком этой картины сознания Декарта и Локка складывались психологические концепции последующих десятилетий. Они были пронизаны духом дуализма новейшего времени. За этим дуализмом в теории стояли реалии социальной жизни, общественной практики. С одной стороны, научно-технический прогресс, сопряженный с великими теоретическими открытиями в науках о физической природе и внедрением механических устройств. С другой — самостояние человека как личности, которая, хотя и сообразуется с промыслом Всевышнего, но способна иметь опору в собственном разуме, сознании, понимании. Эти внепсихологические факторы обусловили как механодетерминизм, так и обращенность к внутреннему опыту сознания. Именно эти два решающих признака в их нераздельности определили отличие психологической мысли нового времени от всех ее предшествующих витков.

Как и прежде, объяснение психических явлений зависело от знания о том, как устроен физический мир и какие силы правят живым организмом. Речь идет именно об объяснении, адекватном нормам научного познания, ибо в практике общения люди руководствуются житейскими представлениями о мотивах поведения, умственных качествах, влияниях погоды на состояние духа или расположения планет на характер и т.п.

XVII век радикально повысил планку критериев научности. Он преобразовал объяснительные принципы, доставшиеся ему от прежних веков. Созданные в лоне механики понятия о рефлексе, ощущении, представлении, ассоциации, аффекте, мотиве вошли в основной фонд научных знаний. Эти понятия заимствовали свое содержание в новой детерминистской трактовке организма как «машины тела». Схема этой машины являлась умозрительной. Она не могла выдержать испытание опытом. Между тем именно опыт в сочетании с новым способом рационального его объяснения определил успехи нового естествознания.

Для великих ученых XVII века научное познание психики как познание причин ее явлений имело в качестве непреложной предпосылки обращение к телесному устройству. Но эмпирические свидетельства о нем были, как показало время, столь фантастичны, что прежние мнения о его работе следовало игнорировать. На этот путь стали приверженцы направления, считавшие его эмпирической психологией. Однако они понимали под опытом обработку отдельным субъектом содержаний его собственного сознания. Они использовали понятия об ощущениях, ассоциациях и т.д. как фактах внутреннего

индивидуального опыта, не задумываясь о социоисторической родословной этих понятий. Истинным же источником являлся общественно-исторический опыт, обобщенный в научных теориях нового времени.

§ 4. Психологическая мысль в эпоху Просвещения

Просвещение

В этот век, как и в предшествующий, в Западной Европе нарастал процесс дальнейшего укрепления капиталистических отношений. Произошла индустриальная революция, которая превратила Англию в могущественную державу.

Глубокие политико-экономические изменения привели к революции во Франции. Расшатывались феодальные устои в Германии. Эти социальные сдвиги укрепляли, в противовес клерикализму, всесилию церкви, новые идеологические подходы. Расширялось и крепло движение, названное Просвещением.

Как писал Н.В. Гоголь, просвещение означает стремление силой познания просветить насквозь все существующее. Мыслители, представлявшие это течение, считали главной причиной всех человеческих бед невежество, религиозный фанатизм. Они требовали вернуться к естественной неиспорченной природе человека, покончить с суевериями, со слепой религиозной верой, утвердить в умах людей взамен ложного знания научное, проверенное опытом и разумом. Предполагалось, что следуя этим путем, удастся избавиться от социальных бедствий и пороков с тем, чтобы повсеместно воцарились добро и справедливость. Эти идеи приобретали в различных странах различную тональность соответственно своеобразию их общественно-исторического развития.

Наиболее ярко исповедовались идеи Просвещения на французской почве в преддверии революции, покончившей с феодально-абсолютистским строем. В Англии, где буржуазные отношения утвердились раньше, чем во Франции, главным идеологом Просвещения стал Локк. В этой же стране физик и математик И. Ньютон (1643–1727) создал новую механику, повсеместно воспринятую как образец и идеал точного знания, как великое торжество разума.

Ассоцианизм Гартли

По образцу ньютоновской картины природы английский врач Гартли (1705 – 1757) представил психический мир человека. Он изобразил его продуктом работы организма как «вибраторной машины». Предполагалось, что вибрации внешнего эфира посредством вибраций нервов вызывают вибрации мозгового вещества, которые переходят в вибрации мышц.

Параллельно этому в мозгу возникают, сочетаются и сменяют друг друга психические «спутники» этих вибраций – от чувствования до абстрактного мышления и произвольных действий. Все это происходит на основе закона об ассоциациях.

Понятие об ассоциациях с давних пор использовалось, чтобы объяснить связь идей. Однако они считались связями «второго сорта», иными, чем те связи между мыслями, которые устанавливаются разумом. Более того, Локк, который ввел в научный оборот термин «ассоциация», называл ее «своего рода сумасшествием». Гартли же возвел ассоциацию во всеобщий механический закон всех форм психической деятельности, в нечто подобное великому ньютонову закону всемирного тяготения.

В своем труде «Размышления о человеке, его строении, его долге и упованиях» Гартли доказывал, что психический мир человека складывается постепенно в результате усложнения первичных сенсорных элементов посредством их ассоциаций в силу смежности этих элементов во времени и частоты повторений их сочетаний. Что касается общих понятий, то они возникают, когда от прочной ассоциации, которая остается в различных условиях неизменной, отпадает все случайное и несущественное. Совокупность этих постоянных связей удерживается как целое, благодаря слову, которое выступает как фактор обобщения.

Наряду со своей познавательной функцией слово (его физический базис — опять таки вибрация) исполняет так же и волевую.

У ребенка связь между словом и поступком вначале устанавливают взрослые, а затем он совершает этот поступок по собственной команде. При этом организацию поведения регулируют две мотивационные силы: удовольствие и страдание.

По законам ассоциации они соединяются с различными объектами. Задача воспитания сводится к закреплению у людей таких связей, которые бы отвращали от безнравственных дел и доставляли удовольствие от нравственных, социально ценных. И чем эти связи прочнее, тем больше шансов для человека стать нравственной добродетельной личностью, а для всего общества — более совершенным. Установка на строго причинное объяснение того, как возникает и работает психический механизм, а также подчиненность этого учения решению социально-нравственных задач – все это придало схеме Гартли широкую популярность.

Ее влияние и в самой Англии, и на континенте было исключительно велико, причем оно распространялось на различные отрасли гуманитарного знания: этику, эстетику, логику, педагогику.

Ассоцианизм Беркли и Юма

По-иному истолковали принцип ассоциации два других английских мыслителя этой эпохи – Д. Беркли (1685 – 1753) и Д. Юм (1711 – 1776). Оба (в отличие от Гартли) принимали за первичное не физическую реальность, не жизнедеятельность организма, а феномены сознания. Их главным аргументом был эмпиризм – учение о том, что источником знания служит чувственный опыт (образуемый ассоциациями).

Понятие об опыте в различных философских контекстах меняло свой облик. Согласно Беркли, опыт — это непосредственно испытываемые субъектом ощущения: зрительные, мышечные, осязательные и др. В своем труде «Опыт новой теории зрения» Беркли детально проанализировал чувственные элементы, из которых складывается образ геометрического пространства как вместилища всех природных тел.

Физика предполагает, что это ньютоново пространство дано объективно. По Беркли же, оно — продукт взаимодействия ощущений. Одни ощущения (например, зрительные) связаны с другими (например, осязательными), и весь этот комплекс ощущений люди считают вещью, данной им независимо от сознания, тогда как *«быть — значит быть в восприятии»*.

Этот вывод неотвратимо склонял к солипсизму (от лат. «солус» – единственный и «ипсе» – сам) – к отрицанию любого бытия кроме собственного сознания. Чтобы выбраться из этой ловушки и объяснить, почему у различных субъектов возникают восприятия одних и тех же внешних объектов, Беркли апеллировал к особому божественному сознанию, которым наделены все люди.

В своем конкретно-психологическом анализе зрительного восприятия Беркли высказал несколько ценных идей, указав, в частности, на участие осязательных ощущений в построении образа трехмерного пространства (при двухмерности образа на сетчатке).

Что касается Юма, то он занял иную позицию. Вопрос о том, существуют или не существуют независимо от нас физические объекты, он полагал теоретически неразрешимым[12]. Хотя на практике в этом сомневаться не приходится. Люди полагают, что эти объекты являются причиной возникающих у них впечатлений и идей.

Между тем учение о причинности является не более, чем продуктом веры в то, что за одним впечатлением (признаваемым причиной) появится другое (принимаемое за следствие). На деле же здесь не более чем прочная ассоциация представлений, возникшая в опыте субъекта. Да и сам субъект, и его душа — это всего лишь сменяющие друг друга связки или пучки впечатлений.

Скептицизм Юма пробудил многих мыслителей от «догматического сна»,

---

[12] *Такой взгляд называется агностицизмом (от греч. «недоступный познанию»).*

заставил их задуматься о своих убеждениях, касающихся души, причинности и др. Ведь эти убеждения принимались ими на веру, без критического анализа.

Мнение Юма о том, что понятие о субъекте может быть сведено к пучку ассоциаций, было направлено своим критическим острием против представления о душе как особой, дарованной Всевышним сущности, которая порождает и связывает между собой отдельные психические феномены.

Предположение о такой спиритуальной, бестелесной субстанции защищал, в частности, Беркли, отвергший субстанцию материальную. Согласно же Юму, называемое душой – нечто вроде сценических подмостков, где проходят чередой, сцепленные между собой, ощущения и идеи.

Английский ассоцианизм XVIII века, как в материалистическом, так и в идеалистическом вариантах, направлял искания многих западных психологов двух последующих веков. Как бы умозрительны ни были воззрения Гартли на деятельность нервной системы, она, по существу, мыслилась им как орган, передающий внешние импульсы от органов чувств через головной мозг к мышцам, т.е., иначе говоря, как рефлекторный механизм. В этом плане Гартли стал воспреемником открытия Декартом рефлекторной природы – поведения.

Но Декарт наряду с рефлексом вводил второй объяснительный принцип – рефлексию как особую активность сознания. Гартли же наметил перспективу бескомпромиссного объяснения, исходя из единого принципа и тех высших проявлений психической жизни, которые дуалист Декарт объяснял активностью нематериальной субстанции.

Эта гартлианская линия вошла впоследствии в ресурс научного объяснения психики в новую эпоху, когда рефлекторный принцип был воспринят и преобразован Сеченовым и его последователями.

Нашла своих последователей на рубеже XIX – XX веков и линия, намеченная Беркли и Юмом. Ее преемниками стали не только философы-позитивисты, но и психологи (Вундт, Титченер), сосредоточившиеся на анализе элементов опыта субъекта в качестве особых, ни из чего не выводимых психических реалий (см. ниже).

Французские материалисты

Самыми радикальными критиками любых учений, допускающих влияние на природу и человека сил, ускользающих от опыта и разума, выступили французские мыслители. Они объединились вокруг семнадцати книг «Энциклопедии» (середина XVIII века), освещавших новейшие достижения науки, техники и искусства (поэтому их принято называть «энциклопедистами»). В этом толковом словаре излагались с материалистических позиций и вопросы психологии.

Крайним сенсуалистом зарекомендовал себя философ Э. Кондильяк

(1715 – 1780). Для наглядности он предложил образ «статуи», которая первоначально не обладает ничем, кроме способности ощущать. Стоит ей, однако, получить извне первое ощущение, хотя бы самое примитивное (напр., обонятельное), как начинает действовать вся психическая механика. Как только один запах сменяется другим, сознание готово получить все то, что Декарт относил за счет врожденных идей, а Локк – рефлексии. Сильное ощущение порождает внимание, сравнение одного ощущения с другим становится тем фундаментальным актом, который определяет дальнейшую умственную работу и т.д.

В отличие от «статуи» Кондильяка другой француз Ж. Ламетри (1709 – 1751) предложил образ «человека-машины». Именно так он озаглавил свой выпущенный под чужим именем трактат. Из него явствовало, что приписывать человеку душу столь же бессмысленно, как искать ее в действиях машины.

Клерикалы подняли бурю вокруг этого трактата, лишающего смысла все религиозные вероучения, и сожгли его. Ламетри считал, что признание Декартом двух субстанций не более, чем «стилистическая хитрость», придуманная для обмана теологов. Декарт устранил душу из организма животных. Ламетри доказывал, что не нуждается в ней и организм человека, с которым сопряжены его психические способности. Они – продукт его машинноподобных действий.

Другими лидерами движения за новое мировоззрение выступили К. Гельвеций (1715 – 1771), П. Гольбах (1723 – 1789) и Д. Дидро (1713 – 1784). Отстаивая принцип возникновения мира духовного из мира физического, они трактовали наделенного психикой «человека-машину» как продукт внешних воздействий и естественной истории. Завершающий период в развитии французского материализма представлен врачом-философом П. Кабанисом (1757 – 1808). Ему принадлежит формула, согласно которой мышление – это функция мозга.

Этот вывод он подкреплял наблюдениями, подсказанными кровавым опытом революции. Ему было поручено выяснить, осознает ли человек, которому отсекают голову на гильотине, свои страдания (о чем могут, например, говорить конвульсии). Кабанис ответил на этот вопрос отрицательно. Только обладающий головным мозгом человек способен мыслить. Движения же обезглавленного тела носят рефлекторный характер и не осознаются. Сознание – это функция мозга.

Понятие о функции, выработанное физиологией применительно к различным органам, распространялось на работу головного мозга. Противники философии материализма использовали формулу Кабаниса для вульгаризации этой философии. Кабанису приписали мнение, будто мозг выделяет мысль, подобно тому, как печень – желчь, а почки – мочу. Однако он, говоря о сознании как функции головного мозга, имел в виду совершенно иное.

К внешним продуктам мозговой деятельности Кабанис относил выражение

мысли в словах и жестах. За самой мыслью, подчеркивал он, скрыт неизвестный нервный процесс.

Французские материалисты сыграли в эпоху Просвещения большую позитивную роль в интеллектуальной жизни Европы. Они отстаивали идею целостности человека, нераздельной связи его телесно-духовного бытия с окружающей средой – природной и социальной.

Они культивировали веру в способность чувственного опыта служить единственным гарантом рационального знания о неисчерпаемом внешнем мире[13].

Столь же крепка была их вера в нераздельность психических явлений и нервного субстрата, который их производит.

Доказывая необходимость перейти от умозрительного к эмпирическому изучению этой нераздельности, они подготовили почву для движения научной мысли следующего столетия в новом направлении.

Это направление искало корни явлений, считавшихся порождением бестелесной, соединяющей человека с Богом души, в доступной для скальпеля и микроскопа нервной ткани.

Ростки историзма

В век, о котором идет речь, пробиваются идеи историзма, которые резко отличают психологическую мысль этого периода от господства строгого механицизма в XVII веке.

Эти идеи проникают в объяснения природы, как неорганической, так и живой. Если прежняя картина мира являлась геометро-механической, то отныне многие мыслители проникаются гипотезой об эволюции природы, ее переходах от одной эпохи к другой. Вершиной этих превращений считался, «естественный человек», независимо от того, к какому сословию он принадлежит.

В эпоху восходящего капитализма его идеологи представляли общество как продукт интересов и потребностей отдельных индивидов (Гоббс, Локк и др.). При этом взаимодействие людей считалось в соответствии с механической моделью природы подчиненным закону инерции, из которого выводилось извечное стремление каждого индивидуального тела к самосохранению.

В XVIII веке жизнь общества начинают осмысливать в виде закономерного, однако уже не механического, а исторического процесса. Родовые факторы выступают как первичные по отношению к деятельности индивида. Поиск их сыграл важную роль в прогрессе не только социологической, но и психологической мысли.

---

[13] *В этом они противостояли солипсизму Беркли и агностицизму Юма, которые, так же как и французские материалисты, этой эпохи, апеллировали к сенсорному опыту, к прямым свидетельствам органов чувств.*

Итальянский мыслитель Д. Вико (1668 – 1744) в трактате «Основания новой науки об общей природе вещей» (1725) выдвинул идею, что каждое общество проходит последовательно через три эпохи: богов, героев и людей. Несмотря на фантастичность этой картины, подход к социальным явлениям с точки зрения их закономерной эволюции был новаторским. Считалось, что это развитие происходит в силу собственных внутренних причин, а не игры случая или предопределений божества. Что касается психических свойств человека, то они, согласно Вико, возникают в ходе истории общества. В частности, появление абстрактного мышления он связывал с развитием торговли и политической жизни.

К Вико восходит представление о надындивидуальной духовной силе, свойственной народу в целом и составляющей первооснову культуры и истории. На место культа отдельной личности был поставлен культ народного духа. Утверждая приоритет исторически развивающихся духовных сил общества по отношению к деятельности отдельной личности, Вико открыл новый аспект в проблеме детерминации психического.

Ряд французских и немецких просветителей XVIII века придали этому аспекту первостепенное значение. Французский просветитель Монтескье (1689 – 1755) выступил с книгой «О духе законов» (1748), занесенной католической церковью в список запрещенных. В ней, вопреки учению о божественном промысле, утверждалось, что людьми правят законы, которые, в свою очередь, зависят от условий жизни общества, прежде всего – географических условий. Важная роль отводилась также этническим особенностям населения, характеру народа.

Другой знаменитый французский просветитель – Кондорсе (1743 – 1794) в «Эскизе исторической картины прогресса человеческого разума» (1794) изобразил историческое развитие в виде бесконечного прогресса, обусловленного как внешней природой, культурными достижениями (открытия, изобретения), так и взаимодействием людей. Он не отрицал роли внутренних побуждений человека, но в качестве двигателя истории у него выступали не отдельные личности, а массы. Чтобы избежать гильотины, он покончил самоубийством.

В Германии философ Иоганн Гердер (1744 – 1803), отстаивая в четырехтомной работе «Идеи философии истории человечества» (1789 – 1791) мысль о том, что общественные явления изменяются закономерно, трактовал эти изменения как необходимые ступени в общем становлении народной жизни. При этом в качестве, определяющего начала выдвигалось развитие не одного только разума (ср. Кондорсе), но широко понятой гуманности, человечности, достигнутой благодаря взаимному влиянию людей друг на друга.

Духовная активность, отличающая человека от животного, проявляется, по Гердеру, прежде всего в языке. В сочинении «О происхождении языка» (1770) он попытался развить исторический взгляд на языковое творчество и вместе с тем связать его с психологией мышления. Язык не есть нечто готовое; его развитие —

динамический, творческий процесс. Развитие индивидуального со знания в этих концепциях ставилось в зависимость от культурно-исторического формирования народа.

В России духовная атмосфера эпохи Просвещения определила философско-психологические воззрения А.Н. Радищева (1749 – 1802). За его знаменитое антикрепостническое сочинение «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) он был приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Сибирь. В ссылке он написал трактат «О человеке, его смертности и бессмертии» (1792). Само название трактата соотносило его с приобретшим в ту эпоху популярность произведением Гельвеция «О человеке». Гельвеций выдвигал на передний план культ чувственности и интересы индивида. Радищев же подчеркивал, что в ряде вопросов его мысль «разнствует от гельвециевой». Так, французский энциклопедист не показал, что *«человек паче всех есть существо соучаствующее»*, т.е. социальное.

Как подчеркивал Г.В. Плеханов, Радищев искал ключ к психологии людей в условиях их общественной жизни. Попытки объяснить поведение людских масс естественным и закономерным ходом истории, устремленным к новым прогрессивным формам жизни, независимо от власти правителей, вызывали ярость клевретов этих правителей.

Многие мыслители эпохи Просвещения жестоко преследовались. Их сочинения сжигались. Но идея прогрессивного исторического развития народа и его культуры как факторов, определяющих сознание отдельных индивидов, укреплялась и обогащалась в следующую эпоху (наиболее развитую философскую форму она получила у Гегеля), оказав глубокое влияние на искания и в области психологии.

Итак, век Просвещения подготовил два направления в разработке проблем психологического познания: а) трактовка психики как функции высокоорганизованной материи — головного мозга, что способствовало экспериментальному изучению тех явлений, которые считались порождением бестелесной, соединяющей человека с Богом души; б) учение, согласно которому индивидуальная психика коренится в социальных формах, нравах; обычаях, духе народа, которым движет собственная энергия культурного творчества, а не божественный промысел, вело к позитивному изучению фактов, запечатлевших психологическое своеобразие исторического бытия этого народа (в языке, мифологии, быте и др.).

Кант и психология

Особое место в философии XVIII столетия, оказавшей влияние на последующее развитие научной психологии, принадлежит немецкому профессору из Кенигсберга Иммануилу Канту (1724 – 1804).

В первый период творчества он, восприняв идею развития, выдвинул гипотезу об образовании солнечной системы из первоначальной туманности. Затем от космогонии (учения о происхождении космических объектов) он перешел к «Критике чистого разума» (1781). Так называлось одно из его главных произведений. В нем он разработал новаторское учение об источниках и принципах научного знания. Это знание, согласно Канту, начинается с воздействия внешних объектов на нашу способность восприятия. Но сами объекты – это «вещи в себе». Они непознаваемы. Он назвал их ноуменами – умопостигаемыми сущностями в отличие от феноменов как чувственно созерцаемых явлений.

Эти явления осознаются субъектом благодаря тому, что он обладает от рождения особыми орудиями – априорными (предшествующими всякому опыту и не зависимыми от него) формами мышления, способами организации знания, категориями.

Помыслить о чем бы то ни было – значит обобщить, синтезировать чувственные представления посредством категорий (таких, как причинность, время, пространство). Они фильтруют и структурируют данные нашего опыта, который без этих категорий был бы бессмысленным хаосом.

Учение Канта, доказывая априорную целостность, интегральность психического образа объекта, отвергало ассоцианизм (считавший первичным психические атомы, которые объединяются благодаря ассоциациям). Кантова идея о том, что сознание изначально организовано, изначально обладает структурой и способами построения своего материала, прочно вошла во многие психологические концепции XX столетия (см. ниже).

§ 5. Зарождение психологии как науки

От механики к физиологии

В начале XIX столетия стали складываться новые подходы к психике. Отныне не механика, а физиология стимулировала рост психологического знания. Имея своим предметом особое природное тело, физиология превратила его в объект экпериментального изучения.

На первых порах руководящим для нее служило «анатомическое начало». Функции (в том числе психические) исследовались под углом зрения их зависимости от строения органа, его анатомии. Физиология переводила на язык опыта умозрительные, порой фантастические воззрения прежней эпохи.

Открытие рефлекторной дуги

Так, фантастическая по своей эмпирической фактуре, рефлекторная схема Декарта нервной системы оказалась правдоподобной благодаря открытию (почти одновременному) различий между чувствительными (сенсорными) и двигательными (моторными) нервными путями, ведущими в спинной мозг.

Открытие принадлежало врачам и натуралистам чеху И. Прохазке, французу Ф. Мажанди и англичанину Ч. Беллу. Оно позволило объяснить механизм связи нервов как «рефлекторную дугу», возбуждение одного плеча которой закономерно и неотвратимо приводит в действие другое плечо, порождая мышечную реакцию.

Наряду с научным (для физиологии) и практическим (для медицины) это открытие имело и важное методологическое значение. Оно доказывало зависимость функций организма, касающихся его поведения во внешней среде, от телесного субстрата, а не от сознания (или души) как особой бестелесной сущности.

Закон «специфической энергии органов чувств»

Второе направление, которое подрывало версию об этой сущности, сложилось при изучении органов чувств, их нервных окончаний. Какими бы стимулами на эти нервы не действовать, они дают один и тот же специфический для каждого из них эффект. (Например, раздражение зрительного нерва любым стимулом вызывает у субъекта ощущение вспышек света.)

На этом основании немецкий физиолог Иоганнес Мюллер (1801 – 1858) сформулировал закон «специфической энергии органов чувств». Никакой иной энергией, кроме известной в физике, нервная ткань не обладает. Но выводы Мюллера укрепляли научное воззрение на психику, показывая причинную зависимость ее чувственных элементов (ощущений) от объективных материальных факторов: внешнего раздражителя и свойства нервного субстрата.

“Карта головного мозга”

Наконец, еще одно направление обратило внимание ученых на зависимость явлений психики от анатомии центральной нервной системы. Это была приобретшая огромную популярность френология (от греч. «френ» – душа, ум). Ее автор – австрийский анатом Ф. Галль (1758 – 1829) предложил «карту головного мозга», согласно которой различные способности размещены в его определенных участках. Это якобы влияет на форму черепа, что позволяет, ощупывая его, определять по «шишкам», насколько развиты у данного индивида ум, память и т.п.

Френология при всей ее фантастичности побудила к экспериментальному

изучению размещения (локализации) психических функций в головном мозгу.

Взгляды Галля приобрели огромную популярность. Доходило до того, что, знакомясь, некоторые образованные люди ощупывали головы друг друга, рассчитывая тем самым определить у своего собеседника характер и способности. Эти взгляды встретили критику с различных позиций. Одни осуждали Галля за отрицание единства и нематериальности души. Но для дальнейшего прогресса науки важное значение имела экспериментальная критика его взглядов французским физиологом и врачом, иностранным членом-корреспондентом Петербургской Академии наук П. Флурансом (1794 – 1867). Используя методику удаления отдельных участков центральной нервной системы, он пришел к выводу о том, что головной мозг является целостным органом-субстратом основных психических функций. Мозжечок координирует движения, а в продолговатом мозгу находится дыхательный центр.

После работ Флуранса френология была в научных кругах скомпрометирована, хотя многие продолжали ею увлекаться.

Тем не менее заслугой Галля следует признать указание на извилины коры больших полушарий головного мозга как место, где локализованы «умственные силы» (до него их было принято помещать в мозговые желудочки).

Развитие ассоцианизма

Изучение органов чувств, нервно-мышечной системы, коры головного мозга имело анатомическую направленность (то есть психическое соотносилось со строением различных частей живого тела). Однако обращение к этим органам неизбежно вынуждало осмыслить эффекты их деятельности.

Эффекты же относились к области психологии, на почву которой отныне вынужден был перейти естествоиспытатель. Ведь именно психология имела дело с этими эффектами — ощущениями, восприятиями, представлениями, связями между ними (ассоциациями). Черпать же в психологии анатом-физиолог мог только ту информацию, которую она к этой эпохе наработала.

Между тем эта информация относилась к области сознания субъекта, наделенной признаками, чуждыми материальным телам, стало быть и телесным устройствам из нервов и мышц, ставшим объектом физиологического эксперимента и естественнонаучного анализа. Сознание и организм оказывались двумя полюсами, каждый из них имел собственный теоретический «стержень».

Все последующее развитие знаний имело общий вектор — преодолеть расщепленность телесного и духовного, объяснить жизнедеятельность организма как целого.

Движение шло в двух направлениях. Со стороны физиологии нарастала тенденция к тому, чтобы возможно теснее «привязать» психические явления к нервно-мышечным. На «полюсе» психологии изменяло свой облик ее главное

направление – учение об ассоциациях.

Учение об ассоциациях изначально ценилось благодаря тому, что объясняло связь, прочность и изменчивость психических явлений устройством нервной системы. На нем лежала печать достоверности, присущей научному знанию о физической природе, сделавшему в XVII и XVIII веках гигантские шаги.

Такая печать могла держаться, пока мысль и практика натуралиста не начали осваивать нервную систему, развеивая фантастические представления о ней, подобные тем, которые вдохновляли отцов ассоцианизма Декарта, Локка, Гартли и др.

Все эти картины «нервных трубок», по которым проносятся «жизненные духи», вибраций мозгового вещества и т.п. оказались иллюзорными. Ассоциативная доктри на «зависла» в недрах сознания (или души), ибо лишилась опоры в деятельности мозга. Тем не менее она оставалась единственным направлением, способным не только описывать, но и объяснять психические факты. Ее объяснительный потенциал, созданный успехами механики, давшими новый образ физического мира (в том числе и организма как «вещи» этого мира), все еще сохранялся. Новые теоретики ассоцианизма искали выход в том, чтобы отстоять принцип ассоциации безотносительно к «механике» головного мозга, из законов которой она прежде выводилась.

Этот общий подход отстаивали авторы различных вариантов решения задачи путем «чисто» психологической, не «замешанной» на данных физиологии трактовки ассоциации.

Образцы подобной трактовки уже преподали Беркли и Юм. Идея дальнейшего продвижения в этом направлении получила в первой половине XIX века особую популярность в Англии.

Томас Браун: ассоциация как суггестия

Поскольку уже сам термин «ассоциация» тесно сопрягался с представлением о том, что связь идей обусловлена связью нервных элементов в организме, шотландский философ Томас Браун (1778 – 1820) предложил взамен термина «ассоциация» термин «суггестия» (внушение). Одна идея внушает другую, но не произвольно, а по определенным законам. Браун разделил эти законы на первичные (по смежности, сходству и контрасту) и вторичные (их девять: законы частоты, новизны, силы первоначального ощущения, длительности и др.).

Чем чаще осознаются психические образы, чем они необычнее, чем более сильные эмоции они вызывают и т.д., тем больше шансов на то, что появление одного из них приведет за собой другие.

Джеймс Милль: машина сознания

Английский историк и экономист Джеймс Милль (1773 – 1836) вернулся к представлению о том, что сознание – это своего рода ментальная (психическая) машина, работа которой совершается строго закономерно в силу ее собственного внутреннего устройства, не имеющего никакого отношения к устройству организма.

Всякий опыт состоит в конечном счете из простейших элементов (ощущений), образующих идеи (сперва простые, затем – все более сложные).

Никаких врожденных идей или спонтанных суггестий у субъекта не существует.

Джон Стюарт Милль: ментальная химия

Сын Джеймса Милля Джон Стюарт (1806 – 1873) являлся, как и его отец, одним из властителей дум своей эпохи не только в Англии, но и в континентальной Европе (его труды по логике, психологии, этике, экономике и другим наукам пользовались популярностью также и в России).

Если для его отца образцом точного научного знания служила механика (превращенная им в механику «чистого» сознания), то Джон Стюарт находился под влиянием больших успехов в химии. Он стал говорить о «ментальной химии». Под этим имелось в виду, что в человеческом сознании происходит нечто подобное тому, что химик наблюдает в своей колбе при смешении различных элементов, а именно – появляется новый продукт.

Многое из того, что воспринимается сознанием как простое ощущение (например, звук скрипки или вкус апельсина, являющийся в действительности запахом) – это результат синтеза многих компонентов, подобно тому, как, например, вода, представляющаяся простой и единой, хотя она является соединением водорода и кислорода.

Этот миллевский постулат оказал большое влияние на работу первых психологических лабораторий. В них возникла программа, ставившая задачу добраться с помощью эксперимента до исходных «атомов» сознания, из которых создается его сложный состав. И тогда психология получит нечто подобное таблице Менделеева. Таковой, по представлению Милля-младшего, должна стать психология как точная наука об уме (сознании). При этом Д.С. Милль, считая все порождения человеческой культуры продуктом индивидуального сознания, работающего по законам ассоциации, выступил как сторонник направления, известного под именем «психологизма». (Экономика, политика, право, мораль подчинялись «великому принципу ассоциации идей».)

Гербарт: учение о статике и динамике представлений

Если в Англии главным объектом психологической мысли, опирающейся на законы ассоциаций, служило сознание, то в Германии в этот период наиболее популярным стало учение о бессознательной динамике психических представлений. Его автором выступил философ и педагог И. Гербарт (1776 – 1841).

Считая, как и все ассоцианисты, что в душе нет ничего изначального, что она возникает из первоэлементов, он называл их не идеями, а представлениями. Если идеи считались фактами сознания, то представления, по Гербарту, вытесняясь из сознания, образуют огромную массу элементов бессознательной психики. Эта масса была названа апперцептивной («апперцепция» от лат. «аб» – к и «перцепциа» – восприятие).

Каждое новое представление находится под давлением этой массы и удерживается благодаря ей. Незнакомое вводится в ум посредством уже знакомого.

Этот постулат Гербарт положил в основу своей педагогической системы, нашедшей немало сторонников. Кроме того, он предпринял попытку вывести математические формулы, по которым представления теснят друг друга, выталкиваются из сознания и вновь захватывают его. Он надеялся, опираясь на это учение о «статике и динамике представлений», придать психологии характер точной, опытной науки.

Его главный труд так и назывался: «Психология, по-новому основанная на метафизике, опыте и математике». Ряд установок Гербарта – возвращение к понятию о бессознательной психике (впервые оно было предложено Лейбницем), соотнесение его с апперцептивной массой, определяющей успех представлений в борьбе за «жизненное пространство» сознания, а также уверенность в том, что и к психологии применима математика, – явился попыткой перевести принципы, подобные ассоцианизму, на новый язык. Не механика, не химия, а математика, обобщающая динамику психических элементов, способна, согласно Гербарту, объяснить, как из этих элементов складывается опыт индивида.

Между тем глубинные изменения в стиле научного мышления вели к дальнейшей трансформации ассоцианизма.

И Милли, и Гербарт искали закономерности психики в пределах индивидуальной жизни. У Миллей она ограничивалась сознанием субъекта. Гербарт решительно расширил ее за счет бессознательной психики.

Психофизика

К новым открытиям пришел другой исследователь органов чувств – физиолог Эрнст Вебер (1795 – 1878). Он задался вопросом: насколько следует

изменять силу раздражения, чтобы субъект уловил едва заметное различие в ощущении.

Таким образом, акцент был перемещен. Предшественников Вебера занимала зависимость ощущений от нервного субстрата, Вебера — зависимость между континуумом ощущений и континуумом вызывающих их внешних физических стимулов. Обнаружилось, что существует вполне определенное (для различных органов чувств различное) отношение между первоначальным раздражителем и последующим, при котором субъект начинает замечать, что ощущение стало уже другим. Для слуховой чувствительности, например, это отношение составляет 1/160, для ощущения веса – 1/30 и т.д.

Опыты и математические выкладки стали истоком течения, влившегося в современную науку под именем психофизики. Ее основоположником выступил другой немецкий ученый Г. Фехнер (1801 – 1887). Он также перешел от психофизиологии к психофизике.

Она начинала с представлений о, казалось бы, локальных психических феноменах. Но получила огромный методологический и методический резонанс во всем корпусе психологического знания. В него внедрялись эксперимент, число, мера. Таблица логарифмов оказалась приложимой к явлениям душевной жизни, поведению субъекта, когда ему приходится определять едва заметные различия между внешними объективными влияниями.

Прорыв от психофизиологии к психофизике был знаменателен и в том отношении, что разделил принцип причинности и принцип закономерности. Ведь психофизиология была сильна выяснением причинной зависимости субъективного факта (ощущения) от строения органа (нервных волокон), как этого требовало «анатомическое начало».

Обойдя его, психофизика доказала, что в психологии и при отсутствии знаний о телесном субстрате могут быть строго эмпирически открыты законы, которым подвластны ее явления.

Измерение времени реакции

Старая психофизиология с ее «анатомическим началом» расшатывалась самими физиологами еще с одной стороны. Голландский физиолог Ф. Дондерс (1818 – 1889) занялся экспериментами по изучению скорости протекания психических процессов. До него Гельмгольц открыл скорость прохождения импульса по нерву. Дондерс же обратился к измерению скорости реакции субъекта на воспринимаемые им объекты. Испытуемый выполнял задания, требовавшие от него возможно более быстрой реакции на один из нескольких раздражителей, выбора различных ответов на разные раздражители и т.д. Эти опыты разрушали веру во мгновенно действующую душу, доказывали, что психический процесс, подобно физическому, может быть измерен. И хотя, как и в

психофизике, знание о нервной системе не вносило даже малой толики в объяснение новых данных, считалось само собой разумеющимся, что психические процессы совершаются именно в ней.

Вскоре Сеченов, ссылаясь на изучение времени реакции как процесса, требующего целостности головного мозга, подчеркивал: *«Психическая деятельность как всякое земное явление происходит во времени и пространстве»*[14].

Гельмгольц: лидер психофизиологии

Центральной фигурой в создании основ, на которых строилась психология как наука, имеющая собственный предмет, был Герман Гельмгольц (1821 – 1894). Его разносторонний гений преобразовал многие науки о природе, в том числе о природе психического. Им был открыт закон сохранения энергии. Мы все дети Солнца, говорил он, ибо живой организм, с позиции физика, – это система, в которой нет ничего, кроме преобразований различных видов энергии. Тем самым из науки изгонялось представление об особых витальных силах, отличающих по ведение в органических телах от неорганических.

Но, занявшись таким телесным устройством, как орган чувств, Гельмгольц принял за объяснительный принцип не энергетическое (молекулярное), а анатомическое начало. Именно на последнее он опирался в своей концепции цветного зрения. Гельмгольц исходил из гипотезы о том, что имеются три нервных волокна, возбуждение которых волнами различной длины создает основные ощущения цветов: красное, зеленое и фиолетовое.

Такой способ объяснения оказался непригодным, когда он от ощущений перешел к анализу восприятии целостных объектов в окружающем пространстве. Этот анализ побудил ввести два новых фактора: а) движения глаз ных мышц; б) подчиненность этих движений особым правилам, подобным тем, по которым строятся логические умозаключения. Поскольку эти правила действуют независимо от сознания, Гельмгольц дал им имя «бессознательных умозаключений». Тем самым экспериментальная работа столкнула Гельмгольца с необходимостью ввести новые причинные факторы. До того он относил к этим факторам либо превращения физической энергии, либо зависимость ощущения от устройства органа.

Теперь к этим двум причинным «сеткам», в которые наука улавливает жизненные процессы, присоединялась третья. Источником психического (зрительного) образа выступал внешний объект, в возможно более отчетливом видении которого состояла решаемая глазом задача.

---

[14] *Сеченов И.М. Избр. филос. и психол. произв. М., 1947, С. 228.*

Выходило, что причина психического эффекта скрыта не в устройстве организма, а вне его. В опытах Гельмгольца между глазом и объектом ставились призмы, искажавшие восприятие объекта. Однако посредством различных приспособительных движений мышц организм стремился восстановить адекватный образ этого объекта. Выходило, что движения мышц выполняют не чисто механическую, а познавательную (даже логическую) работу.

В зоне научного анализа появились феномены, которые говорили об особой форме причинности: не физической и не физиолого-анатомической, а психической. На мечалось разделение психики и сознания. Опыты говорили, что возникающий в сознании образ внешнего предмета порождается независимым от сознания телесным механизмом.

Пфлюгер: пересмотр концепции

Введение психического фактора как регулятора поведения организма произошло и в работах физиолога Э. Пфлюгера. Он подверг экспериментальной критике схему рефлекса как дуги, в которой центростремительные нервы, благодаря связи с центробежными, производят одну и ту же стандартную мышечную реакцию.

В XIX веке физиологические опыты ставились главным образом на лягушках. (По этому поводу в дальнейшем было даже предложено поставить лягушке памятник.) Обезглавив лягушку, Пфлюгер помещал ее в различные условия. Оказалось, что ее рефлексы вовсе не сводились к автоматической реакции на раздражение. Они изменялись соответственно внешней обстановке. На столе она ползала, в воде плавала и т.д. Пфлюгер сделал вывод о том, что даже у обезглавленной лягушки нет чистых рефлексов. Причиной ее приспособительных действий служит не сама по себе «связь нервов», но сенсорная функция. Именно она позволяет различать условия и, соответственно этому, изменять поведение.

Опыты Пфлюгера, как и других физиологов, открывали особую причинность – психическую. Ведь чувствование (то, что Пфлюгер называл «сенсорной функцией») — это не физиологическая, а психологическая причина. Функция, о которой идет речь, заключается в различении условий, в которых находится организм, и в регуляции, соответственно этим условиям, действий организма. В различении того, что происходит во внешней среде и реагировании на происходящее в ней, и состоит фундаментальное предназначение психики, ее главный жизненный смысл. Одновременно эти опыты подрывали принятое мнение о том, что психика и сознание одно и то же. О каком сознании у обезглавленной лягушки могла идти речь?

Через 50 лет создатель нового учения о психике И.М. Сеченов подчеркнул, что вывод Пфлюгера оказался в конце XIX века еще более справедливым, чем в середине этого века, когда он впервые был высказан в полемике с двумя группами

исследователей: а) теми, кто считал рефлекс чисто механическим актом, связью нервов, которая ни в какой психике не нуждается, и б) теми, кто считал, что приспособительным поведением может управлять только сознание как знание субъекта о том, что он делает. Между тем история научных разработок показала, что нужно отказаться и от прежних представлений о рефлексе как акте чисто механическом, и от прежних представлений о сознании как способности субъекта дать самоотчет о своих мыслях, чувствах и т.п. Такая способность является лишь одним из проявлений сознания (она называется самосознанием), но сознание представляет собой неизмеримо более сложную систему и к самосознанию не сводится.

Наряду с сознанием имеется огромная область неосознаваемой психики (бессознательного), которая не сводится ни к нервной, системе, ни к системе сознания.

Дарвин: революция в биологии и психологии

Революцию во всем строе биологического и психологического мышления произвело учение английского на туралиста Чарльза Дарвина (1809 – 1882). Его труд «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859) называют одним из самых важных в истории западной цивилизации. В книге излагалась новая теория развития животного мира. Сам по себе принцип развития издревле направлял размышления о природе, обществе и человеке (в том числе и о душе). У Дарвина этот принцип воплотился в величественное учение, укорененное в «Монблане фактов».

Это учение опровергало библейский догмат о том, что все виды живых существ раз и навсегда сотворены Богом. Нападки церковников на Дарвина достигли апогея после выхода в свет его труда «Происхождение человека» (1870), из которого следовало, что человек создан не по образу и подобию божьему, но является выходцем из обезьяньего стада.

В основе воссозданной Дарвином величественной картины миллионнолетий развития живой природы лежало новое объяснение причинных факторов этого развития, то есть детерминизма.

Дарвиновское учение ознаменовало крутой поворот от одной формы детерминизма к другой. Прежний детерминизм мыслил все мироздание в категориях механики. Новый детерминизм в отличие от прежнего являлся биологическим. (Сокращенно их можно обозначить как механодетерминизм и биодетерминизм.)

Какие же признаки вводил этот новый стиль мышления? Прежде всего, Дарвин указывал на естественный отбор как фактор выживания организмов в постоянно угрожающей их существованию среде. В ходе эволюции выживают те, кто смог наиболее эффективно приспособиться. Опорным в этой объяснительной

схеме является фактор наследственности. Те животные формы, которые выжили в борьбе за существование, передают свои свойства потомству. Между особями, образующими данный вид, существуют биологически предопределенные различия. Без изменчивости не было бы и развития. Выживают же те, кому удалось лучше приспособиться (адаптироваться). Естественный отбор безжалостно истребляет все, что не способствует выживанию, адаптации.

Со времен Аристотеля загадкой для всех мыслящих людей являлась целесообразность устройства, функций и поведения живых существ в отличие от неорганических объектов. Не находя другого решения, полагали, что в живом организме изначально заложена цель. (По Аристотелю, им управляет энтелехия.)

Дарвин дал точное научное объяснение целесообразности, не обращаясь к понятию о врожденной цели. Все эти нововведения произвели переворот не только в биологии, но и в психологии.

Поскольку естественный отбор отсекает все не нужное для жизни, то он истребил бы и психические функции, если бы они не способствовали приспособлению. Это побудило рассматривать психику как элемент адаптации организма к окружающей среде. Психика не могла более представляться изолированным «островом духа». Определяющим для психологии взамен отдельного организма становится отношение «организм — среда». Это порождало новый системный стиль мышления, который в дальнейшем привел к выводу, что предметом психологии должно быть не сознание индивида, но его поведение во внешней среде, изменяющей (детерминирующей) организм и психический склад индивида.

Понятие об индивидуальных вариациях является не пременной составной частью эволюционной теории Дарвина. Стало быть, к ним относятся и вариации в сфере психики. Это придало мощный импульс разработке нового направления в психологии, предметом которого стало изучение индивидуальных различий между людьми, обусловленных законами наследственности. Это направление, инициатором создания которого стал кузен Дарвина Френсис Гальтон, превратилось в разветвленную ветвь дифференциальной психологии (см. ниже).

Наконец, дарвинизм стимулировал изучение психики в животном мире, став основанием еще одного нового направления в науке – зоопсихологии. Отвергнув версию о непроходимой пропасти между человеком и животным, эволюционная биология стала предпосылкой широкого изучения с помощью объективных экспериментальных методов механизмов психической регуляции поведения на таких объектах, как животные (белые крысы, собаки, обезьяны и др.).

Дарвин подверг специальному анализу инстинкты как побудительные силы поведения. С фактами в руках он подверг критике версию об их разумности. Вместе с тем без этих слепых побуждений, корни которых уходят в историю вида, организм не может выжить. Инстинкты связаны с эмоциями. К ним Дарвин также подошел не с точки зрения их осознания субъектом, а опираясь на объективные наблюдения за выразительными движениями.

Некогда эти движения имели практический смысл, о чем напоминают сжатие кулаков или оскал зубов у современного человека. Были времена, когда эти агрессивные реакции означали готовность к борьбе. Традиционная психология считала чувства элементами сознания. Теперь же эмоции, захватывающие индивида, выступили в качестве феноменов, которые, хотя и являются психическими, однако первичны по отношению к его сознанию.

Спенсер: принцип адаптации к среде

Наряду с Дарвином и одновременно с ним идеи новой эволюционной биологии развивал английский философ Герберт Спенсер (1820 – 1903).

Следуя доминировавшей в Англии традиции, он был приверженцем ассоцианизма. Однако последний претерпел в труде Спенсера «Основы психологии» (1855) существенную трансформацию. В нем жизнь определялась как «непрерывное приспособление внутренних отношений к внешним». Происходящее внутри организма (стало быть, и сознание) может быть понято только в системе его отношений к внешней среде. Отношения же – это не что иное, как адаптации. С этой точки зрения должны быть поняты и ассоциации как связи между элементами психической жизни.

Во всей своей прежней истории психология, если и искала телесный субстрат ассоциаций (от Аристотеля до Гартли), то обращалась только к одному направлению, а именно – физиологическому. Строились различные предположения о процессах внутри организма, проекцией которых становятся связи между психическими явлениями. Принцип адаптации требовал «покинуть» изолированный организм и искать «корень» ассоциаций в том, что происходит во внешнем мире, к которому организм повседневно приспосабливается.

Чтобы выжить, организм вынужден устанавливать связь между объектами этого мира и своими реакциями на них. Случайные, несущественные для выживания связи он игнорирует, а связи, необходимые для решения этой задачи, прочно фиксирует, сохраняет «про запас», на случай новых конфронтаций со всем, что может угрожать его существованию. Но очевидно, что адаптация в данном случае означает не только приспособление к новым ситуациям органов чувств как источников информации о том, что происходит вовне (на манер того, как, например, изменяется чувствительность глаза в темноте). Утверждался новый вид ассоциаций – между внутренними психическими образами и реализующими адаптацию целостного организма мышечными действиями.

Здесь свершился крутой поворот в движении психологической мысли. Из «поля сознания» она устремилась в «поле поведения».

Отныне не физика и химия, как прежде, а биология становится путеводной звездой в разработке ассоциативной доктрины, обретающей, как мы увидим,

новый облик в бихевиоризме и рефлексологии.

Спенсер стоял у истоков того пути, по которому продвигались Сеченов, Торндайк, Павлов, Бехтерев, Уотсон и другие пионеры объективной психологи.

Прежде чем были изобретены объективные методы изучения целостного поведения, научно-психологическая мысль добилась крупных успехов в экспериментальном анализе деятельности органов чувств. Эти успехи были связаны с открытием закономерной, математически исчислимой зависимости между объективными физическими стимулами и производимыми ими психическими эффектами – ощущениями.

Именно это направление сыграло решающую роль в превращении психологии в самостоятельную экспериментальную науку.

Гипноз и внушение

Свою лепту в разграничение психики и сознания внесли исследования гипноза. Первоначально они приобрели в Европе большую популярность благодаря деятельности австрийского врача Месмера, объяснявшего свои гипнотические сеансы действием магнитных истечении (флюидов). Затем, отвергнув месмеризм, английский хирург Брэд стал сторонником физиологической трактовки гипноза (предложив термин «нейрогипноз»). Однако в дальнейшем он придал решающую роль психологическому фактору.

Будучи предметом интересов медиков, использующих гипноз в своей практике, он не только демонстрировал факты психически регулируемого поведения с выключенным сознанием (поддерживая тем самым представление о бессознательной психике). Чтобы вызвать гипнотическое состояние, требовался «раппорт» — создание ситуации взаимодействия между врачом и пациентом. Обнажаемая гипнозом бессознательная психика является социально-бессознательной. Ведь она инициируется и контролируется другим человеком.

Если Дарвин вывел психику за пределы индивида к истории вида, то врачи-гипнотизеры — за пределы индивида к другому индивиду.

Психология становится отдельной наукой: объективный метод и психическая причинность

На различных участках экспериментальной работы (Вебер, Фехнер, Дондерс, Гельмгольц, Пфлюгер и многие другие) складывались представления об особых закономерностях и факторах, отличных как от физиологических, так и от тех, которые относились к психологии в качестве ветви философии, имеющей своим предметом явления сознания, изучаемые внутреним опытом. Наряду с лабораторной работой физиологов по изучению органов чувств и движений, успехи эволюционной биологии и медицинской практики (применяющей гипноз

при лечении неврозов) готовили новую психологию. Открывался целый мир психических явлений, доступных такому же объективному изучению, как любые другие природные факты.

Было установлено с опорой на экспериментальные и количественные методы, что в этом психическом мире действуют собственные законы и причины. Это создало почву для отделения психологии как от физиологии, так и от философии.

Программа построения психологии как самостоятельной науки

Следует различать реальную жизнь науки и ее отражение в теоретических программах. К 70-м годам прошлого века в жизни науки созрела потребность в том, чтобы разрозненные знания о психике объединить в научную дисциплину, отличную от других.

Когда время приспело, говорил Гете, яблоки падают одновременно в разных садах. Время приспело для определения статуса психологии как самостоятельной науки, и тогда почти одновременно сложилось несколько программ ее разработки. Они по-разному определяли предмет, метод и задачи психологии, вектор ее развития.

Вундт: психология — наука о непосредственном опыте

Наибольший успех выпал на долю В. Вундта (1832 – 1920). Он пришел в психологию из физиологии (одно время был ассистентом Гельмгольца) и первым принялся собирать и объединять в новую дисциплину созданное различными исследователями. Дав ей древнее имя психологии, он, стремясь расстаться с ее спекулятивным прошлым, присоединил к этому имени эпитет – физиологическая. «Основы физиологической психологии» (1873 – 1874) – так назывался его монументальный труд, воспринятый как свод знаний о новой науке. Организовав же в Лейпциге первый специальный психологический институт (1875), он занялся в нем темами, заимствованными у физиологов, – изучением ощущений, времени реакций, ассоциаций, психофизики. Приняться за анализ обширной области душевных явлений с помощью приборов и экспериментов было смелым делом. К Вундту стала стекаться молодежь из многих стран. Возвращаясь домой, они создавали там лаборатории, сходные с лейпцигской.

Психологами было принято называть знатоков человеческих душ. Но психологи по профессии появились лишь после Вундта.

Историки подсчитали, что школу Вундта прошли 136 немцев, 14 американцев, 10 англичан, 6 поляков, 3 русских, 2 француза. Она стала главным питомником первого поколения психологов-эксперименталистов.

Уникальным предметом психологии, никакой другой дисциплиной не изучаемым, был признан «непосредственный опыт». Главным методом – интроспекция: наблюдение субъекта за процессами в своем сознании. Интроспекция понималась как особая процедура, требующая специальной длительной тренировки.

При обычном самонаблюдении, присущем каждому человеку, способному дать отчет в том, что он воспринимает, чувствует или думает, крайне трудно отделить восприятие как психический процесс от воспринимаемого реального или представляемого объекта. Считалось, что этот объект дан во внешнем опыте. От испытуемых же требовалось отвлечься от всего внешнего с тем, чтобы найти исходные элементы внутреннего опыта, добраться до первичной «ткани» сознания, которая мнилась сплетенной из сенсорных (чувственных) «нитей». Когда возникал вопрос о более сложных психических феноменах, где в действие вступали мышление и воля, сразу же обнаруживалась беспомощность вундтовской программы.

Если ощущения можно быть объяснить в пределах принятых научным, причинным мышлением стандартов (как эффект воздействия стимула на телесный орган), то иначе обстояло дело с волевыми актами. Взамен того, чтобы быть причинно объясненными, они сами были приняты Вундтом за конечную причину процессов сознания и первичную духовную силу. Тем самым бывший естествоиспытатель Вундт стал сторонником волюнтаризма (от лат. «волюнтас» – воля), философии, считающей волю высшим принципом бытия.

Не меньшие просчеты обнаружились, когда ученики Вундта занялись процессами мышления. Один из них – О. Кюльпе (1862 – 1915), переехав в город Вюрцбург, создал там собственную школу. Ее программа была развитием Вундтовой. По-прежнему предметом психологии считались содержания сознания, а методом — интроспекция. Испытуемым предписывалось решать умственные задачи, наблюдая за происходящим при этом в сознании. Но самая изощренная интроспекция не могла найти тех чувственных элементов, из которых, по прогнозу Вундта, должна состоять «материя» сознания. Вундт пытался спасти свою программу сердитым замечанием, что умственные действия в принципе неподвластны эксперименту и потому должны изучаться по памятникам культуры – языку, мифу, искусству и др. Так возрождалась версия о «двух психологиях»: экспериментальной, родственной по своему методу естественным наукам, и другой психологии, которая взамен этого метода интерпретирует проявления человеческого духа.

Эта версия получила поддержку у сторонника другого варианта «двух психологий» философа В. Дильтея. Он отделил изучение связей психических явлений с телесной жизнью организма от их связей с историей культурных ценностей. Первую психологию он назвал объяснительной, вторую – понимающей.

К концу XIX века иссяк энтузиазм, который некогда пробудила программа Вундта. Заложенное в ней понимание предмета психологии, изучаемого с помощью использующего эксперимент субъективного метода, навсегда потеряло кредит доверия. Многие ученики Вундта порвали с ним и пошли другим путем.

Проделанная школой Вундта работа заложила основы экспериментальной психологии. Научное знание развивается путем не только подтверждения гипотез и фактов, но и их опровержения. Критики Вундта смогли получить новое знание благодаря тому, что преодолевали им добытое. Лев Толстой, перечисляя имена тех, кто «работает на научную истину», наряду с Дарвином и Сеченовым назвал Вундта.

Брентано: психология как изучение интенциональиых актов

Одновременно с Вундтом философ Франц Брентано (1838 – 1917) предложил свою программу новой психологии. Она излагалась в его работе «Психология с эмпирической точки зрения» (1874). Предметом психологии, как и у Вундта, считалось сознание. Однако его природа мыслилась иной.

Согласно Брентано, область психологии – это не содержания сознания (ощущения, восприятия, мысли, чувства), а его акты, психические действия, благодаря которым появляются эти содержания. Одно дело цвет или образ какого-либо предмета, другое – акт видения цвета или суждения о предмете. Изучение актов и есть уникальная сфера, неведомая физиологии. Специфика же акта в его интенции, направленности на какой-либо объект.

Концепция Брентано стала источником нескольких направлений западной психологии. Она придала импульс разработке понятия о психической функции как особой деятельности сознания, которое не сводилось ни к элементам, ни к процессам, но считалось изначально активным и предметным.

§ 6. Развитие экспериментальной и дифференциальной психологии

От уровня теоретических представлений о предмете психологии следует отличать уровень конкретной эмпирической работы, где под власть эксперимента подпадал все более широкий круг явлений. Давним, с платоновских времен, «гостем» психологии являлось представление об ассоциации. Оно получало различные толкования. В одних философских системах (Декарт, Гоббс, Спиноза, Локк, Гартли) ассоциация рассматривалась как связь и порядок телесных впечатлений, появление одного из которых вызывает по закону природы смежные с ним. В других системах (Беркли, Юм, Томас Браун, Джеймс Милль и др.)

ассоциация означала связь ощущений во внутреннем опыте субъекта, не имеющую отношения ни к организму, ни к порядку испытанных им внешних воздействий.

С рождением экспериментальной психологии изучение ассоциаций становится ее излюбленной темой. Она разрабатывалась в нескольких направлениях.

Эббингауз: законы

Молодая психология заимствовала свои методы у физиологии. Собственных она не имела, пока немецкий психолог Герман Эббингауз (1850 – 1909) не принялся за экспериментальное изучение ассоциаций. В книге «О памяти» (1885) он изложил результаты опытов, проведенных на себе с целью вывести точные математические законы, по которым сохраняется и воспроизводится выученный материал. Занявшись этой проблемой, он изобрел особый объект – бессмысленные слоги (каждый слог со стоял из двух согласных и гласной между ними, например, «мон», «пит» и т.п.).

Чтобы изучить ассоциации, Эббингауз сначала отобрал раздражители, которые не вызывают никаких ассоциаций. Над списком из 2300 бессмысленных слогов он экспериментировал в течение двух лет. Были испробованы и тщательно просчитаны различные варианты, касающиеся количества слогов, времени заучивания, числа повторений, промежутка между ними, динамики забывания (репутацию классической приобрела «кривая забывания», показывавшая, что примерно половина забытого падает на первые полчаса после заучивания) и других переменных.

В различных вариантах были получены данные, касающиеся числа повторений, нужных для последующего воспроизведения материала различного объема, забывания различных фрагментов этого материала (начала списка слогов и его конца), эффекта сверхзаучивания (повторение списка большее число раз, чем требуется для его успешного воспроизведения) и др. Тем самым законы ассоциации выступили в новом свете. Эббингауз не обращался за их объяснением к физиологам. Но и роль сознания его не интересовала. Ведь любой элемент сознания (будь то психический образ или акт) изначально осмыслен, а в смысловом содержании виделась помеха изучению механизмов чистой памяти.

Эббингауз открывал новую главу в психологии не только потому, что первым отважился заняться экспериментальным изучением мнемических процессов, более сложных, чем сенсорные. Его уникальный вклад определялся тем, что впервые в истории науки посредством экспериментов и количественного анализа их результатов были открыты собственно психологические закономерности, действующие независимо от сознания, иначе говоря —

объективно. Равенство психики и сознания (принятое в ту эпоху за аксиому) перечеркивалось.

Торндайк: законы интеллекта как научения

То, что в европейской традиции обозначалось как процессы ассоциации, вскоре становится одним из главных направлений американской психологии под именем «научения». Это направление принесло в психологию объяснительные принципы учения Дарвина, где утвердилось новое понимание детерминации поведения целостного организма и тем самым всех его функций, в том числе психических.

Среди новых объяснительных принципов выделялись: вероятностный характер реакций как принцип естественного отбора и адаптация организма к среде в целях выживания в ней. Эти принципы образовали контуры новой детерминистской (каузальной) схемы. Прежний механический детерминизм уступил место биологическому. На этом переломе в истории научного познания понятие об ассоциации приобрело особый статус. Прежде она означала связь идей в сознании, теперь же — связь между движениями организма и конфигурацией внешних стимулов, от приспособления к которым зависит решение жизненно важных для организма задач.

Ассоциация выступала как способ приобретения новых действий, а по принятой вскоре терминологии – научения. Первый крупный успех в преобразовании понятия об ассоциации принесли опыты Эдвара Торндайка (1874–1949) над животными (главным образом кошками). Он использовал так называемые проблемные ящики.

Помещенное в ящик животное могло выйти из него и получить подкормку, лишь приведя в действие специальное устройство – нажав на пружину, потянув за петлю и т.п. Животные совершали множество движений, бросались в разные стороны, царапали ящик и т.п., пока одно из движений случайно не оказывалось удачным. «Пробы, ошибки и случайный успех» – такова была формула, принятая для всех типов поведения как животных, так и человека. Торндайк объяснял свои опыты несколькими законами научения. Прежде всего, законом упражнения (двигательная реакция на ситуацию связывается с этой ситуацией пропорционально частоте, силе и продолжительности повторения связей). К нему присоединялся закон эффекта, гласивший, что из нескольких реакций наиболее прочно сочетаются с ситуацией те из них, которые сопровождаются чувством удовлетворения.

Торндайк предполагал, что связям между движением и ситуацией соответствуют связи в нервной системе (т.е. физиологический механизм), а закрепляются связи благодаря чувству (т.е. субъективному состоянию). Но ни физиологические, ни психологические компоненты ничего не добавляли к

нарисованной Торндайком независимо от них «кривой научения», где на абсциссе отмечались повторные пробы, а на оси ординат – затраченное время (в минутах).

Главная книга Торндайка называлась «Интеллект животных. Исследование ассоциативных процессов у животных» (1898). Тем самым ассоциации трактовались как интеллектуальные, стало быть, смысловые процессы. Вся прежняя психология считала смыслы неотъемлемым атрибутом сознания. Отныне они оказывались присущими телесному поведению.

До Торндайка своеобразие интеллектуальных процессов относилось за счет идей, мыслей, умственных операций (как актов сознания). У Торндайка же они выступили в виде независимых от сознания двигательных реакций организма. В прежние времена эти реакции относились к разряду рефлексов – машинальных стандартных ответов на внешнее раздражение, предопределенных самим устройством нервной системы. Согласно Торндайку, они являются интеллектуальными, ибо направлены на решение задачи, справиться с которой организм, используя наличный запас ассоциаций, бессилен. Выход состоит в выработке новых ассоциаций, новых двигательных ответов на необычную для него – и потому проблемную – ситуацию.

Упрочение ассоциаций психология относила к процессам памяти. Когда же речь шла о действиях, ставших автоматизированными благодаря повторению, их называли навыками.

Открытия Торндайка были истолкованы как законы образования навыков. Между тем он считал, что исследует интеллект, т.е. смысловую основу поведения. На вопрос: «Имеется ли ум у животных?» был дан положительный ответ. Но за этим стояло новое понимание ума, не нуждающееся в обращении к внутренним процессам сознания. Под интеллектом имелась в виду выработка организмом «формулы» реальных действий, позволяющих ему успешно справиться с проблемной ситуацией. Успех достигался случайно. Такой взгляд запечатлел новое понимание детерминации жизненных явлений, которое пришло в психологию с триумфом дарвиновского учения. Оно вводило вероятностный стиль мышления. В органическом мире выживает лишь тот, кому удается, «пробуя и ошибаясь», отобрать наиболее выгодный вариант реакции на среду из многих возможных.

Этот стиль мышления открывал широкие перспективы внедрения в психологию статистических методов.

Гальтон: генетика индивидуальных различий

Главные достижения в разработке этих методов применительно к психологии связаны с творчеством Френсиса Гальтона (1822 – 1911).

Находясь под глубоким впечатлением идей своего кузена Ч. Дарвина, он решающее значение придал не фактору приспособления отдельного организма к

среде, а фактору наследственности, согласно которому приспособление вида достигается за счет генетически детерминированных вариаций индивидуальных форм, образующих этот вид. Опираясь на данный постулат, Гальтон стал пионером в разработке генетики поведения.

Благодаря его неутомимой энергии широко развернулось изучение индивидуальных различий. Эти различия постоянно давали о себе знать в экспериментах по определению порогов чувствительности, времени реакции, динамики ассоциаций и других психических феноменов. Но поскольку основной целью являлось открытие общих законов, различиями в реакциях испытуемых пренебрегали. Гальтон же сделал основной упор именно на различиях, считая, что они генетически предопределены.

В книге «Наследственный гений» (1869) он доказывал, ссылаясь на множество фактов, что выдающиеся способности передаются по наследству. Используя наличные экспериментально-психологические методики, присоединив к ним изобретенные им самим, он поставил их на службу изучению индивидуальных вариаций. Это от носилось как к телесным, так и психическим признакам. Последние считались не в меньшей степени зависящими от генетических детерминант, чем, скажем, цвет глаз.

В его лаборатории в Лондоне каждый желающий мог за небольшую плату определить свои физические и психические способности, между которыми, по Гальтону, существуют корреляции. Через эту антропологическую лабораторию прошло около 9000 человек. Но Гальтон, которого иногда называют первым практикующим психологом, держал в уме более глобальный замысел. Он рассчитывал охватить все население Англии с тем, чтобы определить уровень психических ресурсов страны.

Свои испытания он обозначил словом «тест», которое широко вошло в психологический лексикон. Гальтон стал пионером преобразования экспериментальной психологии в дифференциальную, изучающую различия между индивидами и группами людей. Непреходящей заслугой Гальтона явилась углубленная разработка вариационной статистики, изменившей облик психологии как науки, широко использующей количественные методы.

Бине: тесты интеллекта

Гальтон применял тесты, касающиеся работы органов чувств, времени реакции, образной памяти (найдя, например, сходство зрительных образов у близнецов) и других чувствительно-двигательных функций.

Между тем практика требовала информации о высших функциях в целях диагностики индивидуальных различий между людьми, касающихся приобретения знаний и выполнения сложных форм деятельности.

Первый вариант решения этой задачи принадлежал французскому

психологу Анри Бине (1857 – 1911). Он начинал с экспериментальных исследований мышления (испытуемыми служили две его дочери). Однако вскоре, по заданию правительственных органов, он стал искать психологические средства, с помощью которых удалось бы отделить детей, способных к учению, но ленивых, от тех, кто страдает врожденными дефектами.

Опыты по изучению внимания, памяти, мышления были проведены на многих испытуемых различных возрастов. Экспериментальные задания Бине превратил в тесты, установив шкалу, каждое деление которой содержало задания, выполнимые нормальными детьми определенного возраста. Эта шкала приобрела популярность во многих странах.

В Германии Вильям Штерн ввел понятие «коэффициент интеллекта» (по-английски Ай-Кью). Данный коэффициент соотносил «умственный» возраст (определяемый по шкале Бине) с хронологическим («паспортным»). Их несовпадение считалось показателем либо умственной отсталости (когда «умственный» возраст ниже хронологического), либо одаренности (когда «умственный» возраст превосходит хронологический). Это направление под именем тестологии стало важнейшим каналом сближения психологии с практикой. Техника измерения интеллекта позволяла на основе данных психологии (а не чисто эмпирически) решать вопросы обучения, отбора кадров, профпригодности и др.

Достижения экспериментального и дифференциального направлений, наиболее ярко воплощенные в творчестве названных исследователей, но ставшие возможными благодаря работе всего поколения молодых неофитов-профессионалов, подспудно и неотвратимо изменяли предметную область психологии. Это была иная область, чем очерченная в теоретических схемах, от которых психология начинала свой путь в качестве науки, гордившейся своей самобытностью. Предметом анализа служили не элементы и акты сознания, никому не ведомые кроме субъекта, изощрившего свое внутреннее зрение. Им стали телесные реакции, изучаемые объективным методом. Выяснилось, что их связи, носившие в прошлом имя ассоциаций, возникают и преобразуются по особым психологическим законам. Их открывает эксперимент в сочетании с количественными методами. Для этого нет необходимости обращаться ни к физиологии, ни к показаниям самонаблюдения.

Что же касается объяснительных принципов, то они черпались не в механике, снабжавшей психологическую мысль в течение трех веков принципом причинности, а в дарвиновском учении, преобразовавшем картину организма и его функций.

Радикальное изменение ориентации отражало запросы как логики научного познания (переход к биологической причинности), так и актуальные общественные потребности. Это ярко проявилось в поисках факторов, обучающих организм эффективным приспособительным действиям, и в успехах психодиагностики.

§ 7. Основные психологические школы

Чем успешнее шла в психологии экспериментальная работа, тем обширнее становилось поле изучаемых ею явлений, тем стремительнее росла неудовлетворенность версии о том, что уникальным предметом этой науки служит сознание, а методом – интроспекция.

Это усугублялось успехами новой биологии. Она изменила взгляд на все жизненные функции, в том числе – психические. Восприятие и память, навыки и мышление, установки и чувства трактуются отныне как своего рода «инструменты», работающие на решение организмом задач, с которыми его сталкивают жизненные ситуации.

Рушилось воззрение на сознание как замкнутый в себе внутренний мир. Влияние дарвинистской биологии сказалось и в том, что психические процессы стали исследоваться с точки зрения развития.

На заре психологии главным источником сведений об этих процессах служил взрослый индивид, способный в лаборатории, следуя инструкции экспериментатора, сосредоточить свой «внутренний взор» на фактах «непосредственного опыта». Но стимулированное идеей развития расширение зоны познания ввело в психологию особые объекты. К ним невозможно было применить метод интроспективного анализа. Таковыми являлись факты поведения животных, детей, психически больных.

Новые объекты требовали и новых объективных методов. Только они могли обнажить те уровни развития психики, которые предшествовали процессам, изучаемым в лабораториях. Отныне уже невозможно было относить эти процессы к разряду первичных фактов сознания. За ними ветвилось великое древо сменяющих друг друга психических форм. Научные сведения о них позволили психологам перейти из университетской лаборатории в детский сад, школу, психиатрическую клинику.

Практика реальной исследовательской работы до основания расшатала взгляд на психологию как науку о сознании. Созревало новое понимание ее предмета. Оно по-разному преломилось в теоретических воззрениях и системах.

В любой области знания имеются конкурирующие концепции и школы. Такое положение нормально для роста науки. Однако при всех разногласиях эти направления скрепляют общие воззрения на исследуемый предмет. В психологии же в начале XX столетия расхождение и столкновение позиций определялись тем, что каждая из школ отстаивала отличный от других собственный предмет. Психологи, по свидетельству одного из них, почувствовали себя «в положении Приама на развалинах Трои». Между тем, за видимым распадом шли процессы более углубленного, чем в прежние времена, освоения реальной психической жизни, различные стороны которой отразились в новых теоретических конструктах. С их разработкой сопряжены революционные сдвиги по всему

фронту психологических исследований.

Функционализм

В начале XX века прежний образ предмета психологии, каким он сложился в период ее самоутверждения в семье других наук, сильно потускнел. Хотя по-прежнему большинство психологов считало, что они изучают сознание и его явления, эти явления все теснее соотносились с жизнедеятельностью организма, с его двигательной активностью. Лишь очень немногие продолжали вслед за Вундтом считать, что они призваны заниматься поисками строительного материала непосредственного опыта и его структурами.

Такому подходу, названному структурализмом, противостоял функционализм. Это направление, отвергая анализ внутреннего опыта и его структур, считало главным делом психологии выяснение того, как эти структуры работают, когда решают задачи, касающиеся актуальных нужд людей. Тем самым предметная область психологии расширялась, охватывая психические функции (а не элементы) как внутренние операции, которые производятся не бестелесным субъектом, а организмом с целью удовлетворить его потребность в приспособлении к среде.

У истоков функционализма в США стоял Вильям Джемс (1842 – 1910). Он известен также как лидер философии прагматизма (от греч. «прагма» – действие), которая оценивает идеи и теории исходя из того, как они работают на практике, принося пользу индивиду.

В своих «Основах психологии» (1890) Джемс писал, что внутренний опыт человека – это не «цепочка элементов», а «поток сознания». Его отличают личностная (в смысле выражения интересов личности) избирательность (способность постоянно производить выбор).

Обсуждая проблему эмоций, Джемс (одновременно с датским врачом Карлом Ланге) предложил парадоксальную, вызвавшую острые споры концепцию, согласно которой первичными являются изменения в мышечной и сосудистой системах организма, вторичными – вызванные ими эмоциональные состояния. *«Мы опечалены, потому что плачем, приведены в ярость, потому что бьем другого»*[15].

Хотя Джемс не создал ни целостной системы, ни школы, его взгляды на служебную роль сознания во взаимодействии организма со средой, взывающей к практическим решениям и действиям, прочно вошли в идейную ткань американской психологии. До сих пор по блестяще написанной в конце прошлого века книге Джемса учатся в американских колледжах.

---

[15] *Джемс В. Психология. Пг., 1922, С. 288.*

Бихевиоризм

В начале XX века возникает мощное направление, утвердившее в качестве предмета психологии поведение, понятое как совокупность реакций организма, обусловленная его общением со стимулами среды, к которой он адаптируется. Кредо направления запечатлел термин «поведение» (англ. «бихевиор»), а само оно было названо бихевиоризмом. Его «отцом» принято считать Дж.Уотсона, в статье которого «Психология, каковой ее видит бихевиорист» (1913) излагался манифест новой школы. В нем требовалось «выбросить за борт» как пережиток алхимии и астрологии все понятия субъективной психологии сознания и перевести их на язык объективно наблюдаемых реакций живых существ на раздражители. Ни Павлов, ни Бехтерев, на концепции которых опирался Уотсон, не придерживались столь радикальной точки зрения. Они надеялись, что объективное изучение поведения в конце концов, как говорил Павлов, прольет свет на «муки сознания».

Бихевиоризм стали называть «психологией без психики». Этот оборот предполагал, что психика идентична сознанию. Между тем, требуя устранить сознание, бихевиористы вовсе не превращали организм в лишенное психических качеств устройство.Они изменили представление об этих качествах. Реальный вклад нового направления заключался в резком расширении изучаемой психологией области. Она отныне включала доступный внешнему объективному наблюдению, не зависимый от сознания стимул — реактивные отношения.

Изменились схемы психологических экспериментов. Они ставились преимущественно на животных – белых крысах. В качестве экспериментальных устройств, взамен прежних физиологических аппаратов, были изобретены различные типы лабиринтов и «проблемных ящиков». Запускаемые в них животные научились находить из них выход.

Тема научения, приобретения навыков путем проб и ошибок стала центральной для этой школы, собравшей огромный экспериментальный материал о факторах, определяющих модификацию поведения. Материал подвергался дотошной статистической обработке. Ведь реакции животных носили не жестко предопределенный, а статистический характер. Изменялось воззрение на законы, правящие поведением живых существ, в том числе человека, который предстал в этих опытах как «большая белая крыса», ищущая свой путь в «лабиринте жизни», где вероятность успеха не предопределена и царит его величество — случай.

Исключив сознание, бихевиоризм неизбежно оказался односторонним направлением. Вместе с тем, он ввел в научный аппарат психологии категорию действия в качестве не только внутренней духовной (как в прежние времена), но и внешней, телесной реальности. Бихевиоризм изменил общий строй психологического познания. Его предмет охватывал отныне построение и изменение реальных телесных действий в ответ на широкий спектр внешних вызовов.

Сторонники этого направления рассчитывали, что, опираясь на данные экспериментов, удастся объяснить любые естественные формы поведения людей, такие, например, как строительство небоскреба или игру в теннис. Основа же всего – законы научения.

Психоанализ

Наряду с бихевиоризмом и в те же самые времена до основания подорвал психологию сознания психоанализ. Он обнажил за покровом сознания мощные пласты не осознаваемых субъектом психических сил, процессов и механизмов. Мнение о том, что область психического простирается за пределами тех испытываемых субъектом явлений, о которых он способен дать отчет, высказывалось и до того, как психология приобрела статус опытной науки.

В предмет науки область бессознательного превратил психоанализ. Так назвал свое учение австрийский врач Зигмунд Фрейд (1856 – 1939). Как и многие другие классики современной психологии, он долгие годы занимался изучением центральной нервной системы, приобретя солидную репутацию специалиста в этой области.

Став врачом, занявшись лечением больных психическими расстройствами, он на первых порах пытался объяснить их симптомы динамикой нервных процессов (используя, в частности, сеченовское понятие о торможении). Однако, чем больше он углублялся в эту область, тем острее испытывал неудовлетворенность. Ни в нейрофизиологии, ни в царившей тогда психологии сознания он не видел средств, позволяющих объяснить причины патологических изменений в психике своих пациентов. А не зная причин, приходилось действовать вслепую, ибо только устранив их, можно было надеяться на терапевтический эффект.

В поисках выхода он обратился от анализа сознания к анализу скрытых, глубинных слоев психической активности личности. До Фрейда они не были предметом психологии, после него стали его неотъемлемой частью.

Первый импульс к их изучению придало применение гипноза. Внушив загипнотизированному человеку какое-либо действие с тем, чтобы он его выполнил после пробуждения, можно наблюдать, как он, хотя и совершает его будучи в полном сознании, но истинной причины не знает и начинает придумывать для него мотивы, чтобы оправдать свой поступок. Истинные причины от сознания скрыты, но именно они правят поведением. Анализом этих сил и занялись Фрейд и его последователи. Они создали одно из самых мощных и влиятельных направлений в современной науке о человеке. Используя различные методики истолкования психических проявлений (свободный ассоциативный поток мыслей у пациентов, образы их сновидений, ошибки памяти, оговорки, перенос пациентом своих чувств на врача и др.), они разработали сложную и

разветвленную сеть понятий, оперируя которой, уловили глубинные «вулканические» процессы, скрытые за осознанными явлениями в «зеркале» самонаблюдения.

Главной среди этих процессов была признана имеющая сексуальную природу энергия влечения. Ее назвали словом «либидо». Со времен детства в условиях семейной жизни она определяет мотивационный ресурс личности. Испытывая различные трансформации, она подавляется, вытесняется и, тем не менее, прорывается сквозь «цензуру» сознания по обходным путям, разряжаясь в различных симптомах, в том числе патологических (расстройства движений, восприятия, памяти и т.д.).

Этот взгляд привел к пересмотру прежней трактовки сознания. Его активная роль в поведении не отвергалась, но представлялась существенно другой, чем в традиционной психологии. Его отношение к бессознательной психике мыслилось неизбывно конфликтным. В то же время только благодаря осознанию причин подавленных влечений и потаенных комплексов удается (с помощью техники психоанализа) избавиться от душевной травмы, которую они нанесли личности.

Открыв объективную психодинамику и психоэнергетику мотивов поведения личности, скрытую «за кулисами» ее сознания, Фрейд преобразовал прежнее понимание предмета психологии. Проделанная им и множеством его последователей психотерапевтическая работа обнажила важнейшую роль мотивационных факторов как объективных регуляторов поведения, стало быть, не зависимых от того, что нашептывает «голос самосознания».

Психоаналитическое движение

Фрейда окружало множество учеников. Наиболее самобытными из них, создавшими собственные направления, были Карл Юнг (1875 – 1961) и Альфред Адлер (1870 – 1937).

Первый назвал свою психологию аналитической, второй – индивидуальной. У истоков психоанализа их имена были так тесно связаны, что, когда Юнг на просьбу храниеля Британского музея назвать свою фамилию сказал «Юнг», тот переспросил: *«Фрейд-Юнг-Адлер?»* и услышал в ответ извинение: *«Нет, только Юнг»*.

Первым нововведением Юнга было понятие о «коллективном бессознательном». Если в бессознательную психику индивида могут, по Фрейду, войти явления, вытесненные из сознания, то Юнг считал ее насыщенной формами, которые никогда не могут быть индивидуально приобретенными, но являются даром далеких предков. Анализ дозволяет определить структуру этого дара, образуемого несколькими архетипами.

Будучи скрытыми от сознания организаторами личного опыта, архетипы обнаруживаются в сновидениях, фантазиях, галлюцинациях, а также творениях

культуры. Большую популярность приобрело разделение Юнгом человеческих типов на экстравертивный (обращенный вовне, увлеченный социальной активностью) и интровертивный (обращенный внутрь, сосредоточенный на собственных влечениях, которым Юнг вслед за Фрейдом дал имя «либидо», однако считал неправомерным отождествлять с сексуальным инстинктом).

Адлер, модифицируя исходную доктрину психоанализа, выделил как фактор развития личности чувство неполноценности, порождаемое, в частности, телесными дефектами. Как реакция на это чувство возникает стремление к его компенсации и сверхкомпенсации с тем, что бы добиться превосходства над другими. В «комплексе неполноценности» скрыт источник неврозов.

Психоаналитическое движение широко распространилось в различных странах. Возникали новые варианты объяснения и лечения неврозов динамикой неосознаваемых влечений, комплексов, психических травм. Менялись и представления самого Фрейда на структуру и динамику личности. Ее организация выступила в виде модели, компонентами которой являются: Оно (слепые иррациональные влечения), Я (эго) и Сверх-Я (уровень моральных норм и запретов, возникающих в силу того, что в первые же годы жизни ребенок идентифицирует себя с родителями).

От напряжения, под которым оказывается Я из-за давления на него, с одной стороны, слепых влечений, с другой – моральных запретов, человека спасают защитные механизмы: вытеснения (устранения мыслей и чувств в область бессознательного), сублимации (переключения сексуальной энергии на творчество) и т.п.

Жане: сотрудничество как генератор сознания

Психоанализ строился на постулате, согласно которому человек и его социальный мир находятся в состоянии тайной, извечной вражды. Иное понимание отношений между индивидом и общественной средой утвердилось во французской психологии. Личность, ее действия и функции объяснялись созидающим их контекстом, взаимодействием людей. В этом тигле выплавляется внутренний мир субъекта со всеми его уникальными признаками, которые прежняя психология сознания принимала за изначально данное.

Наиболее последовательно эту линию мысли, популярную среди французских исследователей, развивал П. Жане (1859 – 1947). Его первые работы в качестве психиатра касались болезней личности, возникающих, когда из-за падения «психического напряжения» (Жане предложил называть этот феномен «психостенией») происходит диссоциация идей и тенденций, разрыв связей между ними.

Ткань психической жизни расщепляется. В одном организме начинают жить несколько личностей. В дальнейшем Жане принимает за ключевой

объяснительный принцип человеческого поведения общение как сотрудничество. В его глубинах рождаются различные психические функции: воля, память, мышление и др.

В целостном процессе сотрудничества происходит разделение актов: один индивид выполняет первую часть действия, второй – другую его часть. Один командует, другой подчиняется. Затем субъект совершает по отношению к самому себе действие, к которому прежде принуждал другого. Он научается сотрудничать с собой, подчиняться собственным командам, выступая как автор действия, как лицо, обладающее собственной волей.

Многие концепции принимали волю за особую силу, коренящуюся в сознании субъекта. Теперь же доказывалась ее вторичность, ее производность от объективного процесса, в котором непременно представлен другой человек. Это же относится к памяти, которая первоначально предназначена для передачи поручений другим людям, тем, кто отсутствует.

Что касается умственных операций, то и они изначально являются реальными телесными действиями (в частности, речевыми), которыми люди обмениваются, совместно решая свои жизненные задачи.

Главным же механизмом возникновения внутрипсихических процессов служит интериоризация. Социальные действия из внешних, объективно наблюдаемых становятся внутренними, незримыми для других. Именно в силу этого возникает иллюзия их бестелесности и порождаемости «чистым» Я, а не сетями межличностных связей.

Эта ветвь психологических исследований внесла свою лепту в изменение исходной трактовки предмета психологии. Сохраняя сознание в качестве его ядра, она принимала за его единицы не сенсорные (ощущения, образы), интеллектуальные (идеи, мысли) или эмоционально-волевые элементы, а социальные действия (сначала – внешние, а затем – внутренние). Прежние концепции, для которых исходным пунктом служил индивид как носитель психических актов и содержаний, искали пути его социализации, т.е. приобщения к нормам и правилам жизни среди других. Вектор психологического изучения человека — по Жане — должен быть противоположным. Объяснению подлежит не социализация, а индивидуализация, т.е. причинный анализ того, как из социальных актов и отношений, в гуще которых изначально существует индивид, строится внутренний, личностный план его поведения. В предмете психологии в качестве его непременного «измерения» прорисовывалась изначальная социальность.

Гештальтизм: динамика психических структур

При всех преобразованиях, которые испытывала психология, понятие о сознании сохраняло в основном прежние признаки.

Изменялись взгляды на его отношение к поведению, неосознаваемым психическим явлениям, социальным влияниям. Но новые представления о том, как само это сознание организовано, впервые сложилось с появлением на научной сцене школы, кредо которой выразило понятие о гештальте (динамической форме, структуре). В противовес трактовке сознания как «сооружения из кирпичей (ощущений) и цемента (ассоциаций)» утверждался приоритет целостной структуры, от общей организации которой зависят ее отдельные компоненты.

Сама по себе мысль о том, что целое не сводится к образующим его частям, являлась очень древней. С ней можно было столкнуться также в работах некоторых психологов-экспериментадистов. Указывалось, в частности, что одна и та же мелодия, которую играют в различном ключе, воспринимается как та же самая, вопреки тому, что ощущения в этом случае совершенно различны. Стало быть, ее звуковой образ представляет собой особую целостность. Важные факты, касающиеся целостности восприятия, его несводимости к ощущениям, стекались из различных лабораторий.

Датский психолог Э.Рубин изучил интересный феномен «фигуры и фона». Фигура объекта воспринимается как замкнутое целое, а фон простирается позади. При так называемых «двойственных изображениях» в одном и том же рисунке различаются либо ваза, либо два профиля. Эти и множество аналогичных фактов говорили о целостности восприятия.

Идея о том, что здесь действует общая закономерность, требующая нового стиля психологического мышления, объединила группу молодых ученых. В нее входили М.Вертгеймер (1880 – 1943), В. Келер (1887 – 1967) и К. Коффка (1886 – 1941), ставшие лидерами направления, названного гештальт-психологией. Оно подвергло критике не только старую интроспективную психологию, занятую поиском исходных элементов сознания, но и молодой бихевиоризм. Критика последнего представляет особый интерес.

В опытах над животными гештальтисты показали, что, игнорируя психические образы – гештальты, нельзя объяснить их двигательное поведение. Об этом говорил, например, феномен «транспозиция». У кур вырабатывалась дифференцировка двух оттенков серого цвета. Вначале они учились клевать зерна, разбросанные на сером квадрате, отличая его от находившегося рядом черного. В контрольном опыте тот квадрат, который первоначально служил положительным раздражителем, оказывался рядом с квадратом еще более светлым. Куры выбирали именно этот последний, а не тот, на котором они привыкли клевать, следовательно, они реагировали не на стимул, а на соотношение стимулов (на «более светлое»).

Критике гештальтистов подвергалась и бихевиористская формула, «проб и ошибок». В противовес ей в опытах над человекообразными обезьянами выявилось, что они способны найти выход из проблемной ситуации не путем случайных проб, а мгновенно уловив отношения между вещами. Такое восприятие

отношений было названо «инсайтом» (усмотрением, озарением). Оно возникает благодаря построению нового гештальта, который не является результатом научения и не может быть выведен из прежнего опыта.

В частности, широкий интерес вызвала ставшая классической работа В. Келера «Исследование интеллекта у антропоидов». Один из его подопытных шимпанзе (Келер назвал его «Аристотелем среди обезьян») справлялся с задачей доставания приманки (банана) путем мгновенного схватывания отношений между разбросанными предметами (ящиками, палками), оперируя которыми, он достигал цели. У него наблюдалось нечто подобное «озарению», названному одним психологом «ага-переживанием» (аналогичным Архимедову возгласу «эврика!» —«нашел!»).

Изучая мышление человека, гештальт-психологи доказывали, что умственные операции при решении творческих задач подчинены особым принципам организации гештальта («группировка», «центрирование» и др.), а не правилам формальной логики.

Итак, сознание было представлено в гештальт-теории как целостность, созидаемая динамикой познавательных (когнитивных) структур, которые преобразуются по психологическим законам.

Левин: динамика мотивации

Теорию, близкую к гештальтизму, но применительно к мотивам поведения, а не психичесим образам (чувственным и умственным) развивал К. Левин (1890 – 1947). Он назвал ее «теорией поля».

Понятие о «поле» было заимствовано им, как и другими гештальтиетами, из физики и использовалось в качестве аналога гештальта. Личность изображалась как «система напряжений». Она перемещается в среде (жизненном пространстве), одни районы которой ее притягивают, другие — отталкивают. Следуя этой модели, Лезин совместно с учениками провел множество экспериментов по изучению динамики мотивов. Один из них выполнила приехавшая с мужем из России Б.В. Зейгарник. Испытуемым предлагался ряд заданий. Одни задания они завершали, тогда как выполнение других под различными предлогами прерывалось. Затем испытуемых просили вспомнить, что они делали во время опытов. Оказывалось, что память на прерванное действие значительно лучше, чем на завершенное. Этот феномен, получивший имя «эффекта Зейгарник», говорил, что энэргия мотива, созданная заданием, не исчерпав себя (из-за того, что оно было прервано), сохранилась и перешла в память о нем.

Другим направлением стало изучение уровня притязаний. Это понятие обозначало степень трудности цели, к которой стремится субъект. Ему предъявлялась шкала заданий различной степени трудности. После того как он выбрал и выполнил (или не выполнил) одно из них, у него спрашивали: задачу

какой степени трудности он выберет следующей. Этот выбор после предшествующего успеха (или неуспеха) фиксировал уровень притязаний. За выбранным уровнем скрывалось множество жизненных проблем, с которыми повседневно сталкивается личность, — переживаемые ею успех или неуспех, надежды, ожидания, конфликты, притязания и др.

Категориальный анализ

За несколько десятилетий первые ростки новой дисциплины, выступившей под древним именем психологии, преобразились в огромную область научных знаний. По богатству теоретических идей и эмпирических методов она вышла на достойное место среди других высокоразвитых наук.

Как далеко отстояли начальные попытки найти в качестве уникального предмета психологии элементы сознания от широко развернувшейся многокрасочной панорамы душевной жизни и поведения живых существ, созданной усилиями многих школ и направлений! Распад на школы, каждая из которых претендовала на то, чтобы явиться миру в качестве единственно настоящей психологии, стал поводом для оценки столь необычной для науки ситуации, как кризисной.

Реальный же исторический смысл этого распада заключался в том, что средоточием исследовательской программы каждой из школ стала разработка одного из блоков категориального аппарата психологии. Каждая наука оперирует своими категориями, т.е. наиболее фундаментальными обобщениями мысли, не выводимыми из других. Понятие о категориях возникло в недрах философии (здесь, как и во множестве других открытий, пионером был Аристотель, выделивший такие категории, как сущность, количество, качество, время и др.). Категории образуют внутренне связанную систему. Она выполняет в познавательном процессе рабочую функцию, поэтому может быть названа аппаратом мышления, посредством которого отражается различная глубина исследуемой реальности, каждый объект которой воспринимается в его количественных, качественных, временных и тому подобных характеристиках.

Наряду с названными глобальными философскими категориями (и в нераздельности с ними) конкретная наука оперирует собственными категориями. В них дан не мир в целом, а предметная область, «выкроенная» из этого мира в целях детального изучения ее особой, уникальной природы. Одной из таких областей является психика, или, говоря языком русского ученого Н.Н. Ланге, — психосфера. Конечно, она также постигается научной мыслью в категориях количества, качества, времени и т.д. Но, чтобы познать природу психики, законы, которым она подчинена, овладеть ею на практике, нужен специальный категориальный аппарат, дающий видение психической реальности как отличной от физической, биологической, социальной.

Психология осваивала сферу своих явлений с помощью основных

категориальных «блоков»: психического образа, психического действия, мотива, психосоциального отношения, личности. Любая мысль, вступая в общение с психической реальностью, схватывает ее не иначе, как в этих категориях. Разобщенность же школ произошла в силу того, что в рассматриваемый период каждая из них прицельно сосредоточилась на одном из блоков, категория образа стала одной из первых в теоретических схемах экспериментальной психологии, поскольку она опиралась на физиологию органов чувств, продуктом деятельности которых служат элементарные психические образы – ощущения.

Преодолевая «атомистический» структурный анализ вундтовской школы, гештальт-психология экспериментально доказала, во-первых, целостность и предметность образа, во-вторых, зависимость от него поведения организма. В отличие от версий об элементах сознания функциональная психология сосредоточилась на его функциях, актах. Однако логика науки требовала перейти от внутрипсихического действия к объективному, соединяющему организм с его средой.

Рефлексология и бихевиоризм внесли непреходящий вклад в разработку категории действия. Психоанализ поставил в центр своих построений категорию мотива, по отношению к которому вторичны и образ, и действие, а затем, опираясь на нее, предложил динамическую модель организации личности. Наконец, французские психологи сосредоточились на сотрудничестве между людьми, на процессах общения, выявив тем самым включенность в систему категорий психосоциального отношения как инварианта аппарата психологического познания.

Инвариант выражает наиболее устойчивое и постоянное в системе. Категории психологии инвариантны по отношению к системе психологических знаний. Каждая школа сосредоточилась на одном из инвариантов, но проделанная ею работа обогащала систему в целом. Поскольку, однако, прицельная разработка одного из инвариантов неотвратимо придавала теоретическому облику школы односторонность, дальнейшее развитие психологической мысли шло в направлении поиска интегральных схем. Они открывали перспективу синтеза идей, порожденных «монокатегориальными» школами.

§ 8. Эволюция школ и направлений

Анализ путей развития основных психологических школ выявляет общую для них тенденцию. Они изменялись в направлении обогащения своей категориальной основы теоретическими ориентациями других школ.

Необихевиоризм

Формула бихевиоризма была четкой и однозначной: «стимул — реакция». Вопрос о тех процессах, которые происходят в организме, и его психическом устройстве между стимулом и реакцией снимался с повестки дня. Такая позиция следовала из философии позитивизма: убеждения в том, что научный факт отличается своей непосредственной наблюдаемостью. Как внешний стимул, так и реакция (ответное движение) открыты для наблюдения каждому, независимо от его теоретической позиции. Поэтому связка «стимул – реакция» служит, согласно радикальному бихевиоризму, незыблемой опорой психологии как точной науки.

Между тем в кругу бихевиористов появились выдающиеся психологи, поставившие этот постулат под сомнение. Первым из них был американец Эдвард Толмен (1886 – 1959), согласно которому формула поведения должна состоять не из двух, а из трех членов, и поэтому выглядеть следующим образом: стимул (независимая переменная) – промежуточные переменные – зависимая переменная (реакция).

Среднее звено (промежуточные переменные) — не что иное, как недоступные прямому наблюдению психические моменты: ожидания, установки, знания.

Следуя бихевиористской традиции, Толмен ставил опыты над крысами, ищушими выход из лабирикта. Главный же вывод из этих опытов свелся к тому, что, опираясь на строго контролируемое экспериментатором и объективно им наблюдаемое поведение животных, можно достоверно установить, что этим поведением управляют не те стимулы, которые действуют на них в данный момент, а особые внутренние регуляторы. Поведение предваряют своего рода ожидания, гипотезы, познавательные (когнитивные) «карты». Эти карты животное само строит. Они и ориентируют его в лабиринте. По ним оно, будучи запущено в лабиринт, узнает, «что ведет к чему». Положение о том, что психические образы служат регулятором действия, было обосновано гештальт-теорией. Учтя ее уроки, Толмен разработал собственную теорию, названную когнитивным бихевиоризмом.

Другой вариант необихевиоризма принадлежал Кларку Халлу (1884 – 1952) и его школе. Он ввел в формулу «стимул — реакция» другое среднее звено, а именно потребность организма (пищевую, сексуальную, потребность во сне и др.). Она придает поведению энергию, создает незримый потенциал реакции. Этот потенциал разряжается при подкреплении (понятие, которое Халл заимствовал у И.П. Павлова), и тогда реакция закрепляется, и организм чему-то научается.

Скиннер: оперантный бихевиоризм

В защиту ортодоксального бихевиоризма, отвергая любые внутренние

факторы, выступил Бурхус Скиннер (1904 – 1990). Условный рефлекс он назвал оперантной реакцией.

По Павлову, новая реакция вырабатывалась в ответ на условный сигнал при его подкреплении (например, когда перед кормлением раздавался стук метронома и т.п.). По Скиннеру, организм сначала производит движение, затем получает (или не получает) подкрепление.

Скиннер сконструировал экспериментальный ящик, в котором белая крыса (или голубь) могла нажимать на рычажок (или кнопку). Перед ними была кормушка и набор раздражителей. Из этих простых элементов Скиннер составлял множество различных «планов подкрепления» (например, перед крысой находятся два рычага, и она оказывается в ситуации выбора: или крыса получает пищу только тогда, когда вслед за нажатием на рычаг загорается лампочка, или пища выдается только при нажиме с определенной силой, частотой и т.д.).

Техника выработки «оперантных реакций» была применена последователями Скиннера при обучении детей, их воспитании, при лечении невротиков.

Во время второй мировой войны Скиннер работал над проектом использования голубей для управления стрельбой по самолетам. Посетив однажды урок арифметики в колледже, где занималась его дочь, Скиннер ужаснулся, сколь мало используются данные психологии. В целях улучшения преподавания он изобрел серию обучающих машин и разработал концепцию программированного обучения. Он надеялся, основываясь на теории оперантных реакций, создать программу «изготовления» людей для нового общества.

Работы Скиннера, как и других бихевиористов, обогатили знание об общих правилах выработки навыков, о роли подкрепления (которое служит непременным мотивом этих навыков), динамике перехода от одних форм поведения к другим и т.п. Но вопросами, касающимися научения у животных, интересы бихевиористов не ограничивались.

Открыть общие, выверенные точной объективной наукой законы построения любого поведения, в том числе у человека – такова была сверхзадача всего бихевиорис тского движения. *«Человек или робот?»* – такой вопрос задавали бихевиористам их противники. Они справедливо указывали, что, устраняя внутреннюю психическую жизнь человека из сферы точного причинного анализа, бихевиоризм трактует личность, как машинообразно работающее устройство. Строгость объективного анализа реакций организма достигалась дорогой ценой. Устранялось сознание как внутренний регулятор поведения.

Надеясь придать психологии точность обобщений, не уступающую физике, бихевиористы полагали, что, опираясь на формулу «стимул — реакция», удастся вывести новую породу людей. Утопичность этого плана обнаруживается в концепциях типа скиннеровской. Ибо даже применительно к животным, Скиннер, как заметили его друзья, имел дело с «пустым организмом», от которого ничего не

оставалось, кроме оперантных реакций. Ведь ни для деятельности нервной системы, ни для психических функций в скиннеровской модели места не было. Снималась с повестки дня и проблема развития. Она подменялась описанием того, как из одних навыков возникают другие. Огромные пласты высших проявлений жизни, открытых и изученных многими школами, выпадали из предметной области психологии.

Пиаже: стадии развития интеллекта

Создателем наиболее глубокой и влиятельной теории развития интеллекта стал швейцарец Жан Пиаже (1896 – 1980). Он преобразовал основные понятия других школ: бихевиоризма (взамен понятия о реакции он выдвинул понятие об операции), гештальтизма (гештальт уступил место понятию о структуре) и Жане (переняв у него принцип интериоризацил, восходящей, как мы ужа знаем, к Сеченову).

Свои новые теоретические представления Пиаже строил на прочном эмпирическом фундаменте — на материале развития мышления и речи у ребенка, В работах начала 20-х годов «Речь и мышление ребенка», «Суждение и умозаключение у ребенка» и других Пиаже, используя метод беседы (спрашивая, например: Отчего движутся облака, вода, ветер? Откуда происходят сны? Почему плавает лодка? и т.п.), сделал вызод о том, что если взрослый размышляет социально (т.е. мысленно обращаясь к другим людям), даже когда он остается с собой наедине, то ребенок же размышляет эгоистично, даже когда находится в обществе других. (Он говорит вслух, ни к кому не обращаясь. Эта его речь была названа эгоцентрической.)

Принцип эгоцентризма (от лат. «эго» – Я и «центрум» – центр круга) царит над мыслью дошкольника. Он сосредоточен на своей позиции (интересах, влечениях) и не способен стать на позицию другого («децентрироваться»), критически взглянуть на свои суждения со стороны. Этими суждениями правит «логика мечты», уносящая от реальности.

Эти выводы Пиаже, в которых ребенок выглядел игнорирующим реальность мечтателем, подверг критике Выготский, давший свое толкование эгоцентрической (не обращенной к слушателю) речи ребенка (см. ниже). В то же время он чрезвычайно высоко оценил труды Пиаже, так как в них говорилось не о том, чего ребенку не хватает сравнительно со взрослым (меньше знает, неглубоко мыслит и т.п.), а о том, что же у ребенка есть, какова его внутренняя психическая организация.

Пиаже выделил ряд стадий в эволюции детской мысли (например; своеобразная магия, когда ребенок надеется с помощью слова или жеста изменить внешний предмет, или же своеобразный анимизм, когда предмет наделяется волей или жизнью: «солнце движется, потому что оно живое»).

Будучи неспособным мыслить в абстрактных понятиях, соотносить их и т.п., он опирается в своих объяснениях на конкретные случаи. В дальнейшем Пиаже выделил четыре стадии. Первоначально детская мысль содержится в предметных действиях (до двух лет), затем они интериоризируются (переходят из внешних во внутренние), становятся предоперациями (действиями) ума (от 2 до 7 лет), на третьей стадии (от 7 до 11 лет) возникают конкретные операции, на четвертой (от 11 до 15 лет) — формальные операции, когда мысль ребенка способна строить логически обоснованные гипотезы, из которых делаются дедуктивные (например, от общего к частному) умозаключения.

Операции не совершаются изолированно. Будучи взаимосвязанными, они создают устойчивые и в то же время подвижные структуры. Стабильность структуры возможна только благодаря активности организма, его напряженной борьбе с разрушающими ее силами.

Развитие системы психических действий от одной стадии к другой – такой представил Пиаже картину сознания. Вначале Пиаже испытал влияние Фрейда, полагая, что человеческое дитя, появляясь на свет, движимо одним мотивом — стремлением к удовольствию, не желая ничего знать о реальности, с которой вынуждено считаться только из-за требований окружающих. Но затем Пиаже признал исходным моментом в развитии детской психики реальные внешние действия ребенка (сенсомоторный интеллект, т.е. элементы мысли, данные в движениях, которые регулируются чувственными впечатлениями).

Неофрейдизм

Это направление, усвоив основные схемы и ориентации ортодоксального психоанализа, пересмотрело базовую для него категорию мотивации. Решающая роль была придана влияниям социокультурной среды и ее ценностям.

Уже Адлер стремился объяснить бессознательные комплексы личности социальными факторами (см. выше). Намеченный им подход был развит группой исследователей, которых принято объединять под именем неофрейдистов. То, что Фрейд относил за счет биологии организма, заложенных в нем влечений, эта группа объясняла врастанием индивида в исторически сложившуюся культуру. Такие выводы были сделаны на большом антропологическом материале, почерпнутом при изучении нравов и обычаев племен, далеких от западной цивилизации.

Лидером неофрейдизма принято считать Карен Хорни (1885 – 1953). Испытав влияние марксизма, она доказывала в теории, на которую опиралась в своей психоаналитической практике, что все конфликты, возникающие в детстве, порождаются отношениями ребенка с родителями. Именно кз-за характера этих отношений у него возникает базальное чувство тревоги, отражающее беспомощность ребенка в потенциально враждебном мире. Невроз не что иное,

как реакция на тревожность. Описанные Фрейдом извращения и агрессивные тенденции являются не причиной невроза, а его результатом. Невротическая мотивация приобретает три направления: движение к людям как потребность в любви, движение от людей как потребность в независимости и движение против людей как потребность во власти (порождающая ненависть, протест и агрессию).

Объясняя неврозы, их генезис и механизмы развития конкретным социальным контекстом, неофрейдисты подвергали критике капиталистическое общество как источник отчуждения личности (в смысле, приданном этому термину Марксом), утраты ею своей идентичности, забвения своего Я и т.п.

Ориентация на социокультурные факторы взамен биологических определила облик неофрейдизма. При этом существенную роль в зарождении данного направления сыграло обращение его лидеров к марксистской философии человека. Под знаком этой философии складывались теоретические основы российской психологии в советский период.

Когнитивная психология

В середине XX века появились особые машины – компьютеры. Во всей предшествующей истории человечества машины являлись устройствами, которые перерабатывают либо материал (вещество), либо энергию. Компьютеры же являются носителями и преобразователями информации, иначе говоря, сигналов, передающих сообщения о чем-либо.

Процессы передачи информации, управляющей поведением живых систем, происходят в различных формах с момента появления этих систем на Земле. Генетическая информация, определяющая характер наследственности, переходит от одного организма к другому. Животные общаются со средой и между собой посредством первой сигнальной системы (по И.П. Павлову). С появлением человека в недрах созидаемой обществом культуры возникают и развиваются язык и другие знаковые системы. Научно-технический прогресс привел к изобретению информационных машин. Тогда и сложилась наука (ее «отец» – Н. Винер), которая стала рассматривать все формы сигнальной регуляции с единой точки зрения как средства связи и управления в любых системах – технических, органических, психологических, социальных. Она была названа кибернетикой (от греч. «кибернетике» – искусство управления). Ею разработаны специальные методы, позволившие создать для компьютеров множество программ по восприятию, запоминанию и переработке информации; а также обмену ею. Это привело к настоящей революции в общественном производстве как материальном, так и духовном.

Появление информационных машин, способных с огромной быстротой и точностью выполнять операции, считавшиеся уникальным преимуществом человеческого мозга, оказало существенное влияние и на психологию. Возникли

дискуссии относительно того, не является ли работа компьютера подобием работы человеческого мозга, а тем самым и его умственной организации. Ведь информация, перерабатываемая компьютером, может рассматриваться как знание. А в запечатлении, хранении и преобразовании знания состоит важнейшая ипостась психической активности. Образ компьютера («компьютерная метафора») изменил научное видение этой активности. В результате произошли коренные изменения в американской психологии, где десятилетиями господствовал бихевиоризм.

Бихевиоризм, как отмечалось, притязал на строгую объективность своих теорий и методов. Считалось, что психология может быть точной наукой, подобной физике, пока она ограничивается объективно наблюдаемым внешним поведением организма. Отвергалось любое обращение к тому, что, говоря языком И.М. Сеченова, *«нашептывает обманчивый голос самосознания»* (интроспекции), любые показания субъекта о своих переживаниях. Признавались фактами науки только те, которые можно измерить в сантиметрах, граммах и секундах.

Предмет, достойный имени научной психологии, сводился к отношению «стимул – реакция». В то же время в необихевиоризме сложилось представление о том, что в промежутке между этми двумя главными переменными действуют и другие переменные. Толмен назвал их «промежуточными» (см. выше). Одна из промежуточных переменных была названа «когнитивной картой», создавая и используя которую, организм ориентируется в проблемной ситуации. Это подрывало главный постулат бихевиоризма. Сокрушительный удар по нему нанесло возникшее в середине XX века, под впечатлением компьютерной революции, новое направление, названное когнитивной психологией (от лат. «когнитио» – знание, познание). Во главу угла когнитивная психология поставила изучение зависимости поведения субъекта от внутренних, познавательных (информационных) вопросов и структур (схем, «сценариев»), сквозь призму которых он воспринимает свое жизненное пространство и действует в нем. То, в чем классический бихевиоризм отказывал человеку (восприятие, запоминание, внутреннее преобразование информации), оказалось делом объективно, независимо от человека, работающего компьютера. В свете этого рухнуло представление о том, что извне незримые познавательные (когнитивные) процессы недоступны объективному, строго научному исследованию.

Разрабатываются различные теории организации и преобразования знания – от мгновенно воспринимаемых и сохраняемых чувственных образов до сложной многоуровневой семантической (смысловой) структуры человеческого сознания (У. Найссер).

Гуманистическая психология

Другое направление, решительно отвергнувшее бихевиоризм за

игнорирование коренных человеческих проблем и своеобразие психической организации человека, выступило под именем гуманистической психологии. Гуманизм (от лат. «гуманис» – человечный) – это общая ориентация на отношение к человеку, его правам и свободе как высшей ценности – присущ множеству философско-психологических течений и теорий. Смысл же направления, о котором идет речь, и повод, побудивший его приверженцев назвать свою концепцию гуманистической, могут быть поняты только при обращении к тому историко-психологическому контексту, в котором эта концепция созидалась.

Она возникла в середине XX века, когда общий облик американской психологии (в среде которой и приобрело авторитет указанное движение) определялся всевластием двух направлений, о которых порой говорят как о «двух силах» – различных вариантов бихевиоризма и психоанализа.

Будучи общепсихологическими, они внедрялись так же и в различные сферы практики, в особенности психотерапевтической. В среде психотерапевтов и раздались громкие голоса протеста против «двух сил», которым не без основания инкриминировались дегуманизация человека, его трактовка либо как робота (или в более современном стиле как маленького компьютера), либо как невротика, «бедное Я» которого разрывают различные комплексы – сексуальные, агрессивные, неполноценности и др. Ни одно, ни другое, как заявили инициаторы создания особой гуманистической психологии, не позволяет раскрыть позитивное, конструктивное начало целостной человеческой личности, ее неистребимое стремление к творчеству и самостоятельному принятию решений, выбору своей судьбы. Гуманистическая психология, выступив против бихевиоризма и психоанализа, провозгласила себя «третьей силой».

В центр исследовательских интересов перемещались проблемы переживания человеком своего конкретного опыта, не сводимого к общим рассудочным схемам и представлениям. Речь шла о восстановлении аутентичности личности (ее доподлинности), восстановлении соответствия ее экзистенции (существования) истинной природе личности. При этом предполагалось (под влиянием философии экзистенциализма), что истинная природа открывается в так называемой пограничной ситуации, когда человек оказывается между бытием и небытием. Именно в таких условиях человек освобождается от всех сковывающих его условностей и постигает свою экзистенцию. Если во всех предшествующих психологических теориях решающая роль придавалась зависимости психики от прошлого и настоящего, то гуманистическое на правление переместило вектор времени жизни в направлении будущего. Свобода выбора и открытость будущему – таковы признаки, на которые должны ориентироваться концепции личности. Только в этом случае они помогут человеку избавиться от чувства «заброшенности в мире» и обрести смысл своего бытия.

Понять любую теорию можно, исходя из знания не только о том, что она

утверждает, но и о том, что отвергает. Гуманистическая психология отвергла конформизм как «уравновешивание со средой», приспособление к существующему порядку вещей и детерминизм как уверенность в причинной обусловленности поведения внешними биологическими и (или) социальными факторами. Конформизму были противопоставлены самостоятельность и ответственность субъекта, детерминизму же – самодетерминация. Именно это отличает человека от остальных живых существ и является качеством, которое не приобретается, а заложено в его биологии.

Биологию человека отличает сопротивление равновесию, потребность поддержать неравновесное состояние, определенный уровень напряжения (скорее, чем устранить его посредством приспособительных реакций, как это следовало из версии о диктате гомеостаза).

Развитие «третьей силы» имело социальную подоплеку. Оно выражало протест против деформации человека в современной западной культуре, лишающей его своей «личностности», навязывающей представление о поведении, регулируемом либо бессознательными влечениями, либо хорошо слаженной работой «социальной машины».

Применительно к практике психотерапии было сформулировано новое кредо – пациента следует трактовать способным самостоятельно вырабатывать свои ценностные ориентации и реализовывать им самим сконструированный жизненный план. Главная установка психотерапии, согласно одному из лидеров гуманистической психологии, американскому психологу К. Роджерсу (1902 – 1990), должна быть сосредоточена не на отдельных симптомах пациента, а на нем как уникальной персоне. «Терапия, центрированная на клиенте» (1951) – так называлась книга Роджерса, где утверждалось, что психотерапевт должен общаться с обратившимся к нему человеком не как с пациентом, а как с клиентом, пришедшим за советом, причем психолог призван сосредоточиться не на проблеме, беспокоящей клиента, а на нем самом как личности с тем, чтобы пробудить в нем первичную потребность в самоактуализацпи. При этом важно представить, каким видится субъекту его «феноменальное поле», т.е. осознаваемый им внутренний план собственного поведения (искаженный прежней интроспективной психологией, которая в своих экспериментальных лабораториях искусственно расщепила это целостное «поле» на изолированные элементы сознания). Для этого нужна «теплая эмоциональная атмосфера», в которой индивид (впоследствии Роджерс перенес акцент на группу индивидов, т.е. на групповую психотерапию) реинтегрирует свою творческую личность как целое и тогда он избавляется от тревоги, психологических стрессов и т.п. Главная задача — не решение отдельной проблемы, которой он озабочен, а преобразование его личности благодаря тому, что он перестраивает свой феноменальный мир и систему потребностей, среди которых важнейшей является потребность в самоактуализации.

К движению, названному гуманистической психологией, принято относить и ряд других концепций, в частности, концепции А. Маслоу (1908 – 1970) и В. Франкла. Маслоу разработал целостно-динамическую теорию мотивации. В своей книге «Мотивация и личность» (1954) он утверждал, что в каждом человеке заложена в виде особого инстинкта потребность в самоактуализации, высшим выражением которой служит особое переживание, подобное мистическому откровению, экстазу. Не от сексуальных травм (как учил Фрейд), а от подавления этой витальной потребности возникают неврозы, душевные расстройства. Соответственно и превращение ущербной личности в полноценную должно рассматриваться с точки зрения восстановления и развития высших форм мотивации, заложенных в природе человека.

В Европе к сторонникам гуманистической психологии, но в особом, отличном от американского, варианте близок Франкл, назвавший свою концепцию логотерапией (от греч. «логос» – смысл). В отличие от Маслоу Франкл считает, что человек обладает свободой по отношению к своим потребностям и способен «выйти за пределы самого себя»в поисках смысла. Не принцип удовольствия (Фрейд) и не воля к власти (Адлер), а воля к смыслу – таково, согласно Франклу, истинно человеческое начало поведения.

При утрате смысла возникают различные формы неврозов. Действительность такова, что человек вынужден не столько достигать равновесия со средой, сколько постоянно отвечать на вызов жизни, противостоять ее тяготам. Это создает напряженность, с которой он может справиться благодаря свободе воли, позволяющей придать смысл самым безвыходным и критическим ситуациям. Свобода – это способность изменить смысл ситуации даже тогда, когда «дальше некуда».

В отличие от других адептов гуманистической психологии Франкл трактовал самоактуализацию не как самоцель, а как средство осуществления смысла. Поэтому и рекомендованную Роджерсом, Маслоу и другими психологами установку на самовыражение личностью своих аутентичных ее внутренней природе мотиваций (будь то независимо от других людей, либо в интенсивном общении друг с другом) Франкл считал недостаточной для человека, чтобы понять «зачем жить?». Быть человеком – значит быть направленным на нечто иное, чем он сам, быть открытым миру смыслов (Логосу). Это – не самоактуализация, а самотрансценденция (от лат. «трансценденс» – выходящий за пределы), благодаря чему, найдя смысл жизни в подвиге, страдании, любви, совершая реальные деяния, сопряженные с открытыми ей ценностями, личность развивается.

Франкл разработал специальную технику психотерапии (иногда ее относят к третьей – после Фрейда и Адлера – венской школе психоанализа), ориентированную на избавление личности от негативных состояний (тревоги, вины, гнева и т.п.), возникающих при столкновении с психологически трудной для личности и даже ощущаемой ею в качестве непреодолимой преградой. Если

личность в подобных случаях утрачивает волю к смыслу, у нее возникает состояние «экзистенциального вакуума» (термин «экзистенция» означает существование) в виде чувства точки, апатии, опустошенности.

Различные ветви гуманистической психологии развились с целью преодолеть ограниченность теорий, оставивших без внимания своеобразие психического строя человека как целостной личности, способной к самосозиданию, реализации своего уникального потенциала.

Глава 4

РУССКАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Социокультурные корни

Духовная жизнь русского общества была тесно связана с общим ходом развития западной культуры. Вместе с тем, она отражала своеобразие социоэкономической истории народа. К середине 19 века необходимость коренных реформ пробудила огромную работу мысли во всех слоях тогдашнего грамотного населения России — и столичного и провинциального.

Главным был вопрос об освобождении от крепостного рабства миллионов российских крестьян. Потребность в его безотлагательном решении нарастала, обостряя стремление осознать своеобразие русского народа. *«Не зная народа можно притеснять народ, кабалить его, завоевывать, но освобождать нельзя»* – писал Герцен[16].

Все стороны русской жизни, ее истории, языка, быта, традиции стали предметом широкого публичного обсуждения.

Процесс реформирования общества захватывал практически все его группы. Отсюда и всеобщее стремление к самопознанию, к рефлексии о своих национальных качествах.

На перепутьи реформ Россия должна была решить, каким путем ей двигаться дальше. Резкое изменение социальной ситуации, свзанное с коренными реформами жизни народа, кардинальным изменением привычного уклада, поставили проблему осознания и предсказания возможных реакций народных масс на эти изменения. Общество и, прежде всего, его образованная часть, стремится осмыслить свое прошлое, понять истоки традиций, происхождение положительных и отрицательных качеств народа.

Для психологии это было связано с попытками осмыслить русский менталитет, выделить и описать психологические особенности русского народа, изучить «национальный характер» или, как тогда говорили, «народную душу». Под этим подразумевались, главным образом, установки, ценности, верования, общие для всего общества. Часто в понятие «народной души» включали также и язык, являющийся родным для представителей данной нации, а также наиболее

---

[16] *Герцен А.И. Собр. соч. в 30-ти том., М., 1959. Т. 26. С. 77.*

распространенные мифы, легенды, былины, традиции.

Этнопсихологическая программ Н.И. Надеждина

Первая попытка осмыслить национальный характер русских людей не умозрительно, но опираясь на конкретные сведения о нем, принадлежала философу Н.И. Надеждину. В 30-х годах он издавал журнал «Телескоп», где опубликовал взбудоражившее общество «Философическое письмо» П.Я. Чаадаева, полное негодования по поводу национального самодовольства и духовного застоя, что имело для издателя журнала и автора письма печальные последствия. Чаадаева объявили сумасшедшим, Надеждина — выслали. Работая в Русском географическом обществе, Надеждин предложит программу широкомасштабного описания силами самих русских людей «наблюденных и замеченных» особенностей народа всюду там, «где только чуется Русь». При этом имелись в виду *«разбор и оценка удельного достоинства ума и народной нравственности, как оно проявляется в составляющих народ личностях»*. Программа была разослана по различным губерниям, и добровольные собиратели сведений из числа учителей, лекарей, чиновников, священников направляли в Общество сотни рукописей, описывающих умственные и нравственные особенности жителей великой империи.

В числе материалов были характеристики языка, быта, особенностей материальной культуры, в которых осели сведения о психическом складе и менталитете русского человека, его «идолах и идеалах».

Подъем национального самосознания

Поражение в Крымской войне существенно активизировало национальное самосознание. Об этом свидетельствовал хлынувший поток работ фольклористов, этнографов, бытописателей, историков. В этих работах, дававших обильную пищу для размышлений «чем крепка Русь?», звучали раскаты давних споров о России и Западе, о том, имеется ли у России, по слову Тютчева, «особенная стать»? И пойдет ли ее народ, униженный властью, обрекшей страну на военное поражение, таким же путем, что и другие, цивилизованные страны, опередившие Россию в своем технико-экономическое развитии.

Подъем национального самосознания вызвал взрыв интеллектуальной энергии в различных сферах культуры. Этой энергией создано приобретшее всемирную славу великое искусство. Оно обнажало сложность и коллизии душевной организации людей в ставшем зыбким и неопределенным социальном мире.

Творения Достоевского, Льва Толстого и других художников пронизывал тончайший психологический анализ мотивов поведения, корней социального зла,

истоков аморализма, разрушительной силы произвола, самоценности личности. Наряду с расцветом искусства, этот период ознаменовался крупными успехами русской мысли в сфере науки. В европейском естествознании происходили революционные события. Успехи физики, химии, биологии изменили картину природы. Фундаментальные открытия в различных областях обусловили технический прогресс, доказав тем самым способность научных идей радикально воздействовать на жизнь общества. Вера в высокую ценность этих идей как инструмент изменения мира воодушевила вышедшее на историческую арену новое поколение русских интеллектуалов на самоотверженное служение естествознанию.

Пройдя учение на Западе, русские натуралисты отныне занимают лидирующие позиции в ряде дисциплин, прежде всего – химии и биологии. Убеждение в спасательной роли науки стало могучим социальным мотивом в борьбе за новую Россию.

Два направления в проблеме человека

Ткань национального самосознания пронизывали различные направления во взглядах на предназначение русского народа, на рабство и свободу человека. Их конфронтация имела социоэкономическую подоплеку. Одни выражали интересы обездоленного русского мужика. Другие — правящего строя, идеологи которого ратовали за выход из кризиса путем либеральных реформ.

Оба направления, сосредоточившись на проблеме человека как особой целостности, где телесное и духовное нераздельны, трактовали эту нераздельность с радикально различных позиций: антропологической и теологической. У истоков каждой из них стояли выдающиеся мыслители. У первой – Николай Чернышевский, у второй – Владимир Соловьев. Они заложили в России традиции человекопознания, исходя из противостоявших друг другу способов осмысления природы личности.

На взрыхленной каждым из направлений почве рождались в дальнейшем учения, развивавшие их исходное идейное содержание в новых социокультурных условиях и соответственно запросам логики научного творчества.

К антропологическому принципу Чернышевского восходит русский путь в науке о поведении – от Сеченова до Павлова и Ухтомского. К теологическому принципу Соловьева восходит апология «нового религиозного сознания» в трудах Н.А. Бердяева, С.Н. и Е.Н. Трубецких, С.Л. Франка и др. И новое учение о поведении и апология «нового религиозного сознания» являлись плодами русской мысли – двух ее мощных течений: естественно-научного и религиозно-философского.

Динамика обоих течений пронизывала представления о человеке, складывавшиеся в этот период в русском общественном сознании. Те, чьей

интеллектуальной активностью строился этот образ, прежде чем занять собственную, противостоящую другой идейную позицию, испытали неудовлетворенность этой другой, Чернышевский и Павлов были воспитанниками духовной семинарии, Ухтомский – духовной академии. Знание о человеческой душе, которое было ими почерпнуто в религиозном обучении, позволило им в дальнейшем отчетливо увидеть слабые стороны своих оппонентов. Когда учитель Владимира Соловьева П. Юркевич, возражая Чернышевскому, указывал, что человеческая душа открывается субъекту не иначе как во «внутреннем зрении» (интроспекции), Чернышевский не стал даже спорить со своим критиком, заметив, что *«всю эту премудрость можно найти в семинарских тетрадках»*. Что касается самого Соловьева, то, начиная творческий путь в качестве студента-естественника, он в дальнейшем становится слушателем лекций Юркевича и подает прошение об отчислении его с физико-математического факультета. Соловьева не могла удовлетворить формула Чернышевского, согласно которой *«философия видит в нем (человеке) только то, что видит медицина, физиология, химия»*[17].

Мысль Чернышевского и мысль Соловьева устремлялись в трактовке психического устройства человека к разным полюсам. Первый – к естественным наукам, второй – религии. При всей глубине расхождений между ними Соловьев преклонялся перед личным мужеством Чернышевского, тем достоинством, с которым он встретил неправедный суд над ним и наказание за мысли и убеждения.

“В теоретических взглядах Чернышевского, – писал он, *– я вижу важные заблуждения, но нравственное качество его души оказалось полновесным. Над развалинами беспощадно разбитого существования встает тихий, грустный и благородный образ мудрого и справедливого человека”*[18].

«Антропологический принцип в философии» Чернышевского

Предпосылкой понимания природы человека, согласно этому принципу, является отклонение дуализма. *«Никакого дуализма в человеке не видно. Если бы человек имел, кроме реальной своей натуры, другую, натуру, то эта другая натура непременно обнаружилась бы в чем-нибудь: а так как она не обнаруживается ни в чем, так как все происходящее в человеке происходит по одной реальной его натуре, то другой натуры в нем нет»*.[19]

[17] *Чернышевский Н.Г. Избр. филос. произв., Т. 3, М., 1951. С. 185*

[18] *Цит. по кн. «Владимир Соловьев. Стихотворения, проза, письма, воспоминания современников». М., 1990. С. 379.*

[19] *Чернышевский Н.Г. Избранные философские сочинения, Т. 3, 1951. С. 185.*

Идея единства человеческого организма обосновывалась и онтологически – он является сгустком природных сил и элементов, присущих мирозданию в целом, и гносеологически – он познается тем же способом, как и остальные реалии этого мироздания. Соответственно и психика как один из жизненных процессов этого организма не является самостоятельной сущностью и не требует, чтобы быть познанной, иных средств, чем те, которыми наука добывает истину о других вещах.

П. Д. Юркевич о душе и опыте

Первым оппонентом Чернышевского выступил философ-идеалист П.Д. Юркевич. Главным аргументом против идеи единства организма служило учение о «двух опытах». *«Сколько бы мы ни толковали об единстве человеческого организма,* – писал Юркевич, – *мы всегда будем познавать человеческое существо двояко: внешними чувствами – тело, его органы и внутренним чувством душевного явления»*[20].

Юркевич отстаивал так называемую «опытную психологию, согласно которой психические явления принадлежат к миру, лишенному всех определений, свойственных физическим телам и познаваемы в своей сущности только субъектом, который непосредственно их переживает.

Слово «опыт» давало повод говорить, что психология, использующая этот внутренний опыт, является эмпирической областью знания и, тем самым, обретает достоинство других строго опытных, чуждых метафизике, наук. «Антропологический принцип» Чернышевского отвергал этот эмпиризм, создавая философскую почву для утверждения взамен субъективного метода объективного. Этот же принцип, постулируя единство человеческой природы во всех ее проявлениях, стало быть и психических, отвергал прежнюю, восходящую к Декарту концепцию рефлекса, согласно которой организм расщеплялся на два яруса – автоматических телесных движений (рефлексов) и действий, управляемых сознанием и волей.

Противники Чернышевского полагали, что имеется только одна альтернатива этой «двухъярусной» модели поведения, а именно – воззрение на это поведение как чисто рефлекторное. Человек, тем самым, обретал образ нервно-мышечного препарата. Поэтому Юркевич требовал *«остаться на том пути, который был указан Декартом»*[21].

По Чернышевскому же следует идти другим путем: признавая родство телесных и психических явлений, использовать достижения физиологии для

---

[20] *Юркевич. П.Д. Из наук о человеческом духе. Тр. Киевской духовной академии. Кн. 4, 1860. С. 18.*

[21] *Юркевич П.Д. Язык физиологов и психологов. «Русский вестник», 1862. Т. 39. С. 389.*

раскрытия своеобразия последних.

Обращаясь к спору между Чернышевским и Юркевичем, захватившим в начале 60-х годов русскую печать, мы оказываемся у истоков всего последующего развития русской психологической мысли. Идеи «антропологического принципа» привели к новой науке о поведении. Она строилась на объективном методе в противовес субъективному (который, как мы видели, определил программы разработки психологии на Западе). Она использовала открытое физиологией детерминистское понятие о рефлексе, чтобы преобразовать его в целях объяснения психических процессов на новой основе, сохранившей, по завету антропологического принципа, организм как целостность, где телесное и духовное нераздельны и неслиянны.

Сеченов: психический акт подобен рефлексу

Опираясь на высвеченное конфронтацией двух направлений русской философско-психологической мысли, Сеченов предложил свой подход к разработке коренных проблем психологии, отличный от изложенного в те же годы Вундтом.

Свой первый проект он изложил в трактате «Рефлексы головного мозга» (1863). Трактат получил широкий резонанс в русском обществе, журналистике, литературе. По свидетельству современников в России не считался образованным тот, кто его не прочитал.

Бросая вызов психологии старого закала, Сеченов писал: *«Смеется ли ребенок при виде игрушки, улыбается ли Гарибальди, когда его гонят за излишнюю любовь к родине, дрожит ли девушка при первой мысли о любви, создает ли Ньютон мировые законы и пишет их на бумаге – везде окончательным фактом является мышечное движение»*. Не все адекватно поняли сеченовский замысел. Противники Сеченова утверждали, будто он свел все богатство душевной жизни к дрожанию мышц. Но истинный смысл его теории был другим. Он не отождествлял психический акт с рефлекторным, а указывал на сходство в их строении. Это позволяло преобразовать прежние представления о психике, об ее детерминации.

Прежде психический процесс понимался как начинающийся и кончающийся в сознании. Сравнивая психику с рефлексом, Сеченов доказывал, что подобно тому, как рефлекс начинается с контактов организма с внешним объектом, психический акт первым своим звеном имеет подобные контакты. Затем при рефлексе внешнее воздействие переходит в центры головного мозга. Равным образом второе звено психического акта развертывается в центрах. И, наконец, его третьим звеном, как и в рефлексе, служит мышечная активность. Таков целостный психический процесс, от которого прежняя психология отсекла внешние объективные (несводимые к тому, что говорит сознание) контакты организма при

его жизненной встрече с миром, а именно – воздействие этого мира и ответную двигательную активность.

Новым важным моментом являлось открытие Сеченовым в головном мозгу аппарата торможения рефлексов. Это открытие показало, что организм не только отражает внешние влияния (само слово «рефлекс» означает отражение), но и способен их задерживать, то есть не реагировать на них. В этом проявляется его особая активность, его способность не идти на поводу у среды, а противостоять ей.

Применительно к психике Сеченов объяснял своим открытием и процесс мышления и волю. Волевого человека отличает умение противостоять неприемлемым для него влияниям, какими бы сильными они ни были, подавлять нежелательные влечения. Это и достигается аппаратом торможения. Благодаря этому аппарату возникают и незримые акты мышления. Он задерживает движение и тогда от целостного акта остаются только первые две трети. Двигательные операции, благодаря которым организм производит анализ и синтез воспринимаемых внешних сигналов, однако, не исчезают. Благодаря торможению, они уходят «извне во внутрь»; то есть производятся внутри организма, но внешним глазом незаметны. Этот процесс был назван в дальнейшем интериоризацией (переходом извне во внутрь). Человек не получает готовым свой внутренний психический мир. Он его строит своими активными действиями. Это происходит объективно. Поэтому и психология должна работать объективным методом.

К.Д.Кавелин против Сеченова

Профессор права К.Д. Кавелин издавна интересовался проблемами психологии. Он принимал участие в этно-психологических исследованиях группы Надеждина (см. выше) и предполагал, что изучение народного характера по продуктам культуры придаст психологии облик позитивной науки.

В условиях, когда новое поколение восприняло сеченовскую концепцию в качестве образца научного объяснения психических явлений, Кавелин выступил с ее критикой в книге «Задачи психологии» (1872 г.). Назвав рефлекторную теорию о принадлежавшем Сеченову открытии аппаратов, задерживающих движения *«величайшим достижением»*[22], соглашаясь, что материализм в его научной форме *«признает значение и влияние психических явлений»*[23], Кавелин выступил против применения в психологии приемов и выводов естественных наук, ибо это влечет за собой социальные бедствия: физическая сторона подавляет духовную и *«личность как нравственный деятель сходит со сцены»*.

---

[22] *Кавелин К.Д. Задачи психологии. СПб. 1872, С. 31.*
[23] *Там же. С. 26*

Сквозной темой рассуждении Кавелкна была проблема нравственности в разных ее аспектах. Он полагал, что нравственность и достоинство невозможны без твердых моральных правил, которые даются только философией и религией. Однако сами по себе и философия и религия не могут помочь обрести идеалы, помочь человеку понять себя, причину своих разочарований и разобраться, осознать свои стремления и чувства. Этому должна способствовать наука о человеке, о его душе — психология, поэтому-то Кавелин и считал ее одной из основных необходимых для того времени наук. Таким образом, говоря о психологии и ее задачах, он исходил из определенного взгляда на состояние общества и на предмет психологии. Отсюда и задачи психологии, типичные для отечественной науки — это задачи этические и направленные непосредственно на изменение мировоззрения, через осознание идеалов и стремлений человека.

Книга Кавелина, в противовес учению о зависимости жизни человека от материальных причин (и, тем самым, надежды на изменения ее реальных, земных условий), переносила центр тяжести на *«внутреннее обновление», «если жиру суждено быть обновленным, то это может совершиться изнутри нас»*[24].

Прогрессивная печать подвергла Кавелина резкой критике и даже поставила его психологическую концепцию в связь с крепостническими убеждениями. Кавелин, признавая важность и необходимость обновления психологии, настаивал на незыблимости субъективного метода («внутреннего зрения»). Особую роль он придавал произвольному характеру процессов сознания.

В произвольности усматривалось концентрированное выражение сущности психического. Детерминизм же считался применимым только к телесным явлениям. Кавелинская книга была прямым вызовом Сеченову, и он вызов принял, выступив сперва с замечаниями на эту книгу, а затем – трактатом «Кому и как разрабатывать психологию». Он показал, что вся аргументация Кавелина воспроизводит давние убеждения сторонников интроспекционизма, из-за которого психология и оказалась в состоянии научной нищеты. Кавелин усматривал новизну своего понимания задач психологии в обращении к тому материалу, который физиология не рассматривает, а именно – к памятникам культуры, запечатлевшим духовные стремления и свойства людей. Сеченов, отвечая ему, указывал, что при всей важности историко-культурных материалов, не в них лежит *«средство к рассеянию тьмы, окружающей психологические процессы»* Ведь обращаясь к этим памятникам, любой исследователь по необходимости приходит к обыденной психической жизни[25], которую Кавелин описывает в традиционных понятиях о сознании как внутреннем опыте, о воле как особой, независимой от внешних причин силе. Кавелин не оставил сеченовскую критику без ответа. Он писал, что большинство возражений в его адрес — плод

---

[24] *Кавелин К.Д. Задачи психологии. СПБ. 1872. С. 237.*
[25] *Сеченов И.М. Избр. филос. и психол. произв. М., 1947. С. 209*

недоразумений, *«которыми так богата русская земля»*.

Сеченов — физиолог и потому обратил внимание на соматическую сторону. Он — Кавелин — представитель гуманитарных наук и потому склонен интересоваться высшими психическими проявлениями. В действительности же дело заключалось не в различии профессиональных интересов, а в различии двух мировоззрений и потому двух направлений в объяснении психической деятельности и ее субъекта — человеческой личности.

Следуя антропологическому принципу, Сеченов отклонил версию о том, что в человеке сочетаются «две натуры» – телесная и духовная. Основой целостности человека является единая природа, представленная в различных нераздельных формах. Психическое — одна из этих форм, познаваемая такими же объективными, методами, как и все остальное, открытое естественнонаучному уму мироздание. Психическое имеет свои законы. Однако это не дает оснований возводить его в ранг особой сверхтелесной сущности, познаваемой только изнутри, посредством самонаблюдения.

Сеченовский план разработки новой психологии сложился в полемике с Кавелиным, который в идейной атмосфере России защищал утвердившийся на Западе взгляд на психологию как науку о сознании. Сильная сторона этого плана заключалась в утверждении объективного метода, в том, что были заложены краеугольные камни науки о поведении и его психической регуляции. Слабая же сторона была обусловлена тем, что в программе, где единство организма виделось проистекающим из его укорененности в нерукотворной природе, история и культура, как мощные силы, преобразующие человеческое существо, оказывались внешними по отношению к этому единству.

Кавелин был прав, указывая на сферу культуры как источник тех влияний на человеческую,психику, которые неведомы физиологии. Однако сама психика мыслилась им в понятиях, выработанных традиционными учениями о ней как сфере внутреннего опыта, собираемого благодаря способности души наблюдать за тем, что в ней происходит. Это неизбежно влекло к т. н. психологизму, то есть объяснению социокультурных процессов действием внутрипсихических сил.

А.А. Потебня. Язык народа как орган, образующий мысль

Психологизм был присущ возникшему в середине прошлого века в Германии направлению, выступившему под именем «психологии народов». Она притязала на изучение народного, а не индивидуального сознания. В своем проекте психологии как самостоятельной науки Вундт предусматривал два раздела: физиологическую психологию, объектом которой служит индивид, и этническую, исследующую по продуктам культуры (языку, мифу и др.) душу творящего их народа. Ни в одном, ни в другом Вундт не был оригинален. Физиологическая психология опиралась на лабораторные опыты, открывшие

закономерности работы органов чувств. Что же касается психологии народов (этнопсихологии), то первыми ею занялись ученики Гербарта Штейнталя и Лазарус, издававшие специальный журнал «Психология народов и языкознание» (первый том вышел в 1860 г.). Издатели руководствовались идеей о том, что первоэлементы психики (согласно Гербарту ими служат «представления») объясняет «дух народа», каким его запечатлевают язык, обычаи, мифы и другие феномены культуры.

Это и был путь психологизма. В научный оборот вошли факты, которые не интересовали физиологическую психологию. Однако опора на гербартианскую концепцию «статики и динамики представлений», уходящую корнями в индивидуалистическую трактовку души, не могла объяснить, каким образом факторы культуры формируют психический склад народа.

Радикально иную позицию занял русский мыслитель Александр Афанасьевич Потебня. В своей книге «Мысль и язык» он, следуя принципу историзма, анализирует эволюцию умственных структур, которыми оперирует отдельный индивид, впитывающий эти структуры, благодаря усвоению языка, творцом которого служит народ как «один мыслитель, один философ», распределяющий по разделам плоды накопленного в ходе истории общенационального опыта. Мыслящие на этом языке индивиды воспринимают действительность сквозь призму запечатленных в нем внутренних форм.

Потебня, тем самым, стал инициатором построения культурно-исторической психологии, черпающей информацию об интеллектуальном строе личности в объективных данных о прогрессе национального языка как органа, образующего мысль.

Вопрос о «духе народа», о национальном своеобразии его психологического склада, рассматривался, исходя из запечатленных в языке свидетельств исторической работы этого народа, оперирующего словом.

К этому направлению примыкали такие философы, как Ю.Ф. Самарин (1819–1876) – один из идеологов славянофильства (участник подготовки крестьянской реформы 1861 года). Отрицая возможность объективного позитивного знания психических явлений, они настаивали на том, что его следует заменить личным сознанием и убеждением. Убеждение, хотя и не опирается на научные доказательства, имеет, с его точки зрения, характер объективной истины. Развивая эту мысль, он отмечал, что необходимо сочетать отвлеченно-логическое и цельное мышление. При этом западная наука развивается преимущественно на основе отвлеченного мышления, представляя собой рассудочную систему, в то время как российская должна быть построена на началах цельного мышления. Самарин одним из первых в спорах о психологии отвергал грань между знанием и верой. В дальнейшем эту точку зрения развивали в своей теории интуитивизма Лосский, Франк и другие исследователи.

К Самарину по своим взглядам на роль психологии и ее место в системе гуманитарных наук был близок А.А. Козлов (1831–1901), издатель первого в

России философского журнала «Философский трехмесячник». Согласно Козлову, философские знания могут приобрести характер верховной истины, которая обнимет результаты всех наук, в том числе и психологии. Основу развития отечественной психологии Козлов видел в концепции близкой персонализму, утверждавшему личность в качестве высшей духовной сущности. Ему принадлежит попытка соединить рационалистический характер теории Лейбница с иррационалистическими течениями в России.

Видным представителем идеалистического направления психологической мысли был М.И. Владиславлев, профессор, впоследствии ректор Петербургского университета. Благодаря ему психология в этом учебном заведении стала одной из ведущих дисциплин. Он не только переводил и популяризировал взгляды немецких психологов, прежде всего Канта (как впоследствии и его ученик А.И. Введенский), но и разработал собственный курс опытной психологии, центральное место в котором занимали проблемы воли и нравственности.

Владиславлев был также одним из первых психологов, применивших «энергетический закон» к психологии, что было новинкой в 70-80-е годы прошлого века. Интересно, что как и позднее Фрейд, он пытался связать «энергетическую теорию» с забыванием и воспроизведением, говоря о том, что бессознательные состояния и забывание характеризуются минимумом энергии. Одним из первых он ввел в курс психологии очерк истории развития психологических взглядов, что давало возможность понять связь современных (для того времени) психологических взглядов с прошлым опытом.

Существенное изменение научных приоритетов в России произошло в конце XIX века. Это было связано прежде всего с новой социальной ситуацией, которая сложилась в этот период. К 90-м годам общественное настроение начинает заметно меняться, появляется апатия, усталость от нереализованных политических обещаний, негативизм по отношению к науке.

Доминирующая в прежние годы идея приоритета общественного над личным вела некоторых русских мыслителей к выводу о необязательности высших нравственных законов для внутренней жизни отдельного индивида, увеличивала разочарование в прежних идеалах и ценностях, не давая взамен других. Это усиливало влияние охранительной идеологии и политики твердой руки, а разочарование в идее и ценности личности толкало к убеждению о взаимозаменяемости и малоценности конкретных людей.

Анализируя причины неудачи общественной мысли и самостоятельной общественной деятельности, известный журналист, главный редактор журнала «Вестник Европы» Стасюлевич справедливо замечал, что поиск этих причин является задачей прежде всего психологии, которая занимала все более значительное место в русской науке. В психологии же был особенно заметен и перелом в отношении к науке, который произошел в этот период и характеризовался разочарованием в положительном знании и поворотом к религии, к мистике. Подобно тому, как в 60-80-е годы рецептов немедленного

всеобщего счастья ждали от науки, так в 90-е их стали ждать от религии.

Социальные и мировоззренческие изменения и привели к тому, что в психологии произошла перемена ориентации с психологии материалистической, ориентированной на естествознание, на психологию идеалистическую, связанную преимущественно с философией.

Одной из центральных фигур в науке того времени по праву можно считать Владимира Соловьева не только по значительности того, что им сделано, но и по огромному влиянию, которое он оказал на виднейших ученых того времени, влиянию, которое и после смерти Соловьева не ослабело и которое сказалось на творчестве многих русских мыслителей и художников (в частности, в поэзии символистов).

Соловьев не оставил законченной системы. Тем не менее, именно его искания во многом и сделали проблему нравственного начала в формировании личности человека, проблему воли одной из центральных для отечественной психологии того периода. В их обсуждении принимали участие не только психологи и философы, но и педагоги, историки, юристы. При этом необходимо отметить, что хотя Соловьев и был убежденным приверженцем христианской философии, его воззрения лишены того догматизма, который она приобрела у некоторых его последователей.

Соловьев как бы обозначил кульминационную точку того поворота в мышлении, который произошел в конце 80-х годов прошлого столетия и который знаменовал собой признание высокой значимости религиозной жизни и некоторое разочарование в единодержавии науки и, в особенности, естествознания. Он считал, что трансцендентальный мир, или всеединое целое, или Бог имеет непосредственное отношение к человеку, который занимает срединное положение между безусловным началом или всеединым целым и преходящим миром явлений, не заключающим в себе истины. Эта концепция возлагает на человека очень важную и сложную задачу, ибо через него идет путь повышения и развитие бытия, одухотворение мертвой материи, которая, пройдя через среду человеческого духа, совершается только по одному пути, по пути личного нравственного совершенствования, ради которого свободная воля должна делать постоянные усилия. Таковые становятся реальной силой, если к ним присоединяется воздействие свыше, то есть то, что в религиозной жизни именуется благодатью.

Влияние религиозных исканий Соловьева на психологию наиболее ярко запечатлела книга С.Л. Франка (1877–1950) «Душа человека», где доказывалось, что психология призвана обусловить понимание человеком цельности своей личности и смысла своей жизни, а это может дать только наука о душе.

В аномальных случаях, подчеркивает он, душевная жизнь как бы выходит из берегов и затопляет сознание. Именно по этим состояниям и можно дать некоторую характеристику душевной жизни как состояния рассеянного внимания, в котором соединяются предметы и смутные переживания, связанные с ними.

Фактически вслед за Фрейдом Франк пишет о том, что под тонким слоем затвердевших форм рассудочной культуры тлеет жар великих страстей, темных и светлых, которые и в жизни отдельной личности и в жизни народа в целом могут прорвать плотину и выйти наружу, сметая все на своем пути, ведя к агрессии, бунту и анархии. Заметим, что книга была написана в 1917 году между двумя революциями.

Франк настаивал на том, что душевная жизнь не мозаика элементов, но единство, причем единство неопределимое, но непосредственно переживаемое самим субъектом. Однако это единство души не абсолютное. Оно не исключает многообразия. В душе происходит объединение многообразных разнородных и противоборствующих сил, формирующихся и объединяющихся под действием чувственно-эмоциональных и сверхчувственных волевых стремлений, которые и образуют таким образом как бы два плана или два уровня души. Цельность существования личности, постижение ею своего внутреннего единства открываются человек, благодаря сверхрациональному самоуглублению.

Университетские профессора психологии

Сеченов был профессором физиологии, Кавелин – права, Потебня – филологии. Их профессиональные занятия не требовали обращения к психологии. К ней их влекла логика научного поиска в своей предметной области. Наряду с ними психология стала предметом специального изучения и преподавания на университетских кафедрах философии. Здесь не сложилось новаторских концепций и школ в области психологии. Тем не менее проделанная на этих кафедрах работа не была напрасной. Она внесла свою долю в развитие психологической мысли в России. В Московском университете профессором философии с 1863 г. по 1874 г. был П.Д. Юркевич, о выступлении которого против «антропологического принципа» Чернышевского и, тем самым, против естественнонаучного объяснения психики уже было сказано.

Это выступление скорее всего и побудило университетское начальство пригласить Юркевича из Киевской духовной академии на кафедру философии.

Отстаивая версию о вечности и неизменности идей (в духе платонизма), Юркевич соединял с ней учение о том, что постижение истины не является чисто познавательным актом, но сопряжено с религиозными убеждениями человека, его верой и любовью к Богу. Юркевич оказал большое влияние на студента физико-математического факультета Владимира Соловьева, который одно время был завзятым материалистом и поклонником Бюхнера, объяснявшего душу движением молекул. После смерти Юркевича на освободившуюся кафедру претендовали его ученик В. Соловьев и профессор Варшавского университета М.М. Троицкий. Последний был назначен ординарным профессором, а Соловьев — доцентом.

Троицкий в свое время, будучи слушателем Киевской духовной академии, также обучался философии у Юркевича. Это было в начале 50-х годов. Но с тех

пор многое изменилось в русском обществе и чуждая Юркевичу идея о связи психологии с быстро развивавшимися естественными науками приобрела у молодого поколения аксиоматический характер. Это сказывается на дальнейшей работе Троицкого. Он, воспитанный на психологических концепциях Бенеке, Герберта, Дробиша и других немецких авторитетов, склонных к чуждым методологиям естественных наук построениям, делает выбор в пользу английских психологов. Преимущество их позиции он видит в опоре на индукцию, как способе обобщения частных фактов в противовес умозрительному выведению фактов из метафизических постулатов о душе, ее свойствах и др.

Английская научная мысль прошлого века, тесно связанная в своих методологических ориентациях с успехами естествознания, изменяла общий облик западной психологии. «Логика» Джона Стюарта Милля стала настольной книгой натуралистов.

Господствовавший в Англии ассоцианизм утверждал детерминистский подход к сознанию. С успехами эволюционного объяснения жизненных явлений в работах Спенсера и Бена ассоциация трактуется как фактор приспособления организма к среде. Гельмгольц почерпнул у Милля понятие о бессознательных умозаключениях, переводя его на язык работы зрительной системы, строящей чувственный образ с помощью мышц, операции которых совершаются по типу этих умозаключений. Сеченов в работе «Элементы мысли» поставил задачу «согласить Спенсера с Гельмгольцем». Ассоциации выступают не как связи в бестелесном сознании, а как связи в организме, решающем свои биологические задачи. Изучение английской литературы, запечатлевшей новое понимание психических процессов, делает Троицкого ее пропагандистом. Он противопоставляет ее немецкой психологии как метафизической, оторванной от реальных проявлений жизни духа.

Преимуществам английской психологии перед немецкой была посвящена его работа «Немецкая психология в текущем столетии» (М., 1867), имевшая большой успех, ибо она вносила в русской литературе свежую струю в объяснение перспектив развития психологического знания. Любопытно, что когда Троицкий пришел к своему учителю Юркевичу с просьбой поставить его работу на защиту в качестве докторской диссертации, Юркевич, хотя он и симпатизировал Троицкому, ответил: *«Если бы я одобрил Ваш труд, то меня сочли бы варваром действительные знатоки философии и все образованные люди»*[26].

Апология опытного познания в противовес метафизическим системам воспринималась как нечто еретическое, хотя «опыт» в понимании Троицкого означал нечто иное, чем понимаемое под ним Сеченовым и другими естествоиспытателями. Имелось в виду изучение того, что говорит субъекту наблюдение за собственными состояниями сознания, иначе говоря – прямые

---

[26] *Ивановский В.Н. К характеристике М.М. Троицкого. Вопросы филос. и психологии. К. 52 (1900). С. 205.*

свидетельства интроспекции. Это была линия позитивизма, которую Троицкий первым проводил в русской психологии в противовес доминировавшей до него на университетских кафедрах философии метафизической и схоластической трактовке психических явлений. Тем не менее позитивистский подход сохранял принцип противопоставления душевных явлений (как «явлений духа самому себе») телесным, которые трактовались в качестве «внешних для нашего сознания» и потому не входящих в предметную область психологии. Эта установка руководила пером Троицкого, когда он создавал второй свой большой труд «Наука о духе» (в 2-х томах, М., 1888). Хотя В. Соловьев писал, что по этой книге *«никакой западный европеец ничему не научился бы»*, для русского читателя книга содержала свежие идеи, близкие представлениям Бена и Спенсера, вносившим, в частности, в психологию принцип развития.

К заслугам Троицкого следует отнести организацию Московского психологического общества (организационное заседание прошло в январе 1885 г.), ставшего трибуной широкого обсуждения психологических проблем и центром консолидации и формирования молодых кадров отечественных психологов. Работа общества вызывала интерес у широкой научной общественности. Возник вопрос об издании специального журнала.

Наряду с Троицким активное участие в этой работе принял сменивший его в 1886 году на кафедре Н.Я. Грот.

Как и Троицкий он проделал в своем духовном развитии сложную эволюцию. Начиная как психолог-позитивист, он изложил результаты своих первых исследований в работе «Психология в ее истории и главных основах» (1880 г.), где утверждалось, что основным фактом душевной жизни является «психический оборот», который складывается из четырех моментов: объективной восприимчивости, субъективной восприимчивости, момента субъективно-деятельного и момента объективно-деятельного. Чувства соответствуют второму моменту этого оборота. Эта схема Грота являлась, по существу, переводом на спиритуалистический язык сеченовских представлений о рефлекторной природе психологического акта. Этот акт трактовался как проявление духовной силы, которой противостоит пассивная материя.

Процессы, совершающиеся в этой материи, являются физической энергией, но они способны трансформироваться в психические процессы, также обладающие энергетическим потенциалом.

Версия о психической энергии представляет собой попытку придать духовным силам такой же объективный характер, как и материальным, физическим. Эти соображения, несовместимые с естествознанием, вносили в объяснение психики «спиритуалистический подход».

Вместе с Троицким Грот активно содействовал организации Московского психологического общества и журнала «Вопросы философии и психологии». В письме Д.В. Цертелеву осенью 1886 г. В. Соловьев писал: *«Вернувшись из-за границы, я нашел в Москве целую философскую плантацию, главный экземпляр*

коей Грот, явился ко мне знакомиться и из беседы с ним я усмотрел между прочим: а) что он обращается на путь истинный. т.е. от отрицательного эмпиризма к положительному спиритуализму, что он пламенеет желанием основать философский журнал. Тут я сейчас вспомнил о тебе. Разумеется, мне лично было бы приятнее, если бы ты мог взять это дело вполне на себя, а не вдвоем с Гротом; но сие невозможно, потому что для избавления от цензуры необходимо, чтобы журнал состоял при университете и, следовательно, под ответственною редакцией казенного профессора. Отделы будут распределены следующим образом: психология и логика – Грот, философия религии – я, история древней философии – Гиляров, история новой философии и метафизика – Лопатин»[27].

Л.М. Лопатин, наряду с философскими сочинениями, писал психологические, сосредоточившись на доказательстве целостности души и свободы воли, трактуя эти проблемы метафизически – с антидуалистических позиций и решительно отвергая идею детерминизма. Единство психических функций он объяснял действием сверхвременной субстанции – монады, которую представлял в духе Лейбница.

С 1905 до 1918 Лопатин был редактором журнала «Вопросы философии и психологии». В нем печатались оригинальные статьи не только по философии, но и физиологии, психологии, патопсихологии, истории, а также критические обзоры работ западных исследователей в этих областях знания. Лопатин, предоставляя страницы журнала ученым естественнонаучной ориентации (С.С. Корсакову, А.Н. Бернштейну, А.А. Токарскому и др.), вел с ними дискуссии, где отстаивал версию о душе как нематериальной сущности и производящей причине психических явлений.

Редакция журнала стала своего рода неформальным форумом, здесь философы, психологи, психиатры выступали с докладами, где в острых спорах приверженцы спиритуализма сталкивались с учеными, отстаивавшими естественнонаучные воззрения на психику как функцию мозга.

Как мы видели, на большинстве университетских кафедр исповедовались теории, в которых предмет психологии представлялся в качестве бестелесной сущности, познаваемой во внутреннем опыте. Это была позиция противоположная сеченовской, которую принимало большинство русских интеллектуалов, интересующихся вопросами психологии. По этому поводу имеется свидетельство одного из непримиримых идейных противников Сеченова – Г.И. Челпанова (1863– 1936). После успешной работы в Киевском университете (который со времен Юркевича был центром консолидации противостоящих естественнонаучной психологии сил) и защиты докторской диссертации «Проблема восприятия пространства», он перешел в Московский университет.

---

[27] *Соловьев В., Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М., 1990. С. 220.*

Широкую известность приобрела его книга «Мозг и душа», вышедшая в 1890 году и затем множество раз переиздававшаяся. В 5 издании, отстаивая положение о том, что психические явления могут быть познаваемы путем самонаблюдения, Челпанов писал: *«Для нас, русских, этот вопрос представляет интерес потому, что он в одно время был предметом журнальной полемики между Кавелиным и Сеченовым. Кавелин говорил, что основной прием, при помощи которого можно строить психологию, есть «внутреннее зрение», психическое зрение». Сеченов, физиолог, утверждал, что такого «внутреннего, психического» зрения вовсе нет и быть не может. Общественное мнение стало на сторону Сеченова, и в настоящее время у нас господствует взгляд, по которому метод самонаблюдения должен быть признан методом ненаучным»*[28]. В этой оценке Челпановым дискуссии, имевшей чуть ли не полувековую давность, заслуживает внимание констатации того, что сеченовский взгляд остается в научно-общественном мнении господствующим.

И это после множества трудов московских профессоров (Троицкого, Грота, Лопатина, Челпанова и др.), где душа и ее внутреннее зрение трактовались как основной предмет психологии!

Н.Н. Ланге — естественнонаучная ориентация психологии

Отличную от этой идейной линии позицию занял профессор Новороссийского (Одесса) университета Н.Н. Ланге (1858 – 1921). Именно он в те годы выступал как главный оппонент Челпанова. Он приобрел известность не только в России, но и на Западе своими экспериментальными исследованиями восприятия, сформировав концепцию его стадиальности (фазовости). Предполагалось, что образ воспринимаемого предмета складывается постепенно. Всякое ощущение начинается с «простого толчка» в сознании, затем осознается род раздражителя (цвет, звук, поверхность), форма предмета, его место в пространстве. Ланге разработал моторную теорию внимания, согласно которой движение рассматривалось как условие не только сопровождающее, но и улучшающее восприятие. Двигательный компонент считался представленным и в процессах мышления. Воля же — это импульс, предшествующий любому сознательному движению, этот объективный импульс не осознается субъектом. Осознается лишь само движение в виде сопровождающей его суммы «обратных ощущений», идущих от мышц. Следуя Сеченову, Ланге считал двигательные реакции организма первичными по отношению к внутренним психологическим актам. Основная функция психики – согласно Ланге – «круговая реакция», включающая центростремительный ток. Иначе говоря, из работающей мышцы в мозг непрерывно идет сигнал, сообщающий организму о достигнутом результате.

Ланге критиковал Челпанова за его страстную защиту субъективного

---

[28] *Челпанов Г.И. Мозг и душа. М., 1912. С. 86.*

метода, в том числе и того нового варианта этого метода, который предложила вюрцбургская школа психологии мышления. Ее данные, утверждал Челпанов, доказывают, что активность мышления не требует чувственной основы в виде ощущений. *«А это,* – писал Челпанов, – *служит подтверждением того взгляда, что душа может не только действовать, но и существовать независимо от тела»*[29].

Ланге, в противовес Челпанову, назвал интроспекцию, которую культивировала вюрцбургская школа, «игрою воображения», которая *«почти так же далека от действительного исследования, как воображаемая охота на воображаемых львов в воображаемой Сахаре, – от действительной охоты»*[30]. Книга Ланге «Психология» (1914) запечатлела новую естественнонаучную трактовку психических явлений, показала их биологический смысл и важность ориентации на факторы культуры при изучении психики человека.

Развитие экспериментальной психологии в России

Успехи психологии были обусловлены внедрением в нее эксперимента. Это же откосится к ее развитию в России. Научная молодежь стремилась освоить этот метод. Многие из тех, кто увлекся психологией, отправлялись с этой целью в Германию, в Лейпциг, ставший, благодаря Вундту «Меккой» экспериментальной психологии. Эксперимент требовал организации специальных лабораторий. Н.Н. Ланге организовал ее в Новороссийском университете. В Московском университете лабораторную работу вел А.А. Токарский, в Юрьевском (ныне Тарту) В.В. Чиж., в Харьковском – П.И. Ковалевский, в Казанском – В.М, Бехтерев (при психиатрической клинике).

В 1893 г. Бехтерев из Казани переехал в Петербург, заняв кафедру нервных и душевных болезней в Военно-медицинской академии. Восприняв сеченовские идеи и концепцию передовых русских философов о целостности человека как существа природного и духовного, он искал пути комплексного изучения деятельности человеческого мозга. Пути достижения комплексности виделись ему в объединении различных наук (морфологии, гистологии, патологии, эмбриологии нервной системы, психофизиологии, психиатрии и др.). Он сам вел исследования во всех этих областях. Будучи блестящим организатором, он возглавил многие коллективы, создал ряд журналов, где публиковались статьи также и по экспериментальной психологии. Его любимым детищем стал организованный им Психоневрологический институт. В нем лабораторией психологии ведал врач по образованию А.Ф. Лазурский (1874 – 1917).

Лазурский разработал характерологию как учение об индивидуальных

---

[29] *Челпанов Г.И. Мозг и душа, М., 1912. С. 30.*

[30] *Труды Второго Всероссийского съезда по педагогической психологии в С.-Петербурге в 1909 г. С. 71.*

различиях. Объясняя их, он выделил (совместно с С.Л. Франком, ставшим философом) две сферы: эндопсихику как прирожденную основу личности и экзосферу, понимаемую как систему отношений личности к окружающему миру. На этой базе он построил систему классификации личностей. Неудовлетворенность лабораторно-экспериментальными методами побудила его выступить с планом разработки естественного эксперимента как метода, при котором преднамеренное вмешательство в поведение человека совмещается с естественной и сравнительно простой обстановкой опыта. Благодаря этому становится возможным изучать не отдельные функции, а личность в целом.

Главным же центром разработки проблем экспериментальной психологии стал созданный в Москве Челпановым на средства известного мецената С.И. Щукина Институт экспериментальной психологии. Было построено исследовательское и учебное заведение, равного которому по условиям работы и оборудованию в то время в других странах не было (официальное открытие института состоялось в марте 1914 г). Обладая большим организаторским и педагогическим талантом, Челпанов приложил немало усилий для обучения экспериментальным методам будущих научных работников в области психологии.

Позитивной стороной деятельности института являлась высокая экспериментальная культура проводившихся под руководством Г.И. Челпанова исследований. Из круга молодых сотрудников этого института вышло несколько крупных советских психологов (К.Н. Корнилов, Н.А. Рыбников, Б.Н. Северный, В.Н. Экземплярский, А.А. Смирнов, Н.И. Жинкин и др.).

При организации эксперимента Челпанов продолжал отстаивать как единственно допустимую в психологии такую разновидность эксперимента, которая имеет дело со свидетельствами наблюдений субъекта за своими собственными состояниями сознания. Иначе говоря, решающее отличие психологии от остальных наук усматривалось в ее субъективном методе. Сам метод претерпел в работах западных психологов изменения, и это отразилось на позиции Челпанова, неизменно находившегося в курсе мировой психологической литературы.

В 1917 г. институт начал издавать печатный орган «Психологическое обозрение» (под редакцией Г.И. Челпанова и Г.Г. Шпета). Первый выпуск открывался программной статьей Челпанова «Об аналитическом методе в психологии». По этой статье нетрудно судить о программе, которая предлагалась институтом на великом историческом переломе. Теперь Челпанова не устраивала даже вюрцбургская школа, которой он недавно курил фимиам. Он подвергает критике мнение Аха и Марбе о том, что нельзя считать исследование психологическим, если оно не использует эксперимент, ведь сам эксперимент базируется на первичных понятиях. Они существуют априорно как элементы идеального знания, обладающего абсолютной, аподиктической достоверностью. Извлечь эти элементы можно только из внутреннего опыта путем их непосредственного усмотрения. Это и есть аналитический метод, который должен

лечь в основу всех видов конкретного психологического исследования – экспериментального, генетического и т.д.

Челпанов отмечал сходство предлагаемого им метода с феноменологией Гуссерля. Так завершилась его эволюция в качестве «эмпирического» психолога. Сперва он пропагандировал вундтовский эксперимент, затем — данные вюрцбуржцев, сделавших упор на внутренней активности и внечувственности мышления, и, наконец, главную задачу психолога он увидел в том, чтобы «очистить» сознание от влияния используемых в экспериментах стимулов (физических и вербальных), с тем чтобы созерцать образующие его начальные сущности.

Стремление к предельной отрешенности от реальности, от суетного мира, где происходили события, взрывавшие до основания прежние социальные порядки, — такой была в 1917 г. позиция не одного Челпанова. В этом же году С. Франк выступил с книгой «Душа человека», полной близких феноменализму размышлений о том, что лишь изнутри открывается человеку глубина бытия. Л. Лопатин в 1917 г. опубликовал статью «Неотложные задачи современной мысли». Эти задачи он усматривал в том, чтобы покончить с «неисправимым» натуралистическим мировоззрением и спасти веру в бессмертную душу.

В течение десятилетий русские идеалисты отвергали детерминизм во имя независимой ни от чего внешнего духовной активности субъекта. Достойным человека они считали лишь один ее вектор – самоуглубление. Это сопрягалось с социально-идеологичеекой концепцией, по которой путь к новой России пролегает через переустройство души, ее внутреннее совершенствование.

Учение о поведении

В этот исторически период, наряду с направлением, выступавшим под именем психологии, в России успешно развивалось еще одно направление, отличное от первого, но оказавшего огромное влияние на мировую научную психологию и произведшее революционный сдвиг в способах причинного объяснения взаимодействий целостного организма со средой.

Это взаимодействие было названо поведением. Стимулировали разработку этого направления социальные запросы. Идея преобразования целостного человека, служившая сверхзадачей работ Сеченова, вдохновленных антропологическим принципом, стала исходной для линии мысли, придавшей самобытный облик русской научной психологии.

Важным отличием сложившегося в России учения являлось утверждение принципа активности поведения. Резко обострился интерес к вопросу о том, каким образом, не отступая от детерминистской трактовки человека, объяснить его способность занимать активную позицию в мире, а не только быть зависимым от внешних стимулов.

Зарождается представление о том, что избирательный характер реакций на

внешнее воздействие, сосредоточенность на нем имеют основание не в имматериальной силе воли, а в особых свойствах центральной нервной системы, доступных, как и все другие ее свойства, объективному познанию и экспериментальному анализу.

О том, что здесь социальные запросы преломились сквозь предпосылки, созданные логикой познания научного предмета, говорит тот факт, что к сходным представлениям об активной установке организма по отношению к окружающей среде пришли независимо друг от друга три выдающихся русских исследователя – И.П. Павлов, В.М. Бехтерев и А.А. Ухтомский. Они занимались нейрофизиологией и исходили из рефлекторной концепции, но обогатили ее важными идеями. В функциях нервной системы был выделен особый рефлекс. Бехтерев назвал его рефлексом сосредоточения, Павлов назвал его (в 1910 г.) ориентировочным, установочным рефлексом. *«При появлении в окружающей животное среде новых агентов... по направлению к ним организмом устанавливаются соответствующие воспринимающие поверхности для наилучшего на них отпечатка внешнего раздражения»*.

Этот вновь выделенный вид рефлексов отличался от условных (у Бехтерева – сочетательных) тем, что будучи ответом на внешнее раздражение в виде комплексной мышечной реакции организма, он обеспечивал сосредоточенность организма на объекте и его лучшее восприятие.

В структуру действия включался сенсорный образ. Такой подход выводил научную мысль за пределы того детерминистского воззрения, которое представляло связь между стимулом и реакцией по типу причинно-следственной цепочки. Возможность «обратного» влияния мышечной реакции на перцепцию физического раздражителя указанные воззрения исключали.

С появлением в ряду рефлексов их особой разновидности – рефлекса сосредоточения или ориентировки, картина изменялась. Качество перцепции внешнего объекта ставилось в причинную зависимость от рефлекса, им вызываемого. Открытие этой зависимости превращало комплексную реакцию в фактор, меняющий характер отношений между организмом и средой.

Рефлексология

Принципиально новый подход к предмету психологии сложился под воздействием работ И.П. Павлова (1859–1936) и В.М. Бехтерева (1857–1927). Экспериментальная психология возникла из исследований органов чувств. Поэтому она и считала в те времена своим предметом продукты деятельности этих органов — ощущения.

Павлов и Бехтерев обратились к высшим нервным центрам головного мозга – органам управления поведением целостного, организма в окружающей среде. Вслед за Сеченовым они утверждали взамен изолированного сознания новый предмет, а именно — целостное поведение. Поскольку теперь вместо ощущения в

качестве исходного понятия выступил рефлекс, это направление приобрело известность под именем рефлексологии.

И.П. Павлов обнародовал свою программу в 1903 году, назвав ее «Экспериментальная психология и психопатология на животных». В дальнейшем от слова «психология» он отказался и даже брал со своих сотрудников штраф, когда они, обсуждая опыты над собаками, применяли психологические термины. Поводом служила отягченность этих терминов родимыми пятнами субъективной психологии сознания, тогда как главным делом павловской школы было строго объективное изучение поведения.

Чтобы понять революционный смысл павловского учения о поведении, следует иметь в виду, что он называл его учением о высшей нервной деятельности. Речь шла не о замене одних слов другими, но о кардинальном преобразовании всей системы категорий, в которых объяснялась эта деятельность. Если прежде под рефлексом имелась в виду жестко фиксированная, стереотипная реакция, то Павлов вводил в это понятие принцип условности. Отсюда и его главный термин — «условный рефлекс». Это означало, что организм приобретает и изменяет программу своих действий в зависимости от условий — внешних и внутренних.

Внешние раздражители становятся для него сигналами, ориентирующими в среде, реакция закрепляется только в том случае, если ее санкционирует внутренний фактор – потребность организма. Модельный опыт Павлова заключался в выработке реакции слюнной железы собаки на звук, свет и т. п.

На этой гениально простой модели, варьируя бессчетное число раз совместно со множеством учеников (школу Павлова прошло около 300 исследователей) условия образования, преобразования, сочетания рефлексов, Павлов открыл законы высшей нервной деятельности. За каждым на первый взгляд несложным опытом крылась густая сеть разработанных павловской школой понятий (о сигнале, временной связи, подкреплении, торможении, дифференцировке, управлении и др.), позволяющая причинно объяснять, предсказывать и модифицировать поведение.

Идеи, сходные с павловскими, развивал в книге «Объективная психология» (1907) В.М. Бехтерев, давший условным рефлексам другое имя: сочетательные.

Между воззрениями двух ученых имелись различия, но оба стимулировали психологов на коренную перестройку представлений о предмете психологии.

Реактология

Попытки выйти из тупика, созданного конфронтацией между психологией сознания, опирающейся на субъективный метод, и успешно развивавшимся с опорой на объективный метод бихевиоризмом, предпринял в России К.Н. Корнилов (1879 – 1957). Он выступил, когда в этой стране утвердился в качестве господствующей идеологии марксизм с его философским кредо —

диалектическим материализмом. Используя идею диалектического единства, Корнилов надеялся преодолеть как агрессивную односторонность рефлексологии Бехтерева и Павлова (она претендовала на единственно приемлемое для материалиста объяснение поведения), так и субъективизм интроспективного направления (лидером которого в России был Г.И. Челпанов).

Основным элементом психики Корнилов предложил считать реакцию. В ней объективное и субъективное нераздельны. Реакция наблюдается и измеряется объективно, но за этим внешним движением скрыта деятельность сознания. Став директором высшего челпановского института, Корнилов предложил сотрудникам изучать психические процессы в качестве реакций (восприятия, памяти, воли и т. д.). Он даже переименовал названия соответствующих лабораторий. Фактически же реальная экспериментальная работа свелась к изучению скорости и силы мышечных реакций. Таковой на деле оказалась предложенная Корниловым «марксистская реформа психологии». С Корниловым разошлось большинство психологов. Одни покинули институт, не приняв программу превращения психологии в «марксистскую науку». Другие, считая марксистскую методологию перспективной в плане поисков выхода психологии из кризиса, пошли иным путем.

Блонский — психология развития ребенка

Блонский Павел Петрович (1884 – 1941) – один из выдающихся русских психологов, отверг трактовку психологии как науки о душе или о явлениях сознания, доказав, что ее доступным научному методу объектом является поведение. Она – писал Блонский в книге «Реформа науки» (1920) *«изучает свой предмет – поведение живых существ, обычными методами естественнонаучного познания»*. При этом Блонский рассматривал поведение с точки зрения его развития как особый исторический процесс, зависящий у человека от социальных воздействий («Очерки научной психологии» (1921). При этом особое значение он придавал практической направленности психологии, позволяющей «политику, судье, моралисту» действовать эффективно. Эта книга Блонского была первым очерком научной психологии, ориентированной на марксизм.

Развивая сравнительно-генетический подход к психике, Блонский проанализировал ее эволюцию, которая трактовалась как ряд периодов, имеющих отличительные особенности, причем различие между периодами считалось обусловленным изменениями большого комплекса факторов, относящихся к биологии организма, его химизму, соотношению между корой и подкорковыми центрами. Наиболее значительным из психологических работ Блонского является его труд «Память и мышление» (1935). Здесь, опять-таки придерживаясь генетического подхода, он выделяет различные виды памяти, сменившие друг друга в качестве доминирующих в различные возрастные периоды. В онтогенезе он выделяет моторную память, которая сменяется аффективной, последняя —

образной памятью, а на высшем уровне развития — логической. Новый принцип в развитие памяти вносит человеческая речь. Формируется вербальная память, которой принадлежит ключевая роль в создании культурных ценностей.

Выступая за комплексное изучение ребенка, Блонский стал одним из лидеров педологии. В то же время его работа в качестве психолога побудила выдвинуть на передний план роль обучения в умственном развитии школьников. Так, в брошюре «Трудные школьники» Блонский отмечал: *«ум максимально зависит от условий жизни и воспитания и минимально наследственен»*.

Для исследований Блонского характерна установка на соотнесение умственного развития ребенка с развитием других сторон его организма и личности. Особое значение он придавал труду как фактору формирования позитивных личностных качеств, рассматривая его как деятельность, оценка результатов которой со стороны других людей стимулирует позитивное эмоциональное отношение человека к собственной жизненной позиции, повышает творческий потенциал человека и общественную активность.

Специальное внимание уделялось проблеме полового воспитания подростков, которую в те времена педагогика и психология обычно ханжески обходили молчанием. Между тем, Блонским специально были изучены переживания, сопряженные с развитием сексуальной сферы. В освещении вопросов детской сексуальности Блонский выступил с критикой фрейдизма, считая его концепцию неадекватной реальным стадиям сексуального развития детей – и настаивая на необходимости уделять специальное внимание этой считавшейся «закрытой» тематике с тем, чтобы научно обосновать систему воспитания, позволяющую избегать невротических срывов, воспитывать уважение к человеческому достоинству.

Труды Блонского сыграли важную роль в научном объяснении как интеллектуальных, так и эмоциональных процессов, трактуемых в контексте единства решения психологических и педагогических задач с акцентом на воспитание любви к труду.

Выготский: теория высших психических функций

Автором новаторской концепции, оказавшей влияние на развитие мировой психологической мысли, был Л.С. Выготский (1896 – 1934). Не ограничившись общими формулами марксистской философии, он предпринял попытку почерпнуть в ней положения, которые позволили бы психологии выйти на новые рубежи в ее собственном проблемном поле.

Марксизм утверждал, что человек – природное существо, но природа его социальна, и поэтому рассматривал телесные, земные основы человеческого бытия как продукт общественно-исторического развития. Разрыв между природным и культурным привел в учениях о человеке к концепции двух психологий, каждая из которых имеет свой предмет и оперирует собственными

методами.

Для естественнонаучной психологии сознание и его функции причастны тому же порядку вещей, что и телесные действия организма. Поэтому они открыты для строго объективного исследования и столь же строго причинного (детерминистского) объяснения.

Для другой психологии предметом является духовная жизнь человека в виде особых переживаний, которые возникают у него благодаря приобщенности к ценностям культуры, а методом – понимание, истолкование этих переживаний.

Все помыслы Выготского были сосредоточены на том, чтобы покончить с версией о «двух психологиях», которая расщепляла человека. На первых порах опорным для него служило понятие о реакции. Однако он понимал ее не так, как Корнилов, поскольку считал главной для человека особую реакцию – речевую. Она, конечно, является телесным действием, но в отличие от других телесных действий придает сознанию личности несколько новых измерений. Во-первых, она предполагает процесс общения, а это значит, что она изначально социальна. Во-вторых, у нее всегда имеется психический аспект, который принято называть значением или смыслом слова. В-третьих, слово имеет независимое от субъекта бытие как элемент культуры. За каждым словом бьется океан истории народа. Так, в едином понятии речевой реакции сомкнулись телесное, социальное (коммуникативное), смысловое и историко-культурное.

В системе этих четырех координат (организм, общение, смысл, культура) Выготский стремился объяснить любой феномен психической жизни человека. Интегратизм, отличавший стиль его мышления, определил своеобразие его пути, когда, оставив понятие о речевой реакции, он перешел к изучению психических функций.

Принципиальное нововведение, сразу же отграничившее его теоретический поиск от традиционной функциональной психологии, заключалось в том, что в структуру функции (внимания, памяти, мышление и др.) вводились особые регуляторы, а именно — знаки, которые создаются культурой.

Знак (слово) — «психологическое орудие», посредством которого строится сознание. Это понятие было своего рода метафорой. Оно привносило в психологию восходящее к Марксу объяснение специфики человеческого общения с миром. Специфика заключается в том, что общение опосредовано орудиями труда. Они изменяют внешнюю природу и в силу этого — самого человека. Речевой знак, согласно Выготскому, это также своего рода орудие. Но особое орудие. Оно направлено не на внешний мир, а на внутренний мир человека. Оно преобразует его. Ведь прежде чем человек начинает оперировать словами, у него уже имеется доречевое психическое содержание. Этому «материалу», полученному от более ранних уровней психического развития (элементарных функций), психологическое орудие придает качественно новое строение. И тогда возникают высшие психические функции, а с ними вступают в действие законы культурного развития сознания, качественно иного, чем «натуральное», природное

развитие психики (какое наблюдается, например, у животных).

Понятие о функции, выработанное функциональным направлением, радикально изменялось. Ведь это направление, усвоив биологический стиль мышления, представляло функцию сознания по типу функций организма. Выготский сделал решающий шаг из мира биологии в мир культуры. Следуя этой стратегии, он приступил к экспериментальной работе по изучению изменений, которые производит знак в традиционных психологических объектах: внимании, памяти, мышлении. Опыты, которые проводились на детях как нормальных, так и аномальных, побудили под новым углом зрения интерпретировать проблему развития психики.

Новшества Выготского не ограничились идеей о том, что высшая функция организуется посредством психологического орудия. Не без влияния гештальтизма он вводит понятие о психической системе. Ее компонентами являются взаимосвязанные функции. Развивается не отдельно взятая функция (память или мышление), но целостная система функций. При этом в различные возрастные периоды соотношение функций меняется. (Например, у дошкольника ведущей функцией среди других является память, а у школьника – мышление).

Развитие высших функций совершается в общении. Учтя уроки Жане, Выготский трактует процесс развития сознания как интериоризацию. Всякая функция возникает сначала между людьми, а затем становится «частной собственностью» ребенка. В связи с этим Выготский вступил в дискуссию с Пиаже по поводу так называемой эгоцентрической речи. Выготский экспериментально показал, что эта речь, вопреки Пиаже, не сводится к оторванным от реальности влечениям и фантазиям ребенка. Она исполняет роль не аккомпаниатора, а организатора реального практического действия. Размышляя с самим собой, ребенок планирует его. Эти «мысли вслух» в дальнейшем интериоризируются и преобразуются во внутреннюю речь, сопряженную с мышлением в понятиях.

«Мышление и речь» (1934) – так называлась главная, обобщающая книга Выготского. В ней он, опираясь на обширный экспериментальный материал, проследил развитие понятий у детей. Теперь на передний план выступило значение слова. История языка свидетельствует, как изменяется значение слова от эпохи к эпохе. Выготским же было открыто развитие значений слов в онтогенезе, изменение их структуры при переходе от одной стадии умственного развития ребенка к другой. Когда взрослые общаются с детьми, они могут не подозревать, что слова, ими употребляемые, имеют для них совершенно другое значение, чем для ребенка, поскольку детская мысль находится на другой стадии развития и потому строит содержание слов по особым психологическим законам.

Важность открытия этих законов для обучения и развития маленького мыслителя очевидна. Выготским была обоснована идея, согласно которой *«только то обучение является хорошим, которое забегает вперед развитию»*. В связи с этим он ввел понятие о *«зоне ближайшего развития»*. Под ней имелось в

виду расхождение между уровнем задач, которые ребенок может решить самостоятельно или под руководством взрослого. Обучение, создавая подобную «зону», и ведет за собой развитие.

В данном процессе внутренне сомкнуты не только мысль и слово, но и мысль и движущий ею мотив (по терминологии Выготского – аффект). Их интегралом является переживание как особая целостность, которую Выготский в конце своего рано оборвавшегося творческого пути назвал важнейшей «единицей» развития личности. Он трактовал это развитие как драму, в которой имеется несколько «актов» – возрастных эпох.

Творчество Выготского существенно расширило предметную область психологии. Она выступила в качестве системы психических функций, имеющей особую историю. Высший, присущий человеку уровень развития этой системы (отличающийся сознательностью, смысловой организацией, произвольностью) возникает в процессе вхождения личности в мир культуры.

Принцип деятельности в психологии

Другой подход к разработке предметной области психологии наметили исследователи, которые, ориентируясь на марксизм, почерпнули в нем идею формирования сознания и его проявлений в горниле деятельности. Понятие о деятельности многозначно. Сеченов говорил о психических деятельностях, понимая их как процессы, которые совершаются по типу рефлекторных (в особом, рассмотренном выше сеченовском понимании). Павлов ввел понятие о высшей нервной деятельности, Бехтерев — о соотносительной деятельности, Выготский говорил о психических функциях как деятельности сознания. Но с обращением к марксизму, для которого прототипом любых форм взаимоотношений человека со средой является труд, трактовка деятельности приобрела новое содержание.

Басов: человек как деятель в среде

Пионером ее выделения в особую, ни к каким другим формам жизни не сводимую категорию выступил М.Я. Басов (1892 – 1931). Его исследования (как и ряда других психологов) было принято относить к особой науке — педологии. Под ней имелось в виду комплексное изучение ребенка, охватывающее все аспекты его развития, — не только психологические, но и антропологические, генетические, физиологические и др.

Басов как психолог первоначально примыкал к функциональному направлению. Сознание понималось как система взаимосвязанных психических функций. Но в его взгляде на эту систему имелся особый аспект. Ее центром он считал волю как функцию, предполагающую усилия личности по достижении осознанной цели. Это было связано с его общей установкой на научный,

экспериментальный анализ активности субъекта. В особенности его интересовал конфликт между волевым импульсом и непроизвольными, независящими от сознания движениями. Данный вопрос он изучал путем объективного наблюдения за развитием поведения ребенка. Поскольку изучение было сосредоточено не на внешних движениях самих по себе (рефлексах), а на их внутреннем смысле, Басов, чтобы отграничить свой подход от подхода рефлексологов и бихевиористов, применил вместо термина «поведение» (который они использовали, чтобы обозначить предмет своих исследований) термин «деятельность».

Он подчеркивал, что понимает под ней *«предмет особого значения»*, – такую область, *«которая имеет задачи, никакой другой областью неразрешаемые»*. Если до Басова в воззрениях на предмет психологии резко противостояли друг другу сторонники давно признанного убеждения, согласно которому этим предметом является сознание, и сторонники нового убеждения, считавшие, что им является поведение, то после Басова картина изменилась. Он как бы поднялся над этим конфликтом, чего требовала сама логика развития науки. Откликаясь на ее запросы, К.Н. Корнилов видел выход в том, чтобы соединить под эгидой понятия о реакции факт сознания (переживание субъекта) и факт поведения (его мышечное движение).

Басов же предлагал другое решение. Нужно, считал он, перейти в совершенно новую плоскость. Подняться и над тем, что осознает субъект, и над тем, что проявляется в его внешних действиях. Не механически объединить одно и другое, а включить их в качественно новую структуру. Он ее назвал деятельностью.

Из чего она состоит, из каких элементов складывается? Приверженцы структурализма считали, что психическая структура складывается из элементов сознания, гештальтизма – из динамики психических форм (гештальтов), функционализма – из взаимодействия функций (восприятия, памяти, воли и т. п.), бихевиоризма – из стимулов и реакций, рефлексологии – из рефлексов.

Басов же предложил считать деятельность особой структурой, состоящей из отдельных актов и механизмов, связи между которыми регулируются задачей. Структура может быть устойчивой, стабильной (например, когда ребенок овладел каким-либо навыком). Но она может также каждый раз создаваться заново (например, когда задача, которую решает ребенок, требует от него изобретательности). В любом случае деятельность является субъективной. За всеми ее актами и механизмами стоит субъект, говоря словами Басова, *“человек как деятель в среде”*.

Центральной для Басова, который был поглощен изучением ребенка и факторов его формирования как личности, выступала проблема развития деятельности, ее истории. Именно это составляет главное содержание книги Басова «Основы общей педологии» (1928). Но чтобы объяснить, как строится и развивается деятельность ребенка, следует, согласно Басову, взглянуть на нее с точки зрения высшей ее формы, каковой является профессионально-трудовая

деятельность (в том числе и умственная).

Труд — особая форма взаимодействия его участников между собой и с природой. Он качественно отличается от поведения животных, объяснимого условными рефлексами. Его изначальным регулятором служит цель, которой подчиняются и тело, и душа субъектов трудового процесса. Эта цель осознается ими в виде искомого: результата, ради которого они объединяются и тратят свою энергию. Иными словами психический образ того, к чему стремятся люди – не внешние стимулы, влияющие на них в данный момент, загодя *«как закон»* (говоря словами Маркса) подчиняет себе отдельные действия и переживания этих людей.

Игры детей и их обучение отличаются от реального трудового процесса. Но и они строятся на психологических началах, присущих труду: осознанная цель, которая регулирует действия, осознанная координация этих действий и т. п.

Специфика труда как особой формы взаимоотношения людей с предметным миром стала прообразом разработки марксистски ориентированной психологии в Советской России.

Дальнейшее развитие принцип деятельности получил в трудах С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева.

Рубинштейн: единство сознания и деятельности

Басов, руководя педологическим отделением Ленинградского педагогического института им. Герцена, пригласил Рубинштейна на кафедру психологии, где он написал свой главный труд «Основы общей психологии» (1940). Лейтмотивом труда служил принцип «единства сознания и деятельности». Как отмечалось, вопрос о системном и смысловом строении сознания был центральным для Выготского, а вопрос о структуре деятельности – центральным для Басова. В то же время роль предметной деятельности в построении сознания оставалась вне поля зрения Выготского, а категория сознания – вне поля зрения Басова. Сомкнуть сознание с процессом деятельности, объяснив, каким образом оно формируется в этом процессе, – таков был подход Рубинштейна к предмету психологии. Это существенно изменяло перспективу конкретных исследований, призванных теперь исходить из того, что *«все психические процессы выступают в действительности как стороны, моменты труда, игры, учения, одного из видов деятельности. Реально они существуют лишь во взаимосвязи и взаимопереходах всех сторон сознания внутри конкретной деятельности, формируясь в ней и ею определяясь»*.

Идея о том, что общение человека с миром не является прямым и непосредственным (как на биологическом уровне), но совершается не иначе, как посредством его реальных действий с объектами этого мира, изменяла всю систему прежних взглядов на сознание. Его зависимость от предметных действий, а не от внешних предметов самих по себе становится важнейшей проблемой психологии.

Сознание, ставя цели, проектирует активность субъекта и отражает реальность в чувственных и умственных образах. Предполагалось, что природа сознания является изначально социальной, обусловленной общественными отношениями. Поскольку же эти отношения изменяются от эпохи к эпохе, то и сознание представляет собой исторически изменчивый продукт.

Леонтьев: строение деятельности

Положение о том, что все, что совершается в психической сфере человека, укоренено в его деятельности, развивал также А.Н. Леонтьев (1903 – 1979). Сперва он следовал линии, намеченной Выготским. Но затем, высоко оценив идеи Басова о «морфологии» (строении) деятельности, он предложил свою схему ее организации и преобразования на различных уровнях: в эволюции животного мира, истории человеческого общества, а также в индивидуальном развитии человека – «Проблемы развития психики» (1959).

Леонтьев подчеркивал, что деятельность – это особая целостность. Она включает различные компоненты: мотивы, цели, действия. Их нельзя рассматривать порознь. Они образуют систему. Различие между деятельностью и действием он пояснял на следующем примере, взятом из истории деятельности людей в первобытном обществе. Участник первобытной коллективной охоты в качестве загонщика спугивает дичь, чтобы направить ее к другим охотникам, которые скрываются в засаде. Мотивом его деятельности служит потребность в пище. Удовлетворяет же он свою потребность, отгоняя добычу, из чего следует, что деятельность определяется мотивом, тогда как действие – той целью, которая им достигается (спугивание дичи) ради реализации этого мотива.

Аналогичен психологический анализ ситуации обучения ребенка. Школьник читает книгу, чтобы сдать экзамен. Мотивом его деятельности может служить сдача экзамена, получение отметки, а действием – усвоение содержания книги. Возможна, однако, ситуация, когда содержание само станет мотивом и увлечет учащегося настолько, что он сосредоточится на нем независимо от экзамена и отметая. Тогда произойдет *«сдвиг мотива (сдача экзамена) на цель (решение учебной задачи)»*. Тем самым появится новый мотив. Прежнее действие превратится в самостоятельную деятельность.

Из этих простых примеров видно, насколько важно, изучая одни и те же объективно наблюдаемые действия, раскрывать их внутреннюю психологическую подоплеку.

Обращение к деятельности как присущей человеку форме существования позволяет включить в широкий социальный контекст изучение основных психологических категорий (образ, действие, мотив, отношение, личность), которые образуют внутренне связанную систему.

Глава 5

РОССИЙСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Развитие психологии в России в советский период приобрело драматический характер.

В условиях тоталитарного режима культивировалась версия об «особом пути» марксистской психологии как «единственно верной» отрасли знания. На этот путь она вступила в начале 20-х годов и на протяжении нескольких десятилетий не имела возможности свернуть с него. Все факты и концептуальные построения советских психологов 20-50-х годов должны рассматриваться с учетом данных обстоятельств.

Только к концу 50-х годов появляются признаки того, что психология в СССР получила возможность развиваться в общем контексте мировой науки. Железный занавес, ограждавший отечественную психологию от мирового научного сообщества, если не исчез, то при поднялся. Советские ученые начали участвовать в международных конференциях и конгрессах (на протяжении двадцати лет подобное было невозможно), переводились книги зарубежных психологов, оказалось возможным развивать отрасли науки, которые считались заведомо реакционными (к примеру, социальную психологию), стали впервые за многие годы доступными книги Л. Выготского, М. Басова, П. Блонского и других.

§ 1. ПСИХОЛОГИЯ НА «ОСОБОМ ПУТИ» СВОЕГО РАЗВИТИЯ: 20-Е ГОДЫ

«Особый путь» советской психологии и тактика ее выживания

До Октябрьского переворота у российской психологии, имевшей существенно значимые естественнонаучные традиции и интересные философские разработки, не было принципиальных отличий от развития науки на Западе. Были все основания рассматривать отечественную науку как один из отрядов мировой научной мысли. Вместе с тем, отражая специфику социальных запросов России, психология в этой стране отличалась рядом особенностей.

Философам-психологам, стоявшим на позициях идеалистической философии (А.И. Введенский, Л.М. Лопатин, И.О. Лоссккй, С.Л. Франк и др.), противостояло естественнонаучное направление («объективная психология», или «психорефлексология» В.М. Бехтерева, «биопсихология» В.А. Вагнера), развивавшееся в тесной связи с идеями Сеченова. Получила развитие экспериментальная психология (А.Ф. Лазурский, А.П. Нечаев и др.), видную роль в ее становлении сыграл организатор Московского психологического института

Г.И. Челпанов, тяготевший в общетеоретических построениях к идеалистической психологии («Мозг и душа», 1910).

В первые годы после Октябрьского переворота в психологической науке ведущую роль играло естественно научное направление, провозглашавшее союз с естествознанием (биологией, физиологией, эволюционной теорией) к выступавшее с идеями построения психологии как объективной науки. В развитии этого направления важнейшее место принадлежало учению И.П. Павлова о высшей нервной деятельности. В работах В.М. Бехтерева и К.Н. Корнилова определились черты ведущих направлений психологии тех лет – рефлексологии и реактологии.

На 1-м Всероссийском съезде по психоневрологии (1923) в докладе Корнилова впервые было выдвинуто требование применить марксизм в психологии, что явилось началом идеологизированной «перестройки» психологической науки. Вокруг Московского психологического института, возглавлявшегося с 1923 года Корниловым, группировались молодые научные работники, стремившиеся реализовать программу построения «марксистской психологии» (Н.Ф. Добрынин, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия и др.); видная роль среди них принадлежала Л.С. Выготскому. Эти психологи испытывали значительные трудности при определении предмета психологии: в реактологии и рефлексологии сложилась механистическая трактовка ее как науки о поведении.

Уже в начале 20-х годов, став объектом жесткого идеологического прессинга, психология в советской России обрела черты, которые не могут быть поняты без учета политической ситуации, в которой оказались как теоретики, так и практики психологии. То, что произошло с психологией в 20-е годы, выступило в качестве своего рода прелюдии к ее дальнейшему репрессированию.

Первая волна репрессий ударила по психологии на рубеже 20-х – 30-х годов и сопровождалась физическим уничтожением многих ученых (Шпильрейн, Ансон и др.) в середине 30-х годов, имела своим апофеозом объявление педологии реакционной лженаукой, а психотехники – «так называемой наукой». Была проведена жестокая чистка рядов психологов. Укоренилось подозрительное отношение к педагогической и детской психологии как отрасли науки и практики, «возрождающей педологию».

Вторая волна репрессирования психологии пришлась на конец 40-х – начало 50-х годов: борьба с «безродным космополитизмом» (погромные выступления против С.Л. Рубинштейна, М. Рубинштейна и др.), попытки вытеснения психологии и замена ее в научных и образовательных учреждениях физиологией высшей нервной деятельности (ВНД). В результате на протяжении 30 – 35 лет в психологии сложилась своеобразная тактика выживания, которая учитывала систематический характер репрессиий и во многом определялась ожиданием новых гонений. С этим связана демонстративная присяга психологов (как и представителей всех других общественных и естественных наук) на верность «марксизму-ленинизму». Вместе с тем психология стремилась использовать в

марксистском учении то, что могло послужить прикрытием конкретных исследований (главным образом, связанных с разработкой психогносеологической и психофизической проблем, обращением к диалектике психического развития). Использовались взгляды и работы многих зарубежных психологов под видом их идеологизированной критики.

Навязанные политической ситуацией специфические условия выживания и сохранения кадров ученых и самой науки оказались основным препятствием на пути ее нормального развития. Это выразилось прежде всего в отказе от изучения сколько-нибудь значимых и актуальных социально-психологических проблем. До начала 70-х годов исследования межличностных отношений и личности фактически исключались из научного обихода. Отсюда полное отсутствие работ по социальной, политической, экономической и управленческой психологии. Идеологическокое табу уводило психологию в сторону от социальной практики и ее теоретического осмысления.

Используя метафору, можно сказать: в научном «кровотоке» возник идеологический «тромб». В результате образовались «коллатерали» (обходные пути, минующие затромбированный сосуд). Изучение личности заменяли идеологически нейтральные исследования типов нервной деятельности, темпераментов и способностей (Теплов, Мерлин, Небылицин и др.). Развитие личности путем «двойной редукции» было сведено к развитию психики, а последнее — к развитию познавательных процессов (памяти, внимания, восприятия, мышления и т.д.). Фактически все наиболее заметные результаты работы видных психологов (А. Леонтьева, А. Смирнова, А. Запорожца, П. Зинченко, Д. Эльконина и др.) локализованы в сфере «механизмов» когнитивных процессов.

Тактика выживания спасла психологию, позволив ученым внести значимый вклад в ряд ее отраслей. В то же время она во многом деформировала ее нормальное развитие.

Марксизм в советской психологии

Марксизм известен как идеология, всесветно пустившая глубокие корни. Ему присуща, как и любой идеологии, философская подоплека (своя версия о предназначении человека в социальном мире). Если отвлечься от кровавой реальности политических реализации марксизма и обратиться к науке, то его притязания на научность общеизвестны. «Сертификатом» научности служил уже рассмотренный выше принцип детерминизма, а применительно к истории – постулат о закономерном переходе от одних социальных форм к другим. В марксизме этот постулат оборачивается выводом о том, что капитализм сменяется социализмом с неотвратимостью времен года.

Психология в силу уникальности своего предмета изначально обречена быть, говоря словами Н.Н. Ланге, двуликим Янусом, обращенным и к биологии, и

к социологии. Экспансия марксизма в конце XIX – начале XX века совпала со все нараставшей волной социоисторических идей в психологии.

Известный американский психолог Д. Болдуин, в частности, назвал в 1913 году «Капитал» Маркса в числе работ, под воздействием которых произошел коренной переворот во взглядах на соотношение индивидуального и общественного сознания. Это было сказано Болдуином не попутно, а в книге «История психологии», сам жанр которой предполагал общую оценку эволюции одной из наук. В книге речь шла только о западной психологии.

Нельзя ничего сказать по поводу того, оказал ли марксизм влияние на дореволюционную психологическую мысль, хотя его всеопределяющая роль в движении России к 1917 году изучена досконально. Нет заметных следов увлечения им в предсоветский период и молодыми учеными (Л.С. Выготский, П.П, Блонский, С.Л. Рубинштейн, Д.Н. Узнадзе и др.), которым предстояло вскоре стать главными фигурами в новой психологии.

Реактология и рефлексология ориентируются на марксизм

В новой России воцарялась новая духовная атмосфера. В ней утверждалась вера в то, что учение Маркса всесильно не только в экономике и политике, но и в науке, в том числе психологической. Даже идеалист Челпанов, директор Московского института психологии, заговорил о том, что марксизм и есть то, что нужно его институту. Правда, Челпанов оставлял на долю марксизма только область социальной психологии, индивидуальную же по-прежнему считал глухой к своему предмету, когда она не внемлет «голосу самосознания». Между тем вопрос о том, каким образом внести в психологию дух диалектического материализма, приобретал все большую актуальность. К ответу побуждал не только диктат коммунистической идеологии с ее агрессивной установкой на подчинение себе научной мысли. Ситуация в психологии приобрела характер очередного кризиса, на сей раз более катастрофического, чем предшествующие. Это был всеобщий, глобальный кризис мировой психологии.

Еще в 1926 году Л.С. Выготский, осознавший себя приверженцем марксистской реформы психологии, написал свой главный теоретический трактат, в котором попытался объяснить, в чем же заключается общеисторический (а не только локально-русский) смысл психологического кризиса. Молодая поросль советских психологов, к которой Выготский принадлежал (это было поколение двадцати-тридцатилетних), с энтузиазмом восприняла в идейном климате начала 20-х годов, когда повсеместно шла ломка старого, призыв преобразовать психологию на основах диалектического материализма. Лидером движения стал, в прошлом сотрудник Челпанова, К.Н. Корнилов. Не имея фундаментального философского образования, он перевел ряд сложных положений марксизма на уровень тогдашней «политграмоты».

Впервые в истории психологии марксизм приобрел силу официальной и

обязательной для нее доктрины, отказ от которой становился равносильным оппозиции государственной власти и тем самым караемой ереси. Очевидно, что ситуация в данном случае существенно отличалась от описанной Болдуином. Этот американский автор, анализируя положение дел в психологии, отметил, что под влиянием Маркса наметился поворот в понимании вопроса о соотношении индивидуального сознания (как главной темы психологии) и социальных факторов. К этому западных психологов направляло знакомство с «Капиталом» Маркса, а не с комиссарами и чекистами, вернувшимися с полей гражданской войны, чтобы в социалистической, а затем в коммунистической академии и других учреждениях партийного «агитпропа» воевать за новую идеологию.

Уже тогда заработал аппарат репрессий, и высылка в 1922 году большой группы ученых-гуманитариев (в том числе автора книги «Душа человека» С.Л. Франка, профессора психологии И.И. Лапшина и др.) стала сигналом предупреждения об остракизме, грозящем каждому, кто вступит в конфронтацию с марксистской философией. Это вовсе не означало, что пришедшая в психологию молодежь (воспитанная в чуждом марксистской философии духе) встала под освященное властью государства знамя из чувства самосохранения. В действительности она искала в новой философии научные решения, открывающие выход из контроверз, созданных, как было сказано, общим кризисом психологической науки, а также специфической ситуацией в России. Здесь сложившееся в дореформенный период, восходящее к Сеченову естественнонаучное направление переживало в послеоктябрьские годы великий триумф, выступив в виде наиболее адекватной материалистическому мировоззрению картины человека и его поведения (учения И. П. Павлова, В.М. Бехтерева, А.А. Ухтомского и др.). Под именем рефлексологии оно приобрело огромную популярность.

В ее свете навсегда померкли искусственные, далекие от жизни, от удивительных успехов естествознания схемы аналитически интроспективной концепции сознания. Но именно эта концепция традиционно идентифицировалась с психологией как особой областью изучения субъекта, его внутреннего мира и поведения. Возникла альтернатива: либо рефлексология, либо психология.

Что касается рефлексологии, то учеников Павлова и Бехтерева (но не самих лидеров школ) отличал воинствующий редукционизм. Они считали, что серьезной науке, работающей объективными методами, нечего делать с такими темными понятиями, как сознание, переживание, акт души и т.п. Их притязания, получившие широкую поддержку, отвергла небольшая (в несколько человек) группа начинающих психологов. Признавая достоинства рефлексологии, для которой эталоном служили объяснительные принципы естествознания, они надеялись придать столь же высокое достоинство своей науке. Вдохновляла их версия диалектического материализма, которая рассматривала психику как особое, нередуцируемое свойство высокоорганизованной материи (принадлежащая, кстати, не марксизму, а французскому материализму

XVIII века). Эта версия воспринималась в качестве обеспечивающей перед лицом рефлексологической агрессии право психологии на собственное место среди позитивных наук и утверждающей собственный предмет (не отступая от материализма).

В ситуации начала 20-х годов, которую определяла альтернатива: либо рефлексология, либо отжившая свой век субъективная эмпирическая психология (а другая в русском научном сообществе тогда не разрабатывалась), – именно обращением к марксизму психология обязана тем, что не была сметена новым идеологическим движением, обрушившимся на так называемые психологические фикции (среди них значилось также представление о душе). Казалось, именно учение о рефлексах проливает свет на истинную природу человека, позволяя объяснять и предсказывать его поведение в реальном, земном мире, без обращения к смутным, не прошедшим экспериментального контроля воззрениям на бестелесную душу.

Еще раз подчеркнем, что это была эпоха крутой ломки прежнего мировоззрения, стало быть, к прежней «картины человека». Рефлексологию повсеместно привечали как образец новой картины, и ее результаты вовсе не являлись в те времена предметом обсуждения в узком кругу специалистов по нейрофизиологии. Рефлексология переместилась в центр общественных интересов, преподавалась (на Украине) в школах, увлекала деятелей искусства (к примеру, В. Мейерхольда, а павловская физиология высшей нервной деятельности – К. Станиславского). По поводу нее выступали и философы, и вожди партии (Н. Бухарин, Л. Троцкий).

Защищая отвергнутую рефлексологами категорию сознания, ее немногочисленные приверженцы надеялись наполнить ее новым содержанием. Но каким? К марксизму обращались с целью «примирить» три главных противопоставления, сотрясавших психологию и воспринимаемых как симптомы ее грозного кризиса. Споры вращались вокруг вопроса о том, как соотносятся телесное (работа организма) и внутрипсихическое (акты со знания), объективное (внешне наблюдаемое) и субъективное (в образе, данном в самонаблюдении), индивидуальное (поскольку сознание неотчуждаемо от индивида) и социальное (поскольку личное сознание зависит от общественного). Эти антитезы возникали перед каждым, кто отважился вступить на зыбкую почву психологии. Взятое К.Н. Корниловым из арсенала экспериментальной психологии понятие о реакции родилось в попытках примирить указанные антитезы под эгидой диалектического материализма.

Реакция и объективна, и субъективна, и телесна, и нематериальна (хотя способность материи являть особые нематериальные свойства – это нечто рационально непостижимое). Она индивидуальна и, в то же время, представляет собой реакцию на социальную (точнее, «классовую») среду.

Разъятые и противопоставленные друг другу ряды явлений сцеплялись в общем понятий (с расчетом на то, что они не утратят при этом своей специфики).

В таком подходе усматривалось преимущество марксистской диалектики, одним из стержневых начал которой служит принцип диалектического единства. С тех пор ссылка на диалектическое единство стала «палочкой-выручалочкой» во всех случаях, когда мысль не могла справиться с реальными трудностями выяснения связей между различными порядками явлений. Термин «единство» в лучшем случае намекал на неразлучность этих связей. Но сам по себе он не мог обеспечить приращение знаний об их динамике и логике, детерминационных отношениях.

При всей ограниченности методологических ресурсов реактология Корнилова открыла путь к новым контактам психологии с марксизмом. Интересна и позиция Л.С. Выготского. Говоря о важности для психологии обрести новую методологию, он подчеркнул: *«Работы Корнилова кладут начало этой методологии, и всякий, кто хочет развивать идеи психологии и марксизма, вынужден будет повторять его и продолжать его путь. Как путь эта идея не имеет себе равной по силе в европейской методологии»*. Это писалось не в 1924 году, когда Выготский был принят на работу в институт, где директорствовал Корнилов, а в 1927 году, когда он, Выготский, как свидетельствует процитированная мысль, пришел к принципиально иному, решительно отличному от корниловского, пониманию отношений между философией и конкретной наукой – с одной стороны, природы и структуры самой этой науки – с другой (см. ниже). Тем не менее, именно реактология идентифицировалась в тот период (середина 20-х годов) с марксизмом в психологии. Наряду с ней процветала, как сказано, рефлексология, освященная великим авторитетом В.М. Бехтерева. Обе они совместно с учением И.П. Павлова воспринимались на Западе как «русские психологические школы». Так их назвал в известной книге «Психологии 1930» Карл Марчесон, предоставив в ней слово наряду с Адлером, Келером, Жане и другими знаменитостями Павлову, Корнилову, а от имени рефлексологии Бехтерева (к тому времени, как тогда, да и позднее, предполагали, отравленного по распоряжению Сталина за поставленный диктатору психиатрический диагноз) – Александру Шнирману.

И.П. Павлов шел своим путем. Но и его затронули веяния времени. Своими соображениями о второй сигнальной систеые он явно вводил фактор, указывающий на решительное отличие человеческого уровня организации поведения от животного, притом фактор, который представлял социальный мир и его порождение язык. Сохранились намеки на интерес Павлова к популярным в те времена апелляциям к диалектике[31].

---

[31] *Интересные воспоминания опубликованы недавно В.Днепровым с беседах в тюрьме на Лубянке с анархо-синдикалистом Андрейчиным, который был переводчиком в разговоре между Павловым и Уэллсом: «В разговоре коснулись и общих вопросов мировоззрения, заметив, как само собой разумеется, что Павлов отвергает всякий материализм и диалектику. На это Павлов ответил: «Материалистом быть не могу как человек верующий, но вот диалектика — это мое. Посмотрите: торможение, а торможение торможения — растормаживание. Как*

Что касается реактологии и рефлексологии, то оба направления с различной степенью настойчивости заверяли о своей приверженности марксизму и диалектическому методу. Различия между направлениями становятся все менее значимыми. *«Диалектический материализм в психологии (школа Корнилова),* – отмечал Шнирман в книге «Психологии 1930», – *близок рефлексологии, поскольку он стремится базировать свое учение на принципах диалектического материализма. Однако, вопреки большой эволюции, которую эта школа проделала на пути к объективизму, она не смогла полностью порвать со старым психологическим аутизмом, так как она оказалась неспособной отвергнуть само имя «психологии». Следы методологического аутизма, а потому и идеализма, до сих пор можно найти в этой школе»*.

Что касается Корнилова, то его рассказ о реактологии в этой книге содержал пространное изложение взглядов Маркса и Энгельса на психику со ссылкой на законы диалектики и на важность изучения реакции отдельного человека с социально-классовой точки зрения (это подкреплялось авторитетом Бухарина и Плеханова). Говоря о конкретно-научных достижениях реактологии, Корнилов прежде всего упоминал изучение А. Р. Лурия эффективных реакций у преступников.

Перепалка между реактологической и рефлексологической группами не имела серьезного теоретического значения. Это стало очевидно и для адептов обоих на правлений. Корнилов стал звать к их единению. Он писал: *«не вести же борьбу из-за одних лишь наименований. Тем более, что это наименование и предрешено, ибо и здесь, как и во всех других сферах жизни, марксизму и только марксизму принадлежит ближайшее будущее»*.

Среди рефлексологов появилась энергичная молодежь, также потребовавшая замирения с психологами. Она призывала, обращаясь к сторонникам, реактологии, уточнив понятие реакции, «полностью преодолеть субъективную психологию», а рефлексологов — открыто признать свои ошибки.

Однако единения, на которое рассчитывали обе стороны, не получилось. Вопреки их клятве в верности диалектическому материализму, они были на рубеже 20-х и 30-х годов изобличены в измене ему и разгромлены с «истинно партийных» позиций в специально организованных так называемых рефлексологических и реактологических дискуссиях.

Л.С.Выготский и проблема марксизма в психологии

В годы, когда разгорелась жаркая полемика между реактологами и рефлексологами, примирившимися в конце концов на общей приверженности

видите, противоположности переходят друг в друга». У меня сразу сердце задрожало, я подумал о многих разговорах и спорах Павлова с моим другом Каревым и почувствовал в словах Павлова нечто идущее от Карева

философии марксизма, независимо от них Л.С. Выготский размышлял о том, что же эта философия может дать сотрясаемой кризисами психологии. Он шел к ней собственным путем, и его решения и поиски разительно отличались от всего, что говорилось по этому поводу в тогдашних журналах и брошюрах. Его главные мысли стали известны научному социуму через 50 лет.

Печать трагизма лежит на личности и творчестве Л.С. Выготского. Это сказывается, в частности, и в том, что он не увидел опубликованными свои главнейшие труды, в том числе такие, как «Психология искусства», «Исторический смысл психологического кризиса», «История развития высших психических функций», «Орудие и знак», «Учение об эмоциях», «Мышление и речь». При его жизни вышли из печати только «Педагогическая психология» и несколько пособий по педологии для заочного обучения. Подавляющая часть рукописей увидела свет через несколько десятилетий. Выготский не мог не ощущать глубокий личностный дискомфорт от того, что самое для него сокровенное не стало достоянием научного сообщества.

Выготский прочел Маркса другими глазами, чем современники, и он не искал в нем готовых формул, а вел диалог, вслушиваясь при этом во множество голосов научного сообщества его эпохи.

Только удерживая его в этой зоне «слышания», смог Выготский дать свой ответ на вопрос о смысле кризиса и перспективе марксизма в психологии. Смысл, если кратко определить, он видел в незримой за борьбой школ, исторически созревшей и диктуемой социальной практикой потребности в «общей психологии», которая понималась им не как изложение общих проблем психологии и ее основных учений, а как система категорий и принципов, организующих производство знаний в данной области, строящих именно эту предметную область в отличие от других.

Тем самым в «теле» психологии различались ее теоретико-эмпирический состав, т.е. материал концепций и фактов, из которых она строится, и способ его организации и разработки. Этот способ и есть не что иное, как методология научного познания. В дискуссиях той поры ею повсеместно считался диалектический метод в его перевернутом Марксом «с головы на ноги» гегелевском варианте.

Первый важный шаг Выготского состоял в разделении двух уровней методологического анализа: глобально-философского и конкретно-научного. Это позволило сразу же по-новому решать вопрос о марксизме в психологии. Корнилов и те, кто следовал за ним, не проводили различий между двумя уровнями и сразу же «сталкивали лбами» пресловутые законы диалектики с частными психологическими истинами. Согласно же Выготскому, «общая психология» (или как он ее еще называл, «диалектика психологии») имеет свои законы, формы и структуры. В доказательство этого тезиса он апеллировал к политэкономии Маркса, которая оперирует не гегелевской триадой и ей подобными «алгоритмами», а категориями «товара», «прибавочной стоимости»,

«ренты» и др. Метод же, который в этом случае применяется, Выготский назвал аналитическим.

Выготский, излагая свои соображения об аналитическом методе, трактует его как строго объективный. Путем мысленной абстракции создается такая комбинация объективно наблюдаемых явлений, которая позволяет проследить сущность скрытого за ними процесса.

В качестве образцов применения аналитического метода в естественных науках Выготский ссылался на от крытия Павлова, Ухтомского и Шеррингтона. Ставя опыты на животвых, они ничего не прибавили к изучению собак, кошек и лягушек как таковых, но они открыли посредством указанного метода общие законы нервной деятельности. Весь «Капитал», по Выготскому, написан этим методом. В «клеточке» буржуазного общества (форме товарной стоимости) Маркс *«прочитывает структуры всего строя и всех экономических формаций»*.

Такой же метод, по его мнению, нужен психологии. *«Кто разгадал бы клеточку психологии – механизм одной реакции, – нашел бы ключ ко всей психологии»*. Итак, адекватная марксистской методологии стратегия изучения сознания им виделась в открытии его «клеточки», причем в качестве таковой был назван «механизм одной реакции».

Вскоре Выготский стал принимать за «клеточку» другие психические формы. Выстраивая их в восходящий ряд, можно проследить «генеалогию» и основные периоды его творчества: сперва «инструментальный акт», затем «высшая психическая функция», «значение», «смысл», «переживание». Поисками пресловутой «клеточки» за нимались после Выготского многие психологи. И неудивительно, что безуспешно, ибо структура и динамика психической организации по самой своей сути «многоклеточны» и потому из одной «единицы» или «молекулы» невыводимы.

Для Л.С. Выготского был неприемлем сам стиль мышления, зародившийся в начале 20-х гг., а затем на десятилетия определивший характер философской и методологической работы в советской науке, в том числе психологической. Вопреки догмату, согласно которому в трудах классиков заложены основополагающие идеи о психике и сознании, которые остается лишь приложить к конкретной дисциплине, он подчеркивал, что научной истиной о психике не обладали «ни Маркс, ни Энгельс, ни Плеханов... Отсюда фрагментарность, краткость многих формулировок, их черновой характер, их строго ограниченное контекстом значение».

Официальная идеология ставила на каждой букве в текстах классиков знак непогреишмости. Поэтому столь вольное с ее позиции обращение с этими каноническими текстами не могло быть воспринято иначе, как «еретическое». Да и в предперестроечные времена, когда трактат Выготского о кризисе психологии наконец-то удалось опубликовать, оно воспринималось как недооценка вклада классиков марксизма. Выготский же считал, что по «Капиталу» Маркса следует учиться не объяснению природы психики, а методологии ее исследования.

Вместе с тем, вчитываясь в Маркса, он почерпнул у него две идеи, осмыслив их соответственно логике собственного поиска. Идея Маркса об орудиях труда как средствах изменения людьми внешнего мира и в силу этого своей собственной организации (стало быть, и психической) преломилась в гипотезе об особых орудиях – знаках, посредством которых природные психические функции преобразуются в культурные, присущие человеческому миру в отличие от животного. Гипотеза дала жизнь исследовательской программе по инструментальной психологии, которая стала разрабатываться сразу же после трактата о кризисе психологии. Если эта программа составила эпоху в деятельности школы Выготского, то вторая программа сохранилась в виде некой «завязи», не получившей дальнейшего развития. К ней Выготский обратился, когда в его руки попала книга французского психолога-марксиста Ж. Политцера, где был набросан проект построения психологии не в терминах явлений сознания или телесных реакций, а в терминах драмы. За единицу анализа принималось целостное событие жизни личности, ее поступок, имеющий смысл в системе ролевых отношений.

Мысль Л.С. Выготского о том, что в центр психологии должна переместиться (взамен отдельных процессов) целостная личность, развитие которой исполнено драматизма, стало доминантой последнего периода его творчества. Выготский пишет блестящий трактат (также оставшийся незавершенным), где излагалась история учения об эмоциях от Декарта до Кеннона (не чисто описательная, но методологически ориентированная история).

Ее изложение имело своей сверхзадачей доказать, что ключ к научному объяснению эмоций следует искать у Спинозы (по недоразумению этот трактат иногда озаглавливали «Спиноза»). Со времен юности Спиноза неизменно был главным философским кумиром Выготского. Но идеи XVII века не могли решить научные задачи XX века. Делясь воспоминаниями о Выготском, Б.В. Зейгарник (работавшая вместе с Выготским в психиатрической клинике) сообщила, что еще в 1931 году Выготский говорил об «аффективной деменции», т.е. расстройствах умственной деятельности, вызванных слабостью ее эмоциональной подкрепленности.

Отныне предполагается, что «ткань» сознания образуют две «клеточки»: значение и смысл. Понятие о значении (умственном образе) слова было изучено в школе Выготского под углом зрения его эволюции в индивидуальном сознании, подчиненной собственным психологическим (а не историко-лексическим) факторам. И здесь его главные открытия.

Понятие о смысле слова указывало не на его контекст (как обычно предполагается), в котором оно обретает различные оттенки, а на его подтекст, таящий аффектно-волевую задачу говорящего. К представлению о подтексте Выготский пришел под влиянием К.С. Станиславского. Вновь (как и в проекте психологни в терминах драмы) опыт искусства театра обогатил научную психологию. Но этим Выготский не ограничился.

Наряду с этой линией мысли он во внутреннем строе личности выделяет еще одну «клеточку» – переживание. Древний термин приобретал в различных системах различные обличья, в том числе неизменно вызывавшие резкую критику Выготского. *«Действительной, динамической единицей сознания, т.е. полной, из которой складывается сознание, будет переживание»*, — заключает он.

Во второй половине 20-х гг. в стране произошел социальный переворот – экономический, политический, идеологический. Наступила эпоха сталинщины. Наряду с карательными органами на службу репрессированной научной политике была поставлена философия; из которой вытравлялись следы творческого и критического духа марксизма.

«Обвинительный уклон», отличавший выступления тех, кто собрался «под знаменем марксизма», распространился и на психологию. Одним из первых подал сигнал (в 1931 году) изменивший рефлексологии Б.Г. Ананьев. *«В психологии,* – заявил он, – *не должно быть никаких школ, кроме единственной, основанной на трудах классиков марксизма»*, к лику которых он тогда же, раньше других, причислил Сталина. Наряду с беспартийным Ананьевым ретивую активность развили молодые коммунисты из Московского института психологии. Главным занятием, поглотившим их энергию, стало изобличение в идеологических грехах различных школ и концепций, среди которых оказались рефлексология Бехтерева, учение Павлова о высшей нервной деятельности, реактология Корнилова, психотехника Шпильрейна, «бихевиоризм» Боровского, «культурническая» концепция Выготского и Лурия и др. Все многоцветье идей и направлений, определивших картину исканий прежних лет, было замазано черной краской. На смену диалогу с марксизмом пришла операция «склеивания цитат». Хотя это делалось руками самих психологов, а не партаппаратчиков, ментальность последних на многие годы пропитала теоретическую работу в науке. Тогда же была заклеймлена группа Выготского как ведущая к «идеалистической ревизии исторического материализма и его конкретизации в психологии».

Уверенность Выготского в обусловленности психических процессов условиями социальной жизни заронила идею изучения сдвигов в чувственном восприятии и мышлении, вызываемых овладением грамотой, включением в более развитую культуру. В 1929 году появилась его заметка о плане научно-исследовательской работы по педологии национальных меньшинств. Вскоре была отправлена экспедиция в Узбекистан, которую возглавил Лурия. Участники экспедиции надеялись, используя тесты, интервью и т.п., провести сравнительный анализ уровней развития сознания у различных категорий аборигенов исходя из гипотезы о том, что у того, кто включился в колхозное строительство и обучение в различного типа школах, изменяется строй восприятия и мышления. Работу экспедиции стали в Москве ассоциировать со стремлением затеявших ее психологов поставить мышление неграмотных людей (в данном случае в среднеазиатском регионе) в один ряд с первобытным, качественно отличным от современного. Это дало повод инкриминировать этим психологам

приверженность чуждой марксизму идеологии.

Волна разоблачений и «саморазоблачений», которая прокатилась после постановления ЦК ВКП(б) от 1931 года, поглотила среди других психологических концепций и «культурно-историческую» теорию Выготского.

Л.С. Выготский разделял внешние и внутренние факторы развития науки. Он относил материалистические или идеалистические влияния к разряду первых. *«Внешние факторы толкают психологию по пути ее развития... но не могут отменить вековую работу»* в самой психологической науке.

Итак, марксизм как «внешний фактор» представлялся Выготскому как фактор, имеющий для психологии эвристическую ценность в пределах, в каких он способен содействовать развитию ее собственной внутренней логической структуры знания. Очевидна несовместимость этого воззрения со сложившейся в те годы и надолго сохранившейся установкой – от Корнилова до Леонтьева – на создание особей марксистской психологии как «высшего этапа», преимущества которого обусловлены его враждебной миру частной собственности классовой сущностью.

§ 2. ПЕРВАЯ ВОЛНА РЕПРЕССИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИИ. РАЗГРОМ ПЕДОЛОГИИ

Кульминация наступления на психологию на «идеологическом фронте» – разгром педологии в связи с принятым ЦК ВКП(б) Постановлением 4 июля 1936 года «О педологических извращениях в системе Наркомпросов». Трагические последствия этой акции сказывались на судьбах психологической науки многие годы и определили ее взаимоотношение с другими смежными отраслями знания.

Целесообразно зафиксировать и привести документальные материалы, относящиеся к этому периоду социальной истории психологии: «Педология – антимарксистская, реакционная буржуазная наука о детях...» (БСЭ, 1-е изд., 1939, т. 44). «Контрреволюционные задачи педологии выражались в ее «главном» звене – фаталистической обусловленности судьбы детей биологическими и социальными факторами, влиянием наследственности и какой-то неизменной среды» («Правда» от 5 июля 1936 г.). «Антимарксистские утверждения педологов полностью совпадали с невежественной антиленинской «теорией отмирания школы», которая также игнорировала роль педагога и выдвигала решающим фактором обучения и воспитания влияние среды и наследственности» (БСЭ, с. 461). «Исключительно велика роль т. Сталина в подъеме школы, в развитии советской педагогической теории. Тов. Сталин в заботе о детях, о коммунистической направленности воспитания и образования лично уделяет большое внимание педагогическим вопросам. Вреднейшие влияния на педагогику при содействии вражеских элементов проявились в педагогической теории так называемой педологии и педологов в школьной практике» (там же, с. 439).

Прошло 16 лет, и во втором издании БСЭ (1955, т. 32, с. 279) дается дефиниция, не отличающаяся сколько-нибудь от того, что писалось прежде: «Педология, реакционная лженаука о детях, основанная на признании фаталистической обусловленности судьбы детей биологическими и социальными факторами, влиянием наследственности и неизменной среды».

В учебнике «Педагогика» (1983) содержится следующее утверждение: «В 1936 г. Центральный комитет партии принял постановление, потребовавшее покончить с распространением в нашей стране лженауки педологии, искаженно трактующей влияние среды и наследственности, и способствовал укреплению позиций советской педагогики как науки о коммунистическом воспитании подрастающих поколений».

Понять, как происходило развитие психологии, не обратившись к проблеме ее взаимоотношений с педологией, попросту невозможно.

Возникнув в конце XIX века на Западе (Стенли Холл, Прейер, Болдуин и др.), педология, или наука о ребенке, в начале XX века распространяется в России как широкое педологическое движение, получившее значительное развитие в годы, непосредственно предшествовавшие Октябрю. В русле этого движения оказываются работы психологов А.П. Нечаева, Г.И. Россолимо, И.А. Сикорского, К.И. Поварнина, а также педагогов (физиологов и гигиенистов) П.Ф. Лесгафта и Ф.Ф. Эрисмана. Вопросы педологии получили отражение на съездах по педагогической психологии и экспериментальной педагогике. Об интересе к педологии свидетельствует организация Педологических курсов и Педологического института в Петербурге.

После 1917 года педологическая работа получила значительный размах. Развертывается обширная сеть педологических учреждений – центральных, краевых и низовых, находящихся главным образом в ведении трех наркоматов: Наркомпроса, Наркомздрава и Наркомпути.

Можно сказать, что в этот период вся работа по изучению психологии детей проводилась под эгидой педологии и все ведущие советские психологи (как и физиологи, врачи, педагоги), работавшие над изучением ребенка, рассматривались как педологические кадры. *«Сейчас каждого, изучающего детей, считают педологом и всякое изучение ребенка называют педологией*, – писал в 1930 году П.П. Блонский. – *Но вряд ли следует так чрезвычайно расширять значение этого слова. В результате такого расширения все проигрывают и никто не выигрывает: с одной стороны, педология присваивает себе то, что по праву принадлежит другим наукам — физиологии, психологии, социологии и добыто именно ими, с другой стороны, как раз вследствие этого педология как самостоятельная наука перестает существовать, ибо оказывается без своего особого специфического предмета»*.

Действительно, педология за весь период существования так и не смогла научно определить предмет своего исследования. Формулировка педология – это наука о детях, являясь простым переводом, калькой, не могла претендовать на

положение научной дефиниции. Это прекрасно понимали сами педологи (П.П. Блонский, М.Я. Басов), прилагая немало усилий к тому, чтобы найти специфические проблемы своей науки, которые не сводились бы к проблемам смежных областей знания.

Педология как наука стремилась строить свою деятельность на четырех важнейших принципах, существенным образом менявших сложившиеся в прошлом подходы к изучению детей.

Первый принцип – отказ от изучения ребенка «по частям», когда что-то выявляет возрастная физиология, что-то – психология, что-то – детская невропатология и т.д. Справедливо считая, что таким образом целостного знания о ребенке и его подлинных особенностях не получишь (из-за несогласованности исходных теоретических установок и методов, а иногда и из-за разнесенности исследований во времени и по месту их проведения и т.д.), педологи пытались получить именно синтез знаний о детях. Драматически короткая история, педологии – это цепь попыток уйти от того, что сами педологи называли «винегретом» разрозненных, нестыкующихся сведений о детях, почерпнутых из смежных научных дисциплин, и прийти к синтезу разносторонних знаний о ребенке.

Второй ориентир педологов – генетический принцип. Ребенок для них – существо развивающееся, поэтому понять его можно, принимая во внимание динамику и тенденции развития.

Третий принцип педологии связан с коренным поворотом в методологии исследования детства. Психология, антропология, физиология, если и обращались к изучению ребенка, то предмет исследования традиционно усматривался в нем самом, взятом вне социального контекста, в котором живет и развивается ребенок, вне его быта, окружения, вообще вне общественной среды. Не принималось в расчет, что различная социальная среда зачастую существенным образом меняет не только психологию ребенка, но и заметно сказывается на антропологических параметрах возрастного развития.

Отсюда, например, интерес педологов к личности трудного подростка. При вполне благоприятных природных задатках, но в результате общей физической ослабленности от систематического недоедания, влияния затянувшейся безнадзорности или иных социальных причин дезорганизуются поведение и психическая деятельность такого подростка, снижается уровень обучаемости. Если учесть, что педологи 20-х годов имели дело с детьми, покалеченными превратностями послереволюционного времени и гражданской войны, непримиримой «классовой» борьбой, то очевидно все значение подобного подхода к ребенку.

И, наконец, четвертый принцип педологии – сделать науку о ребенке практически значимой, перейти от познания мира ребенка к его изменению. Именно поэтому было развернуто педолого-педагогическое консультирование, проводилась работа педологов с родителями, делались первые попытки наладить

психологическую диагностику развития ребенка.Несмотря на значительные трудности и несомненные просчеты педологов при широком внедрении психологических методов в практику школы, это был серьезный шаг в развитии прикладных функций науки о детях.

Педология оказалась первой среди научных дисциплин, позже объявленных «лженауками».

Педология обладала как достоинствами, так и недостатками. Исключительно ценной была ее попытка видеть детей в их развитии и изучать их в целом, комплексно. Это было безусловно шагом вперед от абстрактных схем психологии и педагогики прошлого. К тому же, как уже было сказано, она пыталась найти свое практическое применение в школе; создавался прообраз – пусть пока еще очень несовершенный – школьной психологической службы. Свой вклад в изучение психологии детей внесли выдающиеся психологи Л.С.Выготский, П.П. Блонский, М.Я. Басов и другие. По этой причине их имена и труды в дальнейшем на десятилетия были исключены из научного оборота.

Вместе с тем, творческого синтеза разных наук, изучавших ребенка «по отдельности», педологи не сумели добиться – объединение оставалось во многом механическим. Педологи-практики нередко использовали недостаточно надежные диагностические методы, которые не могли дать точного представления о возможностях тестируемых детей. На рубеже 20-х и 30-х годов по всем этим вопросам в педологии развернулась острая и продуктивная дискуссия. Осознавалось, что для становления науки нужен глубокий, теоретический анализ, что к применению тестов надо относиться осторожно, но не отбрасывать их вовсе.

Поток обвинений и клеветы после постановления ЦК обрушился на педологию. Полностью были ликвидированы все педологические учреждения и факультеты, как, впрочем, и сама эта специальность. Последовали исключения из партии, увольнения с работы, аресты, «покаяния» на всевозможных собраниях. Только за шесть месяцев после принятия постановления было опубликовано свыше 100 брошюр и статей, громивших «лжеученых».

Последствия расправы над педологией были поистине трагическими. Убежден, что мы их недооцениваем до сих пор. Июльское постановление выплеснуло с водой и предмет внимания «псевдоученых» — ребенка.

Особенно тяжелые последствия имели обвинения (так и не снятые за последующие пятьдесят лет историей педагогики) в том, что педология якобы всегда признавала для судьбы ребенка «фатальную роль» наследственности и «неизменной» среды (откуда в постановлении ЦК ВКЛ(б) возникло это слово «неизменная», так и не выяснено). А потому педологам приписывали, по шаблонам того времени, пособничество расизму, дискриминацию детей пролетариев, чья наследственность будто бы отягощена, согласно «главному закону педологии», фактом эксплуатации их родителей капиталистами.

На самом же деле ведущие педологи уже с начала 30-х годов подчеркивали, что социальное (среда обитания) и биологическое (наследственность)

диалектически неразрывны. *«Нельзя представить себе влияние среды как внешнее наслоение, из-под которого можно вышелушить внутреннее неизменное биологическое ядро»,* – говорилось в учебнике «Педология» под редакцией А.Б. Залкинда (1934).

Подоплека этого главного обвинения легко распознается: «советский человек» – это же новая особь, рожденная усилиями коммунистических идеологов. Он должен быть «чистой доской», на которой можно писать все, что будет угодно.

Не менее тяжелыми результатами обернулось обвинение в фатализации среды существования ребенка. В этом отчетливо видны политические мотивы. Активно развернутое педологами изучение среды, в которой росли и развивались дети, было опасно и чревато нежелательными выводами. В 1932 – 1933 годах в ряде районов страны разразился голод, миллионы людей бедствовали, с жильем в городах было крайне трудно, поднималась волна репрессий... В таких обстоятельствах партийное руководство не считало возможным допустить объективное исследование среды и ее влияния на развитие детей. Кто мог позволить согласиться с выводом педолога, что деревенский ребенок отстает в учебе, потому что недоедает?

Отсюда следовал единственный вывод: если школьник не справляется с требованиями программы, то тому виной лишь учитель. Ни условия жизни в семье ученика, ни индивидуальные особенности, хотя бы и умственная отсталость или временные задержки развития, во внимание не принимались. Учитель отвечал за все.

Прямые и косвенные последствия разгрома «педологии»

Уничтожение педологии как феномен регрессирования науки в эпоху сталинизма получило значительный резонанс и отозвалось тяжелыми осложнениями и торможением развития ряда смежных областей знания и, прежде всего, во всех отраслях психологии, в педагогике, психодиагностике и других сферах науки и практики.

Обвинение в «протаскивании педологии» нависало над психологами, педагогами, врачами и другими специалистами, зачастую никогда не связанными с «лженаукой». Типична и показательна в этом отношении судьба учебников по психологии.

Так, в одном фактически директивном материале, опубликованном в виде брошюры влиятельным функционером, работавшим в это время в аппарате ЦК ВКП(б), по поводу преподавания психологии сказано: «Если не вызывает больших сомнений вопрос о необходимости вооружения учителей знаниями по анатомии и физиологии, в особенности в отношении ребенка, то совершенно неразработанным является вопрос, каким же должен быть в нашей, советской педагогической школе курс психологии. Возможная опасность здесь заключается

в том, что представители психологической науки, после разоблачения и ликвидация псевдонауки педологии и ее носителей – педологов, могут проявить большое желание объявить свою «монополию» на изучение ребенка. Такой монополии на изучение ребенка мы не можем допустить ни со стороны психологии, ни со стороны представителей других наук (анатомии, физиологии и т.д.), изучающих детей. Некоторые профессора психологии не прочь сейчас выступить с «прожектами» преподавания в педагогических учебных заведениях вместо педологии таких отдельных курсов, как «детская психология», «педагогическая психология», «школьная психология» и т.д. и т.п. По нашему мнению, сейчас не имеется никакой необходимости заниматься разработкой каких-то «новых» особых курсов, которые заменили бы прежнюю «универсальную» науку о детях — педологию... Создавать... новые, какие-то «особые» курсы детской психологии, педагогической психологии, школьной психологии и т.д. означало бы идти назад путем восстановления педологии – только под иным названием».

Предупреждение было недвусмысленным и по тем временам чреватым тяжкими последствиями – психология оказалась кастрированной, в учебниках для педвузов тех лет авторы явно стремятся не допустить проникновения в умы будущих учителей «детской», «педагогической», «школьной» психологии, чтобы убежать от обвинения в попытках «восстановить» педологию. Студенты педвуза получали еще очень долго фактически выхолощенные психологические знания. Обвинения в педологических ошибках постоянно нависали над психологами. Учебные курсы, программы и учебники по детской и педагогической психологии педвузы получили только через 35 лет.

Несмотря на содержащееся в постановлении указание на необходимость создать «марксистскую науку о детях», так и не была разработана теоретическая платформа, которая могла бы обеспечить интегрирование знаний о ребенке, добываемых возрастной психологией, возрастной физиологией, социологией и этнографией детства, педиатрией и детской психопатологией. До сих пор не обеспечен системный подход к развивающемуся человеческому организму и личности. Перерыв в становлении науки о детях длительностью в 50 лет, даже если она на первых порах была весьма несовершенной, является немаловажным обстоятельством и нам приходится преодолевать его негативные последствия.

После разгрома педологии должна была быть «восстановлена в правах педагогика». Однако, победив педологию, педагогика одержала пиррову победу. Она не сумела воспользоваться полученными правами. Не в «педологобоязни» ли кроется одна из причин обвинений педагогики на протяжении уже многих лет в ее «бездетности», в тенденции видеть в ребенке всего лишь точку приложения сил, не то мальчика, не то девочку, а не думающего, радующегося и страдающего человека, развивающуюся личность, с которой надо сотрудничать, а не только лишь поучать ее, требовать и муштровать? Педагогика, покончив с педологией, выплеснула вместе с «педологической» водой и ребенка, которым та, когда плохо,

а когда и хорошо, но направленно начала заниматься!

Некоторые историки педагогики еще в 80-е годы продолжали писать о педологии как о лженауке и предъявляли ей все те же лишенные обоснованности обвинения якобы в неизменном во все времена следовании «реакционным буржуазным идеям». Они не делали попытки осуществить исторический анализ тех политических обстоятельств, в которых развертывалась критика педологии с середины 30-х голов, а также проследить эволюцию взглядов педологов, которая была тогда резко пресечена. Они оставляли без внимания оценку значения выдвинутого педологами принципа целостного изучения развивающегося ребенка, осуществление которого, хотя на первых порах и сопровождалось некоторыми неверными решениями и ошибками, в методологическом отношении было продуктивно, поскольку ориентировало психологов, физиологов, педиатров, социологов и педагогов на синтезирование их научных данных и объединение усилий. Наконец, они неизменно умалчивали об ущербе, который был нанесен в ходе разгрома педологии развитию не только детской и педагогической психологии, но и самой педагогике, надолго оставшейся оторванной от понимания реальных закономерностей развивающегося организма и личности ребенка. Ни одна из этих проблем не нашла отражения в учебниках педагогики.

Опасения по поводу возможных обвинений в попытках реставрации «педологических извращений» долгое время сдерживали развитие детской и педагогической психологии не только непосредственно после 1936 г., но и в дальнейшем, в особенности после августовской (1948) сессии ВАСХНИЛ, на которой был окончательно «определен» статус генетики как следующей после педологии «лженауки», а трехэтажное слово «вейсманист – менделист – морганист» стало таким же ругательным, как и слово «педолог». Причины этого очевидны – в центре внимания сессии ВАСХНИЛ вновь оказалась проблема наследственности и среды.

Изучение того, что есть ребенок, все более заменялось декларированием того, каким он должен быть. В результате складывалось (и сейчас препятствующее решению многих практических педагогических задач) положение, при котором представление о том, каким должен быть ребенок, превращается в утверждение, что таков он и есть. Установки, идущие от плохо знавшей реального ребенка или подростка педагогики воспитания, в настоящее время начинают преодолеваться, но долгое время они были господствующими. Реальные достижения психологов, а их отрицать невозможно, возникали не благодаря, а вопреки разгрому педологии.

Имелись серьезные основания для критики ошибок педологии, выразившихся в широкой практике тестирования в школе. В самом деле, в результате недостатков диагностических тестов при их применении на практике ребенок, нередко без должных оснований, зачисляется в разряд «умственно отсталых». В последующие годы, очевидно, во многом под влиянием опасений воспроизвести «педологические заблуждения» разработка психологической

диагностики была надолго прервана. Несмотря на то, что критика тех лет была направлена против тестов, «выявлявших коэффициент умственного развития» (тесты интеллекта), идиосинкразия к тестам вообще стала препятствием в разработке так называемых тестов достижений, с помощью которых можно было выявлять реальный уровень обученности школьников, сравнивать эффективность различных форм и методов обучения. Надолго установилось недоверие к «личностным тестам», различным опросникам и «проективным методикам», которые строились на иных принципах, чем тесты интеллекта. Только в последние годы началась работа по созданию психологической диагностики, валидизации и стандартизации тестов, адаптации зарубежных методик к нашим условиям.

Драматические последствия разгрома педологии сказались на судьбах всей прикладной психологии в СССР, интенсивно развивавшейся в 20-е годы и оказавшейся пресеченной в середине 30-х годов, в период ликвидации еще одной «псевдонауки», в роли которой на этот раз выступила психотехника — особая ветвь психологии, видевшая свою задачу в осуществлении практических целей психологическими средствами, в использовании на производстве законов человеческого поведения («субъективного фактора») для целесообразного воздействия на человека и регулирования его поведения.

Психотехника возникла в начале XX века и получила теоретическое оформление в работах В. Штерна, Г. Мюнстерберга и других психологов-эксперименталистов. Ее основная задача заключалась в разработке основ профотбора и профконсультации, изучении утомления и усталости в процессе труда, закономерностей формирования навыков в упражнении, приспособлении человека к машине и машины к человеку, тренировке психических функций при подготовке рабочей силы и т.д.

В 20-е годы и в первой половине 30-х годов психотехника получила значительное развитие в СССР. Во многих городах работали исследовательские институты и многочисленные психотехнические лаборатории, готовились кадры психотехников, издавался журнал «Советская психотехника», были проведены конференции и съезд психотехников. VII Международная психотехническая конференция проходила в 1931 году в Москве (960 участников). Характерной чертой психотехники к середине 30-х годов становится перенесение центра тяжести в исследовательской работе с проблемы профотбора на рационализацию методов профессионального обучения и переподготовки кадров, организацию трудового процесса, формирование навыков и умений, борьбу с аварийностью и травматизмом и др.

Психотехники в целом правильно понимали пути развития своей науки и ее основную проблематику. Анализ проблематики психологии труда и ее конкретных научных решений свидетельствует, что во второй половине 20-х – первой половине 30-х годов психотехники внесли немалый вклад в практику. Этот вклад обещал и мог быть большим, если бы в середине 30-х годов директивно не прекратилась разработка психотехнических проблем.

Все это привело к замораживанию на весьма длительный период, всей проблематики психологии труда, и к изъятию из употребления самого слова «психотехника».

Ликвидация психотехники произошла во второй половине 30-х годов. Немаловажным обстоятельством было то, что И.Н. Шпильрейн, бессменный редактор журнала «Советская психотехника» и председатель Всесоюзного общества психотехники и прикладной психофизиологии, был незаконно репрессирован. Вскоре после этого журнал прекратил свое существование, так же, как и Общество, чьим органом он являлся. Было свернуто и преподавание психотехники в вузах. Отрицательное отношение к психотехнике, которая именуется с той поры «так называемой психотехникой», а то а «псевдонаукой», еще более усиливается в период повсеместно развернувшейся разносной критики педологии. Усматривая в психотехнике общее с педологией (в связи с использованием тестов), «критики» перечеркивали все достижения психотехнического движения и шли на ликвидацию всей проблематики психологии труда. В 1936 г. закрываются все лаборатории по промышленной психотехнике и психофизиологии труда, прекращается изучение вопроса о развивающей роли труда, сочетаемого с овладением теоретическими знаниями; в значительной степени свертывается работа Центрального института труда (ЦИТ) и местных институтов труда, и т.д.

25-летний перерыв в развитии психологии труда отрицательно повлиял на общее состояние психологии, с отдаленными последствиями которого, она сталкивается и по сей день. Дело не только в том, что не разрабатывалась многие годы (во всяком случае, до 60-х годов) важнейшая проблематика инженерной психологии, хотя, к примеру, психологические аспекты предотвращения аварийности на производстве в эпоху атомных электростанций и ракетной техники, казалось бы, являются кардинальными в психологической практике из-за возможных (а как известно, и реальных) трагических катастроф в государственном масштабе при беспечном отношении к человеческому фактору на производстве. Дело не только в том, что цалые отрасли прикладной психологии, проходившие в первые 20 лет после Октября «по департаменту» психотехники, вообще так и не были восстановлены (например, библиотечная психология, которая в 20-е годы развивалась весьма успешно), а другие и сейчас еще не могут оправиться (например, психология управления, торговли и др.). Главные потери, которые понесла психология в результате уничтожения психотехники (как и педологии), связаны с тем, что она на многие годы перестала ориентироваться на развитие прикладных проблем, подготовку для этого кадров, уходила от насущных нужд практики, замыкалась в рамках «чистой теории», тем самым все более отодвигаясь на задний план научно-технического прогресса.

§ 3. ВТОРАЯ ВОЛНА РЕПРЕССИЙ.
ПСИХОЛОГИЯ 40-Х – 50-Х ГОДОВ.

Переломы в развития науки в 30-е – 50-е годы

В развитии общественных и естественных наук можно выделить критические точки развития – или же деградации – выявив векторы, определившие дальнейшее движение мысли ученых.

Если обратиться к истории общественной мысли и науки в нашей стране в 30-е – 50-е годы, то в ней легко обнаружить критические временные точки, выступающие в качестве аналога года «великого перелома» в СССР, которым, как известно, был 1929 год. Для философии в этой роли выступил 1931 год – дата опубликования постановления ЦК ВКП(б) «О журнале «Под знаменем марксизма», после чего философская мысль от рекомендованного в 1922 году В.И. Лениным углубленного изучения гегелевской диалектики ускоренным темпом покатилась к уровню, задаваемому написанным И.В. Сталиным разделом «О диалектическом и историческом материализме» в четвертой главе «Краткого курса истории ВКП(б)». Год 1938-й, когда вышел в свет «Краткий курс», был переломным не только для истории партии, но и для гражданской истории СССР. Годины «великого перелома» могут быть указаны и для других наук. К примеру, 1948-й год стал таким для всего цикла биологических наук после разгрома, который им учинил Т.Д. Лысенко на августовской сессии ВАСХНИЛ, и 1950-й год – для филологических наук, когда они насильственным образом оказались оплодотворены публикацией брошюры Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Именно в 1950 году произошел второй «великий перелом» в развитии психологической науки (первый следует отнести к 1936 году, когда были разгромлены педология и психотехника, что подробно изложено в предшествующем параграфе). Второй «перелом» осуществила Объединенная научная сессия АН и АМН СССР, посвященная учению И.П. Павлова. В дальнейшем ей присвоили имя «павловской».

На сессии были сделаны два главных доклада. С ними выступили академик К.М. Быков и профессор А.Г. Иванов-Смоленский. С этого момента они обрели статус верховных жрецов культа Павлова. По тем временам всем было ясно, чья могущественная рука подсадила их на трибуну сессии. Уже не было необходимости сообщать, что доклад одобрен ЦК ВКП(б). Это разумелось само собой – на основе учета опыта августовской сессии ВАСХНИЛ, где информация об одобрении ЦК была сообщена Т.Д. Лысенко уже после того, как некоторые выступающие в прениях неосторожно взяли под сомнение непогрешимость принципов «мичуринской» биологии. Подобного на «павловской» сессии дожидаться не стали, а начались славословия в адрес главных докладчиков, «верных павловцев», наконец, якобы открывших всем глаза на это замечательное учение. При этом почему-то подразумевалось, что до той поры никто об этом не

догадывался.

Таким образом, два человека оказались во главе целого куста наук: физиологии, психологии, психиатрии, неврологии, дефектологии, да и вообще всей медицины. Происходили трагические события (увольнения «антипавловцев», глумление, вынужденные покаяния, инфаркты).

Итак, два главных докладчика, чье мнение выдавалось тогда за истину в последней инстанции... Почему два? Случайно ли это?

Можно высказать гипотезу, что здесь действовал сложившийся в годы сталинизма своего рода социально-психологический «закон диады». Как известно, одним из тактических шагов Сталина в политике было стремление изобразить себя едва ли не единственным соратником и продолжателем дела Ленина. Отсюда сакраментальная формула: «Сталин – это Ленин сегодня». При этом возникала симметрия: тогда «Маркс – Энгельс», теперь «Ленин – Сталин». Эта симметрия отвечала тому, что в психологии обозначается понятием «прегнантность» (хорошая, законченная форма). В дальнейшем, когда начали формироваться по примеру культа личности вождя новые «микрокультики», за которые чаще всего не несет ответственности тот или иной их персонаж, они конструировались по тому же диалектическому принципу и своей прегнантностью поддерживали главную диаду «Ленин – Сталин».

В 1950 году, казалось бы, начинает складываться новая пара «вождей», открывших своими докладами «павловскую» сессию. Но ненадолго. В частном письме академик В.П. Протопопов в 1852 году пишет другу: «Иванов-Смоленский, этот «типичный временщик» в науке, насаждает «аракчеевский режим». К сожалению, этот «аракчеевский режим», хотя и недолго существовавший, успел причинить долговременный ущерб не одной, а многим наукам, в том числе и психологической.

«Павловская» сессия и ее итоги

Сессия с самого начала приобрела антипсихологический характер. Идея, согласно которой психология должна быть заменена физиологией высшей нервной деятельности, а стало быть, ликвидирована, в это время не только носилась в воздухе, но и уже материализовалась... Так, например, ленинградский психофизиолог М.М.Кольцова заняла позицию, отвечавшую санкционированным свыше указаниям: «В своем выступлении на этой сессии профессор Теплов сказал, что, не принимая учения Павлова, психологи рискуют лишить свою науку материалистического характера. Но имела ли она вообще такой характер? С нашей точки зрения, данные учения о высшей нервной деятельности, игнорируются психологией не потому, что это учение является недостаточным, узким по сравнению с областью психологии и может объяснить лишь частные, наиболее элементарные вопросы психологии. Нет, это происходит потому, что физиология стоит на позициях диалектического материализма; психология же, несмотря на

формальное признание этой позиции, по сути дела, отрывает психику от ее физиологического базиса и, следовательно, не может руководствоваться принципом «материалистического монизма».

Что означало в те времена отлучение науки от диалектического материализма? Тогда было всем ясно, какие могли быть после этого сделаны далеко идущие «оргвыводы». Впрочем, и сама Кольцова предложила сделать первый шаг в этом направлении. Она, заключая свое выступление, сказала: *«...надо требовать с трибуны этой сессии, чтобы каждый работник народного просвещения был знаком с основами учения о высшей нервной деятельности, для чего надо ввести соответствующий курс в педагогических институтах и техникумах наряду, а может быть, вместо курса психологии»* (подчеркнуто нами. – А.П., М.Я.).

Перед историками психологии не раз ставили вопросы, связанные с оценкой этого периода ее истории: как объяснить покаянные речи психологов на сессии, так ли была реальна опасность для психологии, а если она была столь уж велика, то почему тогда психологию все-таки не прикрыли?

Причины «павловской» сессии?! Очевидно, проблему надо поставить в широкий исторический контекст. В конечном счете, это была одна из многих акций, которые развертывались в этот период, начиная с 30-х годов и почти до момента смерти Сталина, по отношению к очень многим наукам. Как уже было сказано, это касалось педологии и психотехники, еще раньше – философии. Такие кампании были и в литературоведении, языкознании, в политэкономии. Особенно жесткий характер это приобрело в биологии. Таким образом определялась позиция каждой науки на путях ее бюрократизации и выделения группы неприкасаемых лидеров, с которыми всем и приходилось в дальнейшем иметь дело как с единственными представителями «истинной» науки. Происходила канонизация этих «корифеев», как был канонизирован «корифей из корифеев» Сталин. А так как они признавались единственными держателями «истины», то ее охрану обеспечивал налаженный командный, а в ряде случаев, и репрессивный аппарат. Поэтому речь идет об общем процессе. Впрочем, иначе и быть не могло. Было бы в самом деле странно, если бы все это произошло именно и только с психологией. Поэтому вопрос о причинах, вызвавших созыв «павловской» сессии, должен быть переформулирован: как возникли монополизация, бюрократизация, вождизм в науке? Они определялись общей ситуацией, имеющей совершенно определенные исторические причины.

Неужели психологи не могли решительно протестовать против вульгаризаторского подхода к психологии, закрывавшего пути ее нормального развития и ставившего под сомнение само ее существование? Почему все на сессии клялись именами Сталина, Лысенко, Иванова-Смоленского, а не только именем Павлова?

Современникам просто невозможно представить себе грозную ситуацию тридцатых и сороковых годов – любая попытка прямого протеста и несогласия с

утвержденной идеологической линией сессии двух академий была бы чревата самыми серьезными последствиями, включая прямые репрессии. И все-таки поведение психологов на сессии нельзя считать капитулянтским. Их ссылки на имена тогдашних «корифеев» были не более как расхожими штампами, без которых тогда не обходилась ни одна книга или статья по философии, психологии, физиологии. Иначе они просто не увидели бы света. Вместе с тем, если внимательно прочитать выступления психологов, их тактику можно не только понять, но и вполне оценить, разумеется, если не подходить к ней с позиций сегодняшнего дня.

Конечно, сейчас тяжело перечитывать самообвинения и «разбор» книг чужих и собственных со скрупулезным высчитыванием, сколько раз на их страницах упоминалось имя Павлова, а сколько раз оно отсутствовало. Нельзя отрицать, что психология фактически привязывалась к колеснице победительницы – физиологии ВНД. Однако цель оправдывала средства. На сессии психология отстаивала свое право на существование, которое оказалось под смертельной угрозой. Во время одного из за седаний Иванов-Смоленский получил и под хохот зала зачитал записку, подписанную так: «Группа психологов, потерявших предмет своей науки». Уже тогда многие предполагали, что эта записка была инспирирована самим Ивановым-Смоленским. Но если бы в резолюции съезда было сказано, что психология не имеет своего предмета, то это означало бы ее ликвидацию. Такого рода опыт уже был: педология, психотехника, генетика, психосоматика. Поэтому основной пафос и смысл выступлений психологов на съезде – отстаивание предмета своей науки. Причем любыми способами. Вот почему тогдашнее признание «ошибок» лидерами психологической науки, – по-видимому, далеко не всегда искренне – не должно вызывать сейчас никаких иных эмоций, кроме сочувствия и стыда за прошлое науки. Конечно, надо поклониться памяти людей, сумевших занять мужественную позицию, пытаясь – что было обречено на неудачу в тех обстоятельствах – противостоять произволу в науке. Были и такие. Они шли на риск, масштабы которого нынешнее поколение даже не может себе представить. Но нельзя бросить камень в тех, кто тогда под угрозой упразднения важнейшей отрасли знания покаялся «галилеевым покаянием».

Вопрос о том, почему психология не была ликвидирована, не объявлена «псевдонаукой», хотя к этому после «павловской» сессии явно шло дело, остается пока открытым. Можно предположить, что доступ к архивам многое прояснит[32].

---

[32] *Можно сослаться лишь на устный рассказ академика АПН СССР Т.А. Власовой, работавшей а начале пятидесятых годов в Отделе науки ЦК партии, которым в то время заведовал Ю.А. Жданов. Она говорила, что после «павловской» сессии уже был подготовлен проект документа, который должен был стать основой для постановления, аналогичного принятому в 1936 году по поводу педологии. В частности, в нем содержалось предложение «закрыть» психологию, заменив ее повсюду физиологией высшей нервной деятельности. Документ был представлен на утверждение Сталину. Получив и просмотрев проект, он*

По всей вероятности, Сталин был знаком с гимназическим курсом логики и психологии. Не случайно по его указанию был в 1946 году перепечатан один из учебников для гимназий и семинарий, автором которого был Г.И. Челпанов. Психология в гимназии ограничивалась описанием процессов мышления, памяти, воображения и т.д. и не посягала на постижение глубин и противоречий душевной жизни человека. Такая психология на самом деле не нуждалась в замене ее физиологией. Школярская, умозрительная психология не представляла опасности для сталинского режима. Другое дело – объективная по своим методам наука. От нее можно было ожидать анализа того, что изучению тогда никак не подлежало. Поэтому, надо полагать, были достаточно серьезные основания для того, чтобы именно с помощью «павловизации» командные верхи сталинской эпохи попытались «реформировать» научную психологию. Точное знание психологии личности как социального качества человека, характеризующего его со стороны включенности в межиндивидные отношения, изучение психологии различных групп, входящих а общественную жизнь, характера их желаний, опасений, притязаний, установок вообще, внутреннего мира человека (а не легко заменимого «винтика» в государственной машине) во всей его сложности и неоднозначности не могло отвечать интересам деспотического режима. Ему нужны были безусловное подчинение, чуждое сомнениям и вообще какой-либо рефлексии, отрицание даже самой возможности бессознательного и сведение формирования сознания к формировке «сознательности», под которой понималось, по существу, автоматическое следование распоряжениям «свыше». Возникла заманчивая возможность представить человека как условнорефлекторную машину, управляемую сигналами различного уровня сложности.

Менее всего есть основания считать, что это отвечало генеральной линии развития павловского учения и позициям самого Павлова, Надо иметь в виду, что сам Павлов, запрещая в своих лабораториях использовать психологические термины, в то же время считал, что психология и физиология идут к своей цели разными путями. Примечательно, что он приветствовал открытие Психологического института в Москве, а уже при советской власти приглашал его бывшего директора, профессора Г.И. Челпанова на работу в Колтуши. Поэтому не будем рассматривать «павловизацию» психологии со всеми ее драмами и курьезами (к примеру, попытками строить обучение школьников, ориентируясь на механизмы выработки условных рефлексов) как запоздалый результат каких-то волеизъявлений великого ученого. Надо сказать, что к концу жизни с ним вообще не очень-то считались. Он был нужен как икона и сталинскому режиму был полезен скорее мертвый, нежели живой. То же самое можно сказать о М. Горьком, В. Маяковском и некоторых других, официально причисленных к «лику советских святых». Об этом свидетельствует, в частности, недавно опубликованная

сказал: «Нет, психология — это психология, а физиология — это физиология». На этом «научные» проблемы были решены и к ним больше не возвращались.

трагическая для И.П. Павлова переписка с Молотовым[33].

На протяжении долгого времени сохранялся миф о якобы благотворном влиянии «павловской» сессии на развитие психологической науки. Историю психологии, как и предлагал К.М. Быков, делили всего лишь на два периода: «допавловский» (до 1950 г.) и «павловский». Где-то с середины пятидесятых годов, в особенности после XX съезда, положение стало меняться: крайности антипсихологизма времен «павловской» сессии явно начали преодолеваться, хотя это и вызывало неудовольствие «верных павловцев».

Конечно, Павлов был и остается по сей день великим ученым, разгадавшим многие тайны работы мозга. Такие представители естественных наук, как Павлов, Сеченов, Ухтомский, Бехтерев, Н. Бернштейн, Вагнер в нашей стране, как и Гельмгольц, Фехнер, Селье, Скиннер, Фрейд, Кеннон, Келер на Западе, оставили необычайно глубокий след в истории психологии и обогатили ее своими выдающимися открытиями. Сегодня было бы нелепо брать Павлова под защиту. Речь идет о другом: надо выяснить не только, каковы были результаты проникновения естественнонаучных идей Павлова в психологию, но и каковы были как ближайшие, так и отдаленные последствия административной «павловизации» психологии.

Эти последствия имели в основном негативный характер. Вынужденное следование «компетентным» рекомендациям «павловской» сессии предельно сузило рамки психологического исследования, сводя их, главным образом, к единственно разрешенной проблематике – «психика и мозг». И хотя некоторое число психологов (к примеру, А.Р. Лурия, Е.Н. Соколов и другие) и в самом деле обогатили психофизиологию значительными работами, основная масса психологов занималась наполнением своих сочинений к месту и не к месту ссылками на Павлова.

---

[33] *Характерен следующий факт. В начале пятидесятых годов труды Павлова не только изучались, но воспринимались как откровение. И вдруг обнаруживается, что в многочисленных изданиях его книг допущена ошибка, которую некоторые читатели готовы были расценивать не иначе, как происки «врагов народа». Павлов в статье «Условный рефлекс» (БСЭ, т. 56, М., 1936, с. 331), написанной для Большой Советской Энциклопедии, пишет: «... многочисленные раздражения словом, с одной стороны, удалили нас от действительности, и поэтому мы постоянно должны помнить это, чтобы не исказить наши отношения к действительности. С другой стороны, труд и связанное с ним слово сделало нас людьми, о чем, конечно, здесь подробнее говорить не приходится» (выделено нами. — А.Л., М.Я.). Так в Энциклопедии. Однако в Полном собрании сочинений И.П. Павлова (том 3, книга вторая, М., 1951, с. 336) написано по-иному: «...с другой стороны, именно слово сделало нас людьми, о чем, конечно, здесь подробнее говорить не приходится» (выделено нами. АЛ., М.Я.). Итак, в 1936 г. великого ученого бесцеремонно «поправили» – без его ведома вписали ему в текст статьи указание на роль труда в происхождении человека, дабы никаких расхождений с Энгельсом у него не было. Исправление в Полном собрании сочинений, по-видимому, отзвук возмущения Павлова, потребовавшего, чтобы произвольное обращение с его текстом больше не повторялось.*

Помимо ближайших последствий «павловской» сессии существовали и отдаленные, которые резонируют в сегодняшнем дне психологической науки. Больше всего это затронуло три отрасли психологии.

«Верные павловцы» лишали своего благословения любую сколько-нибудь далекую от соприкосновения с ВНД психологическую проблематику. Социальная психология по понятным причинам не соприкасалась с физиологией мозга и поэтому лишалась необходимых приоритетов. Многолетний перерыв в развитии социальной психологии, длившийся с конца 20-х годов, затянулся в связи с этим на еще более продолжительное время, хотя в период «оттепели», казалось, для ее продвижения открылись шлюзы. Достаточно сказать, что на 1-м съезде Общества психологов в 1959 году всего лишь несколько докладов (не секций! не симпозиумов!) может быть отнесено к рубрике «социальная психология». Впрочем, до начала 60-х годов сам термин «социальная психология» имел одиозный характер, фактически не употреблялся, а если использовался, то применительно к западной, «буржуазной» психологии. Именно рефлексология в прошлом продемонстрировала попытки представить социальную жизнь людей как совокупность рефлексов или «суперрефлексов». Наследники рефлексологии, не вспоминая собственную вульгаризацию социологии, препятствовали психологии исследовать с научных позиций взаимодействие личности и общества.

Не в менее тяжелом положении на ряд лет оказалась психология личности. Само собой разумеется, что в годы сталинизма возможности объективного изучения целостной личности были предельно сужены. Значительная часть советских людей оказалась отчуждена от результатов собственного труда, и модель нового «советского человека» создавалась исключительно умозрительным путем, при декларировании того, что ему «жить стало лучше, жить стало веселее». Надо сказать, что при этом возникала парадоксальная ситуация. С одной стороны, теоретики и методологи неустанно призывали бороться с «функционализмом», то есть с исследованием изолированных психических функций и качеств по отдельности (мышления, воли, чувств, памяти и т.д.), а с другой стороны, при попытке «собрать» из этих элементов «целостную личность», живущую и действующую в конкретных исторических условиях, надо было бы отвечать на каверзные (небезопасные) вопросы. Как принцип диалектически мыслящих людей «подвергай все сомнению» может уживаться с верой в непогрешимость «великого вождя»? Как был вздут «священный гнев» масс против «врагов народа», еще недавно ближайших друзей и сподвижников Ленина? Не требуется объяснять, насколько самоубийственно было в те годы не только искать ответы на эти вопросы, но даже ставить их. Люди не похожи друг на друга, целостная личность соткана из противоречий, и набор их у разных людей разный. Но противоречия у советских людей исключались априорно. У винтиков резьба должна быть нарезана единообразно.

Однако отрицать, что в чем-то люди различаются, было все-таки нелепо. После «павловской» сессии такой предмет исследования был найден, и к его

изучению надолго свелась вся психология личности; им послужили индивидуальные психофизиологические свойства нервной системы человека – дифференциальная психофизиология. Здесь, действительно, успехи оказались значительными, и вклад в науку, бесспорно, велик. Отправляясь от работ И.П. Павлова о типах ВНД, Б.М. Теплову и его ученику и сотруднику В.Д. Небылицину удалось углубить понимание природы темперамента. Психологические свойства нервной системы проявляются, прежде всего, в особенностях темперамента: скорости, интенсивности, темпе психических процессов и состояний. Изучение темперамента – задача, безусловно, достойная, ее решение занимает ученых со времен Гиппократа и Галена, но для периода «павловской» сессии она оказалась и достаточно удобной, не нарушающей «законопослушание» ученых, так как темперамент не характеризует содержательную сторону личности (ее мотивы, ценностные ориентации, сомнения, веру и неверие и т.п,), не выявляет бедность или богатство душевной жизни человека. Душа человека оставалась забытой на обочине дороги, по которой двинулись многочисленные исследователи.

Правда, с течением времени удельный вес психофизиологических исследований существеняо снижается, но принципы изучения личности, сложившиеся в предшествующий период, сохраняют надолго свою инерцию. Утверждается то, что было выше названо «коллекционерским» подходом к личности, превращающем ее в некую емкость, принимающую в себя черты темперамента, характера, способности, склонности и т.д. При этом задача психолога сводилась к инвентаризации всех этих накоплений и выявлению неповторимости их сочетаний для каждого отдельного человека. В значительной мере «коллекционерский» подход сказывается и сейчас в работах психологов, хотя пути его преодоления уже намечены.

Рефлексологический, точнее, неорефлексологический, подход на протяжении двух десятилетий доминировал и в педагогической психологии, которую многие исследователи пытались строить на основе условных рефлексов или временных связей. Это вызвало возрождение господствовавших в психологии XIX века теорий, сводивших обучение и усвоение к ассоциациям. А у нас такой подход считался в 50-е годы XX века прогрессивным и плодотворным только потому, что декларировался в качестве воплощения идей И.П. Павлова в психологии.

Вновь воспроизводилась классическая рефлексологическая схема. Что такое значение? Ассоциация. Что такое понимание? Ассоциация. Что такое память? Ассоциация. Что такое воображение? Ассоциация, и т.д. Научная бесплодность подобных голых констатации очевидна. Теории обучения сводились к примату заучивания, механического запоминания и воспроизведения, новые же подходы, к примеру, теория содержательного обобщения В.В. Давыдова, с трудом прокладывали себе дорогу в школу, встречая сопротивление приверженцев «павловской психологии».

Административный произвол лишал науку творческого начала. В годы господства начальственных императивов не было привилегированных наук. Даже далекие от высоких идеологических сфер области знания были под тяжелым прессом — привилегиями было наделено невежество.

Психология подвергалась обездушиванию в этот период дважды. Во-первых, вместе со многими науками в годы «великих переломов». Интенсивно развивавшуюся в двадцатые годы, ее буквально срезали на взлете. Специальные психологические журналы, съезды и конференции, сотни издаваемых книг и брошюр, дискуссии, многочисленные прикладные лаборатории, поиски в области психодиагностики — все это за несколько лет отошло в небытие. Многие психологи притихли, поняв, что в их услугах не нуждаются. Психология начала терять самостоятельность, постепенно превращаясь в сателлита педагогики, а затем и физиологии.

Во-вторых, обездушивание психологической науки имело свойственную ей особенность — утрачивалась возможность увидеть и изучить личность человека в ее живой многосложности и неоднозначности. Это вело лишь к стерилизации науки, сворачиванию ее научной проблематики.

Психология при всех потерях выстояла, вышла из анабиоза, даже в застойные годы она понемногу начала набирать скорость, используя ускорение, которое придало ей осуждение культа личности. В последнее время она получила новые импульсы для развития. Наше трудное прошлое – хороший учитель, если мы не забываем его уроки.

Глава 6

Российская психология в новых социально-экономических условиях

Есть основания считать, что ни в одной стране за пределами так называемого «социалистического лагеря» развитие науки не находилось в такой зависимости от изменений в политической жизни общества, как это происходило в государствах, подверженных влиянию большевистской идеологии. В первую очередь это относится к России. Раскрытию этого положения была посвящена предыдущая глава. Понятно, что те изменения в экономике и политике, которые произошли в новых условиях, существенно сказались на общей ситуации в российской науке вообще и на обществоведческих науках в частности. Это обстоятельство в полной мере касается психологии. Тоталитарное общество было заинтересовано в существовании лишь такой науки, которая отказывалась от анализа психологии человека, чтобы тем самым не привлекать внимание к реальному состоянию дел в общественной жизни. Во второй половине 80-х годов в российской психологии начинают давать о себе знать новые подходы и тенденции, свидетельствующие о начале коренной ломки привычных стереотипов. Эти изменения определяют судьбу науки в новых социально-экономических условиях.

Психология оказалась недостаточно подготовленной к новым требованиям, с которыми столкнулась и должна была справляться личность вчерашнего «советского человека» в необычных для нее обстоятельствах жизни и деятельности. Этим воспользовались лица, попытавшиеся в ответ на резко возросший интерес к психологии, потребность в научном знании о человеке предложить «рецепты», далекие от этого знания. Самопровозглашенные «психологи», беря на себя решение задач в сфере практики, способны лишь компрометировать науку и профанировать ее методы. Пользуясь тем, что возникла вера в психологию как панацею, якобы обеспечивающую продуктивное решение всех возможных практических задач, они, взамен апробированных научной практикой средств и способов получения достоверной информации, выдают за спасительную истину доморощенные, а порой и опасные для физического и психического здоровья советы и рекомендации, которые не имеют отношения к науке и выступают в качестве ее грубых эрзацев, а иногда и в виде откровенного обмана. В результате этого взаимодействия невежественности заказчика и недобросовестности исполнителя, предлагающего свои, якобы психологические услуги, подрыв доверия к науке приобретает угрожающие размеры. Труды и усилия огромного числа доморощенных «психологов» смыкаются с активностью, которую проявляют представители различных оккультных наук. Колдовство,

ворожба, гадание, привораживание неверного супруга – все это, нередко, проходит под эгидой «психологии», воспринимающейся обывателями в качестве науки, которая «все может». За этими негативными явлениями нередко стоит безответственность средств массовой информации, прежде всего ТВ, которое охотно предоставляет время и место в своих программах колдунам, гадалкам, экстрасенсам и пр., нередко рекомендуемых зрителям в качестве «психологов». Нарастание волны оккультизма грозит стать опасностью, способной привести к размыванию психологии как науки, к подмене ее объективных данных бездоказательными, но эффектными измышлениями псевдопсихологов.

Этому способствует и то, что в последнее время явно снизились показатели квалифицированности тех специалистов, которые вошли в практическую работу, не имея соответствующего базового образования. Серьезную угрозу представляет деятельность всевозможных краткосрочных курсов хотя и лицензированных, но явно лишенных научного потенциала, где подготовка психологов поставлена на поток и осуществляется «профессорами», которые, порой, сведущи в вопросах преподаваемой ими науки не более, чем студенты, которым они читают лекции. Известны случаи, когда сертификат психологов выдавался после одного месяца обучения в такого рода учебном заведении. В результате отсутствия контроля со стороны государства и при безучастности научного сообщества оказалось для многих возможным именовать себя «психологами» без каких-либо на то оснований.

Деидеологизация психологии

Как было показано выше, официальной идеологической базой психологии советского периода был марксизм-ленинизм. Отход психологии от этих, казавшихся незыблемыми и несокрушимыми позиций, при всей его неизбежности и радикальности не имел революционного характера и был скорее эволюционным движением, которое за истекшее десятилетие привело к необратимым изменениям в содержании и структуре научного знания.

Сравнительно легко и безболезненно прошло освобождение от традиционной марксистской атрибутики, которая пронизывала все выходившие из печати психологические книги и статьи на протяжении пятидесяти-шестидесяти лет в СССР. Ни одна монография, ни один вузовский учебник не мог быть опубликован без обязательного набора цитат и ссылок. Преодолеть начетнические штампы не представляло труда в связи с тем, что при их исключении из текста серьезных содержательных изменений в нем не происходило. Все эти дежурные клише имели значение ритуальной защиты от цензурного контроля. Когда необходимость в подобной страховке отпала, подобные цитаты и ссылки оказались попросту излишними.

Несопоставимо большие трудности были связаны с постепенным

изменением традиционных воззрений психологического сообщества, которые десятилетиями формировались с опорой на убежденность в том, что единственно верной, правильной и надежной основой плодотворного развития психологической науки является марксизм. Эта убежденность имеет свои исторические корни. В период становления психологии в Советской России важнейшей задачей считалось создание адекватных как логике науки, так и социальным потребностям методологических основ конкретных психологических исследований. В этой ситуации прежней интроспективной психологии противостояли концепции, претендовавшие на детерминистское объяснение поведения, по существу же являвшиеся механистическими.

Нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что многие диалектические идеи, идущие от Гегеля и Маркса, были конструктивным началом разработок, к примеру, психологии развития, основ детской и педагогической психологии и других разделов и отраслей науки.

Ошибка психологов в годы советской власти была не в том, что они обращались к трудам Маркса и Энгельса, а в том, что они стремились видеть в этих трудах единственный источник философской мысли, все определяющий в психологической методологии и теории. Этот подход предельно сужал философские основы психологии, вынуждал игнорировать и даже огульно отрицать все, что не получало подтверждения в трудах «классиков марксизма», что закрывало весь спектр философских учений, которые могли способствовать развитию психологической мысли[34].

Следует иметь в виду, что при всей оправданности и необходимости развернувшейся в настоящее время деидеологизации психологии, были бы ошибочными попытки сбросить Маркса «с парохода современности», отказаться от обращения к его трудам только на том основании, что коммунистическое руководство сделало все возможное, чтобы превратить его в икону, а его работы в некий «Новый завет». Маркс — один из выдающихся мыслителей XIX века и не его вина, что в XX столетии он был канонизирован догматиками, оказавшимися у власти.

В настоящее время деидеологизация науки сняла ограничения с творческой мысли психологов. Однако нельзя рассчитывать на то, что это обстоятельство, само по себе, обеспечит формирование теоретической базы для развития психологической науки. Деидеологизация психологии для этого необходимое, но еще недостаточное условие. Это только начало перестройки психологии, но никак не ее завершение.

[34] *Эти просчеты сказались и на работах авторов настоящей книги (А.П., М.Я.).*

Реконструкция историографии российской психологии

Прямым следствием деидеологизации психологии стала реконструкция ее историографии. Произошла переоценка тех характеристик психологических теорий и взглядов ученых, которые нашли в недавнем прошлом отражение в трудах историков науки. Наиболее существенные результаты, отвечающие общей задаче переосмысления пути, пройденного психологией в России, были освещены в главе 5.

Можно указать на некоторые специфические особенности реконструкции историографии в последние годы. Идеологически заданная двухмерная схема на протяжении многих лет вынуждала историка весь массив психологических учений и научную деятельность психологов разнести по двум философским «ведомствам» – материализму и идеализму. Далее все то, что было отнесено к идеализму, глобально характеризовалось как «реакционное», «консервативное», не говоря уже об использовании более беспощадных эпитетов явно ругательного свойства. Несколько по-иному обстояло дело с материализмом. Если труды и взгляды ученого оказались отнесенными к механистическому материализму, то это отчасти выступало в роли своего рода индульгенции, позволявшей приступить к изложению его воззрений, разумеется, при заведомо критическом их рассмотрении. Это, к примеру, характерно для оценки работ В.М. Бехтерева. Что касается трудов, которые были воплощением идей диалектического и исторического материализма, то они априорно приобретали «знак качества». Таким образом картина исторического развития науки предельно упрощалась и обеднялась, содержательный анализ подменялся наклеиванием идеологических ярлыков.

Негативные результаты подобного разведения по двум «враждующим лагерям» не только лишал возможности обратиться к трудам и деятельности ученых, заклейменных печатью идеализма (С.Л. Франка, Н.А. Бердяева, Г.Г. Шпета и других), но создавало трудно преодолимые препятствия при анализе работ многих психологов, чье научное творчество не поддавалось стремлению втиснуть его в схему, с помощью которой описывалась «борьба на два фронта». Это относится к оценке Н.Н. Ланге, А.Ф. Лазурского, З.Н. Овсяннико-Куликовского, М.М. Рубинштейна и многих других.

Реконструкция историографии российской психологии должна осуществляться, в первую очередь, усилиями самих историков. Вместе с тем, она тесно связана с пересмотром взаимоотношений отечественной и зарубежной науки.

Интеграция в мировое сообщество психологов

Если до начала тридцатых годов все еще сохранялись контакты российских психологов с их зарубежными коллегами, то сразу же после года «Великого перелома» (1929) эти связи стали очень быстро истончаться. «Железный занавес» опустился в середине 30-х, наглухо закрыв возможность включения трудов психологов, физиологов, социологов в контексте развития мировой науки. В работе Международного психологического конгресса в Нью-Хэвоне (1929) принимала участие немногочисленная, но представительная делегация из СССР (И.П. Павлов, А.Р. Лурия, И.Н. Шпильрейн, С.Г. Геллерштейн, И.С. Бериташвили, В.М. Боровский). Это был последний «массовый» выезд «советских» психологов на международный психологический форум. На протяжении последующих двадцати пяти лет психология в России стала «невыездной». За этот достаточно длительный период психология не только оказалась полностью отрезана от общего потока научной мысли, но и подвергалась гонениям за малейшие попытки обратиться к иностранным источникам, литературе, концепциям, зарубежному опыту. Изоляционизм приобрел особо жесткие черты на рубеже 40-х и 50-х годов в период «разоблачительных» камланий против «безродного космополитизма», «преклонения перед иностранщиной», «антипатриотизма» и др. Только в 1954 г. появились первые признаки позитивных сдвигов. Так, в Монреаль на Психологический конгресс приехала делегация из СССР, в которой было 7 ученых. С этого времени визиты психологов на Запад участились, прием зарубежных ученых стал возможным.

Кульминационным пунктом в этом процессе явилось проведение в Москве в 1966 г. XVIII Международного психологического конгресса, на который приехали крупнейшие психологи Западной Европы к Америки. После этого события международные контакты «советской» психологической науки приобрели систематический характер, хотя в количественном отношении были невелики. В дальнейшем они уже не прерывались. Общество психологов СССР вошло в Международный союз психологов. Оказалось возможным постепенное освоение идей, получивших развитие на Западе и фактически неизвестных психологам в Советском Союзе из-за невозможности получить доступ к иностранной периодике и книгам.

Таким образом, могло сложиться впечатление, что сдвиги в сфере взаимодействия с мировым психологическим сообществом обрели принципиально новый характер. Однако это утверждение не будет в должной мере точным.

Только со второй половины 80-х годов оказался возможным кардинальный поворот, снявший идеологическое «табу», столько лет перекрывавшее путь к включению отечественной психологии в общий поток мировой психологической науки.

Основная тенденция, которая в этом отношении характеризует конец

XX столетия в российской психологии – это отказ от противопоставления ее зарубежной психологической науке. Отказ от аксиоматического утверждения, что «советская, марксистская психология» единственно верное и перспективное направление для развития науки, – привел к изменению ситуации в международных связях российских психологов. Если в недавнем прошлом практически вся зарубежная психология была заклеймена как «буржуазная наука», а иной раз как «служанка империализма», то теперь эта контраверза «советская–буржуазная» полностью вышла из употребления.

Департизация управления в сфере науки

Развитие психологии в годы советской власти жестко определялось руководящей ролью коммунистической партии. Ее вмешательство в жизнь научного сообщества началось с конца двадцатых годов и приобрело характер абсолютного диктата к сороковым годам. Отдел науки ЦК отслеживал все отклонения от «генеральной линии» партии, которые обнаруживались или мерещились ему в социальной сфере. Приоритеты в области не только общественных, но и естественных наук, как это было показано выше, определялись специальными постановлениями ЦК. Он же мог объявить любое научное направление, любую отрасль знания реакционным, «враждебным интересам рабочего класса», «лженаукой». Это в полной мере сказалось на судьбе психологии в СССР. Она не менее двух десятилетий находилась под дамокловым мечом возможной полной или частичной ликвидации.

Партийные чиновники среднего уровня определяли судьбу каждого научного учреждения. Именно они, а не официальные руководители этих учреждений и организаций решали все вопросы в сфере управления наукой: партаппарат диктовал кого назначать, а кого снимать с должности директора научно-исследовательского института, кого послать на конференцию за рубеж, а кого сделать навсегда «невыездным», кому быть редактором журнала, какую книгу отметить премией, а какую подвергнуть уничтожающей критике. Так, например, на протяжении пятнадцати лет, начиная с конца 60-х годов, большой властью в психологии обладал ее «куратор» в ЦК КПСС В.П. Кузьмин, даже не психолог по специальности. Без его санкции ничего значительного в среде психологов не могло произойти[35].

Давление партократии испытывало все сообщество психологов.

В научных учреждениях такой же абсолютной властью на своем уровне

---

[35] *У Б. Пастернака мы читаем:*

«Кому быть живым и хвалимым,
Кто должен быть мертв и хулим
Известно у нас подхалимам
Влиятельным, только одним»

обладали парткомы, которые получили право «контроля над действиями администрации».

После случившегося в конце 1991 г. приостановления деятельности КПСС ситуация резко изменилась. Психологические учреждения и организации обрели право самостоятельно принимать решения, стали в значительной степени самоуправляемыми. Это, бесспорно, повысило ответственность их руководства перед научным сообществом, поскольку власть над наукой уже не была узурпирована партийными органами. При всей прогрессивности этой тенденции она сама по себе далеко еще не обеспечивала координированности научной деятельности, поскольку научное сообщество пока еще не освоило необходимые для этого управленческие механизмы. К примеру, на несколько лет затормозилась работа психологического общества, не собираются психологические съезды.

От «функционализма» к изучению человека

Систематически многие годы психологии предъявлялись требования «изжить функционализм»[36].

Для этого обвинения были определенные основания. Действительно, наиболее успешные разработки были обращены к изучению отдельных психических функций. Так, восприятия и ощущения были исследованы в трудах С.В. Кравкова, Г.Х. Кекчеева, Ю.М. Забродина, А.В. Запорожца, В.П. Зинченко и др. Внимание – Н.Ф. Добрыниным. Память изучалась Л.В. Занковым, П.И. Зинченко, А.А. Смирновым, Е.Н. Соколовым, мышление – А.В. Брушлинским, П.Я. Гальпериным, А.Н. Леонтьевым, Н.А. Менчинской, Н.Н. Нечаевым, О.К. Тихомировым, П.А. Шевыревым, речь – Н.И. Жинкиным, А.А. Леонтьевым, А.Н. Соколовым, темперамент и тип нервной деятельности – М.М. Кочубеем, В.С. Мерлиным, В.Д. Небылицыным, Е.Я. Палеем, И.В. Равич-Щерба, Б.М. Тепловым, саморегуляция – Г.И. Ангушевым, О.А. Конопкиным и др., деятельность – Е.А. Климовым, В.А. Шодриковым. При всей несомненной значимости этих исследований, они действительно не могли дать целостный образ человека и в этом отношении предъявлять им требования о преодолении «функционализма» невозможно. Однако зто была не вина психологов, а их беда. Для того, чтобы перейти от описания отдельных психических свойств и особенностей к понятиям, их интегририрющим, необходимо было преодолеть идеологический барьер. «Партократическое руководство» наукой не было заинтересовано в получении объективной картины личности «советского человека», которая могла разрушить идиллический образ, с помощью которого на протяжении многих лет желаемое выдавалось за действительное.

Этот парадный образ – «нового советского человека» с использованием

---

[36] *Здесь и далее не следует смешивать «функционализм», о котором идет речь, с функционализмом, в понимании В. Джемса (см. гл. 3).*

различных пропагандистских средств целенаправленно формировался прозой и поэзией («высокие горы сдвигает советский простой человек», «я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек» и т. д.). Свой вклад вносила и «научная литературу» (к примеру книга Г.Л. Смирнова «Советский человек»). Это и многие подобные произведения оказывали негативное влияние как на развитие психологии, так и смежных отраслей знания.

Для психологии это означало подмену целостного изучения человека (и тем самым реальный отход от «функционализма») в пользу мифотворчества. Если исследование (прежде всего экспериментальное) психических свойств и особенностей хотя и грешило тем, что именовали «функционализмом», но имело объективный характер, то построение образа советского человека ограничивалось «иконописью» и отказ от «функционализма» сознательно профанировался и на деле оказывался фальсифицированным.

Вместе с тем, сотворение мифологем было далеко не безобидным и явно препятствовало использованию данных психологии в практике, что в первую очередь сказалось в сфере образования.

Конструируемые модели педагогического процесса могли строиться только на базе глубокого знания человека. Известна формула К.Д. Ушинского *«Если педагогика хочет воспитать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях»*.

Между тем «узнать человека во всех отношениях» отнюдь не означает приписать ему те черты, которые желательны воспитателю, и в дальнейшем уже иметь дело не с реальными детьми и подростками, а с идеализированной моделью воспитанника, стерильно очищенного от всего нежелательного, а затем «узнать» только те его черты, которые соответствуют этой модели. Но именно так и выглядели дети и подростки на страницах педагогической литературы. Коль скоро считалось, что советский человек уже живет в обществе развитого социализма, должное и сущее совпадало, становилось неразличимым. В результате предполагалось, что советский школьник, какой он есть, уже таков, каким должен быть.

Педагоги не могли себе позволить наводить тень на эту радужную картинку. Наука, а за ней и школа, пошли по типичному для тех времен пути идеологических «приписок», выдавая громкие фразы за научные и практические результаты.

Снятие идеологического табу с проблемы объективного целостного исследования человека было необходимым, но недостаточным для отказа от «функционализма» в психологии. В настоящее время можно считать, что вполне осознается потребность в смене парадигмы в сфере изучения человека как предмета конкретно-исторической психологии. Эта тенденция в большей или меньшей мере оказывается эксплицированной в трудах российских психологов, где человек рассматривается и изучается в его основных «ипостасях»: как индивид (в отличие от животных особей); как индивидуальность (с учетом его

особенностей, отличающих одного индивида от другого); как субъект (с выявлением его активности в процессах общения и деятельности); как «Я-образ» (система самооценок, уровня притязаний, мотивации достижения, вообще процессов рефлексии); как носитель социальных ролей (в соответствии с ожиданиями в различных общностях, статусными позициями и т. д.) и, наконец, в качестве личности, объединяющей и интегрирующей все эти феномены[37].

Только когда приоритетный характер обрело исследование человека во всех его проявлениях, а не его отдельных психических свойств, оказалось возможным уйти от функционализма как господствующей тенденции.

Изучение психических функций осуществлялось вне контекста социально-экономических отношений, в которые с необходимостью включен человек. Именно поэтому продвижение в учении о личности было обусловлено развитием социальной психологии (с начала 70-х го дов), а затем политической психологии, психологии управления, психологии научных коллективов, этнопсихологии и др. В этих отраслях знания нельзя было ожидать прогресса, если бы там не было бы целостного рассмотрения человека, включенного в систему общественно обусловленных связей и отношений.

Психология в условиях востребованности

В годы советской власти психология развивалась как преимущественно академическая наука. Именно такой характер имела деятельность основных психологических учреждений. Достаточно сказать, что до начала 70-х годов именно таким являлся единственный в России психологический институт (основанный в 1914 г. Г.И. Челпановым). И хотя в этом институте и других научных учреждениях были получены существенно важные ре ультаты, однако практикой они учитывались весьма слабо. Российская психология вправе гордиться работами многих выдающихся ученых, однако эти труды получали недостаточное продолжение в конкретных разработках проблематики обучения, труда, культуры общества. Они оставались в большей или меньшей степени невостребованными в связи с тем, что психология не входила в круг наук, без которых в те времена не могло развиваться общество и государство. Более того, исследования мышления, к примеру, завершались или, точнее, обрывались, когда психолог должен был перейти от характеристики механизмов мыслительных процессов к их содержанию, как это и произошло в отношении проблематики менталитета «советского человека». Функционализм при анализе психики человека, не допускавший перехода к интегральным характеристикам его личности, закрывал дорогу психологии, не допуская ее участия в решении задач, которого ожидали от нее другие области науки, ориентированные на практику.

---

[37] *См. главу I «Личность»*

Парадигмальные изменения, которые произошли в психологии на рубеже 80–90-х годов, в качестве своего прямого последствия имели обращение ее к социальной практике. У психологов исчезли опасения, что правда, которую могут нести их изыскания, может не понравиться власть предержащим. Более того, от психологии ожидают, и не без оснований, что она способна предложить ориентиры для социальной практики, открыть то, что не доступно другим отраслям знаний. К концу XX века в России психология становится востребованной наукой, с большим или меньшим успехом отвечающей вызову времени.

В подтверждение этого положения могут быть использованы прямые ссылки на конкретные факты. За несколько последних лет резко увеличилось число учреждений, в которых представлена прикладная психологическая проблематика. Издаются многие новые журналы, в которых освещаются результаты практико-ориентированных исследований. При существенном сокращении диссертаций, защищаемых по проблематике общей психологии (что само по себе не является отрадным обстоятельством), во много раз увеличился поток диссертационных работ, посвященных проблемам педагогической, инженерной, военной, судебной и другим прикладным отраслям психологии.

Следует особо выделить востребованность психологии в сфере образования. Уже одно появление психологической службы в школе и повсеместное включение психологов в работу образовательного учреждения свидетельствует о новом этапе распространения ее влияния на все формы педагогической деятельности. Многообразие типов учебно-воспитательных учреждений, присущее новому времени, диктовало необходимость психологического обоснования работы в этих разнохарактерных образовательных системах. Повышение требований к эффективности процессов обучения в школе, которые представляют родители, готовые, в ряде случаев, оплачивать качественные дополнительные образовательные услуги (пересматривая при этом приоритеты семейного бюджета), вынуждают руководство гимназий и лицеев обращаться к психологам, способным поставить учебно-воспитательаую работу на научно-обоснованный путь со вершенствования и развития. Примечательный факт: весной 1995 года Коллегия Министерства образования Российской Федерации приняла беспрецедентное решение о «психологизации всей школьной работы в стране». Изменения ситуации в дошкольном воспитании детей, когда государственные дошкольные учреждения, детские сады во многом уступают место семье в решении воспитательных задач, способствовало созданию и развитию системы психологического консультирования семьи, включающее психотерапию. Число психотерапевтов, которых в прошлом не знала школа и детсад, с каждым годом увеличивается в геометрической прогрессии, вместе с тем, в условиях открытости и многообразия учебно-воспитательных систем усиливается потребность в поисках некоторых инвариантных по отношению ко всем этим учебным заведениям эффективных психолого-педагогических концепций, вбирающих в

себя все то, что накопила психологическая теория за прошедшие годы. К их числу может быть отнесена концепция «развивающего образования» В.В. Давыдова, становление которой выступает в качестве одной из определяющих тенденций в сфере практических применений психологии. Так, в настоящее время многие педагоги-теоретики и учителя-практики все более осознают необходимость перехода в образовании от ориентировки на усвоение школьниками знаний, умений и навыков к парадигме, предполагающей целенаправленное создание условий для интенсивного развития интеллектуальных, нравственных, эстетических и физических способностей детей, подростков и юношей в процессе их обучения и воспитания, в конечном счете – развитие личности. Эта тенденция, которая сейчас приобретает приоритетный характер в системе образования в России, является продолжением теоретического подхода, предложенного еще в начале 30-х годов Л.С. Выготским.

Продолжается развитие психологии труда. В ее различных отраслях (инженерная, военная, космическая психология, эргономика (В.П. Зинченко, Е.А. Климов, Б.Ф. Ломова, В.М. Мунипов, В.А. Пономаренко, А.М. Столяренко, С.В. Съедин, В.Д. Шадриков и др.). Юридическая психология получила импульс для своего развития в работах М.М. Кочетова, А.Р. Ратинова.

Вместе с тем следует сказать о том, что существенно отстает разработка вопросов психологии воспитания, хотя можно назвать ряд исследований, где этой проблематике уделяется серьезное внимание (Ш.А. Амонашвили, И.А. Зимняя, А.И. Липкина, М.Ю. Кондратьев, В.С. Мухина, Л.И. Новикова, А.В. Толстых, Д.И. Фельдштейн).

Новым для психологии в стране оказалась разработка проблем политической психологии (Г.М. Андреева, Г.Г. Дилигенский, И.Г. Дубов, Е.Б. Шестопал, Л. Гозман, П.Н. Шихирев). Не исключается, что в связи с жестким утилитаризмом подхода к «прибыльности» научных изысканий, который ставит в трудное положение научные отрасли, чья продукция не получает «сбыта», фактически оборвалась линия блестящих исследований в области зоопсихологии или сравнительной психологии, образцы которой содержат работы В.М. Боровского, В.А. Вагнера, Н.Ю. Войтониса, Н.Н. Ладыгиной-Котс, И.П. Павлова, Г.З. Рагинского и др.

Еще один конкретный пример поворота психологии к нуждам практики. Идут интенсивные поиски, обеспечивающие коррекцию нарушений речи, мышления и сознания путем обращения к возможностям психологии. Психолог осуществляет столь необходимую для реабилитации больных точную диагностику их психического состояния, в частности, обеспечивая научно обоснованную профилактику нарушений личностного развития людей, входящих в группу риска. Психология, занимающаяся отклонениями от психической нормы и ее вариантами (Б.Д. Карвасарский, В.В. Кришталь, И.С. Кон, Б.И. Лубовский, В.Н. Шкловский) – нейропсихология, основателем которой был А.Р. Лурия (Ю. Поляков,

Л.С. Цветкова, Е.Д. Хомская, Д.А. Фарбер и др.) и психоневрология – обретают собственное место и собственную проблематику, а тем самым и возрастающий авторитет в сфере медицины, свой предмет и методы его изучения. Необходимо особо выделить богатство этих методических средств и приемов, которые широко используются в тренинговых группах, зачастую приобретающих игровые формы, психологическое консультирование, в обращении к современным методам работы, которые давно уже применялись на Западе (например, нейролингвистическое программирование, транзактный анализ и т. д.), но только в последнее десятилетие включенные в инструментарий, которым овладели российские психологи. Неврозы, отклонения в сексуальной жизни человека, наркомания, алкоголизм, девиантное поведение, «дети с проблемами» – все то, что игнорировалось и табуировалссь в прошедшие годы, вошло в обиход современной психологической науки, и есть основания считать, что внимание и интерес к этому сохранится как господствующая тенденция.

Особенно заметно участие психологов – и, надо ожидать, что оно будет долговременным – в сфере бизнеса. Здесь достаточно упомянуть их включение при изучении возможностей и влияния рекламы на потребителя при осуществлении тех или иных коммерческих операций. Близко к этому стоит изучение имиджа политического деятеля и путей его конструирования, в котором психологи участвуют наряду с социологами и политологами. Всего этого не было еще несколько лет назад и все это прокладывает дорогу для становления психологической практики в ближайшем будущем.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ В ПСИХОЛОГИИ

Глава 7
Принцип детерминизма

Детерминизм – один из главных объяснительных принципов научного познания, требующий объяснять изучаемые феномены закономерным взаимодействием доступных эмпирическому контролю факторов.

Детерминизм выступает, прежде всего, в форме причинности (каузальности) как совокупности обстоятельств, которые предшествуют во времени данному событию и вызывают его.

Наряду с этой формой детерминизма регуляторами работы научной мысли являются и другие: системный детерминизм (зависимость отдельных компонентов системы от свойств целого), детерминизм типа обратной связи (следствие воздействует на вызвавшую его причину), детерминизм статистический (при сходных причинах возникают различные – в известных пределах – эффекты, подчиненные статистической закономерности), целевой детерминизм (предваряющая результат цель определяет процесс ее достижения).

Принцип детерминизма, будучи общенаучным, организует различное построение знания в конкретных науках. Это обусловлено своеобразием их предмета и исторической логикой его разработки. Применительно к психологии в развитии детерминизма, направляющего изучение и объяснение ее явлений, выделяется несколько эпох.

Предмеханический детерминизм

Прежде чем в новое время в качестве образца безупречно причинного объяснения всех явлений мироздания выступила «царица наук» – механика, веками шли поиски различных схем, объясняющих психическую жизнь (она обозначалась термином «душа»).

Первой вехой на этом пути стал гилозоизм. Природа представлялась в виде единого материального целого, наделенного жизнью. Эта древняя картина привлекла некоторых мыслителей XVIII – XIX веков (Дидро, Геккель). Они обратились к ней в противовес «бездушному», механистическому воззрению на

Вселенную (речь идет об естественнонаучном, а не о поэтическом видении природы, для которого она выступала, говоря словами Ф.И. Тютчева, имеющей «душу, свободу и язык»).

Гилозоизм не разделял материю органическую и не органическую, жизнь и психику. Из этой живой праматерии произрастают все явления без вмешательства каких-либо внешних творческих сил. Душа в отличие от древнего анимизма мыслилась неотделимой от круговорота материальных стихий (воздуха, огня, потока атомов), подчиненной общим для всего космоса законам и причинам. Поиск причин рассматривался как высшая ценность.

Демокрит понимал душу как поток самых подвижных и малых атомов огня. Он выдвинул первую причинную теорию ощущений, согласно которой чувственные качества вещей (восприятие цветов, запахов и т.п.) возникают в результате прямого «залетания» различных видов атомов в различные органы чувств.

Вершиной античного детерминизма стало учение Аристотеля. В нем душа была понята как способ организации любых живых тел. Растения также имеют душу (являются одушевленными). Будучи формой тела, душа не может рассматриваться независимо от него. Поэтому отвергались все прежние предположения о том, что причинами деятельности души служат внешние для него факторы, будь то материальные или нематериальные. Аристотель считал бесперспективными попытки воссоздать работу живого тела по образцу работы механического устройства. Такая «бионическая» конструкция была «изобретена» знаменитым Дедалом, который якобы сделал подвижным изваяние Афродиты, влив в него ртуть. Такое механическое подобие поведения организма Аристотель считал столь же неприемлемым для объяснения действий реального живого тела, как и представление Демокрита об атомах души, толкающих в силу своей наибольшей подвижности другие атомы, из которых состоит организм.

Как непригодная оценивается и версия Платона об инертном теле, движимом независимой от него нематериальной душой. Позитивное решение проблемы детерминизма в психологии Аристотель усматривал в том, чтобы, исходя из нераздельности в живом организме материи и формы, признать эту целостность наделенной способностями, которые актуализируются при общении с соответствующими предметами. Активность и предметность отличают одушевленное тело от лишенных этих признаков других материальных тел.

Равным образом, чтобы объяснить способности ощущать и мыслить, следует обратиться к знанию о тех объектах, которые организм благодаря им ассимилирует. Если растение испытывает воздействие материального вещества только потому, что оно его целесообразно распределяет, то тело, способное ощущать, при воздействии материального предмета принимает его образ.

Опора на новую биологию, которая в отличие от гилозоизма открыла своеобразие живого, отделив неорганическое от органического, позволила Аристотелю переосмыслить понятие о причинности.

Поведение живых тел регулируется особой причиной. Аристотель назвал ее «конечной причиной». Под этим имелась в виду целесообразность действий души. Аристотель распространил этот объяснительный принцип на все сущее, утверждая, что «природа ничего не делает напрасно». Такой взгляд получил имя телеологического (от греч. «телос» – цель и «логос» – слово) учения.

Телеологию осудили за несовместимость с наукой, увидев в ней антитезу детерминизму. Подобная оценка соединяла детерминизм с версией, которая отождествляла его с принципом механической причинности. Между тем целесообразность живой природы, теоретически осмысленная Аристотелем, ее неотъемлемый признак. Его открытие, как показала впоследствии история науки, потребовало новых интерпретаций детерминизма, чтобы объяснить специфику как биологических, так и психических форм.

Просчет же его, использованный впоследствии противниками детерминизма, считавшими Аристотеля «отцом витализма», заключался в распространении «конечной причины» на все мироздание.

Впоследствии в силу социально-идеологических причин представления Аристотеля были переведены в религиозный контекст. Постулат о нераздельности души и тела был отвергнут. Душа истолковывалась как самостоятельная первосущность и ей была придана роль регулятора жизнедеятельности. Это означало разрыв с детерминизмом и гегемонию телеологии в ином, чем у Аристотеля, и бесперспективном для науки смысле.

В период краха античного мира возникает ставшее опорой религиозного мировоззрения учение Августина, наделившее душу спонтанной активностью, противопоставленной всему телесному, земному, материальному. Все знание считалось заложенным в душе, которая живет, «движется в Боге». Оно не приобретается, а извлекается из души благодаря направленности воли на реализацию заложенных в душе потенций.

Основанием истинности этого знания служит внутренний опыт. Под этим имелось в виду, что душа обращается к себе, постигая с предельной достоверностью собственную деятельность и ее незримые для внешнего наблюдения продукты (в виде образов, мыслей, ассоциаций).

Психологические задачи Августин развернул в систему аргументов, которая на многие века определила линию интроспекционизма в психологии (единство и самодеятельность души, независимой от тела, но использующей его в качестве орудия, учение об особом внутреннем опыте как непогрешимом средстве познания психики в отличие от опыта внешнего). В теологической психологии Августина индетерминизм как направление, противоположное детерминизму, получил завершенное выражение. Вся последующая история психологии насыщена острой борьбой этих непримиримых направлений. Индетерминизм сочетался с телеологией, но в ином смысле, чем у Аристотеля, который, как отмечалось, мыслил целесообразность как свойство, объективно присущее целостному организму в нераздельности его психических и телесных проявлений.

У философов же идеалистического направления целесообразность объяснялась как активность души в качестве противостоящего телу высшего начала. Опыт, обращенный к внешней природе, и его логический анализ, давшие первые ростки объективного, основанного на принципе детерминизма знания о структуре и механизмах психики, поглощались религиозной догматикой, формировавшей негативное отношение ко всему внешнему и телесному.

Наивысшая достоверность придавалась особому «внутреннему опыту», лишенному рациональных оснований. Дальнейшее развитие научно-психологического знания, регулируемого принципом детерминизма, стало возможным в новых социально-исторических условиях.

Особо следует выделить в качестве одного из вариантов предмеханического детерминизма попытки вернуться к естественнонаучному объяснению психики учеными арабского мира и западноевропейскими учеными в преддверии эпохи Возрождения.

В противовес принятым теологической схоластикой приемам рассмотрения души как особой сущности, для действий которой нет других оснований, кроме воли божьей, начинает возрождаться созвучный детерминизму подход к отдельным психическим проявлениям. Складывается особая форма детерминизма, которую можно условно назвать «оптическим» детерминизмом. Он возник в связи с исследованием зрительных ощущений и восприятий.

В предшествующие века зрение считалось функцией души. Но сперва арабоязычные, а затем западноевропейские натуралисты придали ему новый смысл, благодаря тому, что поставили зрительное восприятие в зависимость от оптики. Она разрабатывалась в классических работах Ибн аль-Хайсама, а затем в XIII веке ею успешно занимались Вители, профессора Оксфордского университета Гроссетест и Роджер Бэкон.

Для объяснения того, как строится изображение в глазу (т.е. психический феномен, возникающий в телесном органе), они использовали законы оптики, сомкнув тем самым психологию с физикой. Сенсорный акт, считавшийся производным от бестелесного агента (души), выступил в виде эффекта, который возникает по объективным, имеющим математическое выражение, законам распространения физического по своей природе светового луча. Движение этого луча в физической среде зависит от ее свойств, а не направляется душой, наделенной заданной целью. Зрение ставилось в зависимость от законов оптики, включаясь тем самым в новый причинный ряд, подчинялось физической необходимости, имеющей математическое выражение.

События же в физическом мире доступны наблюдению, измерению, эмпирическому изучению, как непосредственному, так и применяющему дополнительные средства (орудия эксперимента). Оптика и явилась той областью, где соединились математика и опыт. Тем самым преобразовывалась структура мышления, открывая новые перспективы для детерминизма.

Итак, до XVII века в эволюции психологической мысли можно выделить три

формы предмеханического детерминизма: гилозоистский, биологический и оптический.

Научная революция XVII века создала новую форму детерминизма, а именно механический детерминизм.

В эпоху перехода к мануфактурному производству с изобретением и использованием технических устройств схема их действия стала прообразом причинно-механической интерпретации всего сущего, включая организм и его функции.

Все психологическое наследие античности — учения об ощущениях, движениях, ассоциациях, аффектах — переосмысливается сквозь призму новых предметно-логических конструктов. Их ядром служило объяснение организма как своего рода машины, то есть определенным образом организованной и автоматически действующей системы. Сотворенная человеком машина, опосредствующая связи между ним и природой, выступила в виде модели объяснения и человека, и природы.

Фалес обращался к душе, чтобы понять свойства магнита, Гален – работу сердца. После английского физика Гильберта причастность души к магнетизму представ лялась столь же нелепой, как к течению воды. После другого англичанина, Гарвея, ее причастность к кровообращению – столь же нелепой, как к работе помпы, перекачивающей жидкость. Течение воды естественный феномен, помпа – конструкция, созданная человеком. «Привязка» к конструкции – неотъемлемая особенность механодетерминизма.

Он в свою очередь прошел ряд фаз в своем развитии, в том числе пять главных из них – от середины XVII до середины XIX столетия.

Первая фаза наиболее типично представлена психологическим учением Декарта. Оно отделило душу от тела, преобразовав понятие о душе в понятие о сознании. Но оно же отделило тело от души, объяснив его работу по типу механизма, автоматически производящего определенные эффекты, а именно восприятие, движения, ассоциации и простейшие чувства. Восприятиям (сенсорным феноменам) противопоставлялись врожденные идеи, телесным движениям (рефлексам) – волевые акты, ассоциациям – операции и продукты абстрактного мышления, простейшим эмоциям – интеллектуальные чувства. Эта дуалистическая картина человека расщепляла его надвое (соответственно в декартовой философии две субстанции: непротяженная – духовная и протяженная – телесная).

Применительно к протяженным телам, производящим элементарные психические продукты, утверждалась их безостаточная подчиненность принципу детерминизма. Применительно же к сознательно-волевым актам этот принцип отвергался. Здесь царил индетерминизм.

Если за освобождением тела от души и его моделированием по типу машины стояли преобразования в сфере материального производства, то за

возведением сознания в независимую сущность – утверждение самоценности индивида, опорой бытия которого служит собственная критическая мысль. Поскольку же для последней никаких определяющих ее работу оснований не усматривалось, человек выступал как средоточие двух начал (субстанций), как существо, в объяснении психики и поведении которого детерминизм пересекается с индетерминизмом.

Попытку преодолеть это дуалистическое воззрение предпринял на философском уровне Спиноза в учении об единой субстанции. Применительно же к психологии человека он объяснял его сущность особым аффектом – влечением, считая, что радость увеличивает способность тела к действию, тогда как печаль ее уменьшает. Он, отрицая случайность, как и свободу воли, придал детерминизму характер механического фатализма.

Следующие две фазы механодетерминизма представлены в XVIII веке учениями английских (например, Гартли) и французских (Ламетри, Дидро, Кабанис) материалистов. Их предшественники, утверждая детерминизм применительно к «низшим» психическим функциям, считали высшие функции (разум, волю) имеющими качественно иную сущность. Их формулу можно обозначить как «человек - полумашина». На смену ей приходит формула «человек – машина». Но хотя идея машинообразности сохранялась, представление о «машине» во все большей степени из модели становилось метафорой. Ни «вибраторная» машина Гартли, ни чувствующий и мыслящий «человек – машина» Ламетри не имели никаких аналогов в мире автоматов. Машина органического тела становится носительницей любых психических свойств, – какими только может быть наделен человек.

Гартли мыслил в категориях ньютоновой механики. Что же касается французских сторонников детерминизма, то у них он приобретает новые признаки, знаменуя третью фазу в разработке детерминизма.

Она имела переходный характер, соединяя механодетерминистскую ориентацию с идеей развития, навеянной биологией. Телесная машина становилась (взамен декартовой – гомогенной) иерархически организованной системой, где в ступенчатом ряду выступают психические свойства возрастающей степени сложности, включая самые высшие.

Четвертая фаза механодетерминистской трактовки психики сложилась в атмосфере крупных успехов нервно-мышечной физиологии. Здесь в первой половине прошлого века воцарилось «анатомическое начало». Это означало установку на выяснение зависимости жизненных явлений от строения организма, его морфологии.

В учениях о рефлексе, об органах чувств и о работе головного мозга сложился один и тот же стиль объяснения. За исходное принималась анатомическая обособленность органов.

Эта форма детерминизма породила главные концепции рассматриваемого

периода: о рефлекторной «дуге»; о специфической энергии органов чувств и о локализации функций в коре головного мозга.

Организм расщеплялся на уровень, зависящий от структуры и связи нервов, и уровень бессубстратного сознания.

К картине целостного организма естественнонаучную мысль возвратило открытие закона сохранения и превращения энергии, согласно которому в живом теле не происходит ничего, кроме физико-химических изменений, мыслившихся, однако, не в механических, а в энергетических терминах.

Каково, однако, место психических процессов в этой биоэнергетике?

На этот вопрос последовало два ответа. Поскольку закон сохранения энергии выполняется в органическом мире неукоснительно, сложилась версия, что течение мыслей и других психических процессов подчиняется законам, по которым совершаются физико-химические реакции в нервных клетках. Так появилась пятая форма детерминизма в трактовке, психики – вульгарно-материалистическая.

Тем временем не только успехи научного изучения реакций организма, но и потребности практики (педагогической и медицинской) побуждали искать в ситуации, созданной открытием закона сохранения энергии, иную альтернативу. Ее выразила концепция психофизического параллелизма.

Слабость механодетерминизма побудила научную мысль обратиться к биологии, где в середине прошлого столетия происходили революционные преобразования.

Биологический детерминизм

Понятие об организме существенно изменилось под воздействием двух великих учений – Ч. Дарвина и К. Бернара (1813 – 1878).

Жизни присуща целесообразность, неистребимая устремленность отдельных целостных организмов к самосохранению и выживанию, вопреки разрушающим воздействиям среды. Дарвин и Бернар объяснили эту телеологичность (целесообразность) действием естественных причин. Первый – отбором и сохранением форм, случайно оказавшихся приспособленными к условиям существования. Второй — особым устройством органических тел, позволяющим заблаговременно включать механизмы, способные удержать основные биологические процессы на стабильном уровне (впоследствии Кеннон, соединив бернаровские идеи с дарвиновскими, дал этому явлению специальное имя — гомеостазис). Детерминация будущим, т.е. событиями, которые, еще не наступив, определяют происходящее с организмом в данный момент — такова особенность биологического детерминизма в отличие от механического, не знающего других причин, кроме предшествующих и актуально действующих. При этом, как показал Дарвин, детерминация будущим применительно к поведению индивида

обусловлена историей вида.

С этим была связана радикальная инновация в понимании детерминизма, который отныне означал не «жесткую» однозначную зависимость следствия от причины, а вероятностную детерминацию. Это открывало простор для широкого применения статистических методов. Их внедрение в психологию изменило ее облик. Что касается открытий Бернара, то благодаря им организм понимался как устройство, которое саморегулируется благодаря обратной связи. Сам Бернар ввел этот тип детерминизма в объяснение процессов, которые совершаются внутри организма. Однако вскоре новое понимание детерминизма было распространено и на внешнее поведение.

Эти крупные сдвиги в строе мышления изменяли трактовку психических функций. К этому вынуждала их зависимость от организма. Новая «картина организма» требовала изучить эти функции под новым углом зрения. Вопрос о преобразовании психологии в специальную науку, отличную от философии и физиологии, возник, когда физиологами были открыты с опорой на эксперимент и количественные методы закономерные зависимости между психическими феноменами и вызывающими их внешними раздражителями. Здесь зародилось два главных направления: психофизика и психометрия. Оба направления опирались на свидетельства сознания испытуемых. Сознание, каким оно мыслилось со времени Декарта, и стало считаться истинным предметом психологии. Его отношение к организму в условиях, когда он мыслился как физико-химическая машина, которой правит закон сохранения энергии, неотвратимо представлялось по типу параллелизма. Признать сознание способным взаимодействовать с телом значило бы нарушить этот закон природы.

С параллелизма и ассоцианизма – этих детищ механо-детерминизма – психология и начинала свой путь в качестве суверенной науки (ее официальную декларацию о суверенитете первым сформулировал В. Вундт, соединивший интроспективный взгляд на сознание с психофизическим параллелизмом). Это было несовместимо с новой, успешно развивавшейся под звездой дарвинизма, эволюционной биологией.

Учение об естественном отборе как могучей силе, безжалостно истребляющей все, что не способствует выживанию организма, требовало отказаться от трактовки психики как праздного продукта нервного вещества. На смену вундтовской концепции, названной структурализмом, приходит вскормленный новыми биологическими идеями функционализм. Он сохранил прежнюю версию о сознании. Но предпринял попытку придать ему роль деятельного агента в отношениях между интересами организма и возможностью их реализовать.

Действие, исходящее от субъекта, рассматривалось как инструмент решения проблемы, а не механический ответ на стимул. Но конечной причиной самого телесного действия оставалось все то же, не имеющее оснований ни в чем внешнем, целеустремленное сознание субъекта, на которое возлагалась роль

посредника между организмом и средой.

Функционализм, подобно структурализму, исходил из сознания как если бы оно было самостоятельным живым индивидом. За исходное принимались данные в самонаблюдении феномены, т.е. чрезвычайно поздний продукт исторического развития.

Объективная телеология живого, объясненная с позиций детерминизма понятиями об естественном отборе Дарвина и о гомеостазе Бернара, подменялась изначально присущей сознанию и потому несовместимой с детерминизмом субъективной телеологией. Неудовлетворенность функционализмом вела к его распаду.

В начале XX века его самый яркий лидер Джемс, приехав в Рим на V Международный конгресс психологов, озадачил сообщество вопросом: «Существует ли сознание?» Он уловил дух времени. Прежнее понятие о сознании обвально рушилось, не выдержав испытания принципом детерминизма. Остро назрела потребность в том, чтобы открыть психическую причинность. Причем не в том смысле, который придал ей Вундт с его постулатом о «замкнутом каузальном ряде», согласно которому психическое не может определяться ничем, кроме как психическим же. Истинно психические детерминанты подобны тем, с которыми имеют дело другие науки. Они действуют объективно, стало быть, независимо от сознания, служа уникальными регуляторами взаимоотношений между организмом и средой – природной и социальной.

Основные категории психологического познания (образ, действие, мотив, отношение, личность), складывающиеся веками, изменяли свои «параметры» в различные эпохи в зависимости от смены форм детерминизма. Эти формы складывались исторически, концентрируя достижения научной мысли.

На рубеже XX века было открыто, что реалии, запечатленные в психологических категориях, не только могут быть объяснены действием природных или социальных факторов, но и сами исполнены активного детерминационного влияния на жизнедеятельность организма.

Содержание категорий психологического мышления обрело смысл особых детерминант. Система этих категорий выступила в методологическом плане как форма детерминизма, отличная от всех других его форм. Это был психический детерминизм. С его утверждением никто не мог оспаривать достоинство психологии как самостоятельной науки.

Первые крупные успехи на пути перехода от биологического детерминизма к психическому сопряжены с разработками категорий образа, действия, мотива. Наиболее типично это запечатлело творчество Гельмгольца, Дарвина и Сеченова.

Гельмгольц как физиолог, объясняя ощущения, стоял еще на почве механодетерминизма. Ощущение трактовалось как прямое порождение нервного волокна, которому присуща «специфическая энергия». Однако перейдя от ощущений к сенсорным образам внешних объектов, он внес в понятие о восприятии признаки, соотносившие его с неосознаваемыми действиями

организма (глаза), которые строятся по типу логической операции («бессознательные умозаключения»). Само же ощущение, считал он, соотносится не только с нервным субстратом, но и внешним объектом, находясь с ним в знаковом отношении.

Дарвин, непосредственно занимаясь проблемами психологии, объяснил генезис инстинктивного поведения, а также адаптивную роль внешнего выражения эмоций. Тем самым категория мотива, которая прежде выступала в виде желания или хотения субъекта, либо как заложенная в его психическом механизме интуитивная сила, получала естественнонаучное объяснение.

Сеченов ввел понятие о сигнальной роли чувствований (образов), которые регулируют работу мышц. Будучи наделены чувственными «датчиками», мышцы уж сами несут информацию как об эффекте произведенного действия, так и об его пространственно-временных координатах. Тем самым принцип обратной связи объяснял роль чувственного образа и реального телесного действия в жизненных встречах организма со средой. Таким образом психический детерминизм утверждался как особый вид саморегуляции поведения организма, а не регуляции его актами или функциями сознания как внешних по отношению к нему, не имеющих основания ни в чем, кроме как в самом этом сознании.

Функционализм скомпрометировал себя как чуждая детерминизму концепция. На его обломках возникают школы, стремившиеся покончить с сознанием как верховным, устремленным к цели агентом. Главные среди них – психоанализ, гештальтизм и бихевиоризм. Все они вышли из функциональной психологии (учителем Фрейда был автор психологии акта Брентано, Вертгеймера – функционалист Кюльпе, Уотсона – функционалист Эндхелл).

Психоанализ поставил сознание в зависимость от трансформаций психической энергии. Гештальтизм заменил понятие о сознании как особом причинном агенте понятием о преобразованиях «феноменального поля». Бихевиоризм вычеркнул понятие о сознании из психологического лексикона. В поисках причинного объяснения психических феноменов эти школы (к ним можно присоединить школу Пиаже, учителем которого был функционалист Клапаред) явно или неявно обращаются либо к физическим представлениям об энергии и поле, либо к биологическому принципу гомеостазиса.

В бернаровской концепции принцип гомеостазиса относился только к регуляции процессов во внутренней среде организма. Будучи перенесен на взаимоотношения между организмом и внешней средой, он привел к постулату о том, что смысл этих взаимоотношений определяется задачей на достижение равновесия (а не на активное преодоление организмом сопротивления среды и ее преобразование).

И в бихевиористских моделях (ср. «закон эффекта» у Торндайка, принцип «редукции потребности» у Халла, «подкрепление» у Скиннера), и во фрейдистских представлениях о стремлении психической энергии к разряду, и в теориях поля, соответственно которым психикой движут неравновесные «системы

напряжений», и в учении Пиаже о том, что уравновешивание организма со средой (достигаемое посредством ассимиляции и аккомодации) определяет развитие интеллекта – во всех этих концепциях запечатлен отразивший влияние физики и биологии психический детерминизм. Но если в естествознании понятия об энергии поля, гомеостазисе и др. отображают реальность, то в контексте психологических исканий они приобрели характер метафор. Ведь, когда говорилось об энергии мотива, напряжении поля или стремлении системы к равновесию, под этим вовсе не предполагалось объяснение психического в категориях физики или физиологии.

Психический детерминизм в силу своеобразия факторов, которые специфичны для человеческого уровня жизнедеятельности, укреплялся включением в структуру категорий (как психодетерминант) признаков, почерпнутых в сфере социокультурных процессов. Поэтому развитие психического детерминизма шло по пути разработки таких объяснительных схем, которые формировались в своеобразном «диалоге» между «голосами» естественных наук и социальных.

Фрейд искал источник психических травм в общении ребенка с родителями, Скиннер объяснял вербальное поведение подкреплением речевых реакций со стороны собеседника, Левин ставил «локомоции» отдельного члена группы в зависимость от «социального поля», хотя в этих схемах и протягивались нити от отдельного лица к его человеческому окружению.

Идея о том, что душевным устройством человека правят социальные силы, является очень древней. С возникновением психологии как самостоятельной дисциплины, когда обострилась потребность в том, чтобы перевести общие воззрения о зависимости индивидуального сознания от социальных причин на язык конкретно-научных понятий, определилось несколько подходов.

Групповое действие и сотрудничество вошли в психологию в качестве новых детерминант. Это обогатило психический детерминизм и систему преобразованных им категорий, позволив продвинуться в исследовании основных проблем психологической науки к новым рубежам.

Переходя от механизмов саморегуляции поведения, присущих всем живым существам, к человеку, научная мысль сталкивается с тем, что здесь в действие вступают особые закономерности – социоисторические. Они радикально преобразуют всю систему психодетерминант, а тем самым требуют ввести в аппарат психологического познания новые категории, водораздел между предчеловеческой и человеческой психикой обозначило понятие о сознании. Оно издревле, со времен Плотина и Августина, утвердилось в роли достояния человека, которому Бог даровал способность сосредоточиться на том, что происходит в его собственной душе. Сознание понималось как личный внутренний опыт, позволяющий взамен призрачного знания о тленном, внешнем мире постичь самого себя и высший божественный промысел.

Через чреду столетий Декарт, вслед за Августином, отверг скептицизм,

указав на невозможность сомневаться в существовании самого сомневающегося Я и тем самым его самосознания. Утверждалось, что первая реальность, непосредственно данная сознанию человека — это его собственная личная мысль. Декартов взгляд стал аксиомой, которая прочно держалась в течение двух веков, дойдя до Вундта с его трактовкой сознания как «непосредственного опыта» в качестве особого предмета психологии и его версией о «замкнутой психической причинности». Вопреки этой версии, утверждался психический детерминизм, представленный в таких регуляторах поведения, как образ, действие, мотив.

«Бессознательные умозаключения» как операции по построению образа у Гельмгольца, «темное» мышечное чувство как организатор «предметного мышления» у Сеченова, инстинкт как движущая сила поведения у Дарвина — все эти понятия отражали реальные детерминанты психики, действующие объективно, то есть независимо от сознания. Между тем логика развития детерминистского знания побуждала объяснить своебразие высшего сознательно-волевого уровня активности личности. Уникальные признаки этого уровня отнюдь не фиктивны. Они нередуцируемы к уже освоенным психическим детерминизмом реалиям.

На всем историческом пробеге детерминизм полярен телеологии. Каждый его успех ознаменован ее отступлением. Телеологию (целесообразность) живого детерминистски объяснило учение Дарвина. Телеологию психического образа и действия – учение Гельмгольца, а затем Сеченова. Что же касается телеологии сознания, то здесь она прочно удерживалась в силу самоочевидной способности человека поступать сообразно предваряющей его телесные и умственные акты цели.

Впервые эта способность была объяснена с позиций детерминизма в философии марксизма. Трудовая деятельность, будучи изначально социальной и орудийной, сформировала особую систему общения реализующих ее индивидов. Притом иную систему, чем заданную биологической адаптацией, сообразно которой сложился прежний психический детерминизм. Труд предполагает внутренний план действий, их проектируемый результат в виде знаемой цели и средств ее достижения. Построенный субъектом, этот план становится причиной объективных событий. Идеальное творит материальное. Здесь детерминизм сталкивался с последним опорным пунктом телеологии. Попытки им овладеть шли в нескольких направлениях.

Задача заключалась в том, чтобы, не принимая сознание с его реальными ипостасями (способностью к целеполаганию, рефлексией, рациональным анализом ситуации, выбором оптимальной реакции на нее, предваряющей телесное действие и т.п.) за непосредственно данное, которое, все объясняя, само в причинном объяснении не нуждается, вывести эти ипостаси из объективных, внешних по отношению к индивидуальному сознанию детерминант.

Это привело к новым поворотам в развитии идеологии психического детерминизма. За исходное принимается социальный опыт, общение, объективное

взаимодействие индивидов, эффектом которого становится его субъективная проекция. Такой взгляд стал отправным для новой формы психического детерминизма как механизма преобразования социальных отношений и действий во внутрипсихические.

Первый проект такого механизма наметил Сеченов. Главную преграду на пути объяснения психики с позиций детерминизма он усматривал в противопоставлении непроизвольных действий произвольным, за источник которых принимался в качестве первопричины волевой импульс. Сеченов рассчитывал преодолеть эту преграду, используя генетический метод.

Силы, которые движут ребенком, даны в независимой от его сознания системе отношений.

К этим силам относятся «чужие голоса» – управляющие его действиями команды других лиц. Постепенно эквивалентом «приказывающей матери или няньки» становится образ Я, обладающий собственным голосом. За индивидуальной волей и индивидуальным сознанием скрыта интериоризированная субъектом полифония чужих голосов и команд, т.е. система микросоциальных отношений.

В сходном плане объясняли генезис сознания и воли Жане, Пиаже, Выготский. В поисках детерминант этих высших психических проявлений они обращались к групповому действию и общению.

Позиция Выготского сложилась под влиянием марксизма, указавшего на орудия труда как уникальный фактор того процесса, в котором люди, изменяя природу, сами преобразуются. По аналогии с орудиями труда, направленными на внешние объекты, Выготский предложил ввести понятие о знаках как психологических орудиях. Они опосредуют внимание, память, мышление и другие функции, которые появляются сперва в общении между людьми, а затем становятся внутрипсихическими. С различных сторон в категориальный аппарат психологии внедрялась применительно к детерминистскому объяснению человеческого сознания категория отношения, как бы подтверждая положение Маркса о том, что «мое сознание есть мое отношение к среде», прежде всего к социальной. Наметившийся у Выготского постулат о том, что это отношение опосредовано знаками, придало разработке психического детерминизма новое измерение. Если до него в объяснительных схемах доминировало диадическое отношение: социальное – индивидуальное, то при обращении к знаковым системам оперирование ими (сперва во внешнем, затем во внутреннем диалоге) включало сознание в еще один (вслед за общением) объективный, независимый от сознания круг явлений, а именно в мир культуры.

Существуя на собственных основаниях и исторически изменяясь по собственным законам, он с колыбели определяет психический строй человеческой жизни. Специфика ориентации на культурные ценности, перед которой были бессильны прежние формы психического детерминизма, дала основание утверждать, будто эти ориентации в принципе не подвластны причинному

объяснению и адекватно постижимы лишь телеологической мыслью с ее методами интуитивного прозрения.

Такова была точка зрения В. Дильтея и его последователей. В полемике с ними Выготский обратился к центральному понятию этого направления – понятию о переживании с тем, чтобы придать ему признаки, открывающие перспективу его анализа с позиций детерминизма. Но для этого следовало обогатить психический детерминизм новыми объяснительными возможностями. Концепция переживания приобрела у Выготского «гибридный» характер. Подобно тому, как в значении слова нераздельны мышление (оно представляет психический мир) и речь (социальный, реализуемый в знаковых системах процесс), в переживании нераздельны особенности личности и социальная среда, преломленная сквозь эти особенности. При этом сама среда мыслилась как остросюжетная драма, означающая столкновение, противодействие, конфликт характеров.

Не безличностные внешние обстоятельства, а имеющая свой «сценарий» динамическая система взаимоориентаций и поступков действующих лиц – такова социальная «среда», в которой формируется личность как один из героев этой драмы. Здесь в драматизме общения прорисовывается иной уровень психического детерминизма, чем при «обмене» знаками, передаче информации и т.п.

Итак, психический детерминизм представлен в нескольких формах. Образ, действие и мотив служат детерминантами поведения всех живых существ. Они радикально меняют свой строй с переходом к человеку, социальное бытие которого порождает новый тип организации психической жизни, у которой появляется внутренний план, обозначаемый термином «сознание».

Причинное объяснение этого плана привело к еще одной категории научной психологии — категории отношения (общения, взаимоориентации, взаимодействия индивидов).

И, наконец, переход от диады «социум–индивид» к триаде «социум–культура–личность» обогатил аппарат психологического познания еще одной категорией – категорией личности. Выделяя принцип детерминизма в качестве осевого для этого аппарата, следует иметь в виду, что его обособление от других осей предпринято в аналитических целях. В реальной работе научной мысли детерминизм неотделим от принципов системности и развития.

Глава 8

Принцип системности

Системность – объяснительный принцип научного познания, требующий исследовать явления в их зависимости от внутренне связанного целого, которое они образуют, приобретая благодаря этому присущие целому новые свойства.

За видимой простотой афоризма, гласящего, что «целое больше своих частей», скрыт широкий спектр вопросов, как философских, так и конкретно-научных. Ответы на них побуждают выяснить, по каким критериям и на каких началах из великого множества явлений обособляется особая категория объектов, приобретающих значение и характер системных.

Внутреннее строение этих объектов описывается в таких понятиях, как элемент, связь, структура, функция, организация, управление, саморегуляция, стабильность, развитие, открытость, активность, среда и др.

Идея системности проходит через многовековую историю познания. Словосочетания: «солнечная система» или «нервная система» давно вошли в повседневный язык. От древних представлений о космосе как упорядоченном и гармоничном целом (в отличие от хаоса) до современного триумфа систем типа человек–компьютер и трагедий, порождаемых деградацией экосистем, человеческая мысль следует принципу системности.

Системный подход как методологический регулятив не был «изобретен» философами. Он направлял исследовательскую практику (включая лабораторную, экспериментальную работу) реально, прежде чем был теоретически осмыслен. Сами естествоиспытатели выделяли его в качестве одного из тех рабочих принципов науки, оперируя которым, можно обнаружить новые феномены, прийти к важным открытиям. Так, например, великий американский физиолог нынешнего столетия Уолтер Кеннон считал синонимом системности принцип гомеостаза как динамического постоянства состава и свойств системы, ее стремление к сохранению стабильного состояния вопреки действию факторов, которые его нарушают. Рабочий смысл этого принципа в том, что, руководствуясь им, исследователь в любом компоненте и отправлении системы усматривает одно из приспособлений, решающее главную задачу – удержать ее в равновесном состоянии.

Такой общий взгляд позволяет делать настоящие открытия. Под открытием при этом следует иметь в виду не только частный феномен (например, открытие адреналина как секрета надпочечников или торможения мышечной активности при раздражении определенных нервов или нервных центров). Это скорее предоткрытия, поскольку не выявлена роль установленных фактов в «телесной экономии». Только ответив на вопрос, в чем смысл выброса адреналина или

торможения деятельности мышцы, можно говорить о подлинном открытии. Ответ же способен дать общий системный подход. Он, позволяя объяснить факты, обнаруживаемые на чисто эмпирическом. уровне, имеет и прогностическую ценность, направляя на поиск еще неизвестных регуляторов, незримо действующих в системе с целью обеспечить ее устойчивость.

Из исследований биологического гомеостаза Кеннон вывел «общие принципы организаций», действительные для любых «сложных объединений» (систем в отличие от «не-систем»): дифференциация и интеграция функций «сотрудничающих частей» с целью решения общей для всей системы задачи, согласование внешних и внутренних отношений, саморегуляция, обеспечиваемая своевременным поступлением сигналов об отклонениях от «средней позиции» и принятого курса с последующим включением механизмов, которые восстанавливают стабильность и др.

Принцип системности в образе гомеостаза оказался весьма продуктивным не только в физиологии, но и в других науках: в учении о биоценозах (совокупности живых организмов, населяющих данный участок суши или водоема), генетике, кибернетике, социологии и психологии. Принцип системности не исчерпывается гомеостазом, хотя и служит одним из его важных, эвристически сильных воплощений. Психическая организация — это системный объект, живущий сам по себе, независимо от его познанности. В многовековой эволюции научной мысли возникали различные теоретические конструкты, объясняющие, как эта организация устроена, из каких частей состоит, как они между собой связаны, как сопряженно работают и т.д.

От научной мысли требуется, чтобы это знание было выстроено по определенной логике, чтобы его различные фрагменты складывались в целостную картину, удовлетворяющую принципу системности. Не все концепции выдерживают испытание этим критерием. Чтобы выяснить специфику знаний, адекватных принципу системности, следует сопоставить их с несколькими типами «несистемных» теорий.

Таких типов пять: холизм, элементаризм, эклектизм, редукционизм, внешний методологизм.

Холизм

Холизм (от грач. «холос» – целый, весь) абсолютизирует фактор целостности, принимая ее как первичное, ни из чего не выводимое начало. В психологии подобное начало выступало в представлениях о душе, сознании, личности.

Сознание или личность действительно являются целостностями, но системными. Поэтому их изучение предполагает специальный анализ обозначаемой этими терминами области явлений, ее многомерного строения,

уровней ее организации, отношений с природной и социальной средой, механизмов сохранений целостности и т.д. Только тогда открывается перспектива построения теории, воспроизводящей свойства и функции сознания и личности как системных объектов.

Таким путем и развивалось научное знание, разрушая версии о глобальных психических первоначалах (душа, Я и др.), которые, все объясняя, утверждались в ранге сущностей, которые сами в объяснении не нуждаются.

Элементаризм

Система строится из элементов; взаимодействуя между собой, они приобретают новое качество как части целого и утрачивают его, выпадая из этого целого. Подобно тому, как холизм абсолютизируют целостность, усматривая ее основания и действующие причины в ней самой, элементаризм оставляет без внимания интегральность системы, полагая каждый из ее компонентов самодостаточной величиной. Ее связи с другими такими же величинами мыслятся по типу соединения, входя в которое они существенных преобразований не испытывают. В психологии подобный стиль мышления, ориентированный на физический, точнее механический, способ объяснения природы, согласно которому она сводится к взаимодействию неделимых частиц, привел к попыткам найти неделимые элементы в запутанной «материи» сознания.

В концепциях, ориентированных на сенсуализм (от лат. «сенсус»» – чувство, ощущение), за первоэлементы психической жизни, из которых складывается все ее многообразие, принимались ощущения и простейшие чувствования.

В период становления психологии как отдельной научной дисциплины ее строители предложили программу выявления с помощью эксперимента сенсорных «атомов», из которых выстраивается структура сознания. Это направление (представленное в работах Вундта, Титченера, Маха и др.) известно под именем структурализма.

В различных ответвлениях элементаризма вычленялись другие психические «атомы» – акты, функции, реакции. Неудовлетворенность этими вариантами породила дискуссии, стимулировавшие разработку концепций, либо вообще отвергавших структурную организацию душевной жизни (образ «потока сознания» у Джемса), либо предлагавших начинать ее изучение с первичных целостностей (например, «гештальтов» в гештальт-психологии).

Эклектизм

Другим антиподом системности является эклектизм как соединение разнородных, лишенных внутренней связи, порой несовместимых друг с другом

идей и положений, подмена одних логических оснований другими. Так, приступив к разработке своей теории физиологической психологии, Вундт исходил из того, что первичным материалом сознания служат сенсорные образы, соединяемые посредством ассоциаций. Но затем, видя ограниченность этой схемы, он ввел в качестве «верховного» организатора процессов сознания особую волевую силу — апперцепцию. Несовместимость этих двух способов объяснения очевидна, Джемс жаловался, что создание Вундта напоминает ему червяка, которого можно разрезать на части и каждая из них будет ползать сама по себе.

Знания об организме, индивиде, личности, обществе собираются на различных участках неравномерно движущегося фронта научных исследований. На каждом участке – свои результаты прорывов в непознанное, свой язык. Вместе с тем возникает реальная потребность в том, чтобы собрать воедино известное о различных параметрах объектов, являющихся целостностями. Очевидно, что такой, например, объект, как человек, является целостностью.

Потребность объяснить эту целостность, при скудости методологических средств, порождает эклектические комбинации. Такова, например, рефлексология В.М. Бехтерева. Ее традиции определили когнитивный стиль его учеников и учеников этих учеников в психологии. Их эклектизм прикрывал проспект комплексного изучения человека как многофакторной и развивающейся системы.

Редукционизм

Еще одной установкой, противостоящей принципу системности в психологии, является редукционизм (от лат. «редукцио» – отодвигание назад), который сводил либо целое к частям, либо сложные явления к простым. Сведение, например, целостного сложного поведения к более простому отношению «стимул – реакция» или к условному рефлексу препятствует системному объяснению этой целостности. Опасность несовместимой с принципом системности редукдионистской установки особенно велика в психологии в силу своеобразия ее явлений, «пограничных» по отношению к биологическим и социальным.

Предпринимались попытки свести, например, такую умственную операцию, как обобщение, к генерализации нервного процесса в коре больших полушарий (физиологический редукционизм) или свести личность к совокупности общественных отношений (социологический редукционизм), а познавательную активность описать как прием и переработку информации (кибернетический редукционизм).

Обращение к физиологии, социологии, кибернетике обогатило аппарат собственных психологических понятий благодаря преимуществам междисциплинарных контактов, которые, однако, эффективны лишь тогда, когда они не ведут к «истреблению» этих понятий.

Организм – это биологическая система, общество – социальная. С ними

взаимосвязана психологическая система, имеющая свой строй и закономерности преобразования. С целью отграничить ее от других систем Н.Н. Ланге в свое время предложил назвать ее психосферой. «Общение» систем продуктивно только в «диалоге», где каждая говорит собственным, а не чужим голосом.

Внешний методологизм

Л.С. Выготский писал, что «есть два типа научных систем по отношению к методологическому хребту, поддерживающему их.

Методология всегда подобна костяку, скелету в организме животного. Простейшие животные, как улитка и черепаха, носят свой скелет снаружи и их, как устриц, можно отделить от костяка, они остаются малодифференцированной мякотью; высшие животные носят скелет внутри и делают его внутренней опорой, костью каждого своего движения»[38]. Высшая методология управляет работой каждого элемента «организма» науки, каждым движением мысли по добыванию и объяснению фактов. Вместе с тем имеются методологии, которые выполняют не рабочую, а защитную функцию (подобную той, которую в приведенной метафоре играет панцирь черепахи).

Таковой по отношению к российской психологии советского периода служила философия диалектического материализма. Она являлась, притом порой апеллируя к принципу системности, методологическим прикрытием процесса производства знаний, который шел своим ходом без реального конструктивного участия в нем закостенелого, чрезвычайно прочного внешнего прикрытия, неспособного управлять внутринаучным поиском. Лишившись этого прикрытия, советская психология оказалась (если следовать избранной метафоре) «малодифференцированной мякотью», массой представлений и фактов, не имеющей истинно системной организации.

Рассмотрев несколько типов несистемных воззрений, обратимся к концепциям, которые, реализуя принцип системности, обусловили прогресс психологического познания. Они возникали на историческом пути психологии в полемике с «несистемными» представлениями.

Первым в истории научной мысли, в том числе психологической, принцип системности утвердил Аристотель. Как уже отмечалось, он прошел школу Платона, который представлял душу внешней по отношению к телу сущностью, распадающейся на части, каждая из которых находится в одном из органов тела (разум в голове, мужество – в груди, вожделение – в печени). В то же время Платон отстаивал положение о том, что в мире царит целесообразность. Вещи природы стремятся подражать нетленным идеям. К этим идеям в тоске тянутся несовершенные человеческие представления.

В учении Платона роль цели была мифологизирована. Но эта роль не

---

[38] *Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 1. С. 352.*

является фиктивной. Сознание человека изначально ориентировано на цели. Это свойство Платон придал всей действительности, где, по его убеждению, властвуют не причины, как полагали прежние философы, а цели. Обращение к категории цели подготовило разработку Аристотелем принципа системности. Вместе с тем Аристотель учился не только по «устным текстам» Платона, но и по книгам ненавистного Платону Демокрита, считавшего, что главное в познании – это поиск причинных объяснений. Но ни телеология Платона, ни причинность Демокрита не позволяли трактовать организм как систему. Оба философа представляли душу внешней по отношению к организму сущ ностью.

Для Демокрита душа – это легкие и шарообразные атомы огня, одна из разновидностей вещества среди других. Физический закон рассеяния применим и к телу и к душе, которая ведь также является телесной. Поэтому Демокрит отверг бессмертие души. В мировоззренческом плане эта идея подрывала религиозно-мифологические представления. Но в плане естественнонаучном она служила барьером к объяснению реальных системных особенностей живого организма. Этот барьер перешагнул Аристотель. Он не смог бы выстроить свою теорию, не будь предшествующей «дуэли» между Платоном и Демокритом. Она сделала очевидным, что нельзя объяснить организм как систему, исходя из прежних воззрений на душу и тело, на причину и цель. Учтя опыт этой «дуэли» и обобщив достижения античной науки, Аристотель разработал системную концепцию.

Она предполагала, что живое тело имеет физический состав (содержит те же элементы, из которых состоит неорганическая природа), но в ней действие этих элементов совершается в определенных границах и по особым внутренним принципам, положенным его организацией как целым, от которого зависит взаимодействие частей. Тело прекращает свое существование не из-за исчезновения одного из элементов (атомов огня, как учил Демокрит), но по причине распада его системной организации. Это организованное целое и есть, согласно Аристотелю, душа как «форма естественного тела, потенциально одаренного жизнью».

Следует подчеркнуть, что основанием утвержденного Аристотелем принципа системности применительно к психике служило переосмысление широкой «сетки» все общих категорий познания (часть – целое, средство – цель, возможность – действительность, структура – функция, содержание – форма, внутреннее – внешнее). Они являются философскими, методологическими, но от них зависит реализация принципа системности в конкретных науках, в том числе – психологии.

Формула Аристотеля, согласно которой душа – это операция, деятельность, функция тела, но не самостоятельное тело среди других, была в последующие века истолкована его интерпретаторами с акцентом на аристотелевском выводе о том, что «душа не является телом». Между тем единственный смысл этого тезиса

заключался в том, что душа, хотя и не может существовать без тела, но не идентична ни отдельным образующим тело вещественным элементам, ни их смешению.

Категория организма складывалась в аристотелевском мышлении под воздействием потребности охватить в целостной схеме как предчеловеческие, так и человеческие формы. Но именно последние представляли собой камень преткновения: поведение человека регулируется качественно иным образом, чем поведение животного. Это побудило Аристотеля ввести такую детерминанту, как «продукты» сверхиндивидуального разума (нуса), исходящие из нематериальной сферы, но оказывающие воздействие на ход телесных процессов.

Эти «продукты» суть нечто «внешнее» по отношению к органическому телу, которому, по Аристотелю, присущ и свой внутренний двигатель. Когда из желудя вырастает дуб, из одной зародышевой клетки – человек, из другой – слон, то объяснить различие в этих процессах развития только усвоением внешнего питательного материала невозможно.

До понятия о генетической программе оставалось два с лишним тысячелетия, но принцип направленной реализации (энергейя) присущего организму потенциала (динамис) четко сформулирован и выражен в понятии об энтелехии как цели, которая «движет изнутри». Именно этот термин стал трактоваться как главный показатель виталистического стиля биологии Аристотеля.

Следует, однако, различать две ипостаси в аристотелевой «энтелехии», отражающие его общий подход к организму. Уже отмечалось его стремление постичь организм как целое, включающее все живое — растительное, животное, человеческое. Отсюда возникала и опасность редукции «сверху вниз» — распространения на элементарное тех способов поведения, которые присущи высшему и сложному. Так произошло и с «энтелехией». В этом термине соединились два значения: «программно-генетическое», указывающее на направленность биологического развития, и «мотивационно-целеобразовательное», характерное только для человека. Примером второго (пример Аристотеля) служит творчество скульптора, преобразующего кусок мрамора соответственно замыслу, который движет телесными действиями этого скульптора. Различий между реализацией генетической программы и программы социальной Аристотель не проводил. Обе объединялись термином «энтелехия». И поскольку целенаправленность человеческого поведения известна каждому из его сознательного опыта, а о генетической «развертке» организма никакого позитивного знания не было, телеология живого представлялась по образу и подобию разумного целеполагания. Это и стало опорой последующего витализма.

Воспроизводя своеобразие биологических объектов, Аристотель трактует организм как систему. Она целостна, устойчива, активна, целеустремленна. В отличие от постоянно подверженных «энтропии» (сравни демокритово

«рассеяние» атомов) физических объектов система организма стремится сохранить свою организацию. Будучи неотделима от внешнего, она активно противостоит ему и «поглощает» его порциями в соответствии с присущим ей устройством. В этом мы видим зачатки концепции гомеостаза, согласно которой организм удерживает свои процессы на стабильном уровне вопреки возмущающим внешним воздействиям.

Вместе с тем устойчивость живого сопряжена с его изменением, развитием, движущую силу которого Аристотель усматривал в самом телесном субстрате, в стремлении организма к «потребному будущему», к переформированной цели, заранее определяющей ход текущих событий. Учение Аристотеля запечатлело первую фазу научного понимания системности, гомеостаза и активности организма, ставшую исходной для последующих исканий и решений.

После Аристотеля достигнутый им синтез был утрачен. Его место на столетия заняли два подхода: либо дуалистический (сопряженный с религиозным мировоззрением), разъявший душу и тело, либо редукционистский, который, возвращая к доаристотелевским взглядам, рассматривал душу (психику) как разновидность материи, вещества.

В XVII веке с появлением новой картины мира, покончившей с прежними аристотелевскими «формами» и «сущностями», представившей все зримое мироздание движущимся по законам механики, зарождается новый тип системного объяснения организма и его психических проявлений – восприятия, памяти, аффекта, движения. Образцом такого объяснения стала модель Декарта, в которой организм был представлен как машинообразно работающее устройство.

Подобно тому как Аристотель развивал системные идеи в противовес «несистемным» атомистическим воззрениям Демокрита, Декарт, разрабатывая свою системную модель, ограничил объяснение ее действий от «несистемного», хотя и строго причинного объяснения хода вещей в неорганическом мире. В отличие от христианского мировоззрения создавалась новая картина природы, любой объект которой, включая человеческое тело, рисовался движущимся по непреложным законам механики.

Если для Аристотеля примером целесообразного действия служила работа скульптора, воплощающего свой замысел в куске мрамора, то для Декарта – работа техника, создающего машину, способную затем действовать независимо от этого техника в автоматическом режиме, соответственно присущей ей «диспозиции органов».

Разные социально-исторические эпохи сформировали различные основания для системного стиля мышления. Этот стиль и определил характер объяснения психических форм жизни. В творчестве Декарта он привел к открытию рефлекторной природы поведения, что стало эпохальным событием как для физиологии, так и для психологии.

Конкретные представления Декарта о механизме рефлекса являлись фантастическими. Но принципиальная схема этого механизма стала на два века

основополагающей для нескольких поколений исследователей головного мозга и его функций, в том числе психических.

Согласно Декарту природа и сознание – это два предельных основания бытия, две субстанции, которые «пересекаются» в человеческом организме в «шишковидной железе» (имелся в виду эпифиз). Если ограничиться этой версией Декарта (породившей концепцию так называемого психофизического взаимодействия), останутся невыясненными два его важнейших нововведения. Они содержались в его теории организма, которая отделяла от субстанции материи особый круг явлений, механика которых в виде «трубок и пружин» качественно отличалась от механического движения любых других природных объектов. От мыслящей же субстанции эта теория отделяла другой круг явлений, качественно отличных от «чистых» мыслей, поскольку эти явления (Декарт обозначил их словом «страсти», т.е. страдательные состояния души) порождаются «машиной тела».

Один круг накладывался на другой. Тем самым системная трактовка организма позволяла системно представить также и элементарные психические функции без обращения к душе как их организатору и регулятору.

Эти глубинные радикальные сдвиги в самом способе изображения отношений между телесным и психическим, реализующие принцип системности, оставались в тени, поскольку в философском манифесте Декарта декларировалась изначальная гетерогенность протяженной материи и непротяженного сознания. На этом манифесте и сосредоточились оценки его антиаристотелевского поворота, приведшего к идее о психофизическом взаимодействии (тогда как согласно Аристотелю между душой и телом не может быть взаимдодействия, ибо душа не отдельная сущность, а форма тела, способ его организации).

В противовес традиционной оценке Декарта как родоначальника бескомпромиссно дуалистического направления мысли в психологии нового времени следует подчеркнуть, что именно Декартом в эту эпоху была предпринята попытка сомкнуть психическое и физическое, исходя из принципа системности. Этим не отрицается дуализм декартовой философии. Но он выступал на другом уровне, а именно, когда речь шла о сознании как непосредственном знании субъекта о своих личных мыслях и хотениях.

Душа – согласно Декарту – имеет двойную детерминацию: наряду с активными, деятельными состояниями у нее имеются «страдательные» (страсти или аффекты), которые порождаются воздействием внешних физических причин на телесную (физическую) организацию. «Страстями можно вообще назвать все виды восприятии или знаний, встречающихся у нас, потому что часто не сама душа наша делает их такими, какими они являются, а получает их всегда от вещей, представляемых ими».

Мысля природу как протяженную, бесконечно делимую материю, вихреобразно движущуюся вокруг Солнца по физико-математическим законам, Декарт ориентировался на другой объяснительный принцип, когда речь шла о

«живой машине».

В определенном смысле Декарт столкнулся с той же трудностью, что и Аристотель, знакомый с причинным объяснением взаимодействия элементов природы, предложенным Демокритом. Для изучения живых систем с присущими им целостностью, упорядоченностью, организацией, целесообразностью и др. атомистическая гипотеза была непригодна. Столь же непригодной в этом плане являлась и картезианская концепция о вихреобразном движении материальных частиц. С ее помощью анатомо-физиологическое знание не могло быть продвинуто ни на йоту. Вместе с тем отказаться от указанной концепции значило бы разъять природу на лишенные внутренней связи сферы. Выход, найденный Декартом, состоял в том, чтобы «загнать» движущиеся по собственным законам физические «вихри» (в виде огнеподобных частиц, названных «животными духами») в телесную конструкцию, которая, в свою очередь, работает на собственных, иных, чем в «чистой» физике, началах.

Тем самым разграничивались две категории материальных тел и намечалась перспектива объяснения процессов в организме (в том числе психических процессов), исходя из постулата об их подчиненности объективным (стало быть, независимым от сознания) принципам системной организации.

Указанное разграничение двух категорий тел позволяло объяснять жизненные явления материальными причинами, не впадая в «грех» редукционизма (сводящего эти явления к физико-химическим). Как заметил М. Полани, «это может показаться невероятным, но это факт, что в течение трехсот лет писатели, которые оспаривали возможность объяснить жизнь, исходя из физики и химии, оперировали в качестве аргумента тем, что живые тела не ведут себя машинообразно, вместо того, чтобы указать, что само по себе наличие у живых существ машинообразных функций доказывает, что жизнь не может быть объяснена в терминах физики и химии».

Машинообразность в данном контексте — синоним системности.

Модель «организма-машины» с новых позиций объясняла ряд свойств живого тела: системность (машина – это устройство, имеющее структуру, которая предполагает согласованное взаимодействие образующих ее компонентов, необходимых и достаточных для успешного функционирования), целостность (ответная реакция на раздражитель производится всей «машиной тела»), целесообразность (в машине она предусмотрена конструктором, в «живой машине» выражена в полезной службе на благо целого). Однако такие решающие признаки поведения организма, как его активность, изменчивость с целью адаптации к новым обстоятельствам, его развитие, чужды миру механических систем (автоматов).

Научная мысль стала осваивать эти признаки с разработкой новых воззрений на системность в XIX веке. Первая половина этого века ознаменовалась крупными успехами в изучении строения и функций нервной системы. Важнейшим открытием явилось установление различий между сенсорными

(чувствительными) и моторными (двигательными) нервами, переход возбуждения первых (посредством центров спинного мозга) в ответную реакцию вторых. Переход был истолкован как отражение, и потому, соответственно латинскому обозначению этого феномена, назван рефлексом. Он был наглядно представлен в образе рефлекторной дуги, имеющей «два плеча». Казалось, умозрительные прозрения Декарта, касающиеся механизма мышечных действий, вызванных отражением мозгом внешних толчков, воспринимаемых органами чувств, получили надежное подтверждение в опытах физиологов и врачей.

Между тем их скальпелем, рассекающим различные части нервной системы, руководило такое воззрение на изучаемый объект, которое ориентировалась на «анатомическое начало». Оно предполагало, что каждая функция организма имеет отличный от других анатомический субстрат. Определенный круг реакций объяснялся тем, что внешний импульс запускает в ход нервный механизм, который приводит в движение мышцу.

Эта теория рефлекса была с энтузиазмом встречена в медицинских кругах. Она открывала новые перспективы в диагностике нервных болезней.

Вскоре обнаружилась ее уязвимость в нескольких отношениях. Рефлекс считался автоматической реакцией, осуществляемой спинным мозгом, тогда как головной мозг наделялся спонтанно действующей «по ту сторону» рефлекторного механизма психикой (сознанием и волей).

Дуалистическая картина нервной деятельности получала в этой анатомической схеме предельно четкое выражение. Сама эта деятельность мыслилась как «пучок» независимых друг от друга рефлекторных дуг, т. е. лишалась системного объяснения. Слабость концепции рефлекторной дуги обнажила также ее неспособность объяснить адаптивный характер поведения даже на уровне обезглавленной амфибии с сохраненным спинным мозгом. Так, обезглавленная лягушка изменяла свое поведение в зависимости от внешних условий, в которые ее помещал экспериментатор (ползала, плавала и т. п.), т.е. не являлась рефлекторным автоматом. Эта способность организма различать условия и регулировать соответственно им свои ответные действия требовала пересмотреть прежнюю «несистемную» схему рефлекторной дуги. В физиологии намечаются новые подходы к соотношению спинного и головного мозга, рефлекса и психики. В середине прошлого века в биологических науках назревал крутой поворот.

Коренным образом меняется весь строй представлений об организме, его эволюции, его саморегуляции и взаимоотношениях с внешней средой. Складывается новый системный стиль мышления, в утверждении которого выдающуюся роль сыграли четыре естествоиспытателя: Дарвин, Бернар, Гельмгольц и Сеченов.

В физиологии новые учения сложились в противовес двум направлениям: уже названной ориентации на «анатомическое начало» и физико-химической школе. Оба направления внесли важный вклад в становление научных знаний об

организме. Опора на анатомию позволила выяснить зависимость функций от субстрата. Что касается физико-химической школы, то она возникла в атмосфере энтузиазма, вызванного открытием закона сохранения и превращения энергии. В силу этого закона организм включался в общий круговорот физико-химических веществ и процессов в природе.

Это нанесло сокрушительный удар по витализму, считавшему живое тело управляемым сверхприродными агентами. Но трактовка организма как энергетической машины столь же мало была способна объяснить системную сущность жизни, как и опора на его анатомическое устройство.

Ни одно, ни другое направление не могли объяснить специфики биологического типа поведения организма. Одно из них (ориентированное на «анатомическое начало») отъединяло организм от среды, считая, что все условия для жизнедеятельности скрыты в нем самом. Другое – отождествляло организм со средой, доказывая, что их объединяет подчиненность одним и тем же физико-химическим законам.

Новую эпоху в биологии и психологии открыл переход к особой системе, интегрирующей организм и среду, трактующей их взаимоотношение как целостность, но целостность, отличную от физико-химической, энергетической, молекулярной.

У Дарвина принцип определяющей роли среды сочетался с идеей борьбы живых существ за выживание в этой среде. Пафос физико-химического направления состоял в том, чтобы отождествить процессы в неорганической и органической природе, подвести их под один закон и сделать организм объектом точного знания. По-новому интерпретируя отношение «организм – среда», дарвиновская концепция акцентировала активность организма, побуждая снять знак равенства между двумя членами отношения.

Обычно главное достижение Дарвина усматривается в том, что он объяснил реальную целесообразность живого, дававшую повод наделять организм изначально заложенной в нем целью, слепым механизмом естественного отбора. Но этим, как и внедрением принципа развития, объяснительный потенциал дарвиновского учения не ограничивался. Идея борьбы организма за выживание в среде стимулировала рождение и развитие концепции о двух средах: внешней, к которой приспосабливается организм, и внутренней, присущей ему самому, отстаиваемой им в борьбе за существование. Сам Дарвин этой концепции не выдвигал, однако подготавливал ее своим учением.

У истоков новой модели организма стоял Бернар, согласно которому организм имеет две среды: внешнюю, физическую среду и внутреннюю, в которой существуют все живые элементы органического тела.

Внутренняя среда состоит из плазмы и лимфы (в дальнейшем к этому была присоединена тканевая жидкость). Бернар впервые поставил вопрос о постоянстве внутренней среды и механизмах его удерживающих.

Генеральная идея состояла в том, что именно благодаря постоянству

внутренней среды организм приобретает независимость от внешних превратностей. На сохранение констант этой среды (кислород, сахар, соли и т.д.) работает множество витальных механизмов.

О том, каковы эти механизмы, Бернар еще ничего сказать не мог, но общая идея являлась чрезвычайно перспективной, приведя к учению о гомеостазе (равновесном состоянии, обеспечиваемом посредством саморегуляции), ставшем, как сказано выше, синонимом системности.

И вновь, как и в прежние эпохи (во времена Аристотеля и Декарта), идея системности утверждалась в противовес несистемным представлениям о природе как великом круговороте бесчисленного множества физических частиц. Изъять живое тело из этого круговорота значило бы вырвать его из единой цепи бытия.

Такая версия устраивала витализм, концепция которого об особой «жизненной силе» являлась столь же несовместимой с принципом системности, как и концепция, которая, сводя мироздание к превращениям энергии, оставалась безразличной к организации живых систем.

Бернар считал эти системы, построенными из общих для всей природы физико-химических элементов, но образующих в отличие от их взаимодействия вне организма особую внутреннюю среду, удерживаемую в своем постоянстве благодаря факторам, которые неорганической природе неведомы.

Утвердив системное отношение «организм – среда», Дарвин и Бернар создали новую проблемную ситуацию в психофизиологии органов чувств. Ведь именно посредством этих органов реализуется указанное отношение на уровне поведения организма. При первых попытках их экспериментального изучения физиологи, как и при анализе рефлексов, следовали «анатомическому началу» с присущим ему элементаризмом.

Шли поиски прямой зависимости ощущений от нервных волокон. На этом пути были достигнуты некоторые успехи. Появилась, в частности, теория цветного зрения Гельмгольца. Однако тот же Гельмгольц, перейдя в своей «Физиологической оптике» от отдельных ощущений к объяснению того, как возникают целостные образы внешних объектов, решительно изменил свой подход к этим психическим феноменам. Он выдвинул получившую экспериментальное подтверждение гипотезу о том, что целостный психический образ строится целостным сенсомоторным механизмом, благодаря операциям, сходным, как уже отмечалось, с логическими («бессознательным умозаключениям»).

Это был выдающийся шаг на пути утверждения принципа системности в психологии.

Следующий шаг принадлежал Сеченову. Он перевел понятие о бессознательных умозаключениях на язык рефлекторной теории. За этим стояло радикальное преобразование понятия о рефлексе. Взамен отдельных рефлекторных дуг вводилась теория нейрорегуляции поведения целостного организма. Эта теория вводила ряд принципиально новых факторов. Мышечное

действие, в котором было принято видеть вызванный внешним импульсом завершающий фрагмент отдельной рефлекторной дуги, отныне решительно меняло свой облик, притом по нескольким параметрам.

Прежде всего следует отметить, что исходным моментом всего акта (иначе говоря, его детерминантой) выступал не сам по себе внешний физический раздражитель, но раздражитель, выполняющий функцию сигнала, стало быть, имеющий двойную обращенность и к организму, и к внешней среде. В качестве сигнала он служил различению свойств этой среды, ориентации в ней или, говоря современным языком, – информации о ней. Поэтому Сеченов говорил о раздражителе, провоцирующем рефлекс, как своего рода гибриде, сочетающем принадлежность к физическому миру с особой функцией, которую традиция приписала сознанию, а именно – быть носителем чувствования как сигнала событий в среде.

При этом не только известные пять органов чувств, но и мышца, как таковая, является «чувствующим сна рядом» – датчиком сведений о пространственно-временных координатах, в пределах которых выполняется движение. Эти сведения поступают обратно в нервные центры, сигнализируя о выполнении программы поведения. Отсюда одна из кардинальных сеченовских идей: идея кольцевого управления движением, перечеркиваюшая схему рефлекторной дуги, оборванной на сокращении мышцы.

Наконец, взамен отдельных, разрозненных дуг, поведение выступало в виде целостного, координируемого нервными центрами процесса. Особую роль в этом процессе Сеченов придал открытому им центральному торможению.

«Легко понять в самом деле, что без существования тормозов в теле и, с другой стороны, без возможности приходить этим тормозам в деятельность путем возбуждения чувствующих снарядов (единственно возможных регуляторов движения), было бы невозможно выполнение плана той «самоподвижности», которою обладают в столь высокой степени животные».

Самоподвижность (Сеченов берет этот термин в кавычки) и есть не что иное, как активная саморегуляция поведения. Мысль о ее невозможности без включения тормозных устройств в мозгу, притом «запускаемых» не из глубин организма, а с сенсорной периферии (стало быть, под действием импульсов, идущих из внешней среды), решительно изменяла общую картину работы нервной системы.

Прежняя физиология объясняла рефлекторные акты (как компонент этой работы) тем, что в них задействован один нервный процесс – возбуждение. После сеченовского открытия возбуждение оказалось сопряженным с неведомым прежней нейрофизиологии мозга торможением. Только их динамика, интеграция (или, как говорил И.П. Павлов, баланс) позволяли понять сложную организацию целостного нервно-мышечного акта, имеющую биологические основания. Прежняя, досеченовская трактовка этого акта представляла его в категориях механики: внешний стимул, играющий роль «спускового крючка», приводит в

действие «сцепление» звеньев рефлекторной дуги.

«Самоподвижность» организма, отличающая его от технических устройств, при таком взгляде объяснению не подлежала. (И потому относилась за счет особых витальных сил.)

Задача же, решенная Сеченовым, позволяла, оставаясь в пределах естественнонаучной схемы, найти в самой нервной системе субстрат, вынуждающий ее не только производить ответную реакцию, но и задерживать ее (вопреки силовому давлению извне). Причем требовалось отнести включение тормозного субстрата в работу управляющих живым телом нервов за счет тех же причин, которые приводят это тело в движение. Никаких других причин, кроме внешних влияний, натуралист, не признающий витализм, принять не мог.

Поэтому Сеченов специально подчеркивал, что единственно возможными регуляторами не только движения, но и его задержки служит «возбуждение чувствующих снарядов». Стало быть, и в этом случае первопричину действия следует искать в контактах организма с внешней средой, в сфере импульсов с периферии. Особо следует отметить, что речь шла именно о чувствовании. Тем самым в объяснение системной саморегуляции вводилось интегральное понятие, которое являлось столь же физиологическим, сколь и психологическим.

Нервная система наделялась способностью не только проводить возбуждение, но также передавать по центростремительному «приводу» импульсы, несущие (в форме чувствования) сведения о внешнем источнике. Эти сведения вынуждают организм действовать. Но они все вынуждают его задержать действие. Именно это обеспечивало системный подход к нервным явлениям в противовес двум доминировавшим в ту эпоху в их трактовке подходам: анатомическому и молекулярному (физико-химическому).

Главную задачу Сеченов усматривал в том, чтобы «изучать не форму, а деятельность, не топографическую обособленность органов, а сочетание центральных процессов в естественные группы». Такое сочетание не ограничивалось «центральными процессами». Оно являло собой компонент более общей системы, включающей совместно с центрами сенсорные и двигательные «снаряды».

Три учения, каждое из которых разрабатывалась прежде по собственному (не связанному с другими исследовательскими направлениями) плану — об органах чувств, о головном мозге и о рефлексах — пересеклись в концепции Сеченова в целостную «единицу». Стержнем концепции служил преобразованный рефлекторный принцип. Главное преобразование заключалось в том, что взамен образа «дуги» утверждался образ «кольца».

Идею кольцевой регуляции давно (еще в начале XIX века) высказывали исследователи органов чувств (одним из первых – английский психофизиолог Ч. Белл). Изучая процесс построения зрительного (пространственного) образа, он открыл зависимость этого образа от деятельности глазных мышц. Выдвинутая Беллом гипотеза о «нервном круге», соединяющем мозг с приданной глазу

мышцей, а саму эту мышцу вновь с мозгом, была замечательной догадкой о саморегуляции чувственного познания. Она впервые вводила идею кольцевой связи между сенсорными и мышечными процессами. Имелось в виду влияние двигательной реакции на сенсорную, а последней, посредством мозга, на деятельность глазных мышц.

Близким по смыслу являлось учение Гельмгольца о «бессознательных умозаключениях» – операциях, производимых не умом, а мышцами зрительного аппарата, от деятельности которых зависит, в частности, константность зрительного образа. Здесь также психологический эффект достигался благодаря сенсомоторному «кругу», который, конечно, не мог бы возникнуть без такого посредника как нервные центры. (Хотя их роль в построении психического образа для физиологов тех времен выступала только в качестве непременного звена внутреннего механизма, о деятельности которого еще ничего не было известно.)

Совершенно уникальным в сеченовской концепции «кольцевого управления поведением» являлось положение о характере информации, которую мышцы посылают в головной мозг, откуда идут «обратно» команды на периферию организма к этим же самым мышцам. Вопрос, касающийся оснащенности мышц сенсорными (чувствующими) нервами, уже давно был решен положительно.

Это означало, что мышцы являются органом не только движения, но и ощущения, хотя бы и неосознанного (говоря языком Сеченова, «темного мышечного чувства»). Возникал, однако, другой вопрос: что же именно ощущается благодаря раздражению мышцы? Согласно версии физиологов ощущается состояние органа, т.е. мышцы как таковой. Сеченов же высказал идею (которую, как он писал, «выносил около самого сердца») о том, что посредствам мышечного чувства познаются свойства внешней, объективной среды, в которой совершается действие, или точнее: пространственно-временные параметры этой среды.

Тем самым взамен «круга между мозгом и мышцей», то есть модели, которая ограничивала самоорганизацию замкнутой системой организма (импульсы поступают из мышц в нервные центры, откуда в свою очередь направляются импульсы к мышцам, последние сообщают о достигнутом эффекте в центры и т.д.) вырисовался иной «круг». Это был большой «круг», реализующий системное отношение «организм – среда», в котором мышцы выполняли функцию посредника – органа познания среды, несущего информацию о ней, а не о собственном состоянии.

К этому следует присоединить другое сеченовское положение, возлагавшее на мышцу работу по анализу и синтезу внешних объектов, их сравнению и построению умозаключений («элементов мысли»), ведущих к появлению расчлененных чувственных образов.

В итоге отношение «организм – среда» оборачивалось в сеченовской интерпретации отношением «организм – выстраиваемый им сенсомоторный образ среды – сама среда как независимая от организма и его действий реальность».

Вводя среднее звено, Сеченов переходил от биологии к психологии, видя в ее явлениях непременный фактор жизни на уровне поведения.

До сих пор речь шла о внешнем поведении. Однако издавна полагалось, что своеобразие психологии предопределено представленностью в изучаемой ею предметной области особых внутренних явлений, незримых никем, кроме субъекта, способного к самоотчету о них.

Ни учение Дарвина об адаптации организма к внешней среде, ни учение Бернара о среде внутренней не содержали идейных ресурсов для реализации принципа системности применительно к психической регуляции поведения.

Первым эту задачу решил Сеченов. Опорным для него послужило уже рассмотренное центральное торможение. Оно оказалось причастным к разряду тех механизмов, которые способны выполнять двойную службу. В физиологии оно объясняло «самоподвижность» (см. выше), в психологии – процесс преобразования внешнего поведения во внутреннее (этот процесс получил впоследствии имя «интериоризации»).

Начиная свой путь в психологии, Сеченов предложил ставшую некогда популярной формулу, согласно которой мысль не что иное, как рефлекс, оборванный на завершающей двигательной фазе. Иначе говоря — «две трети рефлекса». Но из факта «обрыва» (торможения) работы мысли вовсе не следовало, что она бесследно гаснет. Эффект этой работы, произведенной в жизненных встречах организма со средой, сохраняется в мозгу (в виде теперь уже неосознаваемого субъектом, добытого благодаря его предшествующим действиям образа этой среды). Это и есть тот сенсомоторный и интеллектуальный опыт, который организует каждую последующую жизненную встречу.

Сеченов детально разобрал процесс интериоризации на феномене зрительного мышления, главной операцией которого (как и других актов мышления) является сравнение. Оно возникает благодаря тому, что глаза «бегают» по предметам, непрерывно сопоставляя один с другим. При этом «умственные образы предметов как бы накладываются друг на друга».

Однако в тех случаях, когда глаза воспринимают один предмет, непременно совершается процесс сравнивания. Наличный предмет сравнивается с запечатленной в сознании меркой. В какой же форме представлена эта, теперь уже умственная, мерка? В форме движений (которые для Сеченова всегда выступали как сенсомоторные, а не чисто моторные акты). Но на этот раз не внешних, явных, как при реальном сравнении работающим глазом двух предметов, а внутренних, скрытых. Когда же в теле репродуцируется какой-нибудь психический акт, это означает просто-напросто, что акт повторяется целиком, следовательно для случая зрительного представления воспроизводятся и те движения, которые обыкновенно употребляются глазом при рассматривании предмета. Эти-то движения, падая теперь на реальный образ, и представляют реальный субстрат того, что мы выражаем словами: «соизмерение представлений».

Учитывая сказанное Сеченовым о том, как созидается из внешних

отношений действующего организма с окружающими предметами система его внутренних, скрытых отношений, можно было бы назвать эту систему своего рода внутренней средой. Поскольку, однако, этот термин закрепился за учением Бернара о саморегуляции внутренней среды организма как чисто физиологической системы, назовем систему внутренних отношений интрапсихическим планом поведения.

В интрапсихической среде воспроизводится и преобразуется экстрапсихическая, то есть система реальных, открытых для объективного наблюдения сенсомоторных действий. К этому следует присоединить и то, что общение организма с предметами внешней, физической среды Сеченов отграничил от присущего человеку социального общения, эффектом которою является индивидуализация субъекта, приобретения им собственного Я. По образу людей (матери или няньки), регулировавших своими командами («голосами») его действия в первую пору жизни, ребенок выкраивает представления о самом себе как внутреннем центре, откуда теперь исходят собственные команды, автором которых является он сам.

Естественно, что это требовало перехода от биологии к микросоциологии. И все последующие концепции, использовавшие представление об интериоризации как объяснительный принцип (в частности, концепции Фрейда, Жане и Выготского), имели в виду именно внутреннюю (преобразованную) проекцию в психике отдельного индивида тех его отношений с другими людьми, которые некогда складывались объективно, на внешней «сцене» их поведения.

У Сеченова этот момент являлся производным от фундаментальной системы операций, укорененной в специфике биологических отношений организма со средой.

Итак, в середине XIX века сложился третий (после Аристотеля и Декарта) системный способ объяснения психики. Он был создан биологами. Прежде всего Дарвином, для которого, правда, системным объектом являлся не индивид, а вид в его истории адаптации к среде. В то же время, поскольку индивид является для революционной биологии одним из экземпляров, подчиненных закономерностям целого, и на него безоговорочно распространялось требование мыслить каждое из проявлений его жизни сквозь призму системы «организм – среда».

Благодаря Бернару сложилось понятие о внутренней среде как системе, обеспечивающей выживание отдельного организма вопреки возмущающим «ударам» по нему из среды внешней.

Наконец, Сеченов (усвоивший уроки и Дарвина, и Бернара, в лаборатории которого он открыл центральное торможение) создал первую теоретическую схему психологической системы (имеющей два плана: внешний, в виде объективно данной сенсомоторной деятельности организма, и внутренний как интериоризованный (но при этом и преобразованный) «дубликат» этой деятельности).

Одной из уникальных особенностей сеченовского представления о

психологической системе являлось преодоление ее автором веками царившей над умами расщепленности явлений, относившихся к несовместимым порядкам бытия — телесному и психическому, мозгу и душе. По существу все новаторские сеченовские понятия являлись «гибридными». Понятие о мышечном фрагменте рефлекса обрело ипостась сенсомоторного действия, способного при непременном сочетании с другими совершать полноценные интеллектуальные операции.

Понятие о чувствовании (которое было принято относить к сфере сознания) выступило как особое свойство нерва, которое выполняет две функции. Оно различает внешние объекты (это считалось исключительным делом психологии) и «настраивает» мышцы на адекватную реакцию. Наконец, «тормозные центры» в головном мозгу выполняют как физиологическую функцию (обеспечивая «самоподвижность» организма, указанную выше), так и функцию интериоризации, благодаря которой экстрапсихический план поведения преобразуется в интрапсихический.

«Гениальный взмах сеченовской мысли» – так назвал И.П. Павлов схему, сопряженную с открытием центрального торможения, добавив к этому, что открытие *«произвело сильное впечатление в среде европейских физиологов и было первым вкладом русского ума в важную отрасль естествознания, только что перед этим двинутую вперед успехами немцев и французов»*.

Открытие действительно явилось физиологическим (было сделано путем раздражения таламуса). Однако теоретическая схема, для которой она стала опорой (притом единственной опорой, верифицируемой экспериментом), вошла как один из разделов в книгу, которой Сеченов дал название «Психологические этюды».

Будучи переведена на французский язык, она стала известной как во французских, так и в немецких научных кругах. К тем, кто познакомился с ней на немецком языке, по данным американских исследователей К. Прибрама и М. Джилла, относился З. Фрейд. Он перешел к теории психоанализа уже будучи крупным специалистом в области нейрогистологии и нейрофизиологии.

Соответственно принятым в этих дисциплинах взглядам, он мыслил нервную систему в терминах элементов (нейронов), заряженных нервной энергией. Перейдя к психотерапевтической работе, к изучению симптомов у своих пациентов, он объяснял эти симптомы ослаблением контроля высших нервных центров над низшими.

Вскоре Фрейд пишет оставшийся незавершенным и неопубликованным «Проект научной психологии» (1895). В нем он попытался представить нейронный механизм поведения. Среди нескольких категорий нейронов в этой схеме выделялись нейроны, «заряженные» на торможение. Благодаря им ставился барьер «первичным процессам», которые без такого барьера беспрепятственно овладевали бы поведением.

В дальнейшем в схеме классического психоанализа первичные психические процессы получили имя «либидо», имеющего инстинктивную сексуальную

природу, а с версией о торможении родилось понятие о «защитных механизмах», благодаря которым личность с ее слепыми влечениями, затормаживая их, способна выжить в социальном мире.

Идея о динамике нервных процессов возбуждения и торможения как основе саморегуляции поведения (каковой ее утвердил Сеченов) перешла в совершенно иной план. Она была переведена на язык извечного конфликта между биологическими (сведенными к неукротимой сексуальности) и социальными (заложенными в семейных отношениях времен детства) силами, разрывающими «бедное Я».

Впоследствии эта концепция привела к известной фрейдовской схеме строения психического аппарата человека как составленного из трех «враждующих» блоков: «ид – эго – супер-эго». Так обстояло дело в психологии. Что же касается нейрофизиологии, то вопрос о системном отношении «возбуждение – торможение», появившийся на научной сцене после Сеченова, перешел в эту науку, объясняя интегративную функцию центральной нервной системы н классических трудах Ч. Шеррингтона и И.П. Павлова.

Вместе с тем история науки запечатлела ряд попыток использовать это системное отношение для объяснения психологических факторов. Одна из выдающихся попыток привела к созданию модели экспериментальных неврозов в павловской школе, причем толчком к этому послужил феномен, описанный Фрейдом.

Имелся в виду невроз, вызванный у девушки столкновением противоположных мотивов[39]. Павлова это побудило поставить опыты. В этих опытах на собаках применялись раздражители, провоцирующие противоположные по своему мотивационному знаку реакции. Так, опытами М.Н. Ерофеевой было установлено, что подводимый к коже животного электрический ток, причиняющий сильную боль (разрушительный агент), оказался способным (благодаря подкреплению) вместо негативной, оборонительной реакции вызвать позитивную пищевую реакцию. Эти опыты были продемонстрированы посетившему павловскую лабораторию в 1913 г. Шеррингтону, воскликнувшему, что «теперь для него стала понятна стойкость христианских мучеников».

Другой опыт поставила павловская сотрудница Н.Р. Шенгер-Крестовникова. Перед животным ставилась задача отдифференцировать круг от эллипса (поскольку только первый подкреплялся, вызывая условную реакцию). Приближая от опыта к опыту образ эллипса к изображению круга, удавалось добиваться от животного их дифференцировки до определенной степени близости. Однако при

---

[39] *Об этом рассказано в «Павловских средах» (раз в неделю по средам Павлов собирал в 10 часов утра сотрудников своих лабораторий для обсуждения результатов опытов, а также общих проблем учения о высшей нервной деятельности). В стенограмме одной из сред записано: «Иван Петрович рассказал об описанном Фрейдом случае излечения истерического психоза» («Павловские среды». Т. 1, с. 69).*

минимальном различии между этими двумя образами собака приходила в возбужденное состояние. Исчезали вообще все дифференцировки. Павлов объяснил этот эффект «сшибкой» раздражительного и тормозного процессов.

Впоследствии этот опыт стал главной моделью для направления, занятого изучением экспериментальных неврозов. Известный невролог Р. Джерард вспоминал, как, посетив Павлова в Ленинграде, он узнал от него, что стимулом к физиологическим опытам послужило знакомство с работой Фрейда. Через неделю Джерард приехал в Вену и рассказал Фрейду о беседе с Павловым. *«Это бы мне страшно помогло,* – заметил Фрейд, – *если бы Павлов рассказал об этом несколько десятилетий раньше»*.

Фрейд, возможно, вспомнив о своем «Проекте научной психологии», где поведение объяснялось различными – раздражительными и тормозными – свойствами нервной ткани, предположил, что данные Павлова служат точным, экспериментально контролируемым доказательством правоты концепции неврозов как «сшибки» возбуждения и торможения. Однако мы видели, что Фрейд соединил с понятием о возбуждении «первичные» (сексуальные) процессы, которые тормозятся «вторичными» (исходящими от Эго с его психическими аппаратами).

Павлов объяснял конфликт в физиологических категориях, Фрейд – в психоаналитических. Оба мыслили системно. Оба вводили в объяснение системной регуляции поведения фактор торможения, открытый Сеченовым.

Согласно Фрейду, система «заряжена» энергетически (но это особая психическая энергия) и движима стремлением к разрядке накопившегося потенциала. Именно это переживается субъектом в виде чувства удовольствия. Павлов же ориентировался на принцип «уравновешивания» организма со средой, то есть использовал явление, открытое Бернаром во внутренней среде (гомеостаз), для объяснения приспособления к среде внешней. Свое первое публичное сообщение об условных рефлексах (доложенное будущим лауреатом Нобелевской премии на Международном медицинском конгрессе в Мадриде) Павлов назвал «Экспериментальная психология и психопатология на животных». К тому времени экспериментальная психология прочно завоевала место под солнцем. Психологический эксперимент обрел законные права среди других методов изучения живых существ. Но то, что Павлов вкладывал в этот, ставший популярным термин, ничего общего не имело с работой психологических лабораторий. Очень скоро Павлов откажется от этого термина.

Тем не менее существенным обстоятельством следует признать отнесенность им своих первых новаторских результатов к области психологии, а не физиологии. Но независимо от членения научных дисциплин ход и стиль его мысли определялся принципом системности, который утвердился к тому времени в новой биологии. Без этого общего принципа не было бы ни павловской исследовательской программы, ни богатства гипотез, которые повседневно проверялись как самим Павловым, так и множеством его учеников, возводивших

под его неусыпным контролем «Монблан фактов».

Свое первое программное сообщение Павлов начал с декларации о приверженности учениям Дарвина и Бернара. Именно это, как он подчеркивал, позволяет противостоять как физико-химическому редукционизму, так и витализму. Вот его собственные слова: *«Слова «целесообразность и приспособление» (несмотря на естественнонаучный, дарвиновский анализ их) продолжают в глазах многих носить на себе печать субъективизма, что порождает недоразумения двух противоположных родов. Чистые сторонники физико-химического учения о жизни усматривают в этих словах противонаучную тенденцию – отступление от чистого объективизма в сторону умозрения, телеологии. С другой стороны, биологи с философским настроением всякий факт относительно приспособления и целесообразности выстраивают как доказательство существования особой жизненной силы (витализм, очевидно, переходит в анимизм), ставящей себе цель, выбирающей средства, приспосабливающейся и т. д.»*.

Понятия о целесообразности, приспособлении, считал Павлов, должны быть непременно сохранены, но в контексте принципа системности, ибо в факте приспособления нет ничего, «кроме точной связи элементов сложной системы между собой и всего их комплекса с окружающей обстановкой».

Такая саморегуляция служит, согласно Бернару, условием свободной жизни, то есть поведения во внешней среде.

Огромным достижением Сеченова стало обоснование положения, по которому и эта свободная жизнь системно саморегулируется.

Павлову принадлежал, следующий крупный шаг на этом пути. Сохранив ориентацию на принцип рефлекса, механизм которого изначально целесообразен, он выбрал для анализа системной организации совершенно особый объект.

Еще Бернар, подчеркивал Павлов, предугадал «совершеннейшую приспособляемость слюнных желез к внешним раздражителям». Слюнные железы являются органом, соединяющим эндоэкологию с экзаэкологией биосистемы, внутреннюю среду с внешней. Действуя на границе двух сред, они определяются в своей работе как потребностью организма в сохранении гомеостаза, так и влиянием внешних раздражителей. Их особое положение, их «двуликость» позволила Павлову на небольшом, казалось бы, не столь существенном для целостного поведения органе реализовать грандиозный программный замысел: выявить факторы построения и модификации этого поведения. Именно это определило воздействие Павлова на все последующие концепции научения, памяти, приобретения опыта.

И.П. Павлов, с одной стороны, оставался на почве физиологии с ее объективными методами и нейросубстратными представлениями, с другой — разрабатывал учение об особом способе общения организма со средой, отличающемся от внутрителесных регуляций. Особенность такой формы в том, что ее образуют детерминанты, родственные психическим, но не тождественные

им. Реальность, за изучение которой принялся Павлов, потребовала ввести язык, который позволил бы отобразить особый уровень организации жизнедеятельности. Этот уровень регулируется физиологическими механизмами.

Вместе с тем он имеет особое измерение, не идентичное ни интрацеребральным процессам и отношениям, ни связям в сфере психики.

Термины павловского языка (сигнал, подкрепление, временная связь и др.) могут выступать как в физиологическом, так и в психологическом ракурсе в зависимости от того, сквозь призму каких категорий обозначаемые этими терминами реалии будут рассматриваться. С физиологической стороны они – нервный импульс, состояние центра, проторение пути и т. д. С психологической стороны они указывают на чувственный образ, ассоциацию, мотивацию. Их значение определяется языком, на который они переводятся.

Иначе говоря, Павловым был создан язык – посредник, позволивший сомкнуть два огромных царства – биологическую жизнь организма и его психическую жизнь.

Говоря о человеке как системе, Павлов бесстрашно использовал ту же метафору, которая была в ходу во времена триумфа механики. *«Человек,* – писал он, полемизируя со своими критиками из числа психологов, – *есть, конечно, система (грубее говоря – машина),.. но система в горизонте нашего современного научного видения единственная по высочайшему саморегулированию»*.

Единственность человека как системы усматривалась в том, что саморегуляцию его поведения обеспечивают две сигнальные системы. Причем обе имеют психологические корреляты в виде чувственных и умственных образов той среды, с которой (говоря павловским языком) «уравновешивается» организм. Тем самым укорененная в гомеостазе идея сохранения постоянства внутренней среды переносилась на взаимоотношения организма со средой внешней, стало быть, поскольку речь шла о человеке, и со средой социальной. Средствами же удержания постоянства системы «организм (человек) – среда» служили особые, неведомые физической природе агенты, а именно сигналы, притом непременно психологически «нагруженные».

Образ машины использовался издавна (по меньшей мере со времен Декарта, а до него испанским врачом XVI века Перейра, считавшим животных простыми машинами) как символ автоматизма работы системы. Однако до Сеченова с этим символом нераздельно сопрягалось представление об особом агенте, извне приводящем машину в действие. Сеченов, говоря о «машинности мозга», перешел к принципу саморегуляции. Этой же линии следовал Павлов.

Слово «машина» означало для них не декартов автомат, подобный помпе, перекачивающей жидкость, не энергетическую «машину», на которую ориентировался Фрейд, а устройство, оснащенное сигналами. Поскольку же сигналы различают свойства среды, в которой работает это устройство, передают информацию о них, меняющую стратегию поведения системы, то именно здесь созревали идеи, которые привели к созданию информационных машин.

Однако не новаторский павловский системный стиль мышления оказался в центре внимания не подготовленного к его восприятию научного сообщества, а модельный опыт по выработке условного слюно-отделительного рефлекса у изолированного животного. Это дало повод инкриминировать Павлову элементаризм (отказ от изучения целостного поведения), редукционизм (сведение психики к условному рефлексу), механицизм (забвение специфики биологической организации).

Между тем разработанная Павловым модель позволила надежно верифицировать в эксперименте его теоретические представления о системной организации при обретаемых живыми существами новых, непредуготовленных наличными нервными ресурсами ответов на меняющиеся условия его жизни.

Проблема научения, модификации поведения организма, стала в конце XIX – начале XX века наиболее актуальной для психологии. Наряду с направлением, созданным Павловым, в Соединенных Штатах возникло другое, у истоков которого стоял Эдвард Торндайк. За ним Павлов признал «честь первого по времени вступления на новый путь».

Между тем этот новый путь имел различные истоки (при общей установке на объективное и экспериментальное изучение механизмов приобретения новых форм поведения). Если Павлов отправлялся от Сеченова и Бернара, восприняв от первого идею сигнальной регуляции, от второго — гомеостаза, то Торндайк исходил из утвержденного Дарвином вероятностного объяснения процесса приспособления жизненных явлений к меняющимся условиям (метод «проб, ошибок и случайного успеха»).

И Павлов, и Торндайк, стало быть, преобразовывали сложившиеся в психологии стереотипы благодаря внедрению в нее идей, радикально изменивших весь строй биологического мышления. Оба исследователя изменяли сам предмет психологии. Ведь ее притязания на независимость как от философии, так и от физиологии обосновывались декларацией о том, что ее уникальным предметом служит сознание.

Павлов и Торндайк очерчивали своими открытиями иную предметную область, названную вскоре поведением. (Павлов поставил этот термин в скобки, считая его синонимом другого изобретенного им термина: «высшая нервная деятельность»).

Действующим лицом поведения выступил (в отличие от бестелесного сознания) целостный организм. В то же время, согласно павловскому пониманию целостности, последняя означала системность. И в отношении системности его позиция была непреклонной. Он был убежден, что нельзя объяснить работу системы, не выяснив, из каких блоков она состоит. Именно поэтому он сконцентрировал свои системные идеи в модели условного рефлекса, варьируя на тысячу ладов опыты, призванные объяснить закономерности ее преобразования. Между тем аналитический характер модели дал повод появившейся на научной сцене группе молодых исследователей, сделавших своим делом понятие о

«гештальте» (форме, образе, структуре), представить павловскую модель не в виде несущей свойства целого единицы, а в виде элемента, отщепленного от интегрального поведения. Само же поведение в этом случае выглядело в глазах гештальтистов механическим соединением элементов, возникшим по законам ассоциации.

Эта картина (неадекватная системному стилю мышления самого Павлова) оборачивалась дубликатом картины сознания как мозаики психических (сенсорных) элементов, комбинируемых присущими этому сознанию силами притяжения и отталкивания.

Если взглянуть на обе эти картины в исторической перспективе, то нетрудно убедиться, что они сложились в эпоху, которая предшествовала утверждению биологического понимания системности. То была эпоха первых попыток «привязать» психические явления к телесному, нервному субстрату. В физиологии тогда господствовало «анатомическое начало». Оно легло в основу исследований как чувствований, так и движений, приведя к появлению двух, хотя и «несистемных», но детерминистских учений: о специфической энергии органов чувств и о рефлекторной дуге.

Оба учения стали ступенью к открытиям следующей эпохи. Учение об органах чувств перешло в нарождавшуюся экспериментальную психологию, которая на первых порах представляла сознание сотканным из сенсорных элементов. Здесь действительно воцарились «атомизм» и механицизм. Однако экспериментальное изучение фактов сознания ставило под сомнение эту конструкцию из «кирпичиков» (ощущений) и скрепляющего их «цемента» (в облике ассоциаций).

Конструкция держалась на стремительно устаревавших представлениях о нервной системе как сцеплении (ассоциации) элементов, возбуждение каждого из которых под воздействием внешнего импульса вызывает эффект, осознаваемый как чувственное качество (ощущение света, звука и др.).

Но ведь эти отдельные ощущения даны реальному сознанию (хотя первые психологи-эксперименталисты требовали от своих испытуемых изощрить самонаблюдение до такой степени, чтобы они добрались именно до них с тем, чтобы открыть благодаря этой процедуре «атомы», из которых построен внутренний мир).

Между тем реальному сознанию даны целостные образы предметов окружающей действительности. Сперва, стремясь объяснить их появление, искали выход в том, чтобы разделить процессы сознания на элементарные (типа простейших ощущений) и высшие, творящие из этих ощущений целостные психические продукты.

Но гештальтистское направление выбрало другой путь. Под впечатлением преобразований в такой математически точной науке, как физика, где наряду с понятием о дискретных частицах (атомах) возникло радикально менявшее весь склад мышления понятие об электромагнитном поле, гештальтисты выдвинули

идею первичности психических целых, начиная от наипростейших сенсорных данных. Декларировалось, что даже на этом уровне, исходном для всего развития «ткани» сознания, она состоит не из разрозненных «нитей», но из целостностей. Поэтому нет нужды делить психические операции на элементарные и высшие, приписывая последним особую комбинаторную силу. На всех уровнях нет ничего, кроме гештальтов.

Представление о двух уровнях было унаследовано психологией от ее физиологических «предков», от закона «специфической энергии органов чувств», рожденного методологией механицизма с его «анатомическим началом» (см. выше). Именно это «начало» расщепляло, соответственно раздельности нервных волокон, содержание сознания на элементы. Психологическая «карта» сознания приобретала тем самым «точечный» характер.

Однако вопреки неадекватности этой «карты» реальному, изначально предметному сознанию она имела важное преимущество. Оно заключалось в том, что феномен сознания выступал как завершающий эффект причинного ряда. Физический стимул провоцировал возбуждение нерва, освобождая заложенную в нем энергию, которая и является сознанию в образе ощущения. Великий Гельмгольц считал этот закон не уступающим по своей непреложности законам Ньютона.

Здесь детерминизм приносился в жертву принципу системности. Приверженцы этого принципа отстаивали новое воззрение на сознание. Тем не менее они, как исследователи, претендующие на естественнонаучное объяснение психики, не могли обойти вопрос об ее отношении к внешнему миру и мозгу. И тогда им пришлось принести в жертву системности принцип детерминизма. Придав гештальту универсальный характер, они стали утверждать, что на таких же началах организованы как физическая среда, к которой адаптируется организм, так и сам этот организм. Соотношение же между физическим, физиологическим и психическим является не причинным (внешний раздражитель вызывает физиологи ческий процесс, пробуждающий ощущение), а изоморфным.

Это понятие означало, что элементы одной системы находятся во взаимооднозначном соответствии элементам другой. Скажем, топографическая карта и ее элементы изоморфны рельефу той местности, которую она воспроизводит. Одна «система» не является причиной (детерминантой) другой. Но между ними имеется подобие структур.

Отправляясь от понятия об изоморфизме, авторы гештальт-теории распространили ее и на физические процессы, и на процессы в мозговом веществе. Они надеялись тем самым выйти за пределы сознания (каким оно дано в интроспекции субъекта), включив объяснение происходящих в нем процессов и преобразований в единый континуум реального бытия. Тем самым психология, по их замыслу, сможет укорениться в семье естественных наук, стать подобной по своей точности физике.

Этот проспект вдохновлял лидеров нового направления, в частности

В. Келера (в молодости учившегося у классика новой физики Макса Планка). Уже приобретя широкую известность своими экспериментами по изучению интеллекта человекообразных обезьян (где их поведение объяснялось с новых гештальтистских позиций), Келер публикует программный труд «Физические гештальты в покое и стационарном состоянии» (1920), надеясь доказать, что в коллоидной химии действуют всеобщие законы Гештальта. Им подчинена, согласно гештальтистской версии, работа больших полушарий, где, скажем, воспринимаемому внешнему движению соответствует структурно подобное движение нервного процесса или видимой, зрительно воспринимаемой симметричной фигуре соответствует аналогичная симметрия изменений в головном мозгу и т.д.

Иначе говоря, повсеместно там, где имеются психические конфигурации, с ними коррелируют физиологические гештальты. Одни параллельны другим. Такой подход, несмотря на новейшую математическую аранжировку, воспроизводил известный со времен XVII века психофизический параллелизм. Реальные причинные отношения физического и психического подменяются математическими. Тем самым отрицается причинное влияние объективных ситуаций, в которых живет организм, на его психический строй.

Это с одной стороны. А с другой – активное воздействие сознания на эти ситуации также остается загадкой. И все же реальная значимость гештальтизма в эволюции научного знания о психике велика. Она связана с глубокой экспериментальной разработкой категории психического образа как системно организованной целостности. Благодаря этому в различных ветвях психологии были разработаны новаторские методики, посредством которых добыты факты, прочно вошедшие в основной фонд научных знаний. (Главным образом о познавательных процессах – восприятии, памяти, мышлении.)

Укреплению системного подхода к мотивации и социально-психологическим проблемам существенно способствовало представление об изначальной включенности сознания в нередуцируемый к его отдельным феноменам контекст (психологическое поле или жизненное пространство). В то же время идеи гештальт-школы, изменив общую атмосферу в психологии, внеся в нее дух системности, впитанный другими школами, побудили к критике ее методологических ориентации.

Гештальт-теория, утвердив в психологии принцип целостности, отъединила его от двух других нераздельно связанных с ним объяснительных принципов — детерминизма (причинности) и развития. Именно это и обусловило основной вектор ее критики. Одним из критиков стал Л.С. Выготский, разработавший свой вариант системной интерпретации психики. Принципиально новым в его подходе явилось включение в эту интерпретацию принципа развития как стадиального процесса, в котором доминирующую роль играют социокультурные факторы. Они представлены в виде знаково-смысловых систем, имеющих собственный, не зависимый от индивидуального сознания статус.

В этом плане взгляд на системный характер созидаемых культурой знаков казался родственным структурализму в гуманитарных науках (языкознании, языковедении), который, отрешаясь от реалий душевной жизни и уникальности личности, сосредоточен на независимых от субъекта инвариантных (устойчивых) отношениях между элементами системы (например, языка) и их преобразованиях.

Но в отличие от абстрактно-структуралистского подхода, с одной стороны, от гештальтистской версии о «поле» — с другой, Выготский понимал знаковую систему как смысловую (то есть выстроенную из значений и смыслов), а «поле», в свою очередь, как коммуникативно-смысловое, образуемое общением индивидов, оперирующих знаками, преломленными сквозь драму развития этих индивидов.

Именно это позволило ему преодолеть изъян, поразивший, по его убеждению, гештальт-теорию: ее неспособность объяснить развитие психики, происходящие в личности качественные преобразования, порождение новых форм. Одними и теми же законами структурности (группировки, центрирования, создания хорошего гештальта и т.д.) эта теория стремилась объяснить все психические формы – от инстинктов у беспозвоночных до открытий Эйнштейна (по поводу которых один из лидеров гештальтизма Вертгеймер интервьюировал создателя теории относительности).

До Выготского в тех случаях, когда знаковые системы рассматривались по отношению к человеку, их функция исчерпывалась его способностью их понимать и интерпретировать. У Выготского же они приобрели особое предназначение, выступив в роли инструментов построения из «материала» психологической системы высшего уровня, которая – согласно его представлениям – и является реальным эквивалентом сознания.

С первых шагов в психологии Выготский отверг представление о сознании как внутренней «плоскости», лишенной структурных и качественных характеристик, как вместилища явлений или процессов, сменяющих друг друга во времени. Направление пересмотра этого традиционного воззрения определялось у Выготского задачей понять сознание, во-первых, как имеющую собственное строение систему, во-вторых, как систему, которая, возникая из предсознательных психических форм, имеет свои законы преобразования.

Выготский отверг взгляд на сознание как замкнутую в себе изолированную структуру, компоненты которой (психические функции и феномены: память, мышление, эмоции, сновидение и др.) взаимодействуют между собой по ее собственным имманентным законам.

У Выготского психологическая система выступила в ее системной связи как с объектами внешнего мира, так и с нейрофизиологическими аппаратами.

На первый взгляд, он шел здесь по стопам гештальт-теории, для которой события в сфере сознания коррелируют с внешними для этой сферы физико-химическими процессами, – с одной стороны, процессами в головном мозгу – с другой.

Как уже было отмечено, это позволило гештальтистам обойти вопрос о

причинной (детерминационной) зависимости явлений сознания (какими они открываются способному наблюдать за ними субъекту) от окружающей среды и нейросубстрата поведения.

Для Выготского же решающее значение имели именно поиски этой зависимости. За исходную причину он принимал микросоциальную систему отношений, имеющую историческую природу. Внутри нее развертывается и преобразуется система психических функций: памяти, внимания, мышления, воли и др. Так, «первоначально всякая высшая функция была разделена между двумя людьми, была взаимным психологическим процессом»[40]. (Один человек говорил, другой – понимал, один – приказывал, другой – выполнял и т. п.)

С развитием системы изменялся характер связей между функциями. Так, например, согласно Выготскому (который опирался на данные не только своих экспериментов, но и работ многих западных психологов), для детей младшего возраста мыслить – значит вспоминать конкретные случаи. Но в дальнейшем в динамике функций становится ведущим звеном не память, а мышление. Причем сами понятия, посредством которых работает мышление, трактуются Выготским как системные образования, проходящие ряд эпох в своей истории, изучение которой поглотило интересы Выготского на ряд лет, приведя к важным открытиям. *«Мыслить понятиями,* – писал он, – *значит обладать известной готовой системой, известной формой мышления (еще вовсе не предопределяющей дальнейшего содержания)*[41].

Из этого явствовало: системность «формальна» в том смысле, что она есть способ организации, упорядочения психических элементов, конкретное содержательное наполнение которых может быть самым различным. Понятие о форме напоминало о структуре, названной «гештальтом». (Само слово «гештальт» буквально означало форму в ее отличии от содержания). Однако между тем, что подразумевалось под формой Выготским и гештальтистами, имелось существенное различие. По Выготскому, формы мышления творятся в тигле человеческой культуры и осваиваются по психологическим законам в онтогенезе. Согласно же гештальтизму, мышление подчинено тем же конфигурациям, которые структурируют любые объекты. Отсюда историзм этой концепции и ее неспособность объяснить стадиальность развития.

Трактовка Выготским психологической системы предполагала, как уже отмечалось, ее соотнесенность не только с социокультурной средой (которая в свою очередь поедставлялась системно в образе сплоченного знаками в особую целостность процесса общения индивидов), но и с деятельностью мозга. Соотнесенность мозга с внешним миром мыслилась И.П. Павловым опосредованной сигнальными системами. Выготский сделал следующий перспективный шаг. У него применительно к человеку павловская вторая

---

[40] *Выготский Я.С. Собр. соч. Т. 1. С. 115.*
[41] *Там же, С. 122.*

сигнальная система оборачивалась знаковой (сигнификативной).

Сигнал и знак не идентичны по своей функции. Сигнал служит различению раздражителей. Правда, занятия проблемами психиатрии побудили И.П. Павлова признать, что поведением человека правят «вторые сигналы» (речь человека). Они служат носителями особого интеллектуального содержания, поскольку «представляют собой отвлечение от действительности и допускают обобщение»[42]. Вся эта работа производится лобными отделами больших полушарий головного мозга.

Иным объективным статусом обладает система знаков. Она существует независимо от мозга, является, так сказать, экстрацеребральной. Соответственно объективным (хотя и исторически изменчивым) является значение этих знаков.

Оперируя знаками-значениями (сперва в прямом общении с другими людьми, а затем с самим собой), индивид устанавливает связи между различными пунктами головного мозга.

Межличностные отношения и действия, образующие благодаря знакам систему психических функций, создают связи (теперь уже не сигнальные, а семиотические) в больших полушариях. Не только мозг управляет человеком, но и человек – мозгом, посредством знаково-орудийных действий, меняющих природу психических функций.

«Всякая система, о которой я говорю, – отмечал Выготский, – *проходит три этапа. Сначала интерпсихологический: Я приказываю, вы выполняете; затем зкстрапсихологический – я начинаю говорить сам себе; затем интрапсихологический – два пункта мозга, которые извне возбуждаются, имеют тенденцию действовать в единой системе и превращаться в интракортикальный пункт»*. Стало быть, интрапсихологическое – это и есть интракортикальное. Однако Выготский вовсе не был приверженцем постулата о психофизиологическом тождестве. За психологией он оставлял не сводимую ни к каким другим систему психических функций. Прежнее понятие об этих функциях толковало их по типу актов или процессов, автором которых является индивидуальный субъект. При естественнонаучном подходе считалось неоспоримым, что они являются функцией мозга. У Выготского понятие о функции радикально меняло свой облик. Утверждалось, что у человека она опосредована знаком (как элементом социокультурной системы) и сама внутренне соединена с другими функциями системными отношениями, отражая которые, организуются связи в мозгу. Тем самым в модель психологической системы вводилась идея активности. Однако эта идея имела иные основания, чем в функционализме, где источником активности выступал субъект, и в гештальтизме, где источник трансформации образа полагался изначально заложенным в его собственной динамичной имманентной организации.

---

[42] *Павлов И.П. Полн. собр. соч. Т. III, Ч. 2, М., 1951, С. 232.*

Принцип системности, как можно было убедиться, пришел в новую психологию сперва из механики (образ «машины»), затем радикально изменился благодаря научной революции в биологии (утвердившей формулу «организм – среда») и физике (понятие о «поле»), наконец, выступил в интерпретации, заданной культурологией (понятие о «знаковых системах»).

В XX веке углубление системного объяснения жизненных явлений было обусловлено развитием представлений о гомеостазе. Как отмечалось, их ростки пробивались в концепции Бернара о саморегуляции процессов обмена веществ во внутренней среде.

При всей продуктивности этой концепции она рассматривала саморегуляцию только под одним углом зрения. Предполагалось, что благодаря ее механизмам живая система автоматически сохраняет свою устойчивость, не тратя на решение этой задачи специальных усилий, которые тем самым могут быть направлены на независимое от процессов в организме произвольное поведение во внешнем мире.

Между тем логика движения научной мысли требовала объяснить закономерный, причинный характер так же и этого внешнего поведения.

Первым и крупным шагом в этом направлении стало распространение принципа гомеостаза и факторов его поддержания на отношения между организмом и внешней средой. Пионером этого направления выступил Уолтер Кеннон.

Кеннон первоначально изучал процессы, которые происходят внутри тела при реакциях боли, гнева, голода, страха. Опираясь на новаторские эксперименты, он доказывал, что наряду с внешним выражением при этих реакциях включаются внутрителесные механизмы, исполненные биологического смысла, позволяющие организму выполнить главную формулу выживания. Ее можно обозначить как «борьбу и бегство».

Организм перестраивается с тем, чтобы заранее адаптироваться к угрожающим его устойчивости опасностям. Такая перестройка носит характер преднастройки. Изменения во внутренней среде телеологичны в том смысле, что происходят заблаговременно, а не в момент непосредственного действия раздражителей. Эти изменения приводят, организм в состояние боевой готовности, повышая его шансы на выживание.

Принцип гомеостаза был распространен Кенноном с биологических объектов на системы иного типа, приобретя тем самым универсальное значение. *«Не полезно ли,* – спрашивал Кеннон, – *изучать другие формы организации – промышленные, домашние и социальные – в свете организации живого тела ?»* И, отвечая на этот вопрос, писал: *«Аналогия может быть инструктивной, если взамен сравнения структурных деталей будет соотнесено выполнение функций в физиологической и социальной областях».*

Соблазну применить идею гомеостатических регуляций (в качестве удерживающих процессы внутри системы «организм – среда» на стабильном,

равновесном уровне) поддались многие исследователи. В психологии наиболее крупные достижения, вдохновленные этой идеей, принадлежали Ж. Пиаже.

Исходным для него служил принцип функционального равновесия, к которому тяготеют отношения между организмом и средой. Чтобы реализовать его применительно к психологии, следует, по его мнению, внедрить в эту науку новую биологическую парадигму, согласно которой все процессы в организме имеют адаптивную природу. Адаптация же означает не что иное, как равновесие, достигаемое взаимодействием двух факторов: ассимиляции и аккомодации. Ассимиляция – это усвоение организмом данного материала. Аккомодация – приспособление к ситуации, требующее от организма определенных форм активности. На физиологическом уровне взаимодействие носит материальный, вещественно-энергетический характер, в силу чего изменяется само вовлеченное во взаимодействие живое тело. С переходом на психологический уровень появляется особая форма адаптации. Ее можно было бы назвать поведением, если не соединить с этим термином то значение, которое придали ему бихевиористы, потребовавшие изъять из научного психологического лексикона любые «ментальные» понятия, незримые для внешнего объективного наблюдения.

Но Пиаже сосредоточился в своих многолетних исследованиях именно на этих понятиях, прежде всего – на понятии интеллекта как системы интериоризованных операций (действий) человеческого организма.

Сперва этот организм совершает внешние материальные действия, затем они интериоризируются, превращаясь в операции. Этому понятию Пиаже придал главную роль в интеллектуальной деятельности, уделив особое внимание доказательству ее системного характера.

Интериаризованные действия становятся операциями ума, только когда они координируются между собой, создавая обратимые, устойчивые и в то же время подвижные целостные структуры.

В ходе развития ребенка совершается переход интеллекта от сенсомоторных структур к структурам более высокого уровня: сперва к стадии конкретных умственных действий, затем к стадии, когда эти действия превращаются в операции и возникает способность к дедуктивным умозаключениям и построению гипотез.

Операции отличаются тем, что они обратимы (для каждой имеется противоположная, или обратная ей операция, посредством которой восстанавливается исходное положение и достигается равновесие) и скоординированы в системы.

Важное преимущество такого подхода заключалось в том, что принцип системности сочетался с принципом развития.

Другим существенным моментом в концепции Пиаже стала его установка на соотнесение психологических структур, выявленных в экспериментах, со структурами логическими. За этим крылось его убеждение в том, что какой бы абстрактный характер ни носили логические конструкции, они в конечном счете

воспроизводят, хотя и в специфической форме, реальные процессы мышления, открытые для экспериментально-психологических исследований. Последние же в трудах Пиаже ориентировались на биологическую категорию гомеостаза, ставшую для психологии в XX веке, как уже отмечалось, наиболее типичной формой воплощения принципа системности.

Преимущества этой формы и причины ее влияния на психологическую мысль заключались в том, что идея саморегуляции взаимоотношений организма со средой избавляла от диктата предшествующей функциональной психологии.

Для этого направления сознание выступало в качестве особого агента, основания деятельности которого заложены в нем самом. Попытки перейти от анализа отдельных функций (актов, процессов) сознания к его объяснению как целостности, имеющей собственную организацию, сводились к внутрипсихическим корреляциям между этими функциями. Как окружающая среда, так и сам действующий организм оказывались внешними по отношению к сознанию объектами приложения активности сознания.

Созданная логикой развития науки потребность в интеграции психических явлений свелась либо к поискам влияния одних функций на другие, либо к их сцеплению во внутрипсихическом кругу межфункциональных связей. Начальный период творчества многих психологов, воспринявших идею системности в ее образе, заданном категорией гомеостаза, говорит, что они прошли школу функционализма, разочаровавшись в ней.

В России павловское представление об «уравновешивании» организма со средой красноречиво свидетельствует о его приверженности все тому же принципу гомеостаза. Вместе с тем в России в годы, когда выступил Павлов, позиции, близкие функционализму, занимали ее ведущие психологи, в частности Н.Н. Ланге и А.Ф. Лазурский. Выдающийся ученик Лазурского М.Я. Басов опубликовал свою первую монографию под названием, открыто декларирующим его приверженность функционализму, – «Воля как предмет функциональной психологии».

Однако в методологической ориентации Басова вскоре происходит коренной перелом. Он был обусловлен новой идейной атмосферой в России, где утвердились два учения, изменившие образ психологии в стране, – учение Маркса и учение Павлова.

Учение Маркса побудило отграничить поведение от специфически человеческого способа общения индивида со средой, каковым является деятельность. Басов первым поставил вопрос о деятельности как особом, не сводимом к другим, системном образовании, имеющем свою «морфологию», включающую среди других компонентов условные рефлексы.

Трактовка деятельности как особой системы, в недрах которой формируются психические процессы, была разработана С.Л. Рубинштейном и А.Н. Леонтьевым. Попытка предпринять структурный анализ деятельности привела А.Н. Леонтьева к выделению в ней различных компонентов (таких, как

действие и операция, мотив и цель). Они были названы «единицами», которые образуют ее «макроструктуру». В то же время этот «деятельностный подход» применительно к сфере психических явлений требует выхода за ее пределы. *«Системный анализ человеческой деятельности необходимо является также анализом поуровневым. Именно такой анализ позволяет преодолеть противопоставление физиологического, психологического и социального, равно как и сведение одного к другому»*.

В середине XX столетия понятия системного анализа приобрели особую актуальность в связи с проблемами организации сверхсложных объектов, необходимостью принимать решения, касающиеся принципиально новых социоэкономических, человеко-машинных и т.п. систем. В этих решениях непременным является обращение к психологическим факторам. Но ведь эти факторы не действуют порознь, изолированно друг от друга. Они сами образуют особую систему – психологическую. Ее дальнейшая разработка столкнулась с огромными трудностями. Они были обусловлены нарастающей дивергенцией различных направлений анализа психической реальности. Каждое из них претендовало на ее единственно адекватную реконструкцию. Перспектива их взаимоориентации, а тем более синтеза становилась все более призрачной.

Картина раздробленности психологии, возникшая в начале XX века, под впечатлением конфронтации нескольких крупных школ, превратилась в фантастически пеструю мозаику множества микротеорий, оспаривающих друг у друга право на верность реальности и на способность продуктивно решать практические проблемы человеческой жизни.

Тем не менее не угасало стремление отстоять целостность предмета психологии как науки. Спасительным якорем представилось некоторым авторам обращение к метатеории систем. Гордон Олпорт стал одним из идеологов такого подхода. По видимости хаотичное скопление различных психологических концепций и моделей может быть, как он полагал, разделено на два глобальных течения психологической мысли. В одном течении доминирует установка на физический монизм и детерминизм. Это бихевиоризм, схема стимула — реакции, ортодоксальный психоанализ, кибернетика, учение о гомеостазе и об условных рефлексах, теория информации, моделирование поведения по типу работы компьютера.

Другое течение считает, что человек сам участвует в определении своей судьбы. Сюда относятся: эго-психология, персонализм, экзистенциализм, концепция мотивов, укорененных в образе Я (таких, как уровень притязаний, жизненный стиль, самоактуализация и др.). Для всех этих теорий типична ориентация на будущее, на стремление к свободе, исполненное надеждой на реализацию личностных планов.

Психология знает многое как об одном, так и о другом. И о «механическом» (детерминистском) характере человеческих действий, описываемых реактивными моделями, и о «преактивной» самоактуализации личности, ее стремлении

поддержать свое феноменологическое Я на возможно более высоком уровне.

Выход из этой критической для психологии как науки ситуации Олпорт усматривает в системном подходе, позволяющем соотнести понятия, описывающие зависимость человека от прошлого, с понятиями, говорящими об его неизбывной ориентации на будущее.

Такой подход требует трактовать систему поведения как открытую (а не замкнутую), интегрирующую «компьютерообразное» поведение со спонтанной активностью личности.

В разработке в таком духе принципа системности (Олпорт называет его «системным эклектизмом») усматривается перспектива преодоления контраверз и конфронтации, препятствующих воссозданию целостности «картины человека».

Глава 9

Принцип развития

Развитие как философский и общенаучный способ объяснения явлений, принцип развития направляет работу психологической мысли на протяжении всей ее истории.

Развитие как объяснительный принцип

Этот объяснительный принцип внутренне связан с другими регулятивами научного познания – детерминизмом и системностью. Он предполагает рассмотрение того, как явления изменяются в процессе развития под действием производящих их причин, и вместе с тем включает постулат об обусловленности преобразования этих явлений их включенностью в целостную систему, образуемую их взаимоориентацией.

Принцип развития предполагает, что изменения происходят закономерно, что переходы от одних форм к другим не носят хаотического характера даже тогда, когда включают элементы случайности и вариативности. Это выступает и при соотнесении двух основных типов развития: эволюционного и революционного. Их соотношение таково, что, с одной стороны, обеспечивается преемственность в смене уровней при самых радикальных преобразованиях процесса развития, с другой – происходит становление качественно новых форм, не сводимых к предшествующим. Тем самым становится очевидной односторонность концепций, которые либо, акцентируя преемственность, сводят новообразования в ходе развития к формам, характерным для низших этапов этого процесса, либо, акцентируя значимость революционных сдвигов, видят в появлении качественно иных, чем прежде, структур, эффект своего рода катастроф, разрывающих «связь времен». Под воздействием этих методологических установок складывались разные подходы к объяснению изменений, которые претерпевает психика в ее различных формах и масштабах – в филогенезе и онтогенезе.

Если речь идет о филогенезе, психика выступает в контексте общего хода. развития жизни на Земле как один из его факторов, от самых простейших, зачаточных ее проявлений – психика формируется как своего рода инструмент ориентации организма в среде, различения свойств среды с целью возможно более эффективной адаптации к ней посредством двигательной активности. Такое различение может быть интерпретировано как сигнальная, или информационная, функция, благодаря которой в виде сперва элементарных ощущений – чувствований, а затем все более усложняющихся когнитивных структур

(чувственных образов) организм овладевает «картиной мира», в которой ему надлежит выжить. На различных ступенях великой эволюционной лестницы образ мира решительно изменяется, обеспечивая приспособление к расширяющимся пространственно-временным параметрам среды. Само же это приспособление реализуется усложняющимися механизмами поведения – системой реальных действий, которая позволяет удовлетворить испытываемую организмом нужду (потребность) в сохранении стабильности своей внутренней среды.

Перед нами целостный акт, где нераздельно представлены: играющий сигнально-информационную роль когнитивный компонент (образ), который позволяет организовать поведенческий ответ (действие) на идущий извне вызов, и побуждение (мотив) как энергетический «заряд» и познавательной, и двигательной активности. Эта «трехзвенность» любого психического феномена на всех уровнях жизнедеятельности позволяет говорить о целостной, развивающейся психосфере (термин Н.Н. Ланге). Перед нами великий генетический ряд, все многообразие ступеней и проявлений которого пронизано единым началом. Именно это единство обеспечивает преемственность в развитии.

Аналогичная ситуация развертывается, когда мы от филогенеза переходим к онтогенезу, к психическому развитию индивида. И здесь при всех трансформациях выделяются общие для различных этапов, устойчивые, инвариантные свойства. И здесь ядром развития служит нераздельность образа – действия – мотива. На уровне же жизни человека эта триада включает в качестве неотъемлемых от нее параметров коммуникативность психических актов и их личностный характер.

Фактор преемственности в развитии породил в некоторых теоретических схемах установку на редукцию. В этом случае присущее высоким ступеням сводится к более элементарному.

Наиболее ярким примером такой редукции служит огромная по масштабам работа нескольких поколений американских психологов, идущая под эгидой бихевиоризма. Справедлив упрек в адрес бихевиоризма: человек для этого направления нечто вроде большой белой крысы. Закономерности научения, экспериментально выявленные особенности поведения животных в лабиринтах и проблемных ящиках приверженцы этого направления считают идентичными закономерностям психической регуляции деятельности человека.

Протест против этой методологической установки стимулировал поиски решений, позволяющих покончить с «зоологизацией» психологии, сосредоточиться на уникально человеческом в психическом устройстве личности. Правомерность этих поисков очевидна. Однако одному неадекватному методологическому подходу к развитию психики, а именно – редукционистскому – был противопоставлен другой, также односторонний. На этот раз от великого древа психического развития отсекался присущий человеку действительно качественно новый уровень. Для него не усматривалось никаких предпосылок в «корневой системе» нервно-психических форм, подготовивших этот уровень. Но

как бы ни отличалась по своей биологии человеческая природа, она кровно связана с общей эволюцией биосферы на нашей планете. Поэтому в методологическом плане, как свидетельствует опыт построения научных знаний о психике, продуктивен такой подход, который сочетает при изучении закономерностей ее развития идею преемственности с идеей своеобразия качественно различных ступеней.

Из истории применения принципа развития в психологии

Проблема развития психики представляла собой краеугольный камень всей психологии первой трети двадцатого столетия. Для разработки этой проблемы лейтмотивом явилось обращение к эволюционным идеям Ч. Дарвина.

И.М. Сеченов наметил задачу исторически проследить развитие психических процессов в эволюции всего животного мира. Исходя из того, что в процессе познания следует восходить с целью изучения от простого к сложному или, что то же, объяснять сложное более простым, но никак не наоборот, Сеченов считал, что исходным материалом для разработки психических фактов должны служить как простейшие психические проявления у животных, а не у человека. Сопоставление конкретных психических явлений у человека и животных есть сравнительная психология, резюмирует Сеченов, подчерки вая большую важность этой ветви психологии; такое изучение было бы особенно важно в деле классификации психических явлений, потому что оно свело бы, может быть, многие сложные формы их на менее многочисленные и простейшие типы, определив, кроме того, переходные ступени от одной формы к другой.

Позднее, в «Элементах мысли» Сеченов утверждал необходимость разработки эволюционной психологии на основе учения Дарвина, подчеркивая, что великое учение Дарвина о происхождении видов поставило, как известно, вопрос об эволюции, или преемственном развитии животных форм на столь осязательные основы, что в настоящее время огромное большинство натуралистов держится этого взгляда. Этим самым то же самое огромное большинство натуралистов поставлено в логическую необходимость признать в принципе и эволюцию психических деятельностей.

А.Н. Северцов в книге «Эволюция и психика» (1922) анализирует форму приспособления организма к среде, которую он именует способом приспособления посредством изменения поведения животных без изменения их организации. Это приводит к рассмотрению различных типов психической деятельности животных в широком смысле этого слова. Как показал Северцов, эта эволюция приспособлений посредством изменения поведения без изменения организации пошла в дивергирующих направлениях по двум главным путям и в двух типах животного царства достигла своего высшего развития.

В типе членистоногих прогрессивно эволюционировали наследственные изменения поведения (инстинкты), и у высших представителей их – у насекомых

образовались необыкновенно сложные и совершенные, приспособленные ко всем деталям образа жизни инстинктивные действия. Но этот сложный и совершенный аппарат инстинктивной деятельности является вместе с тем крайне косным: к быстрым изменениям животное приспособиться не может.

В типе хордовых эволюция пошла по другому пути: инстинктивная деятельность не достигла очень большой высоты, но зато приспособление посредством индивидуального изменения поведения стало развиваться прогресссивно и значительно повысило пластичность организма. Над наследственной приспособляемостью появилась надстройка индивидуальной изменчивости поведения.

У человека эта надстройка достигла максимальных размеров, и благодаря этому человек, как подчеркивает Северцов, является существом, приспособляющимся к любым условиям существования, создающим себе искусственную среду – среду культуры и цивилизации. С биологической точки зрения, нет существа, обладающего большей способностью к приспособлению, а следовательно, большим количеством шансов на выживание в борьбе за существование, чем человек.

Эволюционный подход получил продолжение в трудах В.А. Вагнера, который приступил к конкретной разработке сравнительной, или эволюционной, психологии на основе объективного изучения психической жизни животных.

Для понимания его принципиальной позиции интерес представляет статья «А.И. Герцен как натуралист» (1914). Здесь Вагнер развивает мысли, намеченные в ряде ранних работ, раскрывает сущность критики Герценом как шеллингианства, пренебрегавшего фактами, так и эмпиризма, представителям которого хотелось бы относиться к своему предмету совершенно эмпирически, страдательно, лишь наблюдая его. Эти столкновения субъективизма, который собственно для естествоведения ничего не сделал, с эмпиризмом и ошибочность обоих направлений увидели в ту эпоху, как считал Вагнер, только два великих писателя – Гете и молодой Герцен. Вагнер приводит слова Герцена – «без эмпирии нет науки» – и в то же время подчеркивает, что за философской мыслью Герцен признавал не меньшую важность, чем за эмпиризмом.

Вагнер писал о тех «патентованных ученых», которые ценят в науке только факты и не додумались, какую глубокую ошибку они совершают, уверяя, что теории гибнут, а факты остаются; «Факты изменяются в зависимости от теорий и в связи с ними». Факты описывал Линней, описывали те же факты Бюффон и Ламарк, но в их описании факты оказались иными. *«Для понимания их... нужно... уметь пользоваться философским методом наведения. Нужно помнить, что рядом с расчленением науки, необходимым в интересах не познания истины, а приемов и методов изучения, существует высокий научный монизм, о котором писал Герцен»*[43].

[43] *Вагнер В.Л. Герцен как натуралист // Вестник Европы. – 1914, М 9. С. 22.*

В своих исследованиях, посвященных проблемам развития психики и построенных на богатейшем фактическом материале, Вагнер никогда не оставался «рабом факта», а нередко поднимался до «высшего научного монизма», как он именовал философский материализм Герцена.

В своем двухтомном труде «Биологические основания сравнительной психологии (Биопсихология)» Вагнер противопоставляет в вопросах сравнительной психологии научному мировоззрению теологическое и метафизическое.

Теологическое мировоззрение, окончательно оформившееся, по мнению Вагнера, у Декарта, заключалось в отрицании души у животных и представлении их в виде автоматов, хотя и более совершенных, чем всякая машина, сделанная человеком. Замечая, что это мировоззрение всего ближе соответствовало христианскому учению о бессмертии души, Вагнер заключает, что его современное значение ничтожно. Он не считает обоснованными попытки возродить теологическое мировоззрение на почве антидарвинизма, указывая, что такая точка зрения представляет собою рудимент когда-то могущественной теологической философии, видоизмененной и приспособленной к данным современных биологических исследований.

Остатком прошлого является и метафизическое направление, которое пришло на смену теологическому. Вагнер называл метафизику родной сестрой теологии в ее воззрении на душу как самостоятельную сущность. Для современных метафизиков, писал Вагнер, типичны попытки примирить метафизику с наукой, приспособляя ее к добытым последнею истинам. Они уже не говорят о непогрешимости своих умозрений и пытаются доказать, что никакой противоположности между метафизическим и научным решениями «проблем духа и жизни» нет. Вагнер считает эти соображения бездоказательными, а примирение метафизики с наукой – делом невозможным и ненужным.

Научный подход в истории проблемы развития психики характеризуется, по Вагнеру, столкновением двух противоположных школ.

Одной из них присуща идея о том, что в человеческой психике нет ничего, чего не было бы в психике животных. А так как изучение психических явлений вообще начиналось с человека, то весь животный мир был наделен сознанием, волею и разумом. Это, по его определению, «монизм ad hominem (применительно к человеку), или «монизм сверху».

Вагнер показывает, как оценка психической деятельности животных по аналогии с человеком приводит к открытию «сознательных способностей» сначала у млекопитающих, птиц и других позвоночных, потом у насекомых и беспозвоночных до одноклеточных включительно, затем у растений и, наконец, даже в мире неорганической природы. Так, возражая Э. Васману, который считал, что муравьям свойственны взаимопомощь в строительной работе,

сотрудничество и разделение труда, Вагнер справедливо характеризует эти мысли как антропоморфизм[44].

Несмотря на ошибочность тех конечных выводов, к которым пришли многие ученые, проводя аналогию между действиями животных и людей, этот субъективный метод имел принципиальных защитников и теоретиков в лице В. Вундта, Э. Васмана и Дж. Роменса. Для Вагнера этот метод неприемлем даже с теми коррективами к нему, с теми рекомендациями «осторожно им пользоваться» и прочими оговорками, которые характерны для последних. *«Ни теория Роменса, ни коррективы Васмана,* — утверждает Вагнер, — *не доказали научности субъективного метода. Я полагаю при этом, что неудача их попытки является следствием не недостатка их аргументации или неполноты, их соображений, а исключительно неудовлетворительности самого метода, в защиту которого они, хотя и по разным соображениям, выступают»*[45].

Трудно назвать как в России, так и на Западе биолога или психолога, который в этот период с такой убедительностью и последовательностью разрушал бы веру в могущество субъективного метода, критиковал антропоморфизм в естествознании, как это делал Вагнер. Некоторым ученым он даже казался в этом отношении слишком резким и склонным к крайностям.

Биолог Ю. Филиппченко, как будто сочувственно излагавший отрицательную оценку Вагнером «монизма сверху», был, однако, склонен, как и Васман, ограничиваться поверхностной критикой «ходячей психологии животных». Целиком отрицать метод аналогии нельзя, считал Филиппченко, и *«без некоторого элемента аналогии с психикой человека»* невозможна никакая психология животных. Он безоговорочно подписывался под словами Васмана: *«Человек не обладает способностью непосредственного проникновения в психические процессы животных, а может заключать о них только на основании внешних действий... Эти проявления душевной жизни животных человек затем должен сравнивать с собственными проявлениями, внутренние причины которых*

---

[44] *Это место в «Биопсихологии» вызвало в 20-х годах упреки со стороны Ю. Фролова. По поводу критики Вагнером антропоморфического понимания «способности» муравьев к взаимопомощи Ю. Фролов иронически замечает, что «В. Вагнер посвящает много труда, чтобы доказать, что муравьи при совместной работе не помогают друг другу, но лишь мешают!» (Фролов Ю. Физиологическая природа инстинктов. 1925, с. 74.) Между тем исследования Вагнера действительно показали, что муравьи тащат предмет вовсе не сотрудничая друг с другом, а каждый сам по себе и, если их работа и производит впечатление согласованных действий, то лишь потому, что каждый в отдельности муравей двигается к одной и той же цели – к гнезду. Кажущаяся согласованность возникает при движении муравьев по гладкой дороге. Если же встречаются препятствия, муравьи лишь мешают друг другу. Муравьи могут и помогать, и мешать друг другу в зависимости от обстоятельств.*

[45] *Вагнер В.А.. Биологические основания сравнительной психологии (Биопсихология). СПб.- М., 1910 – 1913. Ч. I и II, С. 38.*

он знает из своего самосознания»[46]. Далее Филиппченко утверждал, что необходимость подобных сравнений не отрицается и самим Вагнером, и приводил слова последнего о том, что объективная биопсихология для решения своих задач также пользуется сравнением психических способностей, но совершенно иначе как по материалу сравнения, так и по способу его обработки. Здесь, как видим, происходила подмена вопроса о возможности аналогии между психикой человека и психикой животных (что относится к проблеме методов сравнительной психологии) вопросом о сравнении психики животных и человека (что составляет предмет сравнительной психологии). Признавая необходимым сравнение психики человека и животных (без этого не было бы сравнительной психологии), Вагнер отрицал необходимость и возможность метода прямых аналогий с психикой человека в биопсихологии.

Другое направление, противоположное «монизму сверху», Вагнер именовал «монизмом снизу». В то время как антропоморфисты, исследуя психику животных, мерили ее масштабами человеческой психики, «монисты снизу» (к их числу он относил Ж. Лёба, Рабля и других), решая вопросы психики человека, определяли ее, наравне с психикой животного мира, мерою одноклеточных организмов.

Если «монисты сверху» везде видели разум и сознание, которые в конце концов признали разлитыми по всей вселенной, то «монисты снизу» повсюду (от инфузории до человека) усматривали только автоматизмы. Если для первых психический мир активен, хотя эта активность и характеризуется теологически, то для вторых животный мир пассивен, а деятельность и судьба живых существ сполна предопределены «физико-химическими свойствами их организации». Если «монисты сверху» в основу своих построений клали суждения по аналогии с человеком, то их оппоненты видели такую основу в данных физико-химических лабораторных исследований.

Таковы сопоставления двух основных направлений в понимании проблемы развития в психологии. Здесь схвачены принципиальные недостатки, которые для одного направления сводятся к антропоморфизму, субъективизму, а для другого – к зооморфизму, фактическому признанию животных, включая высших и даже человека, пассивными автоматами, к непониманию качественных изменений, которые характерны для высших ступеней эволюции, т.е., в конечном счете, к метафизическим и механистическим ошибкам в концепции развития.

Вагнер поднимается до понимания того, что крайности в характеристике развития неизбежно сходятся: *«Крайности сходятся, и потому нет ничего удивительного в том, что монисты «снизу» в своих крайних заключениях приходят к такому же заблуждению, к какому пришли монисты «сверху», только с другого конца: последние, исходя из положения, что у человека нет таких*

[46] *Филиппченко Ю. Предмет зоопсихологии и ее методы. // Новые идеи в философии, 1913, Сб. 10. С. 37.*

психических способностей, которых не было бы у животных, подводят весь животный мир под один уровень с вершиной и наделяют этот мир, до простейших включительно, разумом, сознанием и волей. Монисты «снизу», исходя из того же положения, – что человек в мире живых существ, с точки зрения психологической, ничего исключительного из себя не представляет, подводят весь этот мир под один уровень с простейшими животными и приходят к заключению, что деятельность человека в такой же степени автоматична, как и деятельность инфузорий»[47].

В связи с той критикой, которой подверг Вагнер воззрения «монистов снизу», необходимо коротко затронуть сложный вопрос об его отношении к физиологическому учению И.П. Павлова. Вагнер, отдавая Павлову должное (называя его «выдающимся по таланту») и сходясь с ним в критике субъективизма и антропоморфизма, тем не менее считал, что метод условных рефлексов пригоден для выяснения разумных процессов низшего порядка, но недостаточен для исследования высших процессов. Он стоял на том, что рефлекторная теория, оказываясь недостаточной для объяснения высших процессов, в такой же мере недостаточна и для объяснений основного материала сравнительной психологии – инстинктов. Физиологический механизм инстинкта пока неизвестен и к безусловному рефлексу не может быть сведен – таков его вывод.

При этом Вагнер не утрачивал детерминистической последовательности, трактуя инстинктивные действия в качестве наследственно фиксированной реакции на сумму внешних воздействий, и вместе с тем не отрицал, что в основе всех действий лежат рефлексы. Считая, что между инстинктами и разумными способностями непосредственной связи нет, Вагнер видит их общее рефлекторное происхождение. Действия инстинктивные и разумные восходят к рефлексам – в этом их природа, их генезис. Но он не приемлет механического сведения инстинктов к рефлексу. Здесь Вагнер касается исходного пункта разногласий, характерных для того времени, – вопроса о возможности или невозможности сведения сложных явлений к их составляющим. *«В таком утверждении* (что все это в сущности явления одного рода. – А.П., М.Я.)... *нет ничего неправдоподобного; но вопрос-то не в том: содействует ли такой способ решения задачи познанию истины или тормозит это познание»*[48]. *«Не ясно ли,* – продолжает он, – *что лишь идя... путем различения предметов и их анализа, мы можем подойти к выяснению истинной природы этих вещей, что всякие иные пути, стремящиеся под предлогом кажущейся однородности явлений отмахнуться от реального их различия, представляют недопустимую методологическую ошибку... Доказывать, что инстинкты представляют собою только рефлексы, не более основательно, чем доказывать, что крыло бабочки,*

---

[47] *Вагнер В.А. Биопсихология. С. 223.*

[48] *Вагнер В.А. Биопсихология и смежные науки. 1923, с. 25.*

дракона, птицы и аэроплана суть явления одного и того же рода. Они действительно однородны в качестве приспособления к полету, но совершенно разнородны по существу. То же и рефлексы с инстинктами, явления эти, с точки зрения приспособленности, однородны: и те, и другие наследственны, те и другие не целепонимательны. Но утверждать на основании частичных признаков сходства, что явления эти однородны по существу, полагать, что, изучив механизм рефлексов, мы можем познать инстинкты, т.е. установить законы их развития и отношения к разумным способностям, законы их изменения и образования, – это так демонстративно расходится с фактами, что настаивать на противном едва ли основательно»[49].

Вагнер поднимается здесь до диалектического понимания отношений между рефлексами и инстинктами (рефлексы и инстинкты и однородны и неоднородны, однородны в одном и разнородны в другом). Выше мы отмечали, что с точки зрения Вагнера инстинкты (как и «разумные действия») имеют своим источником рефлексы. Он, таким образом, различает вопрос о происхождении инстинктов и разума (здесь он на позициях рефлекторной теории) и о сведении психических способностей к рефлексам (здесь он против механицизма рефлексологов). Эта трудная проблема постоянно возникает в истории психологии, оставляя верным диалектическое решение вопроса. Это единственный проход между Сциллой субъективизма и Харибдой механицизма (отказ от признания рефлекторного происхождения разума и инстинкта – союз с субъективизмом; сведение психики к рефлексам – союз с механицизмом).

В последней, оставшейся неопубликованной работе «Сравнительная психология, область ее исследования и задачи» Вагнер вновь обращается к проблеме инстинкта, формулируя теорию колебания инстинктов (теорию флуктуации).

Продолжая подчеркивать рефлекторное происхождение инстинктов, он еще раз оговаривает иной подход к их генезису, нежели тот, который был присущ исследователям, линейно располагавшим рефлекс, инстинкты и разумные способности. Не линейно, как у Г. Спенсера, Ч. Дарвина, Дж. Роменса: рефлекс – инстинкт – разум, или как у Д.Г. Льюиса и Ф.А. Пуше: рефлекс – разум – инстинкт (в последнем случае разум подвергается редукции). По Вагнеру, здесь наблюдается расхождение психических признаков:

```
                     : ——— > инстинкт
рефлекс ——— :
                     : ———>разум
```

Для понимания образования и изменения инстинктов он использует понятие

[49] *Вагнер В.А. Биопсихология и смежные науки. С. 25.*

видового шаблона. Инстинкты, писал Вагнер, представляют не стереотипы, которые одинаково повторяются всеми особями вида, а способность неустойчивую и колеблющуюся в определенных наследственно фиксированных пределах (шаблонах), для каждого вида своих. Понимание инстинкта как видового шаблона, который наследственно складывался на длинном пути филогенетической эволюции и который, однако, не является жестким стереотипом, привело Вагнера к выводу о роли индивидуальности, пластичности и вариабильности инстинктов, о причинах, вызывающих новообразования инстинктов. Он указывает, что, помимо генезиса путем мутаций (путь к образованию типически новых видов признаков), возможен генезис путем флуктуации. Последний лежит на путях приспособления к изменяющимся условиям.

Вагнер далек от представления о том, что особь может, к примеру, делать гнездо различно, по своему усмотрению, как полагали представители классической зоопсихологии. Инстинкт особи индивидуален в том смысле, что соответствует данному колебанию или, лучше сказать, индивидуален в пределах видового шаблона (трафаретен для вида, индивидуален для особи). Совокупность колебаний инстинкта всех особей вида образует наследственно фиксированный шаблон с более или менее значительной амплитудой колебаний. Теория колебания инстинктов является ключом к выяснению генезиса новых признаков. Факты свидетельствуют, писал Вагнер, что в тех случаях, когда уклонение колебания от типа зайдет за пределы его шаблона, то оно становится в условия, при которых может положить начало возникновению новых признаков, если признак этот окажется полезным и даст некоторые преимущества в борьбе за существование (вследствие чего и будет поддержан естественным отбором).

Не могли не вызывать отрицательного отношения у Вагнера попытки отдельных физиологов, к которым относились в этот период некоторые павловские сотрудники (Г.П. Зеленый, Л.А. Орбели и др.) соединить метафизику с физиологией. Он писал, что физиологи, очутившись в чуждой им области отвлеченных соображений, нередко забираются в такую гущу метафизики, что можно лишь недоумевать над тем, как могут совмещаться в одном мозгу столь противоположные способы мышления.

Отрицательную реакцию вызвала у Вагнера трактовка зоопсихологии как науки сплошь антропоморфистской и субъективистской, разделявшаяся многими физиологами и самим Павловым. В этот период зоопсихолог для Павлова – тот, кто «хочет проникать в собачью душу», а всякое психологическое мышление есть «адетерминистическое рассуждение». В самом деле, в те годы, когда Павлов разрабатывал основные положения своего учения о физиологии высшей нервной деятельности, а Вагнер – биологические основания сравнительной психологии, И.А. Сикорский писал как о чем-то само собой разумеющемся об «эстетических чувствах» рыб, о «понимании музыки» у амфибий, об «интеллектуальных упражнениях» попугаев, о «чувстве благоговения у быков». Подобный антропоморфизм был в равной мере чужд как Павлову, так и Вагнеру.

Субъективные расхождения Павлова и Вагнера исторически объясняются трудностью решения многих философских проблем науки и прежде всего проблемы детерминизма. В результате один из них, Вагнер, неправомерно связывал другого с чисто механистической физиологической школой, а другой, Павлов, так же неправомерно не делал никаких исключений для зоопсихологов, стоящих на антиантропоморфистских позициях.

Объективную общность позиций Павлова и Вагнера подметил еще в дооктябрьские годы Н.Н. Ланге. Критикуя психофизический параллелизм, или «параллелистический автоматизм», физиологов-механицистов, Н.Н. Ланге выдвинул аргументы, заимствованные из эволюционной психологии. Он указывал, что «параллелистический автоматизм» не может объяснить, каким образом и почему развилась психическая жизнь. Если эта жизнь не оказывает никакого влияния на организм и его движения, то теория эволюции оказывается неприменимой к психологии. *«Эта психическая жизнь совершенно не нужна организму, он мог бы так же действовать и при полном отсутствии психики. Если же мы придаем психической жизни биологическую ценность, если в развитии ее видим эволюцию, то эта психика уже не может быть бесполезной для самосохранения организма»* [50].

В своей «Психологии» Ланге отделяет взгляды Павлова от механистической системы «старой физиологии» и показывает, имея в виду школу Павлова, что в «самой физиологии мы встречаем ныне стремление к расширению старых физиологических понятий до их широкого биологического значения. В частности, такой переработке подверглось понятие о рефлексе – этой основе чисто механического толкования движений животного»[51].

Таким образом, Ланге уже тогда увидел, что механистическая концепция рефлекса, восходящая к Декарту, подвергается переработке в павловском учении об условных рефлексах. *«Знаменитые исследования проф. Павлова относительно рефлекторного выделения слюны и желудочного сока,* – говорит Ланге, – *показали, какие разнообразные, в том числе и психические, факторы оказывают свое влияние на эти рефлексы. Прежнее упрощенное понятие о рефлексе как о процессе совершенно независимом от психики оказывается, в сущности, догматичным и недостаточным»*[52]. Ланге справедливо сближает Павлова не с физиологами-механицистами, а с биологами-эволюционистами.

Критикуя антропоморфизм и зооморфизм в сравнительной психологии, Вагнер разработал объективные методы изучения психической деятельности животных. Исходя из генетического родства животных форм,

---

[50] *Ланге Н.Н. Психология, 1914 // Итоги науки. Т. VIII. С. 89.*

[51] *Ланге Н.Н. Психология, 1914 // Итоги науки. Т. VIII. С. 90.*

[52] *Там же. С. 89.*

натуралист-психолог, по мнению Вагнера, должен сравнивать психические проявления данного вида с таковыми не у человека, а у ближайших в эволюционном ряду родственных форм, от которых это сравнение можно вести и далее. Основные зоопсихологические труды Вагнера построены на применении этого объективного метода и являются свидетельством его плодотворности.

Сравнительно-генетический подход к проблемам психологии вызвал непреходящий интерес к идеям и трудам Вагнера у Л.С. Выготского. Знакомство с неопубликованной перепиской (1928 – 1933) этих двух ученых (к сожалению, письма Вагнера к Выготскому не сохранились, и об их содержании можно судить лишь по ответам последнего) свидетельствует об огромном влиянии, которое оказывал Вагнер на своего молодого коллегу.

Задавшись целью проследить происхождение и развитие психических функций, Выготский обращается к трудам Вагнера. Именно у него Выготский находит положение, которое признает «центральным для выяснения природы высших психических функций, их развития и распада», – понятие «эволюции по чистым и смешанным линиям». Появление новой функции «по чистым линиям», т.е. возникновение нового инстинкта, разновидности инстинкта, который оставляет неизменной всю прежде сложившугося систему функций, – это основной закон эволюции животного мира. Развитие функций по смешанным линиям характеризуется не столько появлением нового, сколько изменением структуры всей прежде сложившейся психологической системы. В животном мире развитие по смешанным линиям крайне незначительно. Для человеческого же сознания и его развития, как показывают исследования человека и его высших психических функций, подчеркивает Выготский, на первом плане стоит не столько развитие каждой психической функции («развитие по чистой линии»), сколько изменение межфункциональных связей, изменение господствующей взаимозависимости психической деятельности ребенка на каждой возрастной ступени. *«Развитие сознания в целом заключается в изменении соотношения между отдельными частями и видами деятельности, в изменении соотношения между целым и частями»*[53].

Развитие психики и развитие личности. Проблема ведущей деятельности

Обращение к современной психологической литературе свидетельствует, что понятие личности, как справедливо отмечала Л.И. Божович, часто оказывается синонимом то сознания, то самосознания, то установки, то психики вообще. Очевидно, здесь заключается одна из причин того, что понятие «развитие личности» и понятие «развитие психики» (или, что то же самое, «развитие

[53] *Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960. С. 369.*

психики личности», «психическое развитие личности») оказывались поставленными в один синонимический ряд. Вопрос о несовпадении и вообще о соотношении понятий «развитие личности» и «развитие психики» в онтогенезе до последнего времени в литературе по психологии фактически не был поставлен[54]. Многие психологи использовали эти понятия как синонимы в одном и том же контексте, не учитывая, что за постановкой одного понятия вместо другого скрывается изменение его значения и смысла. В литературе начала восьмидесятых годов приводится ряд концепций возрастного развития без дифференциации предметов анализа – психического и личностного типов развития.

Отсутствие общепринятой психологической концепции личности и в самом деле не могло не сказаться на разработке теории развития личности – богатство эмпирических исследований в возрастной психологии само по себе не могло обеспечить интегрирования представлений о личности как некотором едином целом, как системном и социальном качестве индивида. Однако при попытке описать процесс развития личности, как правило, его подменяют процессом «психического развития» или, во всяком случае, не различают их. В результате формирование личности растворяется в общем потоке психического развития ребенка как индивида. Очевидное несовпадение, нетождественность понятий «индивид» и «личность», как и понятий «психическое развитие» и «развитие личности», при всем их единстве подсказывает необходимость выделения особого процесса формирования личности как социального, системного качества индивида, субъекта системы человеческих отношений.

Ряд российских психологов в понимании возрастного развития исходят из специфики функционирования ведущей деятельности, соотношения ее компонентов на том или ином возрастном этапе. Так, детство разделялось на эпохи с последовательно чередующимися периодами, первый из которых характеризуется усвоением задач и развитием мотивационно-потребностной стороны деятельности, а второй – усвоением способов деятельности. При этом каждому периоду соответствует четко фиксированная для него «ведущая деятельность»: непосредственно-эмоциональное общение (от рождения до 1 года), предметно-манипулятивная деятельность (от 1 до 3 лет), сюжетно-ролевая игра (от 3 до 7 лет), учение (от 7 до 12 лет), интимно-личностное общение (от 12 до 15 лет), учебно-профессиональная деятельность (от 15 до 17 лет).

Однако ряд вопросов, относящихся к возможности понять в свете этой концепции проблемы развития человеческой личности, требуют серьезных пояснений. В качестве примера возьмем одну эпоху – детство – и два ее периода – дошкольное и школьное детство. Не вызывает сомнений, что сюжетно-ролевая

[54] *Лишь в 1983 г. В.А. Петровский предложил развести проблемы психического развития индивида и развития личности (см.: Петровский В.А. Принцип ведущей деятельности и проблема личностнообразующих видов деятельности при переходе от детства к взрослости // Психологические условия и механизмы воспитания подростков. М. 1983. С. 20 – 33).*

игра имеет большое значение для дошкольников и в ней моделируются отношения между людьми, отрабатываются навыки, развиваются и обостряются внимание, память и воображение. Одним словом, важность игры дошкольника для развития его психики не требует новых доказательств. Вместе с тем трудно предположить, что в дошкольном возрасте возникает уникальная и маловероятная ситуация (никогда более не повторяющаяся в биографии человека), когда его личность конструируют не реальные поступки, а проигрывание поступков других.

Для формирования личности необходимо усвоение образцов поведения (действий, ценностей, норм и т,д.), носителем и передатчиком которых уже на самых ранних стадиях онтогенеза может быть только взрослый. А с ним ребенок вступает чаше всего отнюдь не в игровые, а во вполне реальные жизненные связи и отношения. Исходя из предположения, что личностнообразующим потенциалом в дошкольном возрасте обладает игра, трудно понять воспитательную роль семьи, общественных групп, отношений, складывающихся между взрослыми и детьми, которые в большинстве случаев также являются вполне реальными, опосредствованными содержанием той деятельности, вокруг которой они формируются. Родителям, воспитательницам детсада личность ребенка открывается именно через его деяния, а не через исполнение ролей в игре.

Л.С. Выготский сформулировал фундаментальную идею, указав, что обучение «забегает вперед развития», опережает и ведет его. В этом отношении обучение, взятое в самом широком смысле слова, всегда остается ведущим, осуществляется ли развитие человека (дошкольника, школьника, взрослого) в игре, учении или труде. И нельзя представить себе, что на каком-то возрастном этапе эта закономерность действует, а на каком-то утрачивает свою силу. Разумеется, учебная деятельность является главенствующей для младшего школьника – именно она детерминирует развитие его мышления, памяти, внимания. Однако, будучи обусловлена требованиями общества, она остается ведущей для его развития по меньшей мере вплоть до окончания школы. Между тем, если верить приведенной схеме периодизации, для 12-летнего возраста учение заведомо утрачивает свою ведущую роль и уступает место интимно-личностному общению. Впрочем, это можно понять так: сохраняя свое объективное значение, именно в 12 лет учение лишается для школьника личностного смысла.

Следует различать собственно психологический подход к развитию личности и строящуюся на его основе периодизацию возрастных этапов и педагогический (деонтический) подход к последовательному вычленению социально обусловленных задач формирования личности.

Первый подход ориентирован на то, что реально обнаруживает психологическое исследование на ступенях возрастного развития в соответствующих конкретно-исторических условиях: что есть («здесь и теперь») и что может быть в развиваюшейся личности в условиях целенаправленных воспитательных воздействий. Второй под ход ориентирован на то, что и как

должно быть сформировано в личности, чтобы она отвечала всем требованиям, которые на данной возрастной стадии предъявляет к ней общество. Именно второй – собственно педагогический – подход позволил описать иерархию деятельностей, которые, как предполагалось, на последовательно сменяющихся этапах онтогенеза должны выступать как ведущие для успешного решения задач обучения и воспитания.

Вместе с тем существует опасность смешения обоих подходов, что в отдельных случаях может вести к подмене действительного желаемым. Складывается впечатление, что определенную роль здесь играют чисто терминологические недоразумения. Термин «формирование личности» имеет двоякий смысл: во-первых, он означает развитие личности, процесс и результат этого развития; во-вторых, он означает целенаправленное воспитание (если можно так сказать, «формирование», «формовка», «проектирование», «лепка»). Если утверждается, к примеру, что для формирования личности подростка ведущей является «общественно полезная деятельность», то это отвечает второму значению термина «формирование». В так называемом формирующем психолого-педагогическом эксперименте позиции педагога и психолога совмещаются. Однако при этом не следует стирать разницу между тем, что следует формировать (проектирование личности) психологу как педагогу (цели воспитания задаются, как известно, не психологией, а обществом) и что должен исследовать педагог как психолог, выясняя, что было в структуре развивающейся личности и что стало в ней в процессе педагогического воздействия.

Методологически не допустимое неразличение понятий «личность» и «психика» оказалось одной из основных причин деформации некоторых исходных принципов в понимании движущих сил развития личности. Если учесть, что проблема развития остается приоритетной для психологии начиная с 30-х годов, становится очевидным, что эти причины должны стать предметом специального теоретического и историко-психологического анализа.

Л.С. Выготским в 1930 г. была сформулирована идея социальной ситуации развития – *«системы отношений между ребенком данного возраста и социальной действительностью»* – как исходного момента для всех динамических изменений, происходящих в развитии в течение данного периода и определяющих *«целиком и полностью те формы и тот путь, следуя по которому ребенок приобретает новые и новые свойства личности»*[55]. Этот тезис Выготского принят как важнейший теоретический постулат для концепции развития личности. В педагогической и возрастной психологии он не только никогда не опровергался, но и постоянно использовался как основополагающий. Однако наряду с ним, а с 1944 г. фактически вместо него в качестве исходного момента для объяснения динамических изменений в развитии фигурирует принцип «ведущего типа

[55] *Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 4. М., 1984. С. 258 – 259.*

деятельности».

В советский период возрастная и детская психология имела достаточно четко выраженную когнитивную ориентацию и конкретная проблематика развития психики затачивалась на оселке экспериментального исследования когнитивных процессов. Полученные при этом результаты, связанные с выявлением закономерностей развития перцептивных, мнемических и интеллектуальных процессов (логической функции, памяти, понятийного мышления – Л.С. Выготский, П.П. Блонский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, П.И. Зинченко, А.А, Смирнов; интеллекта и речи – А.Р. Лурия; умственных действий – П.Я. Гальперин, Н.Ф. Талызина; восприятия – А.В. Запорожец, В.П. Зинченко; учебной деятельности – Д.Б. Эльконин; содержательного обобщения – В.В. Давыдов и т.д.), обеспечили психологии признание. Конечно, значение воли и аффекта никто не отрицал, но их изучение не шло ни в какое сравнение с масштабом исследования познавательной деятельности. Тем более что на протяжении многих лет (30 – 60-е годы) в тени оставались социально-психологические аспекты изучения личности как субъекта системы социальных связей, как системного качества индивида.

Итак, происходила невольная подмена понятий, а по существу – последовательное сведение развития личности к развитию психики, а развития психики – к развитию перцептивных, мнемических и интеллектуальных процессов. В этом контексте становится понятным выдвижение на первый план в качестве основного фактора развития «ведущего типа деятельности». Действительно, для формирования когнитивных процессов основным фактором («ведущим типом деятельности»), обусловливающим их развитие, является для дошкольного возраста преимущественно игровая деятельность, в которой формируются воображение и символическая функция, обостряется внимание, а в школьном возрасте (от первого класса до последнего, а не только в начальной школе) – учебная деятельность, связанная с усвоением понятий, навыков и умений оперирования ими. Обучение действительно ведет за собой развитие. Конечно, если свести развитие личности к развитию психики, а последнее – к развитию когнитивных процессов, то в результате такой двойной редукции можно будет обозначить (как это и зафиксировано в психолого-педагогической литературе) игру и учение как «ведущие типы деятельности» для развития целостной человеческой личности.

Методологическая несостоятельность подобного подхода, который приобрел характер истины, не требующей доказательств, слишком очевидна.

Важно принять во внимание следующее. Детская психология не располагает никакими экспериментальными доказательствами того, что можно выделить один тип деятельности как ведущий для развития личности на каждом возрастном этапе – например, для дошкольного возраста или для трех школьных возрастов. Все это всегде было результатом умозрительных построений. И это понятно. Для получения убедительных доказательств необходимо построить ряд специальных

экспериментальных процедур и провести значительное количество исследований внутри каждого возрастного периода, чтобы сравнить по горизонтали и по вертикали возрастного развития реальную значимость каждого из многочисленных типов деятельностей, в которые вовлечены дети, для развития их личности. Масштабы, методологические и методические трудности решения такой задачи превосходят возможности воображения исследователя.

Обсуждая соотношение развития психики и личности, мы исходим не только из того, что при единстве этих процессов они не являются тождественными. Хотя процесс развития психики является важнейшим компонентом (стороной, аспектом) развития личности человека, включенного в систему социальных отношений, развитие личности этим не исчерпывается. Изменение статуса личности, обретение престижа и авторитета, исполнение различных социальных ролей, самоопределение, интеграция в группах и т.д. не могут быть описаны только со стороны развития психики и не могут быть сведены к этому развитию. Поэтому периодизация развития в онтогенезе – это прежде всего периодизация развития личности как более общей психологической категории.

Общий вывод, который, как минимум, мог бы быть сделан на основе изложенного: необходимо различать образующие единство, но не совпадающие процессы развития психики и личности индивида в онтогенезе. Реальное, а не желаемое развитие личности обусловливается, как можно думать, не одной ведущей деятельностью, а, по меньшей мере, комплексом актуальных форм деятельности и общения, интегрированных типом активных взаимоотношений развивающейся личности и ее социального окружения. В многочисленных экспериментальных работах психологов они выступают и раскрываются именно в таком контексте.

Критическое рассмотрение теоретических представлений о развитии личности порождает необходимость искать новые пути к его пониманию. Трактовка личности как системного социального качества индивида подсказала обращение к социальной психологии и поиск в этой области детерминант развития личности.

Периодизация развития личности

Источником развития и утверждения личности выступает возникающее в системе межиндивидных отношений (в группах того или иного уровня развития) противоречие между потребностью индивида быть представленным в группе значимыми для него чертами и достоинствами и объективной заинтересованностью данной общности, референтной для индивида, принимать те проявления его индивидуальности, которые соответствуют задачам, нормам и условиям функционирования и развития этой общности.

В самом общем виде развитие личности человека можно представить как

процесс ее вхождения в новую социальную среду и интеграции в ней. Идет ли речь о переходе ребенка из детского сада в школу, подростка – в новую компанию, абитуриента – в трудовой коллектив, призывника – в армейское подразделение, или же говорится о личностном развитии в глобальных масштабах – в его долговременности и целостности от младенчества до гражданской зрелости, мы не можем себе мыслить этот процесс иначе, как вхождение в общественно-историческое бытие, представленное в жизни человека его участием в деятельности и общении различных групп.

Мера стабильности этой среды различна. Только условно мы можем принять ее как постоянную, неизменяющуюся. В действительности она претерпевает закономерные изменения, обусловленные социально и вместе с тем зависящие от активности осваивающих ее людей. Поэтому есть основания строить первоначально не одну, а две модели развития личности и только затем перейти к их обобщению в единой модели.

Первая рассчитана на относительно стабильную социальную среду, и тогда развитие личности в ней подчинено внутренним психологическим закономерностям, которые с необходимостью воспроизводятся относительно независимо от специфических характеристик той общности, в которой совершается развитие: и в первых классах школы, и в новой компании, и в производственной бригаде, и в воинском подразделении они будут более или менее идентичны. Этапы развития личности в относительно стабильной общности назовем фазами.

Вторая модель предполагает становление личности в изменяющейся среде. Например, сравнительно плавно протекающее развитие личности в условиях старших классов средней школы претерпевает изменение при переходе в производственную бригаду или воинское подразделение. Особенности интеграции индивида в общностях разного уровня развития подчинены специфическим для данных групп социально-психологическим закономерностям, и экстраполяция их на группы иной степени развития может привести к серьезным теоретическим ошибкам и неверным практическим решениям. Этапы развития личности в изменяющейся социальной среде назовем периодами ее развития.

В том случае, если индивид входит в относительно стабильную социальную общность или в этой общности меняется его позиция, он закономерно проходит три фазы своего становления в ней как личности (или, что не меняет сути дела, утверждения себя как личности). В результате у него возникают соответствующие личностные новообразования. На рис. 1 изображена модель развития личности в группе (П – потребность быть личностью, С – способность, И – источник, Р – результат; стрелка со сплошной линией – просоциальное развитие личности, стрелка с пунктиром – асоциальное).

Первая фаза становления личности предполагает усвоение действующих в общности норм и овладение соответствующими формами и средствами деятельности. Принеся с собой в новую группу все, что составляет его

индивидуальность, субъект не может осуществить потребность проявить себя как личность раньше, чем освоит действующие в группе нормы (нравственные, учебные, производственные) и не овладеет теми приемами и средствами деятельности, которыми владеют другие члены группы. У него возникает объективная необходимость «быть таким, как все», максимально адаптироваться в общности. Это достигается (одними более, другими менее успешно) за счет субъективно переживаемых утрат некоторых своих индивидуальных отличий при возможной иллюзии растворения в «общей массе». Субъективно – потому что фактически индивид зачастую продолжает себя в других людях своими деяниями, изменениями мотивационно-смысловой сферы других людей, имеющими значение именно для них, а не для него самого. Объективно он уже на этом этапе может при известных обстоятельствах выступить как личность для других, хотя в должной мере и не осознавая этот существенный для него факт. При этом в групповой деятельности могут складываться благоприятные условия для возникновения новообразований личности, которых до этого не было у данного индивида, но которые имеются или уже складываются у других членов группы и

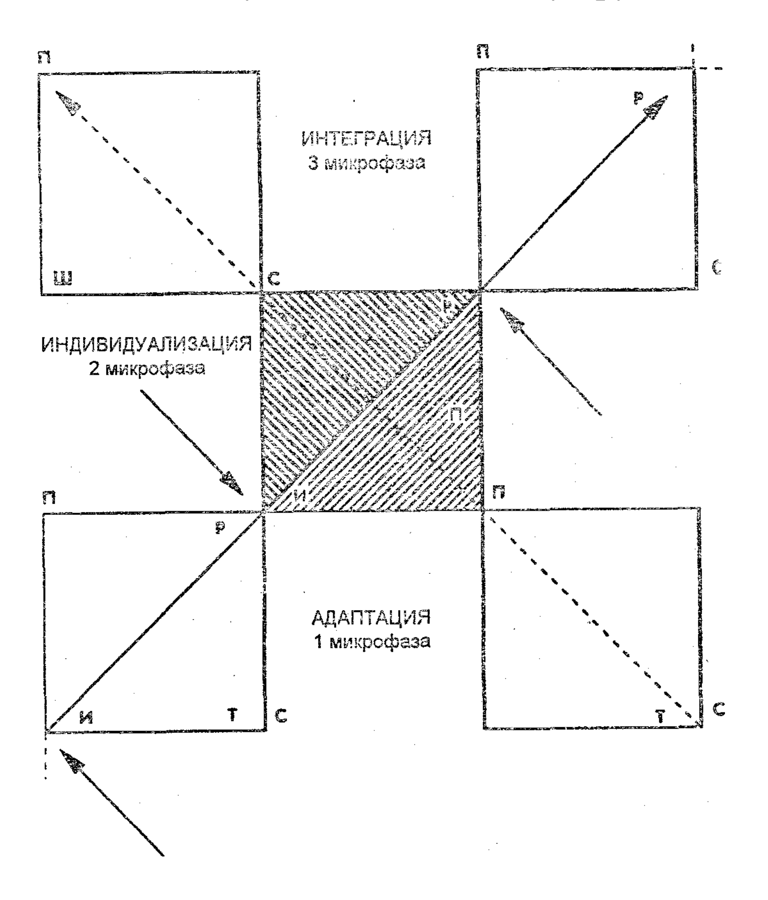

Рис. 1

и которые соответствуют уровню группового развития и поддерживают этот уровень. Обозначим эту первую фазу как фазу адаптации.

Вторая фаза порождается обостряющимся противоречием между

достигнутым результатом адаптации – тем, что он стал таким, как все в группе, – и не удовлетворяемой на первом этапе потребностью индивида обнаружить свою индивидуальность. Эта фаза характеризуется поиском средств и способов для обозначения своей индивидуальности. Так, подросток, попавший в новую для него компанию старших ребят и первоначально стремившийся ничем не выделяться, старательно усваивавший принятые в ней нормы общения, лексику, стиль одежды, общепринятые интересы и вкусы, справившись, наконец, с трудностями адаптационного периода, начинает смутно, а иногда и остро осознавать, что, придерживаясь этой тактики, он как личность утрачивает себя. В этом случае подросток мобилизует все свои внутренние ресурсы для деятельностной трансляции своей индивидуальности (начитанность, спортивные успехи, «бывалость» в отношениях между полами и т.д.). Обозначим эту вторую фазу как фазу индивидуализации.

Третья фаза детерминируется противоречиями между сложившимися на предыдущей фазе стремлением субъекта быть представленным своими особенностями и значимыми для него отличиями в общности и потребностью общности одобрять и культивировать лишь те индивидуальные особенности, которые ей импонируют. В результате выявившиеся отличия принимаются и поддерживаются группой и тем самым закрепляются в качестве индивидуально-психологических черт – происходит интеграция личности в общности.

Отметим, что интеграция наблюдается и тогда, когда не столько сам индивид приводит в соответствие с потребностями общности свою потребность проявить себя как личность, сколько общность трансформирует свои потребности в соответствии с потребностями индивида, занимающего в этом случае позицию лидера. Впрочем, взаимная трансформация личности и группы всегда так или иначе происходит. Если противоречие между индивидом и группой оказывается неустраненным, возникает дезинтеграция, имеющая следствием либо вытеснение личности из данной общности, либо ее изоляцию в ней, что ведет к закреплению характеристик эгоцентрической индивидуализации, либо ее возврат на более раннюю фазу развития. Третью фазу назовем фазой интеграции личности в общности. В рамках этой фазы в групповой деятельности у индивида складываются новообразования личности, которых не было у него и, возможно, нет у других членов группы, но которые отвечают необходимости и потребности группового развития и собственной потребности индивида осуществить значимый вклад в жизнь группы.

Каждая из перечисленных фаз выступает как момент становления личности индивида в ее важнейших проявлениях и качествах – здесь протекают микроциклы ее развития. Если человеку не удается полностью преодолеть трудности адаптационного периода в устойчиво значимой для него социальной среде и вступить во вторую фазу развития (случай деиндивидуализации), у него, скорее всего, будут складываться качества конформности, зависимости, неуверенности в себе, и в своих возможностях. Если человек успешно проходит

фазу интеграции в высокоразвитой просоциальной общности, у него формируется уверенность в себе, требовательность к себе и другим и т.д.

Поскольку человек в своей жизни входит не в одну относительно стабильную и референтную для него общность и ситуации успешной адаптации, индивидуализации и интеграции (или соответственно дезадаптации, деиндивидуализации и дезинтеграции) в социальной среде многократно воспроизводятся, а соответствующие неоформации закрепляются, у него складывается достаточно устойчивая структура личности.

Сложный процесс развития личности в относительно стабильной среде еще более усложняется в связи с тем, что социальная среда в действительности не является стабильной и индивид на своем жизненном пути оказывается последовательно и параллельно включен в общности, далеко не идентичные по своим социально-психологическим характеристикам. Принятый в одной референтной группе, он оказывается неинтегрированным, отвергнутым в другом, в которую включается после или одновременно с первой. Ему снова и снова приходится утверждаться в своей личностной позиции. Таким образом, завязываются узлы новых противоречий, усложняющих и отягощающих процесс становления личности, в крайних своих проявлениях приводящих к невротическим срывам.

Помимо того сами эти референтные для него группы находятся в процессе развития, образуя динамическую систему, к изменениям которой индивид может приспособиться только при условии активного участия в воспроизводстве этих изменений. Поэтому наряду с внутренней динамикой развития личности в пределах относительно стабильной социальной общности надо учитывать объективную динамику развития тех групп, в которые включается личность, и их специфические особенности.

В связи с этим была выдвинута следующая гипотеза: личность формируется в группах, иерархически расположенных на ступенях онтогенеза; характер развития личности задается уровнем развития группы, в которую она включена и в которой она интегрирована. Наиболее благоприятные условия для формирования ценных качеств личности создает группа высокого уровня развития. На основе этого предположения может быть сконструирована вторая модель развития личности в конкретно-исторических условиях воспитания. При этом выделяются собственно возрастные этапы развития личности: ранний детский (преддошкольный) возраст (0 – 3), детсадовское детство (3 – 7), младший школьный возраст (7 – 11), средний школьный (11 – 15), старший школьный (15 – 18).

В раннем детском возрасте развитие личности осуществляется преимущественно в семье, которая в зависимости от принятой в ней тактики воспитания либо выступает как просоциальная ассоциация (при превалировании тактики «семейного сотрудничества»), либо оборачивается для ребенка зачастую совершенно не осознаваемыми родителями отрицательными сторонами, которые,

скорее, присущи более низко развитым группам (если в семье взрослые придерживаются, например, тактики «диктата» или «слепой опеки»). В зависимости от характера семейных отношений изначально складывается личность ребенка либо как нежного, заботливого, не боящегося признать свои ошибки и оплошности, открытого, не уклоняющегося от ответственности человека, либо как трусливого, ленивого, жадного, капризного себялюбца. Важность периода раннего детства для формирования личности отмечалась многими психологами, но его роль нередко мистифицировалась. В действительности ребенок с первого года своей жизни находится в достаточно развитой группе и с присущей ему активностью, связанной с особенностями его нервно-психической организации, усваивает сложившийся в этой группе тип отношений, претворяя эти отношения в черты своей формирующейся личности.

Фазы развития личности в преддошкольном возрасте имеют следующие результаты: первая – адаптацию на уровне освоения простейших навыков, овладение языком как средством приобщения к социуму при первоначальном неумении выделить свое Я; вторая – индивидуализацию, противопоставление себя окружающим («моя мама», «я мамина», «мои игрушки»), демонстрирование в поведении своих отличий от окружающих; третья – интеграцию, позволяющую управлять своим поведением, считаться с окружающими, подчиняться их требованиям.

Воспитание ребенка, начинаясь и продолжаясь в семье, с 3 – 4 лет, как правило, протекает одновременно и в детском саду, в группе сверстников под руководством воспитателя, где и возникает новая ситуация развития личности. Важно подчеркнуть, что переход на этот новый этап не определяется внутренними психологическими закономерностями (они только обеспечивают готовность к переходу), а детерминирован извне социальными причинами. Если переход к новому периоду не подготовлен внутри предыдущего успешным протеканием фазы интеграции, то здесь (как и на рубеже между любыми другими возрастными периодами) складываются условия для кризиса развития личности – адаптация в новой группе оказывается затрудненной.

Дошкольный возраст характеризуется включением ребенка в группу ровесников в детском саду, управляемую воспитательницей, которая, как правило, становится для него наравне с родителями наиболее референтным лицом. Три фазы развития личности внутри этого периода предполагают: адаптацию – усвоение норм и способов одобряемого родителями и воспитателями поведения в условиях взаимодействия с ними и детей друг с другом; индивидуализацию – стремление ребенка найти в себе нечто выделяющее его среди других детей (либо позитивно в различных видах самодеятельности, либо в шалостях и капризах – и в том и другом случае при ориентировке на оценку не столько других детей, сколько родителей и воспитателей); интеграцию – гармонизацию неосознаваемого стремления дошкольника обозначить своими действиями собственную неповторимость и готовность взрослых принять в нем только то, что

соответствует задаче обеспечения его перехода на новый этап общественного воспитания – в школу, то есть в третий период развития личности.

В младшем школьном возрасте ситуация формирования личности во многом напоминает предшествующую. Три фазы, ее образующие, дают школьнику возможность войти в совершенно новую для него группу одноклассников, которая из-за отсутствия совместно распределенной учебной деятельности имеет первоначально диффузный характер. Эта группа управляется учительницей. Последняя оказывается по сравнению с воспитательницей детского сада еще более референтной для детей в связи с тем, что она, используя аппарат отметок, регулирует взаимоотношения ребенка с другими взрослыми, прежде всего с родителями, формирует их отношение к нему и его отношение к себе «как к другому».

Примечательно, что фактором развития личности младшего школьника является не столько сама учебная деятельность, сколько отношение взрослых к его успеваемости, дисциплине и прилежанию. Максимальное значение учебная деятельность как личностнообразующий фактор, по-видимому, приобретает в старшем школьном возрасте. Третья фаза младшего школьного возраста означает, по всей вероятности, не столько интеграцию школьника в системе «ученики – ученик», сколько в системе «ученики – учительница», «ученики – родители».

Вступление в подростковый период по сравнению с предыдущими, имеет ту особенность, что не предполагает вхождения в новую группу (если не возникла референтная группа вне школы, что часто случается), а представляет собой дальнейшее развитие личности в развивающейся группе, но в изменившихся условиях (появление учителей-предметников вместо одной учительницы, возникновение дружеских компаний у старших подростков и т.д.). Сама группа становится другой. Неравномерно протекающий для мальчиков и девочек темп развития создает внутри класса две половозрастные группы. Многообразие задач в различных видах деятельности ведет к заметной дифференциации школьников.

В подростковом возрасте микроциклы развития личности протекают для одного и того же школьника параллельно в различных референтных группах, конкурирующих по своей значимости для него. Индивидуальные качества, ценимые в одной группе, отвергаются в другой, где доминируют иная деятельность и иные ценностные ориентации, блокирующие возможности успешного интегрирования в ней.

Противоречия, вызываемые межгрупповой позицией подростка, не менее важны, чем противоречия, возникающие внутри микроцикла его развития. Стремление проявить себя как личность в этом возрасте приобретает отчетливую форму самоутверждения, объясняемую относительно затяжным характером индивидуализации, поскольку личностно значимые качества подростка, позволяющие ему вписываться, например, в дружескую компанию сверстников, зачастую отнюдь не соответствуют требованиям взрослых, отодвигающих его на стадию первичной адаптации.

Процесс развития личности в группах, объединенных совместной деятельностью, – специфическая особенность юности, по своим временным параметрам выходящей за границы старшего школьного возраста, который может быть обозначен как период ранней юности. Адаптация, индивидуализация и интеграция личности в совместно-распределенной деятельности обеспечивают становление личности.

Весь дошкольный и школьный возраст входит в одну «эру восхождения к социальной зрелости». Схема «Эры восхождения к социальной зрелости» представлена на рис. 2. Стрелка со сплошной линией означает просоциальное развитие личности, стрелка с пунктиром – асоциальное, АД – адаптация, ИНД – индивидуализация, ИНТ – интеграция. Эта эра не завершается периодом ранней юности и получением аттестата зрелости, а продолжается в трудовых коллективах, где и осуществляется органическое вхождение вчерашнего школьника в права экономически, юридически, политически и нравственно зрелого человека. Впрочем, некоторые окончившие школу молодые люди выходят из нее, так и не переступив рубеж между подростковым и юношеским возрастами.

Целесообразность, а может быть, необходимость выделения «эры восхождения к социальной зрелости» требует пояснений. Если представить социальную среду в ее глобальных характеристиках как относительно стабильную, то весь путь до осуществления этой цели можно интерпретировать

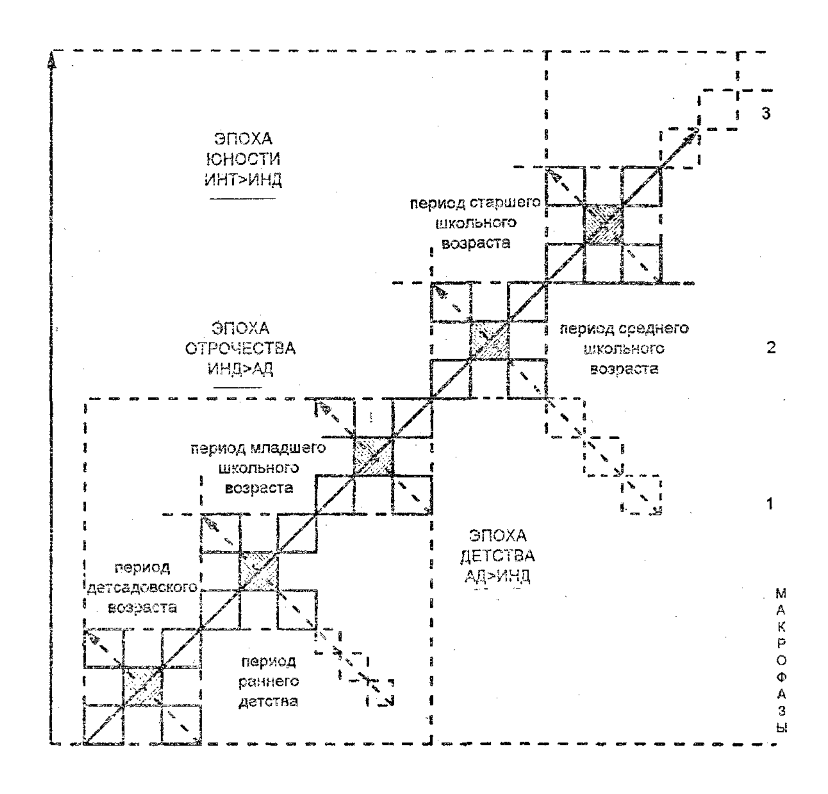

Рис. 2

как единый и целостный этап. В таком случае он в соответствии с выдвинутыми и обоснованными выше положениями предполагает три фазы развития, формирования, становления личности, ее вхождения в социальное целое – адаптацию, индивидуализацию и интеграцию.

Протяженные во времени, они выступают как макрофазы развития личности в пределах одной эры и обозначаются как три эпохи: детство (преимущественно адаптация), отрочество (преимущественно индивидуализация), юность (преимущественно интеграция). Именно таким образом дитя в конце концов превращается в зрелую самостоятельную личность, дееспособную (ту, что демографы обозначают как единицу «самодеятельной» части населения), готовую к труду, воспроизводству и воспитанию нового человека, к продолжению себя в детях. Третья макрофаза (эпоха), начинаясь в школе, хронологически выходит за ее пределы. Подчеркнем, что отрочество, как это и типично для стадии индивидуализации, выступает как эпоха перелома, обострения противоречий.

Эпохи подразделяются на периоды развития личности в конкретной среде. Некоторые, широко известные психологические учения абсолютизируют те или иные возрастные периоды развития личности, строя на основе их особые психологические концепции личности: психоаналитическая – на основе абсолютизации развития личности в раннем детстве; необихевиористские теории социального научения и теории ролей – на основе развития личности до школы и в младшей школе; гуманистическая психология с ее акцентированием самоактуализации – на основе экстраполяции подросткового самоутверждения. Таким образом, в качестве модели социально зрелого человека принимается личность индивида, еще не интегрированного в общественной жизни.

Эпоха детства – наиболее длительная макрофаза развития личности – охватывает три возрастных периода (преддошкольный, дошкольный, младший школьный). Эпоха отрочества и период подросткового возраста совпадают. Эпоха юности и период ранней юности только частично совпадают (ранняя юность ограничивается рамками пребывания в школе). Как было сказано, для первой макрофазы «эпохи детства» характерно относительное преобладание адаптации над индивидуализацией, для второй (эпоха отрочества) – индивидуализации над адаптацией, для третьей (эпоха юности) – превалирование интеграции над индивидуализацией.

ИМЕННОЙ И ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛИ

(страницы указаны по печатному изданию)

Содержание